Междисциплинарные исследования о европейской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв

Edited book / Urednička knjiga

Publication status / Verzija rada: **Published version / Objavljena verzija rada (izdavačev PDF)**

Publication year / Godina izdavanja: **2019**

Permanent link / Trajna poveznica: https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:137:233872

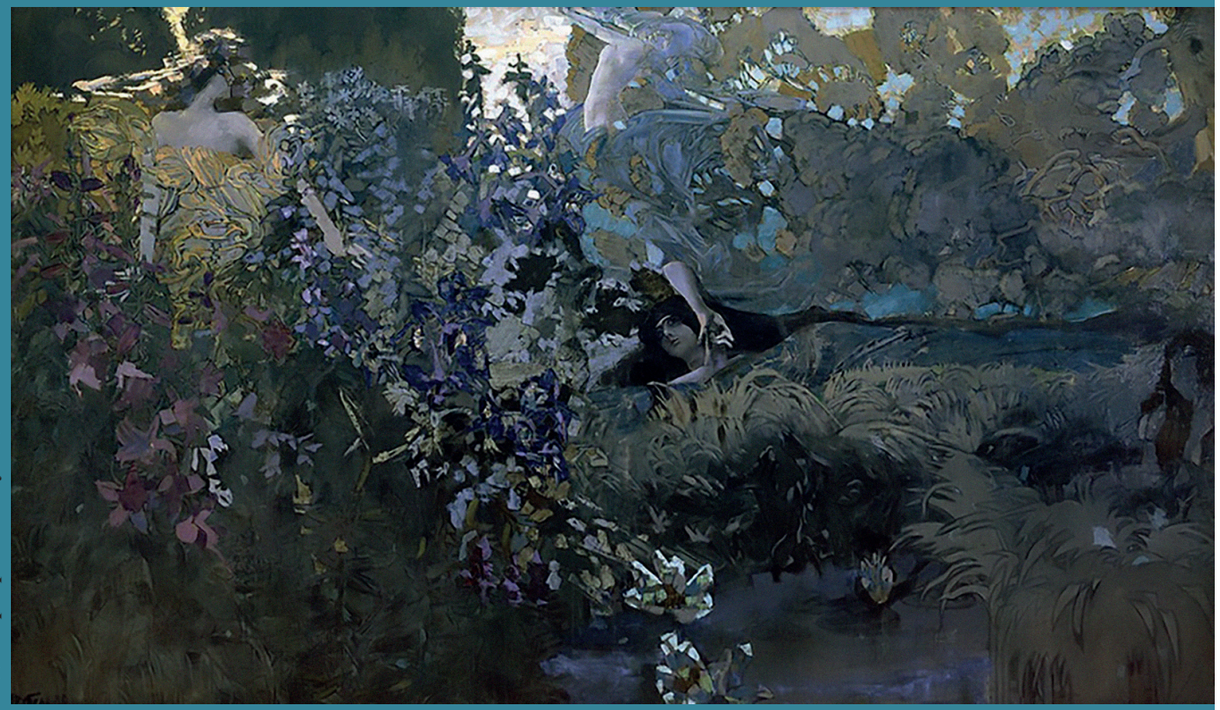
Rights / Prava: Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0 International/Imenovanje-Nekomercijalno-Dijeli pod istim uvjetima 4.0 međunarodna

Download date / Datum preuzimanja: **2024-04-26**

Repository / Repozitorij:

Digital Repository Juraj Dobrila University of Pula

Междисциплинарные исследования о европейской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв.
Редактор Ирена Микулацо



Междисциплинарные исследования о европейской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв.

Редактор
Ирена Микулацо

9 789538 278112

Цена / Cijena / Price - 100,00 кун / kn

Междисциплинарные исследования о европейской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв.

ИРЕНА МИКУЛАЦО
Редактор

Университет Пулы им. Юрая Добрилы, Хорватия

Пула, 2019 г.

Междисциплинарные исследования о европейской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв.

Издатель:
Университет Пулы им. Юрая Добрилы
Ул. Загребачка, д. 30, 52100 Пула, Хорватия

Для издателя:
Д-р экон. наук, проф. Алфио Барбиэри, ректор

Редактор:
Irena Mikulaco

Рецензенты:
Доктор филол. наук, проф. Наталия Видмарович, Загребский университет, Хорватия
Доктор филол. наук, проф. Марина Радченко, Задарский университет, Хорватия

Корректор:
Доктор филол. наук, проф. Наталия Видмарович, Загребский университет, Хорватия

Корректор аннотаций на английском языке:
Krešimir Vunić

Графический дизайн:
Saša Stubičar

Макет и ветстка:
Saša Stubičar

Отпечатано в полиграфической компании:
Sveučilište Jurja Dobrile u Puli
Zagrebačka 30, Pula
www.unipu.hr

Тираж:
100 экземпляров

УДК 80-024.63(4)”18/19”

CIP запись доступна в компьютерном каталоге Университетской библиотеки в Пуле, номер 150202022.

ISBN 978-953-8278-11-2

На обложке:
М.А. Врубель
Утро. 1897.

©Ирена Микулацо, 2019 г.

Interdisciplinarne studije o europskim intelektualcima na prijelazu XIX. u XX. stoljeće

Interdisciplinary studies on European intellectuals at the turn of the 19th and the 20th centuries

Izdavač / Publisher:
Sveučilište Jurja Dobrile u Puli
Zagrebačka 30, 52100 Pula, Hrvatska

Za izdavača / For publisher:
Prof. dr. sc. Alfio Barbieri, rektor

Urednica / Editor:
Irena Mikulaco

Recenzentice / Reviewers:
Prof. dr. sc. Natalija Vidmarović, Sveučilište u Zagrebu, Hrvatska
Izv. prof. dr. sc. Marina Radčenko, Sveučilište u Zadru, Hrvatska

Lektor / Language editing:
Prof. dr. sc. Natalija Vidmarović, Sveučilište u Zagrebu, Hrvatska

Lektor sažetaka na engleskom jeziku / English language editor:
Krešimir Vunić

Grafički dizajn / Graphic design :
Saša Stubičar

Prijelom knjige / Layout:
Saša Stubičar

Tisak / Printed by:
Sveučilište Jurja Dobrile u Puli
Zagrebačka 30, Pula
www.unipu.hr

Naklada / Circulation:
100 primjeraka / copies

UDK 80-024.63(4)”18/19”

CIP zapis dostupan u računalnome katalogu Sveučilišne knjižnice u Puli pod brojem 150202022.

CIP available in digital catalogue of the University Library in Pula, number 150202022.

ISBN 978-953-8278-11-2

Na naslovnici:
M. A. Vrubelj
Jutro. 1897.

©Irena Mikulaco, 2019.

Междисциплинарные исследования о европейской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв.
Редактор Ирена Микулацо

Издательство: Университет Пулы им. Юрая Добрилы, Хорватия
Город Пула: – 2019 г. – 304 с.

Interdisciplinarne studije o europskim intelektualcima na prijelazu XIX. u XX. stoljeće
Uredila Irena Mikulaco

Izdavač: Sveučilište Jurja Dobrile u Puli, Hrvatska
Pula, 2019. – 304 str.

Данная книга представляет собой сборник научных трудов из области гуманитарных и социальных наук и искусств, отражающих современный взгляд на междисциплинарные исследования о европейской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв.
Книга адресована специалистам разных областей гуманитарных и социальных наук, прежде всего филологам-русистам и славистам (ученым, преподавателям, студентам магистратуры и аспирантам) в Хорватии и за рубежом. Книга также предназначена для всех, кто интересуется интеллектуальными движениями на рубеже XIX–XX вв.

Ova monografija sastoji se od poglavlja znanstvenih radova koji pripadaju području humanističkih i društvenih znanosti i umjetnosti i odražavaju suvremeni pogled na interdisciplinarna istraživanja o europskim intelektualcima na prijelazu XIX. u XX. stoljeće.
Knjiga je namijenjena stručnjacima iz različitih sfera humanističkih i društvenih znanosti i umjetnosti, prije svega filolozima rusistima i slavistima (znanstvenicima, nastavnicima, studentima diplomskih i poslijediplomskih studija) u Hrvatskoj i izvan nje. Knjiga je također namijenjena svima koje zanimaju intelektualna kretanja na prijelazu XIX. u XX. stoljeće.

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будьто электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

Статьи приводятся в авторской редакции. Ответственность за авторство и содержание редактор не несет.

Содержание

6 **Вступительное слово редактора**

8 АКОПЯН ВИКТОР ЗАВЕНОВИЧ (РОССИЯ)
Русская революция 1917 года и судьба национальной интеллигенции (на примере армянской диаспоры Юга России

23 БАЙИЧ ЛИЛЯНА, ЛИЛЯНА МАРКОВИЧ (СЕРБИЯ)
Писатель – участник перемен на распутье веков

32 ВОЛЧЕК АННА ВАЛЕРЬЕВНА, ЛОПАТЕНКО ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА (РОССИЯ)
Юмористическое изображение русской интеллигенции рубежа XIX – XX в.в. в раннем творчестве Н. Тэффи

39 ГОДОВОВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА, ЧАЩИН ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ (РОССИЯ)
Эпистолярное наследие донского казачьего офицера

45 ЗАХАРОВА МАРИЯ ВАЛЕНТИНОВНА (РОССИЯ)
“Пусть сильнее грянет буря...” (Отражение ключевых социальных потрясений рубежа XIX - XX вв. в языке художественных произведений представителей русской интеллигенции этого времени

58 КАНДЕЛАКИ ДАЛИ ГЕОРГИЕВНА, АЧАИДЗЕ МЗЕКАЛА ЗАУРОВНА (ГРУЗИЯ)
Деятельность европейской интеллигенции в Грузии (II пол. XIX века

66 КАРПЕНКО СВЕТЛАНА МИХАЙЛОВНА (РОССИЯ)
Языковая личность Н.С. Гумилёва: опыт когнитивного анализа в аспекте категории интеллигентности

75 КАВЕРИНА ВАЛЕРИЯ ВИТАЛЬЕВНА (РОССИЯ)
Роль интеллигенции в подготовке реформы русской орфографии 1917-1918 гг

88 КШОНДЗЕР МАРИЯ КАРЛОВНА (ГЕРМАНИЯ)
А. Блок о европейской культуре и интеллигенции в контексте революционных потрясений 20 века

94 ЛАПАЕВА-РИСТЕСКА НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА (СЕВЕРНАЯ МАКЕДОНИЯ)
Художник «на стыке» эпох и культур: «русский тунисец» Александр Рубцов

106 ЛЕГКИХ ВИКТОРИЯ ИГОРЕВНА (АВСТРИЯ)
Собирание и изучение славянского рукописного наследия в конце XIX – нач. XX в. Фонд Павла Ивановича Савваитова, собирателя, археографа, археолога, историка и теолога

118 МИКУЛАЦО ИРЕНА (ХОРВАТИЯ)
О русской интеллигенции сквозь призму многообразий творческих миров Соловьева, Врубеля и Блока

140 МУРАВЬЕВА НАТАЛИЯ ЮРЬЕВНА (РОССИЯ)
А.П. Чехов как художник не только слова (категория перцептивности в рассказе «Дом с мезонином»)

148 НЕКИПЕЛОВА ИРИНА МИХАЙЛОВНА (РОССИЯ)
Интеллектуализация языка как преодоление антропологического и языкового кризиса

163 ОДЕССКАЯ МАРГАРИТА МОИСЕЕВНА (РОССИЯ)
Тургенев и Стриндберг: социально-политический романный дискурс конца XIX века

175 ОРЛОВА НИНА АНАТОЛЬЕВНА (РОССИЯ)
Художественное своеобразие «таинственных повестей» И.С. Тургенева

181 ПОЛТАВЦЕВА НАТАЛЬЯ ГЕОРГИЕВНА (РОССИЯ)
Интеллигенция и война: динамика модели конфликта в русской прозе двадцатого века

195 ПОПОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА, АНИКЕЕВА ИРИНА ГОДЕРЗОВНА (РОССИЯ)
Концепт «запах» в семиотическом пространстве в творчестве Бориса Пастернака..

201 ПУШКАРЕВА ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА (РОССИЯ)
Образ представителя интеллигенции в краеведческом медиатексте

213 РАЗИНА ЛИДИЯ СЕРГЕЕВНА (РОССИЯ)
Вклад Н.А. Рубакина в развитие народного просвещения в дореволюционной России

221 РАЗУМОВСКАЯ ВЕРОНИКА АДОЛЬФОВНА (РОССИЯ)
Переводческая деятельность И.С. Тургенева в контексте диалога культур второй половины XIX века

230 РОМАНОВА ГАЛИНА ИВАНОВНА (РОССИЯ)
Перевод сочинений Ф.М. Достоевского как пример межкультурной коммуникации

237 СТЕПАНОВ СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ, ПОЛУБОЯРОВА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА (РОССИЯ)
Музыкальная терминология в творчестве Бориса Пастернака

245 СТРЕЛЬНИКОВА НАТАЛИЯ ДАНИИЛОВНА (РОССИЯ)
Н. Г. Писаревский: личность и деятельность

253 СУМСКАЯ МАРИНА ЮРЬЕВНА (РОССИЯ)
Политическая эмиграция в Европе рубежа XIX-XX веков: конфликт идентичностей (по книге Л. Данилкина «Ленин. Пантократор солнечных пылинок

261 ФЕДОТОВА ИРИНА БОРИСОВНА (РОССИЯ)
«Философский элемент» историко-педагогического учения русского мыслителя П.А. Соколова

270 ХОХОБАШВИЛИ ТАМАРА ШАЛВОВНА, КИЛАДЗЕ ТИНАТИН ЗУРАБОВНА (ГРУЗИЯ)
Система ценностной ориентации грузинской культуры с точки зрения Артура Лейста

277 ЧАПАЕВА ЛЮБОВЬ ГЕОРГИЕВНА (РОССИЯ)
Славянофил и западник: два типа русского интеллигента (лингвистический аспект)

285 ЧМЕЛЁВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА (РОССИЯ)
Авторы сборника «Вехи» о духовных поисках русской интеллигенции начала XX века

294 ШУЛЬЖЕНКО ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ, СУМСКАЯ МАРИНА ЮРЬЕВНА (РОССИЯ)
Европейское путешествие на Кавказ как просветительский проект

Вступительное слово редактора

Дорогие читатели!

У вас в руках научная монография, которая представляет собой сборник научных трудов из области гуманитарных и социальных наук и искусств, отражающих современный взгляд на междисциплинарные исследования о европейской интеллигенции на рубеже XIX–XX вв. Авторами отдельных глав в монографии являются выдающиеся исследователи России, Грузии, Австрии, Германии, Македонии, Сербии и Хорватии.

Европейская интеллигенция в период крупных социальных и политических изменений и столкновения идентичностей с середины XIX века до Октябрьской революции 1917 года стремилась выражать и продвигать новые и защищать старые ценности в искусстве, литературе и науке. Роль интеллигенции, вклад в науку и искусство, и участие европейской интеллигенции в различных общественных событиях исследованы в трудах филологов, историков, социологов и культурологов.

Прошло сто лет со времени Октябрьской революции, и мы теперь можем по-настоящему оценить всех тех, кто отметил рубеж XIX–XX вв., оставил свой особый след и своим творчеством вдохновлял и до сих пор вдохновляет ученых, подвигая их к тому, чтобы исследовать их произведения. Мы живем во время больших перемен в высшем образовании. Поощрение междисциплинарности и взаимодействия научной, социальной и художественной сфер обеспечивают широту образования, что отвечает настроениям интеллектуальных кругов, находящихся в центре внимания авторов этой книги.

Поскольку статьи в книге являются междисциплинарными исследованиями, их авторы даются в алфавитном порядке.

Книга адресована специалистам разных областей гуманитарных и социальных наук, прежде всего филологам-русистам и славистам (ученым, преподавателям, студентам магистратуры и аспирантам) в Хорватии и за рубежом. Книга также предназначена для всех, кто интересуется интеллектуальными движениями на рубеже XIX–XX вв.

Я благодарю всех авторов трудов, которые придали книге междисциплинарный характер. Надеюсь, что книга найдет путь к читателям и вдохновит их на новые исследования и творческие усилия.

Я благодарю Университет Пулы им. Юрая Добрилы, который обеспечил издание книги.

Я благодарю рецензентов книги, доктора филол. наук, профессора Наталию Видмарович и доктора филол. наук, профессора Марину Радченко, а также Хорватскую ассоциацию преподавателей русского языка и литературы за поддержку в реализации книги и Центр «Институт Пушкин» Пула.

С уважением,

Ирена Микулацо
руководитель Центра русского языка и культуры
«Институт Пушкина» Пула
и завкафедрой иностранных языков Философского факультета
Университета Пулы им. Юрая Добрилы
председатель Хорватской ассоциации преподавателей русского языка и литературы

АКОПЯН ВИКТОР ЗАВЕНОВИЧ
ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, РОССИЯ
zaven2005@yandex.ru

Русская революция 1917 года и судьба национальной интеллигенции (на примере армянской диаспоры Юга России)

АННОТАЦИЯ. В статье характеризуются последствия Русской революции и Гражданской войны (1917–1921 гг.), оказавшие влияние на состояние армянской интеллигенции Юга России. Особое внимание обращается на занятую ею позицию по отношению к происходившим политическим событиям вековой давности. На примере жизни нескольких представителей национальной интеллигенции, оказавшихся за границей или оставшихся в России, рассматривается отношение таковых к перспективам развития национальных общин и исторической родины Армении.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Русская революция 1917 года, Гражданская война, диаспора, национальная община, интеллигенция, национальная идентичность

Настоящая статья посвящена катастрофическим последствиям Русской революции 1917 года и Гражданской войны, оказавшие влияние на состояние армянской интеллигенции Юга России, а также занятой ею позиции к происходившим событиям. Речь идет только о некоторых представителях интеллигенции армянского происхождения Дона и Северного Кавказа, которые считали себя неотъемлемой частью армянской общины. Последняя в досоветский период составляла самую многочисленную, организованную и сплоченную диаспору в рассматриваемом регионе.

Для лучшего понимания поставленной проблемы следует в тезисной форме охарактеризовать сложившуюся обстановку и состояние армянских общин в обширном регионе в период Русской революции 1917 года и Гражданской войны, завершившейся на Северном Кавказе весной 1920 г. полной победой большевиков.

Во-первых. В рассматриваемый период произошли изменения в составе армянской диаспоры Юга России. Старожильческие и бывшие «новые» поселенцы, прибывшие в регион из Западной Армении до I Мировой войны, пополнились значительными группами западно- и восточноармянских беженцев.

Во-вторых. В период великих потрясений армянские общины оказались разделенными границами различных территориально-политических образований, имевших только внешние признаки государственности. Эти квазигосударства разных политических оттенков – от теократических до военных – очень часто меняли свою территориальную конфигурацию, также часто исчезали, а на их месте появлялись новые. Руководство всех политических образований ставило перед армянскими общинами требование четко определиться с политическим выбором. Нейтральная позиция, как оптимальная линия поведения для дисперсных этносов во внутреннем противостоянии, ими не рассматривалась в качестве лояльной позиции. Действовал принцип «Кто не с нами, тот против нас!».

В-третьих. Каждый из названных режимов рассматривал экономически благополучное старожильческое армянское население в качестве объекта ограбления. В результате реквизиций и национализаций была подорвана экономическая основа существования общинных организаций, церкви, образовательных и культурных учреждений. Причем большевики тотальную национализацию частной собственности, сопровождавшуюся жестокими репрессиями, рассматривали в качестве стратегической линии по полному искоренению «буржуазной формации».

В-четвертых, из Северо-Кавказского региона и вообще из России происходил исход предпринимательского слоя, а также других групп армянского населения, составлявших руководящую элиту общины. Это обстоятельство не только ослабило общины экономически, но также организационно и морально-психологически.

В-пятых, на Юге России происходило внутреннее перемещение армянского населения из наиболее опасных для физического существования мест (горские регионы) в относительно более стабильные.

В-шестых. В ряде мест, где существовали крупные общины, и где в отношении армянского населения применялось насилие, возникали Армянские национальные комитеты и советы, формировались отряды самообороны.

В-седьмых. В годы потрясений две епархии Армянской Апостольской Церкви

(ААЦ) в России, выступавшие важнейшей духовной, цементирующей силой общин, лишились возможности окормлять свою паству в пределах прежней территории. После установления советской власти антирелигиозная политика большевиков в отношении ААЦ привела фактически к ликвидации церковных приходов. Удар по ААЦ веками сохранявшей не только веру, но и основы национальной идентичности, наряду с другими отмеченными потерями, привел к фрагментации ранее более или менее единой южнороссийской диаспоры (Акопян 2017).

Наконец, трагическим последствием Русской революции 1917 года стал классовый антагонизм внутри армянского социума. Объективно социальные противоречия существовали и раньше, однако до 1917 г. национальная солидарность и взаимопомощь внутри общин сводила до минимума классовые противоречия. Культивируемый левыми российскими партиями, особенно большевиками, внутриобщинный классовый антагонизм самым пагубным образом повлиял на армянское общество (Акопян 2018).

В таких сложных условиях особую миссию должна была выполнить национально ориентированная интеллигенция. В данном случае под интеллигенцией понимается образованная, духовно ведущая часть народа, обладающая критическим способом мышления, способностью понять возникшие перед обществом вызовы и предложить варианты развития своего социума.

Важнейшей чертой интеллигенции является индивидуализм. Последнее обстоятельство предопределило личный выбор отдельных представителей этого слоя, повлиявший на разные варианты предложенного ими ответа на возникшие вызовы как для своей диаспоры в стране проживания, так и в видении дальнейшей судьбы всего армянского народа и исторической родины.

Этот выбор не был однозначным, так как интеллигенция сама по себе не представляла какой-либо определенный класс.

Иммиграция. Это был вариант, связанный с вынужденным отъездом за границу. У армянской интеллигенции, спасавшейся от кровавой вакханалии, был свой армянский «философский пароход»[1]. Но если наиболее известные представители русской интеллигенции были высланы в организованной форме, сотни представителей армянской интеллигенции Юга России добирались за границу кто как может.

В этом отношении показательна судьба выдающегося представителя российского либерального движения Моисея (Мовсес) Сергеевича Аджемова (1878–1953). Он родился в Новой Нахичевани (Нахичевани-на-Дону). Учился в местной духовной семинарии, затем в Московском Лазаревском институте восточных языков (1897), где изучал арабский, персидский, турецкий языки. Одновременно Аджемов обучался на медицинском факультете Московского университета. За участие в общественном движении его трижды отчисляли из университета, но в 1903 г. он смог завершить обучение на медицинском факультете. В 1904 г. Моисей экстерном успешно выдержал еще и экзамены на юридическом факультете и получил диплом I степени. В 1904 г. Аджемова целенаправленно оставляют при Московском университете на кафедре уголовного права и судопроизводства. Одновременно он являлся помощником присяжного

1 «Философский пароход» – собирательное название для высланных по инициативе Ленина из Советской России в Германию на пароходах более чем двух сотен представителей оппозиционно настроенной интеллигенции.

поверенного при Московской судебной палате (Панкова-Козочкина 2012).

Особой сферой профессиональных интересов Моисея Сергеевича стала публицистическая и научная деятельность. Его многочисленные статьи публиковали известные московские журналы («Вестник права», «Право») и газеты («Московские ведомости», «Речь»), а также региональная печать («Приазовский край», «Ростовская речь», «Южный телеграф», «Утро Юга», «Донская жизнь» и др.). В его публикациях затрагивалась проблема положения западных армян в Османской империи.

М.С. Аджемов являлся одним из старейших членов либеральной Конституционно-демократической партии (КДП, кадетов). После опубликования Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г. и в связи с выборами в Государственную думу он активно участвовал в разработке предвыборной программы кадетов. Аджемов входил тогда в состав единого Ростово-Нахичеванского комитета КДП, принимал активное участие в предвыборной кампании партии в Области войска Донского (ОВД). Лидер кадетов П.Н. Милюков в своих воспоминаниях отмечал, что «армяне в политическом отношении были в этот период ближе других к кадетам. Они разделяли взгляды конституционных демократов, а такие ее представители, как Аджемов, непосредственно входили в думскую фракцию» (Милюков 1991: 89).

И это при всем том, что большинство армянской интеллигенции Юга России симпатизировало национальным партиям: «Дашнакцутюн» (1890); Гнчак (1887) и Рамкавар (1885), разрешенным только в годы I Мировой войны, когда царизм пытался использовать освободительное движение западных армян в своей войне с Турцией.

Немало представителей национальной интеллигенции состояло и в общероссийских левых партиях. Впрочем, значительная часть интеллектуальной элиты не связывала себя с какой-либо партией.

Аджемов активно выступал не только защитником прав своих соотечественников, но и всех национальных меньшинств, призывал к защите прав на равенство граждан всех национальностей Российского государства перед законом в рамках культурно-национальных автономий. В своих предвыборных речах осуждал еврейские погромы в Ростове в 1905 г., критиковал политику правительства, «нацеленную на натравливание одного народа на другой» (Таганрогский вестник 1906).

Моисей Сергеевич был избран депутатом во II, III и IV Госдуму от ОВД. Как депутат и лидер донских кадетов он регулярно приезжал в ОВД, выступал с многочисленными докладами в населенных пунктах области, в том числе и в родной Нахичевани. Пользуясь своими связями, лоббировал различные проекты для осуществления их в регионе. Когда в 1915 г. возник вопрос об эвакуации Варшавского университета, в качестве депутата Госдумы Аджемов ходатайствовал о его переводе в Ростов-на-Дону (Братолюбов 2012). На его базе был учрежден Донской университет, позже получивший название Ростовский госуниверситет.

На VI и VIII съездах КДП Аджемов был избран в состав ЦК КДП. На IX съезде партии избран кандидатом в депутаты Учредительного собрания. После отречения Николая II Аджемов вошел в исполком Госдумы, объявившей о создании Временного правительства. Он стал комиссаром правительства в Министерстве юстиции, вошел в состав созданных в марте 1917 г. Юридического совещания

при Временном правительстве и Особого совещания по выработке закона о выборах в Учредительное Собрание. На муниципальных выборах в ОВД летом 1917 г. Аджемов был избран гласным Ростовской городской думы (Государственная дума 2008: 9).

В мае–июне 1917 г. М.С. Аджемов вел на Дону агитацию на выборах в Учредительное собрание. Выступая на Малом войсковом круге в Новочеркасске 2 августа 1917 г., Аджемов обратился к делегатам со словами: «Помогите спасти революцию, придите на помощь погибающей стране» (Сидоров 1994: 11).

После провала корниловского выступления Аджемов был назначен адвокатом Л.Г. Корнилова на предполагавшемся суде. Принимал участие в переговорах по вопросу создания последнего коалиционного кабинета Временного правительства, явился одним из авторов проекта закона о Предпарламенте, рассматривавшегося в Юридическом совещании. Этот проект послужил основой опубликованного 3 октября 1917 г. положения о Временном совете Российской Республики. М.С. Аджемов вошел во Временный совет Предпарламента – высшего органа Республики, который должен был действовать до созыва Учредительного собрания (Государственная дума 2008: 10).

После октябрьского переворота в Петрограде М.С. Аджемов эмигрировал во Францию. В Париже он служил важным связующим звеном между правительством Франции и белыми армиями в России. В качестве кадетского эмиссара в Париже он совершил рискованную поездку к Екатеринодар к А.И. Деникину, чтобы уговорить того признать верховным правителем России адмирала А.В. Колчака (Панкова-Козочкина 2012).

Политический выбор Аджемова в этот период также обуславливался его представлениями о судьбе своих соотечественников на Дону и на исторической родине. Будущее России и Армении он видел в едином цивилизационном пространстве. По его мнению, программные установки кадетов позволяли восстановить упраздненное самоуправление нахичеванских армян (это его община), федеративная Россия предоставляла широкую автономию Восточной (российской) Армении, а победа Антанты в мировой войне создавала перспективу воссоздания государственности в Западной Армении, опустевшей в результате геноцида.

М.С. Аджемов окончил свои дни в Нью-Йорке в возрасте 75 лет. Имя выдающегося россиянина по известным причинам было забыто в советский период, и только в настоящее время оно возвращается из исторического небытия.

Среди эмигрантов оказалось немало представителей армянской творческой интеллигенции, которые были далеки от политики, однако из-за своего социального происхождения могли стать жертвами большевистского режима. Не говоря уже о том, что их творческая свобода, не умещавшаяся в каноны советской идеологии, могла быть подавлена и даже стать поводом для репрессий. Среди многих имен российских армян, оказавшихся в эмиграции выделяется фигура известного итальянского художника Григория Ивановича Шилтяна (итал. – Gregorio Sciltian).

Произведения Г.И. Шилтяна находятся в знаменитых музеях Рима, Ватикана, Венеции, Милана, Флоренции, Парижа, Брюсселя, Монако, Москве, а также в Государственной картинной галерее Армении. Подавляющее большинство его творческого наследия хранится в частных собраниях,

поскольку на протяжении десятилетий Шилтян был очень востребованным портретистом.

Григорий Шилтян был знаком с иерархами Армянской католической церкви, в частности с кардиналом Киркором Бедросом Агаджаняном. На конклаве 1958 г. Киркор Агаджанян был одним из кандидатов на избрание папой и, как подтвердил затем избранный Иоанн XXIII, почти набрал необходимое для избрания количество голосов. Шилтян поддерживал связь с учеными-монахами «маленькой Армении» на небольшом острове Святого Лазаря (итал. San Lazzaro degli Armeni), расположенном в южной части Венецианской лагуны. В 1717 г. армянский католический монах Мхитар Сабастаци по благословению папы основал здесь монастырь, музей и библиотеку древних и средневековых рукописей. Конгрегация Мхитаристов превратила остров в крупнейший центр арменоведения.

Шилтян всегда интересовался событиями, происходившими в СССР, где находились его родная Новая Нахичевань и Советская Армения. Участвовал в культурной жизни армянского зарубежья. Он был членом организаций: «Союза армянских свободных деятелей искусства» и «Ани». В 1958 г., в период хрущевской оттепели, он посетил Советскую Армению. В Эчмиадзине он преподнес в дар Католикосу Вазгену I (1955-1994) картину «Армянская богоматерь» (Шильтян 2018).

Миланский дом Шилтяна называли «русским островком». В нем гостили Галина Уланова, Сергей Бондарчук, Мариэтта Шагинян, Михаил Шолохов и др.

Можно гадать, как сложилась бы жизнь художника, если бы он не покинул Россию. Но у истории нет сослагательного наклонения. Произошло то, что произошло.

Из северокавказского города Армавира, основанного черкесскими армянами (черкесогаями) в 1839 г., вышли известные представители интеллигенции, нашедшие пристанище за границей, куда были вынуждены уехать вследствие Гражданской войны в России. Среди них особо выделяется всемирно известный французский писатель Анри Труайя (литературный псевдоним) – член Французской академии, лауреат многочисленных литературных премий, автор более сотни томов исторических и художественных произведений, исследователь исторического наследия России. Настоящее имя Анри Труайя, данное при рождении (1 ноября 1911 г.), Леон Асланович Торосян (Лев Тарасов). Анри Труайя происходил из известной на Кубани и Юге России купеческой династии Тарасовых. Братья Тарасовы занимались благотворительностью, жертвовали большие суммы денег на образование, медицину, благоустройство Армавира, Екатеринодара и других городов России. Отец Леона Аслан Тарасов также занимал в России видное положение: кроме торгового дома Тарасовых, филиалы которого находились во многих российских городах, он управлял железнодорожной линией Армавир – Туапсе. В Москве здания Польского посольства и Госкомитета по физической культуре и спорту принадлежали Тарасовым (Ширинян 2014: 280).

Революция 1917 г. застала семью Тарасовых в Москве. Советская власть национализировала огромную собственность Тарасовых. После октябрьского переворота семья Тарасовых спасается от революции в Кисловодске в фамильном имении «Карс», а оттуда через Новороссийск пытается попасть в Константинополь. Однако в порту разрешали высаживаться только западноармянским беженцам, а у всех членов семьи было российское подданство. «Усложняло ситуацию и то, – позднее вспоминал

А. Труайя, – что все армянские фамилии оканчиваются на “ян”... Отец, вконец измученный этой путаницей, согласился на уловку. Дипломатический представитель новой армянской республики в Константинополе выдал нам 19 марта 1920 года письмо, удостоверявшее, что предъявитель его, “известный в России под фамилией Тарасов”, в действительности носит фамилию Торосян» (Труайя 2005).

Семья Анри, проделав продолжительный по времени путь оказалась в Венеции, а затем в Германии (Висбаден). Здесь он учился во французской школе. Наконец, в 1921 г. семья обосновалась в пригороде Парижа, где Анри продолжил учебу в лицее Жансон де Сайи. После лицея обучался на юридическом факультете Парижского университета. Отбывал воинскую повинность. Вернувшись из армии, в 1935 г. поступил на службу в полицейскую префектуру департамента Сена и одновременно писал по ночам. Первый роман «Обманчивый свет» был опубликован в том же 1935 г. Издатель романа рекомендовал тогда автору придумать псевдоним. Труайя писал: «Сам того не сознавая, я стремился к тому, чтобы мое новое имя начиналось с буквы «Т», как и прежнее, и у меня выходило: Тарао, Тарасо, Троа… Я остановился на Труайя. Теперь я по документам – Анри Труайя, но Лев Тарасов по-прежнему живет во мне: сжавшись в комочек, он сладко спит в самых потаенных глубинах моей души» (Труайя 2005).

Уже в 1938 г. Труайя получил первую литературную премию – Гонкуровскую (самую авторитетную литературную награду Франции) за роман «Паук». А после этого признания из-под пера писателя появились сотни литературных произведений, отмеченных престижными наградами, а сам автор удостоился званий: Командор ордена Искусств и литературы; Кавалер Большого креста ордена Почетного легиона; Командор Национального ордена заслуг; лауреат Большой литературной премии принца Монако за совокупность творчества (1952) и др. Многие произведения А. Труайя переведены на русский язык. После опубликования в 1940 г. биографии Достоевского, Труайя регулярно выпускал книги о русской культуре, в частности, о Пушкине (1946), Лермонтове, Толстом (1965), Гоголе, Чехове, Горьком, Цветаевой, Пастернаке. Его перу принадлежат известные книги о Екатерине II, Александре I и Александре II, Иване Грозном. С 1950 г. вместе с другими русскими писателями и деятелями культуры был избран в попечительский комитет Русского дома в Жуан-ле-Пен. В 1967 г. был избран в Почетный комитет по изданию «Золотой книги русской эмиграции» (Дрожжин 1990). Его творческое наследие огромно. Последний роман писателя «Облава» вышел в свет в 2006 году. В следующем году Анри Труайя не стало. Его тело нашло вечное пристанище в некрополе парижского Монпарнанса.

Выдающийся француз Анри Труайя, как и многие другие представители французской интеллигенции армянского происхождения, никогда не тяготился своим происхождением. Труайя не участвовал так активно в жизни полумиллионной общины французских армян, как Шарь Азнавур, хотя писатель был весьма польщен тем, что его приняли в общество «Армения – Франция» в качестве почетного члена. В 1985 г. по предложению Анри Труайя, режиссер Анри Верней, написал сборник рассказов «Майрик». Впоследствии этот сборник лег в основу сценариев фильмов «Майрик» и «Улица Паради, дом 588», в которых Верней на примере своей семьи рассказывает о геноциде и жизни диаспоры (Вердиян 2002).

Имя Анри Труайя занимает место в одном ряду с такими известными французами

армянского происхождения, как: в литературе – Артюр Адамов, Шарль и Кристиан Дедеяны, Габриель Ару (Арутчян), Рубен Мелик, Ваге Кача (Хачатрян); в архитектуре – Габриель Геврекян; в живописи – Эдгар Шагин, Жан Гарзу, Ришар Жеранян, Жансем, Эдмон Кираз; в музыке – композиторы Мишель Легран, Жорж Гарваренц, певцы Шарль Азнавур, Сильви Вартан, Элен Сегара, Патрик Фиори; в театре – актеры Макс Максутян, Алис Саприч, Рози Вард, Жирайр Бабазян, Симон Абгарян, режиссер Жорж Питоев; в кино – режиссеры Анри Верной (Малакян), Робер Гердигян, продюсер Ален Терзян, гример Шарль Хубесерян в прикладном искусстве – Жан Вандом и др.

И опять мы задаемся вопросом, на который нет ответа: как сложилась бы жизнь А. Труайя, если бы он не покинул Россию в кровавые годы революции.

И это всего лишь два имени из многочисленной национальной интеллигенции, выходцев из южного региона России, личный «выбор» которых был вынужденным в связи со сложившимися обстоятельствами. Естественно, это было меньшинство, т.к. покинуть регион в период Великой Смуты могли только те, у кого даже после национализации имущества сохранились средства, хотя бы на транспортные расходы.

Оставшиеся в Советской России. Среди представителей армянской интеллигенции, оппозиционно настроенной к большевикам, как покинувших Россию, так и оставшихся в стране, мало было фанатичных антисоветчиков, призывавших любыми средствами бороться против большевиков. Представителям национальной духовной элиты, оставшимся в России, кому посчастливилось выжить в Гражданской войне, но кто не разделял «идеалы» большевиков и их прожекты будущего, предстояло выдержать серьезные испытания. Многие из этой группы интеллигенции (а их было больше тех, кто покинул страну) проявляли к новому режиму лояльность.

В годы новой экономической политики по отношению к части представителей «чуждой», «буржуазной интеллигенции» (а к ней причисляли произвольно всех неугодных) советская власть проявляла некоторую терпимость, подходя «потребительски», видя в них специалистов, которых пока не было возможности заменить «своей» «трудовой интеллигенцией». Многие из них со временем (особенно с конца 1920-х гг.) будут репрессированы: одни – физически устранены сразу, другие погибнут в ГУЛАГЕ или, выпущенные оттуда «на свободу», обессиленные и морально подавленные будут доживать отмеренные им годы или дни. Будут и такие, кто, не выдержав жизненные испытания, покончит жизнь самоубийством. Впрочем, последнее нередко являлось умелой инсценировкой.

Среди тех представителей национальной интеллигенции, кто разделил судьбу основной массы армянского населения и которым суждено было приспособиться к новым советским реалиям, был и Григорий Христофорович (Крикор Хачатурович) Чалхушьян (1861-1939) – видный общественный деятель, историк, публицист, юрист, литератор, журналист, просветитель армян Дона и всего Юга России.

Как и другим представителям национально ориентированной интеллигенции, Г.Х. Чалхушьяну предстояло найти ответ на такой вопрос: как в новых условиях отсутствия свободной церковной жизни, партий и других компонентов традиционной национальной общины сохранить национальную идентичность своих соотечественников.

Григорий Христофорович Чалхушьян родился 1 июля 1861 г. в Нахичевани-на-Дону в обедневшей дворянской семье. Его предки, в числе других основателей Нахичеванской колонии, были переселены из Крыма на Дон при Екатерине II в 1778 г. После окончания приходского училища Григорий на средства Нахичеванского благотворительного общества был определен в Лазаревский институт восточных языков в Москве, который окончил в 1881 г. с серебряной медалью. Получив в институте специальность юриста, двадцатилетний юноша, возвратившись в Нахичевань, занялся юридической практикой и одновременно общественной и литературной деятельностью. В год окончания института вышла его первая книга «Идеалы французской адвокатуры», которую он посвятил известному российскому юристу В.Д. Спасовичу.

Г.Х. Чалхушьян с завидной регулярностью публиковал очерки, статьи, театральные рецензии. В 1886 г. была опубликована его работа «Армянская поэзия в лице Рафаэла Патканяна». В том же году он получил первую премию в конкурсе объявленном Ростовской городской думой за книгу «История города Ростова-на-Дону» опубликованную в 1883–1884 гг. отдельными очерками в газете «Юг».

Григорий Христофорович был истинным патриотом. Он отстаивал интересы Нахичевани-на-Дону находившейся в непосредственной близости от Ростова. Накануне I Мировой войны власти Дона в очередной раз попытались присоединить Нахичевань к Ростову. Накануне выборов в городскую думу в 1913 г. группа националистов во главе с В.Н. Костричиным (т.н. «ротонда») развернула в печати кампанию против коренных нахичеванцев. Подобные публикации вызвали резкую отповедь гласного нахичеванской думы Г.Х. Чалхушьяна, который со страниц ряда газет обратился с «Открытым письмом нахичеванским русским избирателям»: «Во имя интересов города Нахичевани, его роста, процветания, благосостояния, я обращаюсь от имени группы избирателей к русским избирателям – к избирателям не из ротонды… я обращаюсь ко всем нахичеванским честным русским людям и прошу их, прежде чем опустить шар в урны, отбросить все личности, подумать об одном – о благе города. Самостоятельное существование нашего города необходимо. Иначе он станет окраиной. Все окраины так всегда жалуются, что об их нуждах не пекутся, неужели же избиратели пожелают обратить весь наш город в окраину Ростова?» (Казаров 2012: 161-165).

Чалхушьян многие годы трудился в Нахичеванском благотворительном обществе, инициировал организацию новых благотворительных учреждений. Он состоял членом совета и ревизионной комиссии общества Взаимного кредита, попечительствовал в духовной семинарии. В течение 20 лет Чалхушьян избирался гласным Нахичеванской городской думы. По инициативе Чалхушьяна у монастырской церкви Сурб-Хач установлены памятники М. Налбандяну и Р. Патканяну.

Признанием заслуг просветителя перед своими соотечественниками стало чествование в Нахичевани 25-летнего юбилея его адвокатской, литературной и общественной деятельности в октябре 1910 г. В честь этого события Католикос Матеос II направил Чалхушьяну поздравительное послание. Григорий Христофорович получил также поздравительные телеграммы от других иерархов Армянской Церкви, видных деятелей армянской и русской общественности. Городской голова Нахичевани М.И. Балабанов сообщил об учреждении в Екатерининской женской гимназии стипендии имени Г.Х. Чалхушьяна (Смирнов 2018).

Особое место в его общественной работе и публицистическом творчестве занимал армянский вопрос, под которым понимался комплекс проблем, связанных с положением армянского населения в восточных областях Османской империи, т.е. в Западной Армении. Этой проблеме Чалхушьян посвятил целый ряд своих исследований, первым из которых стала книга «Армянский вопрос и армянские погромы в России», опубликованная в 1905 г.

Выдающийся просветитель патриотизм демонстрировал не только своими публикациями, но и практическими делами. С началом Мировой войны турецкие власти, мотивируя тем, что русские войска продвигаются по территории, где проживают лояльные к России армяне, под предлогом их переселения вглубь Османской империи, приступили к тотальному геноциду народа, тысячелетиями живущего на своей земле. Массовые убийства происходили и в прошлые десятилетия, однако в 1915 г. армянский вопрос турецкие власти решили снять с повестки дня путем уничтожения всего народа. Более полутора миллиона армян были варварскими методами убиты, сотням тысяч депортированных в безводные пустыни Месопотамии уготована была такая же трагическая участь. Десятки тысяч беженцев, чудом спасшихся от кровавого ятагана, заполнили города Закавказья и Юга России.

С целью оказания помощи беженцам-армянам в Нахичевани был создан Армянский комитет (Арменком), председателем которого был избран Г.Х. Чалхушьян. Армянское благотворительное общество, по просьбе Чалхушьяна, ассигновало значительные средства комитету. По всей Донской области велся сбор пожертвований в пользу армян. Ростовские газеты публиковали фамилии жертвователей, среди которых были не только состоятельные граждане. Только за один день «кружечного сбора» 31 декабря 1914 г. было собрано 15 тыс. рублей. Католикос Геворк V 15 января 1915 г. прислал в Нахичевань благодарность за полученные от Арменкома 20 тыс. рублей в фонд помощи беженцев. Чалхушьян обратился за помощью к городскому голове Москвы, своему другу М.В. Челнокову с посланием, в котором отмечал, что помощь армянам, – это поддержание веры в русский народ. В ответ на это обращение Москва прислала в помощь беженцам 100 тыс. рублей.

Русская революция 1917 г. привела к развалу Российской империи. На Кавказе происходил процесс формирования национальных государств. В этот период Г.Х. Чалхушьян в своих публикациях в газетах Юга России пытается привлечь внимание общественности к кровавым событиям в Закавказье. В статье «Бакинская трагедия» в газете «Приазовский край» он с болью пишет о новой резне, когда в течение трех дней было убито 30 тысяч армян. «У армян их летописи полны черных страниц, – пишет Чалхушьян, – и ужасы один кровавее, грознее другого развертывались с поразительной настойчивостью, последовательно в течение веков и каждый раз казалось, что чаша горькая испита уже до дна. Не осталось больше капли. Но нет, заставали новые ужасы, тяжелее прежних, испытанных, пережитых» (Смирнов 2018).

По прошествии месяца после Бакинской трагедии, в ноябре 1918 г. он приезжает в Тифлис, где приступила к работе конференция представителей новых государств Закавказья и политических образований Юга России. Г.Х. Чалхушьян, в это время исполнявший обязанности вице-консула Армянской республики на Дону, представлял на ней армян Новой Нахичевани. Он рассматривал сложившуюся на Северном Кавказе и в Закавказье ситуацию с точки

зрения интересов армянского народа, но тесно увязывал ее с положением России. На конференции преобладали силы, стремившиеся окончательно порвать с Россией. Особо в этом усердствовали представители Грузии, Азербайджана и делегация от северокавказских горцев. С их стороны прозвучало обращение к народам Кавказа о взаимопризнании новых самостоятельных государств. Чалхушьян ставит вопрос ребром: будет Кавказ с Россией против других государств или же с ними – против России? Естественно, что он обеспокоен будущим своего народа, который давно связал свою жизнь с Россией, а Армения давно ориентирована на своего великого северного соседа. «Мы, армяне, – писал об этом Чалхушьян, – не хотим использовать народы Северного Кавказа как буфер против России, не признаем Азербайджан, пока он будет преследовать армян» (Смирнов 2018).

Чалхушьян много пишет и в своих статьях и заметках освещает не только текущие события, но и размышляет о том, какой выбор должен сделать его народ в это переломное время. Особое его внимание привлекают соотечественники в диаспоре. В статье «Культурные задачи армянской общины» в газете «Приазовский край», он ставит вопрос о значении сплоченной общины в укреплении национального самосознания. Особое внимание он уделял роли руководящего органа – Общинного совета. Он подвергает резкой критике тех своих состоятельных соотечественников, которые отказываются поддерживать свою общину и Родину (Приазовский край 1918). Не будет национального образования, народ лишится родного языка. А последнее приведет к потере национальной идентичности и исчезновению общины.

Здесь уместно прояснить вопрос, в какой партии Григорий Христофорович состоял или к какой организации он испытывал больше симпатий. То, что Чалхушьян во время революционных потрясений (1905 и 1917 гг.) выступал за соблюдение конституционных прав и интересов населения, свидетельствовало о его приверженности идеалам этой партии. Кроме того, во время выборов в III Госдуму он также шел по партийному списку от кадетов. Но с другой стороны, историк К.Л. Папазян приводит веские доказательства его сотрудничества с армянской партией Дашнакцутюн (Папазян 2015: 282-286).

О его симпатии к этой партии наглядно свидетельствует труд «Красная книга», изданный в Ростове в 1919 г. Книга Г.Х. Чалхушьяна – подлинно научное исследование, основанное на различного рода источниках: письмах, документах, газетных статьях, договорах, посланиях, которые автор, не в ущерб основному тексту, обильно цитирует. Важно также и то, что автор лично посетил места массовых захоронений армян, тщательно и подробно расспрашивал многих очевидцев описываемых событий, воспоминания которых частично и легли в основу его книги.

Свою политическую позицию Чалхушьян обозначил в работе «Мысли, думы, лица». Он признавался в том, что не принадлежал к какой-либо партии, т.к. «знал только одну партию – армянскую». И далее он заметил, что те деятели, которые «стремятся восстановить наш разрушенный очаг – мои близкие, мои родные, и на данный момент патриотизм – вопрос самозащиты» (Чалхушьян 1914: 3). Такая его позиция привела к идее созыва в Ереване «Съезда беспартийных» (май 1920 г.). В условиях утраты правящей в Армении партии Дашнакцутюн доверия у значительной части армянского населения и отсутствия иной авторитетной национальной силы, проходивший под руководством Чалхушьяна Съезд призвал народ к единству.

Относительно либеральный режим, царивший короткое время в Нахичевани и Ростове при правительстве генерала А.И. Деникина, оказался кратковременным. В начале 1920 г. части 1-й Конной армии С.М. Буденного заняли Нахичевань и Ростов.

Все горожане, не успевшие покинуть регион в начальный период Гражданской войны и надеявшиеся на то, что с властью Деникина начинается восстановление «единой и неделимой» империи, теперь спешно покидали Дон. Григорий Христофорович со своей многочисленной семьей (пять сыновей и три дочери) отказался покинуть родной город. Как один из лидеров общины он считал, что этот шаг явился бы предательством по отношению к 50-тысячной общине.

Он остался в Ростове-на-Дону со своей семьей в своем доме по ул. Большая Садовая, 148 (прямо напротив гостиницы «Дон-плаза»). Точнее 3-этажный особняк, принадлежавший Чалхушьянам, советская власть национализировала, а членам семьи «выделила» несколько комнат (Смирнов 2018).

При советской власти Г.Х. Чалхушьян вел тихую и замкнутую жизнь. К властям проявлял лояльность, но отнюдь не верноподданность и унизительную услужливость. Честно выполнял обязанности адвоката и был полезен клиентам своим профессионализмом. Советским работникам нужны были профессиональные врачи, инженеры, адвокаты. Но он был не свой. Известного в прошлом юриста, литератора, историка и общественного деятеля, ушедшего из политики, находившегося в изоляции в своей стране, но известного в армянской диаспоре Запада, опасались уничтожить демонстративно. За ним негласно следили и искали любой повод для того, чтобы устранить чуждого системе интеллектуала. Но проницательный интеллигент такого повода не давал. Власти ожидали его гневной реакции на присоединение в 1928 г. Нахичевани к Ростову с переименованием этого города в Пролетарский район. Но столь трагическое событие, связанное с его общиной, он, сомкнув уста свои, пережил. Надеялись, что возраст возьмет свое, и находящийся в преклонном возрасте адвокат сам по себе покинет земной мир. Однако начинался сталинский Великий перелом 30-х гг., и власть опасалась проницательного свидетеля разворачивавшегося кровавого маховика. Чалхушьяна надо было любой ценой уничтожить. И у сильного человека было найдено «слабое место». Его сыновья Рубен, Серафим, Лион и Степан в 1937 г. под надуманными поводами были арестованы. Лион и Степан были расстреляны сразу, а Рубен и Серафим сосланы на строительство Беломоро-Балтийского канала, где и погибли. Пережить семейную трагедию Григорий Христофорович не смог. 1 марта 1939 г. он скончался от разрыва сердца прямо на улице.

Значительная часть интеллигенции армянского происхождения, оставшаяся после революции в российской диаспоре, сознательно и добровольно перешла на службу к новой власти став ее апологетами. Этот выбор не был результатом «политического приспособленчества» (хотя и такое явление имело место). Их выбор обозначился задолго до Русской революции. Состоя в левых партиях или симпатизируя им, эти интеллектуалы не только приветствовали победу большевиков в революции и гражданской войне, но именно с этой властью они связывали будущее своей исторической Родины.

В числе многих членов партии большевиков особо выделялся известный обще-

ственный деятель Варлаам Аванесов (Сурен Мартиросян) (1884–1930) – выпускник Ставропольской мужской гимназии. В 19-летнем возрасте он вступает в ряды социал-демократии и ведет активную работу во многих городах Северного Кавказа. За пропагандистскую работу в годы первой русской революции (1905–1907) он неоднократно подвергался арестам. При содействии товарищей по партии В. Аванесов нелегально покинул Россию и поселился в Швейцарии. Продолжая в эмиграции заниматься революционной деятельностью, он окончил медицинский факультет в Цюрихском университете. В 1913 г. Аванесов возвращается в Россию. В период февральской революции он был избран в Президиум Московского Совета. Как член Петроградского Военно-революционного комитета принимает активное участие в подготовке и осуществлении Октябрьского переворота. Его избирают членом и секретарем Президиума первого высшего органа власти большевиков – Всероссийский Центральный исполнительный Комитет. Одновременно он вместе с армянским поэтом Вааном Терьяном возглавил Комиссариат по армянским делам в Наркомнаце РСФСР.

С целью вызвать симпатии армянской общественности к большевикам 29 декабря 1917 г. (11 января 1918 г.) советское правительство приняло декрет о Турецкой Армении, в составлении проекта которого принимали участие Аванесов и Терьян. В соответствии с документом правительство РСФСР провозгласило право населения Западной Армении (которого уже там не было в результате геноцида) на самоопределение вплоть до полной независимости. Увы, декрет остался на бумаге. Тем более что Брест-Литовский мирный договор, а затем и русско-турецкий Московский договор 1921 г. предусматривал передачу Турции не только Западной, но и значительной части Восточной Армении.

Варлаам Аванесов – только одно имя из сотен известных представителей, которые стали активными создателями советского государства. Многие из них приняли советскую модель в надежде на более благоприятные, чем в царский период условия национального развития своей диаспоры.

Действительно, в первое десятилетие советской власти действовали национальные структуры в органах власти, разрешалось обучение на родном языке, создавались низовые формы территориальной автономии: национальные районы и сельские советы.

Увы, эта политика свернулась в период тотального наступления «социализма по всему фронту». Немало представителей советской интеллигенции, неформально принявших советский режим, по надуманным обвинениям подверглись репрессиям, тем самым разделив участь тех, кого сразу же зачислили в «буржуазную интеллигенцию». Сохранение национального самосознания в диаспоре стало возможным только в национальных селах. В городской среде ассимиляция приняла беспрецедентные масштабы. Отсутствие даже элементов «культурно-национальной автономии», в условиях объективной и насильственной «интернационализации» культурной жизни, повлияло на облик национальной интеллигенции, не относившейся к титульным нациям. Под последними понимают «государствообразующую нацию» (например, русские в РФ) или этносы, чьими именами названы национально-государственные образования (автономии).

После установления советской власти у представителей интеллигенции армянского происхождения Юга России появился еще один выбор – возможность творить в духе «социалистического реализма» на небольшом островке, оставшемся от обширной исторической Армении, ставшей

одной из союзных республик СССР. Сотни общественных деятелей (Александр Мясников), композиторов (Александр Спендиаров), архитекторов (Александр Таманян), живописцев (Мартирос Сарьян), врачей (Амбарцум Кечек), писателей, ученых, инженеров – выходцев из южного региона России переехали в Армянскую ССР, которая в 1991 г. стала независимым государством. Их именами названы улицы и города республики, они внесли неоценимый вклад в развитие своего народа, национальной культуры на родном языке.

В современной России происходит переход к новой социально-экономической, политической модели, когда переосмысливается национально-культурная парадигма, выбор путей дальнейшего развития русской и национальных культур. Произошла реабилитация института «национально-культурной автономии», что открывает перспективы развития национальной культуры. В этом отношении особая миссия в сохранении национального самосознания и одновременно укрепления общероссийской идентичности принадлежит интеллигенции. Но это уже тема другого исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Акопян, В.З. Выбор путей развития армянских общин Северного Кавказа в 1918-1921 гг. // Материалы Международной конференции «Республика Армения – 100». Отделение арменоведения и общественных наук НАН РА, Ереванский госуниверситет. Ереван, 25-26 мая 2018 года. Ер., 2018. 392 с.

Акопян, В.З. Государственная конфессиональная политика в отношении Армянской Апостольской Церкви на Юге России в 1917-1941 гг. Пятигорск: ПГУ, 2017. 160 с.

Братолюбова, М.В. М.С. Аджемов – представитель «второго эшелона» либерального движения // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая – 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2012. 416 с.

Вердиян, И. Тем, кто не кричал: «Майрик!». Каждая душа проходит испытание жизнью. URL: http://2002.novayagazeta.ru/nomer/2002/14n/n14n-s26.shtml

Государственная дума Российской империи. 1906–1917: Энциклопедия. М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. 736 с.

Дрожжин, С.Н. Русская биография Анри Труайя // Прометей: Ист.-биогр. альм. / Сост. Е. Бондарева. М.: Мол. гвардия, 1990. Вып. 16. 430 с.

Казаров, С.С. Нахичевань-на-Дону в борьбе за сохранение национальной идентичности в начале XX в. // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая – 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2012. 416 с.

Милюков, П.Н. Воспоминания. М., 1991. 530 с.

Панкова-Козочкина, Т.В. Моисей Сергеевич Аджемов: грани судьбы донского армянина на фоне эпохи // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы Всероссийской научной конференции (30 мая – 2 июня 2012 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2012. 416 с.

Папазян, К.Л. К вопросу о партийной принадлежности Г.Х. Чалхушьяна // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы II Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 26–28 мая 2015 г.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2015.

Приазовский край. 1918. 1 ноября.

Сидоров, В. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Т. 1. Ростов н/Д Донская Государственная публичная библиотека, 1994. 224 с.

Смирнов, В. Григорий Чалхушьян: «Пестрая птица». URL: http://xn--b1acd1bacakffl.xn-p1ai/14-rajony-goroda/5431-grigorij-chalkhushyan-pestraya-ptitsa

Таганрогский вестник. 1906. 17–18 июня.

Труайя Анри. Моя столь длинная дорога. М.: Эксмо, 2005. 314 с.

Шильтян, Г.И. URL: http://ru.hayazg.info (дата обращения 17 мая 2018)

Ширинян, С. Армяне – народ созидатель чужих цивилизаций: 1000 известных армян в мировой истории. Ер., 2014. 280 с.

Чалхушьян, Г.Х. Мысли, думы, лица. Тифлис, 1914.

AKOPYAN V. Z.
Pyatigorsk State University, Russia
zaven2005@yandex.ru

The Russian Revolution of 1917 and the Fate of National Intelligentsia (by Example of the Armenian Diaspora South of Russia)

Summary. The article describes the consequences of The Russian Revolution and the Civil War (1917-1921), which influenced the state of the Armenian intelligentsia in the South of Russia. Particular attention is drawn to its position in relation to the political events a century ago. Using the life of several representatives of the national intelligentsia as an example, who found themselves abroad or remained in Russia, the attitude of such to the prospects of the development of national communities and the historical homeland of Armenia is taken into consideration.

Keywords: Russian Revolution of 1917, Civil War, Diaspora, national community, intelligentsia, national identity

БАЙИЧ ЛИЛЯНА
МАРКОВИЧ ЛИЛЯНА
БЕЛГРАДСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, СЕРБИЯ
ica.bajic@gmail.com
ljiljana.markovic@gmail.com

Писатель – участник перемен на распутье веков

АННОТАЦИЯ. В работе анализируется роль писателя в исторических и общественных переменах конца XIX – начала XX вв. На примере ряда произведений Горького и Црнянского объясняется, как исторические события этого периода оказывали влияние на явления в культуре, на поэтику и практику литературной жизни.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: литература, культура, история, идеология, смена веков

В истории культуры известно явление объединения литератур в межлитературное сообщество, сложившееся между этнически близкими и родственными народами, которое не отменяет особенностей отдельных литератур. В практике филологической науки и преподавания литературы в вузах межлитературные сообщества являются предметом сравнительного исследования, которое дает представление о процессах развития и типологических аналогиях внутри сообществ, наблюдения и возможность исследования контактных связей, взаимных побуждений и взаимовлияний между национальными литературами, возникающих вследствие подвижности, изменчивости и обмена литературными элементами между ними. Когда речь идет о литературных произведениях Максима Горького, особенно об области литературных контактов, влияния и творческого вдохновения, которое писатель привнес в литературу, можно говорить как о преемственности, так и об изменениях в его восприятии, связанных с изменениями в историческом развитии литературы и в культурной и образовательной практике, их сопровождающей.

На статус творчества Максима Горького в славянской среде оказывает влияние ряд факторов, а именно, схожесть и связи в национально и этнически окрашенной литературе и культуре, связи литературных текстов Горького с другими текстами культуры, родственность языков, связывающих славянские народы и образовательные практики их школьных систем.

Даже беглому взгляду на присутствие Горького в литературной жизни открывается значительный временной отрезок культурной истории XX века, когда влияние писателя на литературу был огромен. За короткий период Горький стал одним из наиболее известных писателей, как в России, так и во всей Европе. В литературе зафиксировано, что в Сербии, например, он привлекал внимание, начиная с ранних работ. Так, первые переводы его произведений были опубликованы в 1900 году: *На плотах* в «Звезде», *Песня о Соколе* в журнале «Бранково коло», *О чёрте* в газете «Београдске новине». С 1901 года сербская публика могла читать рассказ *Макар Чудра*, а роман *Фома Гордеев* через два года после его публикации в России. Интерес к произведениям Горького был таков, что призывали к переводу драм *Мещане* и *На дне*, которые были поставлены вскоре после того, как они были поставлены в России в 1902 г. и в Германии в 1903 г. Отклик на творчество Максима Горького иллюстрируют сведения о том, что его творчество связывают с произведениями молодых сербских писателей, пришедших в литературу на рубеже XIX-XX вв., – С. Чоровича, И. Чипико, Б. Станковича, П. Кочича. Известно также, что интерес к Горькому проявлял и Иво Андрич. Андрич постоянно был в контакте с русской литературой, и, в особенности, с текстами Гоголя и более всего с текстами Горького. Книги Горького были той искрой света, к которой надо было пробиваться тогда, когда еще невозможно было предугадать творческий путь будущего лауреата Нобелевской премии. И в мариборской тюрьме в 1914–1915 гг. Андрич, наряду с книгами Кьеркегора, читал Горького, а после Второй мировой войны входил в состав редакционной коллегии *Собрания сочинений Максима Горького* в 97-ми томах в издании «Культуры» (Белград, Загреб, 1946–1952). Можно сказать, что Максим Горький оставался постоянным духовным спутником Иво Андрича. В нем сербский писатель видел «мосты» человечности и этики, полагая, что на всех языках и во всех культурах «… писатель и его произведения не служат ничему, если тем или иным образом не служат человеку и человечности» (Андрић 1976: 339).

Литературное творчество Максима Горького представляет собой постоянный стимул к преподаванию литературы. Горький открывает особое поле деятельности, богатый спектр интертекстуальных и сопоставительных исследований в сфере интертекстуальности и культурного диалога. Столкнувшись с такими исследовательскими вызовами, студенты-магистранты, изучающие сербскую литературу на филологическом факультете Белградского университета, получили задание в рамках курса методики преподавания, проанализировать тему *Как читать Максима Горького сегодня*. Ответ на этот вопрос молодые исследователи нашли в новом чтении и Горького и в анализе существующих методик преподавания. Литературное наследие писателя они рассматривали как своеобразный синтез революционно-романтического, реалистического и новаторского. Они рассматривали его шире, чем устоявшееся представление о писателе как буревестнике революции и репрезентативном авторе социалистического реализма. Полагая, что творчество Максима Горького (*Мать, Фома Гордеев, Дело Артамоновых, На дне, Мещане*), в котором происходит тематизация социокультурных изменений и преображения, амбивалентных конфликтов и кризисов героев, более широко связано с другими литературными текстами, они сочли, что оно может улучшить восприятие в процессе преподавания и сербских писателей, например, Петра Кочича и Бориславa Станковича. Отмечая, что творчество Горького содержит в своей структуре ряд модернистских, неоромантических, неореалистических и натуралистических элементов, под новым углом зрения они рассматривали сходные элементы в структуре произведений сербских писателей, связь с Горьким которым была обнаружена. Интересна и идея о том, что ранние произведения Горького (*Песня о Соколе, Песня о Буревестнике, Макар Чудра, Старуха Изергиль*) могут быть прочитаны параллельно с произведениями поэтов-романтиков – Пушкина, Байрона, Лермонтова, Шиллера. В пользу такой точки зрения свидетельствуют факты, когда произведения Горького и упомянутых авторов рассматриваются во взаимосвязи в тематическом, а частично и в поэтическо-философском плане. Это тематизация стремления и жажды моря, высоты, природы в целом и свободы, революционно-романтической идеи, которая вносит пафос в стилистику и влияет на жанровую форму текста. Это также существенная роль пейзажных и музыкальных элементов в литературной картине мира, сходный концепт судьбы и характеров героев этически чистого и полного жизни мира, каковы, в данном случае герои рассказа *Макар Чудра* Горького и поэмы Пушкина *Цыганы*.

Для русской классической литературы традиционным является критическое отношение к социальным проблемам и понимание «маленького человека». Судьба невольников, жизнь человека с обочины общества, которого жизненные и социальные обстоятельства довели до бедности или толкнули на дно жизни, интересовали Пушкина (*Станционный смотритель*), Гоголя (*Шинель*), Достоевского (*Бедные люди, Униженные и оскорбленные, Преступление и наказание*), Горького (*Челкаш, На дне*). Достоевский уже в своем первом эпистолярном романе *Бедные люди* в отношении жанра рассказа о «маленьком человеке» обнаруживает важное свойство – принципиальное различие в интерпретации главного героя. Еще Бахтин, анализируя поэтику Достоевского, подчеркивал, что литературный герой интересует Достоевского не как явление, обладающее определенными социально-типологическими и индивидуально-характерологическими особенностями, а как определенная точка зрения на мир и себя самого, как «… смысловая и оценивающая

позиция человека по отношению к самому себе и по отношению к окружающей действительности» (Бахтин 1967: 102). Достоевский изображает не бедного чиновника (бедного человека), а его самосознание «… как действительность второго порядка» (Бахтин 1967: 104). Так писатель уже в первом романе обозначил радикально новую позицию по отношению к герою, молодому человеку, униженному чиновнику, а в этом смысле и по отношению к существующей модели мира, то есть, по отношению к жанру о несчастных/бедных людях и к известной идее существа, на которую он ориентирован.

Сопоставительное чтение Достоевского и Горького подтверждает типологическое сходство тематики о босяках и бедных людях, но за пределами этого контекста босяков Горького можно связать с гуманистической философией писателя и идеей о гордом Человеке. К теме босяков Горький подошел с позиции фиксации социального феномена, который писателя из грязи и зверинца падших людей вел к идее о гордом Человеке. В низости нечеловеческой жизни (*На дне*), в ночлежке, где в крайней нищете влачат существование отверженные люди, немилосердно уничтожающие сами себя, сменяются картины нищеты и морального распада. Некоторые из босяков обнаруживают зооморфные свойства и потребность в удовлетворении физиологических порывов. Некоторые обременены болезнью, некоторые, лишенные всего в жизни, становятся тенями в адском огне страдания. Другие, как Сатин, которые полагают, что «человек выше сытости» (Горки 1948: 171), возвещают о процессе созревания и эволюции человека. В споре, который ведется в драме, просматривается идея о человеке, к которому ведут многие двери и пути, где человеческая тень со дня жизни может подняться до гордого Человека, достойного уважения.

Литературное наследие Горького можно связать с ценностями литературных произведений, в которых писатель литературно убедительными средствами тематизирует вопросы о человеке и обществе, возникшие в эпоху бурных социальных и культурных изменений и исторических переворотов. Горький в эту эпоху оказался в роли писателя – критика хаоса и деструкции. Можно заключить что в наше время, когда возникают вопросы, подобные вопросам рубежа XIX и XX веков, а гуманистическим идеалам угрожает эгоизм, актуальность Горького вновь приобретает большое значение.

В докладе дальше исследуется вопрос отношения сербского поэта Милоша Црнянского к войне, с целью осветить его поэзию, на примере стихотворения *Суматра*, с исторической и поэтической точек зрения, а также с точки зрения его развития. Особое внимание уделено обработке художественных фактов, которые в стихотворении связываются со стимулами из внешнего мира. Их анализ показывает, что в *Суматре* художественный вымысел переплетается с эвокацией действительности.

Период гражданского мира в Европе кончился началом Первой мировой войны в 1914 году. Для поколения молодых писателей, участвовавших в катаклизме, насчитывавшей несколько миллионов трупов, Первая мировая война являлась переломным событием, которое в тематическом и поэтическом планах оставило яркий след в сербской литературе. В конце второго и в начале третьего десятилетия 20-го века в сербской литературе, а до этого и в европейской, появились литературные группы и школы с революционной программой. Согласно единогласному мнению литературной истории и критики, Црнянский стоял в самом их центре.

Когда в двадцатые годы прошедшего века на литературную сцену вышел Милош Црнянский, он, как писатель, предвестил новый период в сербской литературе. Его военная судьба в значительной мере повлияла на тематику его произведений, в которых он высказывался и как поэт (сборник *Лирика Итаки*, 1919) и как писатель прозы (сборник *Рассказы о мужском*, 1920, романы *Дневник о Чарноевиче*, 1921-ый и *Переселение*, 1929), и как драматург (*Маски*, 1918), путешественник и активный участник общественной и политической жизни.

Выражая дефетизм, отрицая иерархизацию жанров, а выступая за их авангардное пародирование, отрицающее авторитет традиционной поэтики, поэзия М. Црнянского оставила глубокий след в новом периоде в сербской поэзии 20-го века. На широком фоне авангардного искусства, Црнянский начал изменять поэтический мир, строить его из нового типа стихов и поэтических картин. Новизны, проявившиеся в слове, в чувстве и мнении, которые были объявлены элементами новой литературной программы, из-за своей своеобразности легко могли стать препятствием в восприятии произведений М. Црнянского. Эта причина могла относиться на понимание/восприятие известного стихотворения М. Црнянского *Суматра*.

В этой безмятежности, в невесомой нежности
давай подумаем о тяжести и снежности
хребтов Урала.

Мы загрустим – и воссоздастся в нас
тот бледный лик, что некогда растаял
в вечернем сумраке, но где-то стал сейчас
родником, струящимся ало!

Лишь любовь нас утром обволакивает
на чужбине, в этой сини здешней,
в этой голубой морской безбрежности,
из которой смотрят в душу кораллы,
как из-под родных небес – черешни.

А ночью Месяц тетиву натянет
и улыбнется вдруг: он разглядит, как мы
ласкаем теплыми ладонями
обледенелые далекие холмы.[1]

Когда в 1920-ом году редактор «Сербского литературного гласника» (серб. «Српски књижевни гласник») Богдан Попович пригласил Црнянского при печатании *Суматры* высказать стихотворением «Верую» о поэзии, Црнянский в первый раз представил свою особую литературную программу. В тексте под названием *Пояснение Суматры* он провозгласил разрыв с литературной традицией и привычной поэтической формой. Подчеркивая, что новейшее искусство, а в особенности лирическая поэзия, «предполагает известные, новые чувствительности», он сказал, что ее положение и дух после войны и появления видного литературного историка и критика Йована Скерлича совсем изменены. Ее су-

1 Перевод стихотворения Суматра на русский язык: Антология сербской поэзии. Том первый. Москва, 2008. С. 624. Редактор – составитель Базилевский А.Б.

пермодные содержания узнает поколение, почувствовавшее их среди трупов и ядовитых газов Первой мировой войны. Новизны в плане содержания сопровождались изменениями в формальном виде, особенно в свободном стихе, которым пользовались послевоенные модернисты.

Когда речь идет о *Пояснении Суматры*, надо подчеркнуть, что в нем содержатся две эмоционально и смысленно отдельные части. Первая имеет манифестный, программный характер, а вторая – это текст, в котором прозаически придается форма тому, что уже существует в стихотворении. Эссеистический текст первой части *Пояснения* был полезной формой для представления, в духе бунта, поэтических убеждений, с помощью которых писатель уничтожал основы унаследованной поэтики. В том смысле, эта часть способствует толкованию стихотворения *Суматра* с историко-поэтической и точки зрения развития. Вторая часть *Пояснения* связывает стихотворение со стимулами из внешнего мира, открывая, что оно создано в состоянии особого возбуждения и эмоциональной драмы. Случайная встреча с другом, который возвращался домой с войны, дала толчок воображению писателя. Предметы, которые таким образом были вызваны в сознание субъекта, сосредоточились на тот, в котором все они могли были быть собраны, на Суматру, а из творческого фокусирования на этом агенсе, с которым поэт духовно соединился, зародились стихи данного стихотворения. Можно предположить, что данное стихотворение не было рационально обдумано, а его создание было разбросано в эвокации действительности и ее проникании с художественным вымыслом.

Пояснение Суматры свидетельствует о том, что субъективная экспрессия и предвкушение поэта открыли путь для интуитивного познания, сознания, оваплотившегося в видение *Суматры*, в дух суматраизма. Но, нельзя забыть, что у *Суматры* есть и ее внутренняя локализация. Ее Црнянский ввел в мир стихотворения, как художественные факты, корреспондирующие с фактографией действительности, и в этом смысле *Суматра* и *Пояснение Суматры* являются своего рода двойным текстом о суматраистических связях, которые, благодаря силе лирического восхищения, устанавливаются не только со близкими явлениями, но также и с предметами и явлениями издалека.

Пояснение Суматры является интересным, потому что показывает, что военный опыт Црнянского влился в его поэтику суматраизма. Воодушевляющее вдохновение и экстаза, как вид соединения с сверхличным опытом, дали возможность поэту преодолеть свои чувства беспокойства и дали ему убежище от бессмысленности войны.

Црнянский свои творческие мотивы представил в стихотворении в виде определенных намеков, которые показывают, каким должен быть характер его чтения. Предвидя роль и участие читателя в восприятии стихотворения, Црнянский мотивировал читателя к мысленному и эмоциональному слиянию со стихотворением, к ассоциированию и его пониманию путем интуиции, мечты и творческого мышления. В этом смысле, важнейшие указатели в художественном мире стихотворения представлены в виде личных отношений, выраженных в стихотворении грамматической формой первого лица множественного числа, личным местоимением «мы». Внушительность первого лица отражается в том, что оно в себе содержит и все остальные лица, а тем самым может включить в себя и читателя. Утвердительное положение первого лица, с помощью которого читатель приближается к стихотворению, в то же

время усиливают мотивы беззаботности, облегчения и нежности, которые связываются с ним. Например, уже в начале стихотворения, стихами «В этой безмятежности, в невесомой нежности», читатель приглашается смиренным войти в его мир, эмоционально отражаться и творчески проявляться в имагинарном путешествии по привлекательному миру. *Суматра* приглашает его к художественной общности, к поэтическому взаимодействию и фантастическому мышлению, которые приведут его в связь с далеким Уралом, ледяными горами, синими морями, домашними черешнями, с людьми и необъятностью мира.

Создано в особом состоянии духа, выражено в краткой форме, стихотворение *Суматра* ищет читателя, который способен войти в его художественный мир фантастическим образом. Стихотворение может иметь атарактическое влияние на читателя, потому что из стиха в стих производит впечатление мира, удовольствия, успокоенности. Художественный мир *Суматры* занимает чувственное воображение и мысль. Поэтому в восприятии *Суматры* должны существовать условия, которые будут способствовать открытию читателя к собственному восприятию стихотворения и, развитием эстетической чувствительности и исследовательских способностей, обогащению его жизни благодаря новому поэтическому и жизненному опытам.

Художественный мир *Суматры* открывается стихом, в котором выделяются состояния, с помощью которых ассоциируются чувства мира, удовольствия, успокоенности. Лирическое существо, рассказывающее о них, выражается местоимением «мы», и таким способом, включая и все другие лица, может охватить и читателя, то есть слушателя стихотворения. Актуализированная личная точка зрения читателя усиливается ощущением беззаботности, легкости и нежности, которые с нею связаны. Таким способом, уже с начала стихотворения читательский субъект «приглашается» в имагинарное путешествие по художественному миру, в котором он может осуществить отражение эмоциональных процессов и проявляться творчески. *Суматра* приглашает его на совместное поэтическое и фантастическое содействие с автором произведения.

Способом своеобразного построения начального стиха в стихотворении, выделяется его художественное время. Оно введено через наречное определение «сейчас», которое подчеркивает состояния легкости, беззаботности и нежности. Это поэтическое время в большинстве стихов представлено в виде настоящего времени, поэтому оно и устанавливается, как актуальное время *Суматры*. Но, в стихотворении это время ничем не ограничено и не связано с конкретным, историческим или календарным, «сейчас». Принимая, таким образом, признаки всевременного «сейчас», новоустановленное время побуждает иллюзию о всевременном мире стихотворения.

Творческим воображением в стихотворение приглашены многие пространственные представления: Урал, чужбина, синие моря, далекие горы, родина, живущая в памяти. Это динамическое пространство непрерывно расширяется или поднимается ввысь. Возбуждением фантастической и ассоциативной динамики создается поэтическое пространство, которое может объять весь мир. Но, хотя оно безграничное, поэтическое пространство для человеческого субъекта не является далеким, потому что этот устанавливает с ним духовную близость. Таким образом, в стихотворении зарождается новая отечественность, мировая отечественность.

Суматра переполнена образами прозрачных хребтов, далеких азурных морей, алых родников, зерн кораллов и родных черешен, и поэтому она оставляет впечатление спокойствия. В таком мире читатель бывает эмоционально подготовленным мечтать о снежных хребтах Урала, далеких морях, отечественных черешнях... В воображении он призывает образы уральской тишины и белизны, алых кораллов и черешен, синего моря... Пространственные поэтические представления обладают свойствами, которые связываются с восприятием чистоты, спокойствия. Таким способом то, что является пространственно далеким, в восприятии становится приближенным и знакомым. Во втором случае, суматраистическая мысль о взаимному проникновению всего со всем открывается в подробностях образа бледного лика и алого родника: родник, струящийся ало является заменой лику «что некогда растаял в вечернем сумраке». Творческое воображение, соединившее эти два якобы несоединимых явления, лежит на интуитивном сознании об их сущностной взаимосвязи. На основе этой, эстетической мотивации, потеря человеческого лика может призвать образ родника, то есть успокаивающей замены. Обнаруживается, что в *Суматре* не потерялось прошедшее время, поскольку оно «возвращается» благодаря найденой счастливой замене. А через корресподенцию мотивов связались и два времени в стихотворении, компонентами которого они являются. Бледный лик побуждает образы слабости, болезни, исчезновения, угасания жизни. Родник, однако, представляет символ жизни, движения и соединения с более крепким и постоянным элементом (рекой, морем, океаном). Содействие значений, образуемых этими мотивами, и с помощью рифмы способствует связыванию слов в языке оригинала «вече» (вечерний сумрак) – «тече» (струится): вечер, предвещающий успокаивание всех жизненных деятельностей, связывается с признаком непрерванных жизненных течений. Наряду с этим, свойства потерянного лика узнаются в ало струящем роднике. Таким способом, соединение поэтических представлений и противоположностей в картине примирились благодаря взаимному проникновению. Как сравнительные типы, бледный лик и алый родник находятся и в соответствующем синтаксическом отношении, которое дает возможность преодолеть печаль, вызванную потерей человеческого лика, с помощью радости вследствие восприятия глубокого единства мира.

Связь мотивов и поэтических картин в стихотворении осуществляется на основе ассоциаций и возмещений. Якобы удаленные явления, составляющие компоненты настоящего времени, в большинстве случаев связываются на основе ассоциации, в то время как композиционное построение стихотворения, в котором мотивы связываются в отношении прошедшее – настоящее, потеряно – найдена замена, лежит в основе возмещения. Так и в самой композиции стихотворения узнается влияние художественной интуиции о взаимосвязи и единстве мира. Ее художественный символ и имя – это Суматра. Знания о взаимном проникновению всего со всем существующим, которым, как в *Пояснении* записал Црнянский, побуждается чувство спокойствия и примирения с действительностью, эти знания подчеркиваются и однозначностью поручений во всех частях (строфах) стихотворения.

В одноименном стихотворении Суматра представлена, как духовный дом существа, устанавливающего путем новой чувствительности новые отношения с людьми, с природой и миром. В *Суматре* креативное воображение и интуиция представляют духовные действия, которые возбуждают, переносят и строят новые поэтические и жизненные истины.

ЛИТЕРАТУРА

Андрић, И. Есеји и критике / И. Андрић. – Сарајево, 1976.

Бајић, Љ. Одабране наставне интерпретације / Љ. Бајић. – Београд, 2004. – С. 226.

Бахтин, М. Проблеми поетике Достојевског / М. Бахтин. – Београд, 1967.

Вучковић, Р. Рецепција прозе Максима Горког у српској књижевности почетком XX века / Р. Вучковић // Зборник Матице српске за књижевност и језик. – Нови Сад, 1987. – С. 213–278.

Вучковић, Р. Модерна српска проза: крај XIX и почетак XX века / Р. Вучковић. – Београд, 2014.

Горки, А.М. Дјела /А.М. Горки. – Београд, Загреб, 1948.

Недељковић, Д. Моћ и немоћ књижевности: огледи о руској и западно-европској књижевности / Д. Недељковић. – Нови Сад, 1996.

Петковић, Н. Лирске епифаније Милоша Црњанског / Н. Петковић. – Београд, 1996.

BAJIĆ LJ.
MARKOVIĆ LJ.
University of Belgrade, Serbia
ica.bajic@gmail.com
ljiljana.markovic@gmail.com

The Writer – A Participant of Change at the Crossroads of Centuries

Summary. This paper analyses the role of writers during the historical and social changes that took place at the end of the 19th and beginning of the 20th century. Historical events left their mark on culture, the poetics and practices of literature and these influences are studied in the selected works of Gogol and Crnjanski.

Keywords: literature, culture, history, ideology, change of centuries

ВОЛЧЕК АННА ВАЛЕРЬЕВНА
ЛОПАТЕНКО ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА, РОССИЯ
annavolchek88@mail.ru
Lopatenko.e.s@mail.ru

Юмористическое изображение русской интеллигенции рубежа XIX – XX в.в. в раннем творчестве Н. Тэффи

АННОТАЦИЯ. Культурно-исторические процессы, повлиявшие на ход европейской и русской истории начала XX века, оказали большое влияние на все формы искусства. Так, русской литературе рубежа веков стали свойственны юмористическое и сатирическое изображение действительности. В этот период расцветает гений А.П. Чехова, оказавший влияние на дальнейшую судьбу русской юмористической прозы. Стоит особенно отметить одного из самых ярких последователей чеховской традиции – Надежду Александровну Тэффи. Ее перу принадлежит 36 сборников рассказов и стихотворений затрагивающих самые разные темы: русская деревня, мир ребенка, русские традиции, одиночество и др. Существует множетсво рассказов, в которых Тэффи описывает портреты современной интеллегенции как «Культуртрегеры», «Долг и честь», «Счастливая любовь» и пр.. Языковые особенности, «женский» взгляд на сложившуюся историческую ситуацию и свое окружение представляют интерес для более детального рассмотрения и анализа, чему и посвящена статья.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Тэффи, портрет, интеллигенция, комическое, сатирическое

Изучение творчества Н.А. Тэффи остается актуальной задачей современной филологической науки, так как на данный момент изучено еще далеко не все. Изначально, существовало лишь одно авторитетное исследование, посвященное творчеству русских эмигрантов, в том числе и Тэффи, – это труд участника общественной и литературной жизни эмиграции Глеба Струве «Русская литература в изгнании» (1956 г.), благодаря которой стало известно, что за границей Тэффи стала печататься исключительно в прессе, что роднит ее с А.П. Чеховым. Исследования предметного мира и творческих особенностей А.П. Чехова проводятся и по сей день, чего нельзя сказать о творчестве Н.А. Тэффи, незаслуженно забытом и оставшемся на задворках литературной истории. Данная статья посвящена анализу портретного изображения интеллигенции XX века в контексте женского восприятия действительности. Подхватив модную на тот момент тенденцию юмористического и обличительного изображения российского общества рубежа веков, многие писатели отдавали предпочтение жанру короткого рассказа, а как известно, особенности портретного описания героя напрямую зависят от жанровой специфики. Но в случае с Н.А. Тэффи особый интерес представляет так называемый «женский взгляд».

Портрет в художественном произведении занимает очень важное место и является связующим звеном между личностью героя и сюжетом. Одежда в традиционном представлении классических писателей может выполнять самые разные функции: от портретного изображения героя до сюжетообразующей. Может передавать колорит, маркировать героев по принципу свой – чужой, выражать комическое, передавать многослойность различных значений, связанных с героем, эмоциями, сюжетом.

Множество портретов интеллигенции встречается в ранних рассказах Н.А. Тэффи, особенно, в сборнике «Карусель», опубликованном в 1913 году. В нем Тэффи рисует обобщающий образ человека, раздавленного жизнью. Первый рассказ – «Культуртрегеры»[1], главным героем которого является адвокат Недынин, заучивающий очень громко речи перед зеркалом в продолжение пятнадцати, тем самым создавая в доме тяжелую обстановку. «Жена, обвязав голову платком, запиралась в спальне и молча ждала мигрени…», «В детской маленький Сережа, надев на голову дурацкий колпак, кричал во все горло…» (Тэффи 2011: 8-9)[3]

В данном рассказе можно отметить фрагментарное описание внешности героев, т.е. при помощи ярких деталей. Например, платок на голове жены Недынина. В обычном представлении читателя, платок является женским головным убором, символизирующим нравственную, замужнюю женщину, но в данном рассказе платок используется с целью создать комичный образ. Главный герой громко репетирует речь, а жена «обвязывает» платком голову и ждет мигрени, что свидетельствует об уровне шума, который создает герой, а также, сын Сережа, который добавляет шума и носит «дурацкий колпак». «Колпак, колпака, муж. (тюрк. kalpak – высокая шапка). Конусообразный или овальный головной убор, служащий для различных целей. Шутовской колпак (прежде надевавшийся шутами, иногда с бубенчиками). Дурацкий колпак. Поварской колпак. Спальный колпак» (Москвин 2007: 397).

Слово колпак употребляется не только в прямом значении, но и в составе устойчивых словосочетаний и выражений. Прос-

1 Ироническое название человека (обычно колонизатора), прикрывающего свои корыстные, захватнические цели маской распространения культуры, просвещения

лыть колпаком означало неприятную славу. О необычных людях говорят: «все люди как люди, один черт в колпаке». Попасть под колпак– находиться под тайным наблюдением. Переколпачить – переделать по-своему и т.д. В рассказе при помощи образа ребенка в колпаке, подражающего своему отцу, усиливается комический эффект, тем самым оттеняя образ Недынина. Подражая отцу, герой «одурачивает» его образ, иронизирует над его привычками и укладом жизни.

Также образ главного героя можно охарактеризовать через детальный анализ диалога с прислугой, в котором он пытается объяснить принцип работы диктофона, используя свой багаж знаний и определенную лексику, при этом, не беря во внимание необразованность своей подчиненной. К нему присоединяется брат жены, как называет его автор, «светлая личность».

«— Подождите! — сказала светлая личность. — Нужно же ей объяснить, в чем дело, а то она еще перепугается. Слушайте, Гаша. Вы, смотрите, не подумайте, что это нечистая сила, какой-нибудь черт или что-нибудь в этом роде. Черта, не к ночи будь сказано, совсем не существует; вы это знаете.

— Зачем же ты говоришь «не к ночи будь сказано», — остановила личность сестра.

— Ну, это я так, в духе народного языка. Ну-с, милая моя, итак, эта самая штуковина только с первого взгляда кажется хитрой, а на самом деле…

— Постой, ты не так, — перебил адвокат. — Нужно сначала объяснить внешний вид. Вот, Гаша, видите, — аппарат этот передвигается на колесиках, вот тут смазывается маслом, здесь щеточка для обтирания пыли…» (Тэффи 2011: 10).

В попытках объяснить неграмотной прислуге назначение новоявленного предмета домашнего обихода, господа попадают в комическую ситуацию и в образе благородной «светлой личности» просматривается брешь.

Завершается рассказ диалогом служанки с кухаркой, в ходе которого выясняется, что Глаша поняла разговор с господами совершенно неверно и приняла все на свой счет.

«— А брат ейный чертыхается. И за что? Что я в пятницу миску разбила, так они вона когда, на третий день, вспомнили да попрекнули! Ты, грят, ходишь да на все натыкаешься. Да лампочки зачем часто зажигаешь. Ходи, мол, впотьмах, да не натыкайся! Ироды! Да у тебя, говорят, фотография на уме! Тебе бы только по фотографиям лазать. И с чего это они?» (Тэффи 2011: 11).

В рассказе «Культуртрегеры» Н.А. Тэффи играет на противоположных значениях, положительный образ имеет отрицательное значение и наоборот, что создает путаницу, комический эффект при ироническом изображении «интеллектуальной элиты». Недынин, при всех своих достоинствах (адвока, семьянин, интеллектуал), имеет один существенный недостаток – эгоизм, который и является предметом высмеивания.

Рассказ «Долг и честь» одним ярким элементом переносит нас в определенное время. Героиня Марья Павловна носит «зеленый галстук». Зеленый цвет в психологии означает упорство, устойчивость, обязательность, что раскрывает нам черты характера героини с первых строк, но существует еще одно скрытое значение, которое сразу было понятно публике начала XX века. Во-первых, галстук является предметом мужского гардероба, женщины, которые надевали галстуки, в обществе воспринимались неоднозначно, это был вызов мужчинам и символ эмансипации (выражение равноправия). Во-вторых, зеленого цвета в моде предшествующего времени практически не было, историки связывают период модерна с появлением зеленой цветовой гаммы. В-третьих, в самом тексте рассказа нет указания на статус барышни, но деталь костюма наводит читателя на мысль о том, что мода в начале века была исключительно уделом состоятельных людей, входивших в высшее общество. Таким образом, героиня представляет собой символ нового мира, новый независимой женщины, в то время как ее подруга Медина полностью ей противоположна.

«– Так-с! – сказала Марья Павловна, глядя приятельнице прямо в среднюю папильотку. – Все это очень мило. А не потрудишься ли ты объяснить мне, кто это вчера переводил тебя под ручку через улицу? А?» (Тэффи 2011: 12).

Папильотка представляет собой небольшой треугольный лоскут бумаги для завивки волос. Использовался с 1800 года и является предметом старого патриархального мира, символом женственности и стремления угодить мужскому полу.

Таким образом, два предмета дамского туалета: галстук, как символ нового мира победившего феминизма и папильотка, как символ патриархального уклада, создают противопоставление образов героинь, а, следовательно, и противопоставление взглядов, что помогает создать в рассказе комическую ситуацию взаимного непонимания и каждая дама остается при своем мнении.

Название рассказа «Счастливая любовь» уже представляет собой оксюморон по отношению к содержанию текста.

«Конечно, свидание с любимым человеком – это большое счастье, но нельзя же из-за счастья оставаться без фулярового платья» (Тэффи 2011: 38).

«Фуляр – ткань из шелковых некрученых нитей различного переплетения» (Ожегов, Шведова 2006: 858). Фуляр встречается еще у Ф.М. Достоевского в романе «Идиот», а значит, время действия точно определить довольно трудно.

«Наталья Михайловна долго сидела на постели и горько думала. Думала о любви.

«Любовь – очень тяжелая штука! Вот сегодня, например, мне до зарезу нужно к портнихе, к дантисту и за шляпой. А я что делаю? Я бегу в Летний сад на свидание» (Тэффи 2011: 38).

Для героини предметный мир, частью которого является костюм, представляет гораздо большую ценность, чем отношения с мужчиной. Таким образом, автор готовит читателя к сцене встречи влюбленных, которая вызывает именно ту реакцию, которая задумана – смех и отвращение к низким, приземленным, опредмеченным поступкам героев из высшего общества.

В рассказе «Письма» снова поднимается излюбленная тема всех сатириков: отношения между мужчиной и женщиной. Сергей Иванович Черников и Вера Павловна влюблены, но не свободны. Любовь свою передают в письмах, но у Веры Павловны Сергей Иванович не единственный предмет воздыхания. Автор детально рисует образ дамы, которая является роковой для множества мужчин:

«Вера Павловна с утра была не в духе: тот самый лиф, который еще в прошлое воскресенье так хорошо сидел, сегодня ни за что не хотел застегнуться. Его крючки и

петли, точно не желая иметь друг с другом ничего общего, никак не могли преодолеть маленького пространства в какие-нибудь два сантиметра на спине своей хозяйки.

– Ведь не могла же я за одну неделю так растолстеть! – дрожащими губами говорила Вера Павловна. – Неделю назад лиф так хорошо сидел. Верно, просто сел…

– Сидел, сидел, да и сел! – шутил веселый муж Веры Павловны. – Сидел, да и сел! Ха-ха-ха! Вот так чудеса с твоими платьями!

– Это подло с вашей стороны. Сам же виноват: сегодня подавай ему пироги, завтра – пирожки, – ни одна фигура не выдержит» (Тэффи 2011: 31).

В письмах своим кавалерам Вера Павловна пишет следующее:

«Я так исхудала, что стала совсем прозрачная, и платье, скользнув, падает к моим ногам» (Тэффи 2011: 32).

Костюмная деталь в данном рассказе является приемом противопоставления желаемого и действительного, создавая комический эффект. Образ мужа в рассказе скорее имеет контекстный характер. Высмеивая свою жену, сам того не замечая, он подталкивает ее к новым романам, о которых не имеет представления. В целом, Н.А. Тэффи представляет вниманию читателя классическую семейную пару из высшего общества.

Интересен с точки зрения анализа текста рассказ «Без стиля», в котором главный герой переодевается дважды и предстает в двух своих ипостасях.

«Он оттолкнул собаку и оглядел себя.

– И как я одет! Пошло одет, в пошлый халат. Нет, так жить нельзя.

Он вздохнул и озабоченно пошел в комнаты.

– Жена вернется только к первому числу. Следовательно, есть еще время пожить по-человечески.

Он прошел в спальню жены, открыл платяной шкап, подумал, порылся и снял с крюка ярко-зеленый капот[2].

– Годится!

Кряхтя, напялил его на себя и задумчиво полюбовался в зеркало.

– Нужно уметь жить! Ведь вот – пустяк, а в нем есть нечто.

Открыл шифоньерку жены, вытащил кольца и, сняв носки и туфли, напялил кольца на пальцы ног.

Вышло по ощущению и больно, и щекотно, а на вид очень худо.

– Красиво! – одобрил он. – Какая-то сплошная цветная мозоль. Такими ногами плясала Иродиада, прося головы Крестителя.

Достал часы с цепочкой и, обвязав цепочку вокруг головы, укрепил часы посредине лба. Часы весело затикали, и Дмитрий Петрович улыбнулся.

– В этом есть нечто!» (Тэффи 2011: 79-80).

Вновь обращаясь ко времени написания рассказа, смело можем отметить модернистские веяния. Рассказ перекликается с «Демонической женщиной» по своей абсурдности и ассоциируется с желтой рубахой Маяковского или с серьгой в ухе Давида Бурлюка. Женский гардероб привлекает героя больше, чем мужской, происходит замещение идеалов и понятие «красиво» предстает в новом свете. Также стремление к переодеванию в женский наряд может сигнализировать о нетрадиционной ориентации героя, его тяготению к женской сущности. Стоит отметить маскарадность в рассказе, мотив переодевания и разочарования при столкновении с реальным миром.

2 Капот, капота, муж. (франц. capote, capot). Женская верхняя одежда широкого покроя для домашнего употребления.

«Дмитрий Петрович шевелил пальцами ног, затекшими от колец.

– Нужно вырабатывать стиль. Велю по всему балкону насыпать цветов – маков и васильков. И буду гулять по ним. В лиловый день, в зеленом туалете. Крррасиво! Буду гулять по плевелам, – ибо маки и васильки суть плевелы, – и сочинять стихи» (Тэффи 2011: 81).

Снова Тэффи упоминает культовый зеленый цвет, который завоевал модный пьедестал и ассоциировался с независимостью и эмансипацией, что говорит о внутреннем стремлении героя к освобождению от стереотипов, навязанных обществом.

«Вошел управляющий Николай Иваныч, серенький, озабоченный, взглянул на капот хозяина, на его ноги в кольцах, часы на лбу, вздохнул и сказал с упреком:

– Время-то теперь уж больно горячее, Дмитрий Петрович. Вы бы уж лучше после.

– Что после?

– Да вообще… развлекались.

– Дорогой мой! Стиль – прежде всего. Без стиля жить нельзя. Каждая лопата имеет свой стиль. Без стиля даже лопата погибнет.

Он поправил часы на лбу и пошевелил пальцами ног», «– Так вы переоденьтесь, я подожду, – вздохнул управляющий.

Дмитрий Петрович машинально пошел одеваться.

Снял кольца, надел сапоги, косоворотку[3], картуз[4]» (Тэффи 2011: 82).

Появление управляющего Николая Ивановича разрушительно для мира мечты героя, так как образ управляющего плотно связан с грубой реальностью. «Серенький», спокойный, уравновешенный, реалистичный противопоставляется «зеленому», энергичному, настоящей жизни без гнета. Изящные кольца заменяются рабочими сапогами, капот – картузом, а очарование мечты, элегантности и эстетики уничтожается грубой действительностью.[56]

«– Что я наделал! Пел про боки звонки… сапоги надел, квас пить собирался. Зачем? К чему? Кому это нужно? Разве это мой стиль? Что я наделал! О, красота, как скоро я забыл о тебе!», «Зачем? Несчастный я человек. Кружусь без стиля на одном месте, как козел на привязи» (Тэффи 2011: 84).

Герой переживает из-за смены костюма, так как его внутренний мир напрямую связан с одеждой. Для него важно показать свои убеждения, так как именно костюм имеет возможность их транслировать в массы. Внутреннее состояние героя, его настроение меняются со сменой облика.

3 Косоворотка – мужская рубашка со стоячим воротом, застегивающимся сбоку

4 Картуз – мужской головной убор с жестким козырьком, неформенная фуражка

В приведенных эпизодах очевидно противопоставление мужского и женского начала в человеке. Стремление к стилю и красоте противоречит требованиям мужественного и грубого. Для героя важно выражение внутреннего «я» через внешнюю форму.

Образы интеллигенции в творчестве Н.А. Тэффи отличаются своей неповторимостью и некоторой шаржевой реалистичностью. Если А.П. Чехов делал акцент на деталях в качестве дополнения художественной реальности, то Н.А. Тэффи аппелировала деталями, выстраивая сюжет вокруг них. Ее описание героев и те образы, которые она создавала более шаблонны, но от того они становятся такими яркими: неверные жены и мужья, псевдовлюбленные, псевдоинтеллектуалы, легкомысленные барышни. Они связаны с предметным миром и, более того, образы сами, в некотором роде, опредмечены. Отзеркаливая время в своем творчестве, Н.А. Тэффи смогла показать читателю то, какой она видела интеллигенцию XX века: разрушенную морально и нравственно, доживающую последние дни в личных и пустых переживаниях. Стоит оговориться и отметить, что не это далеко не полный портрет, но его значимая часть.

ЛИТЕРАТУРА

Москвин, А.Г. Большой словарь иностранных слов. – М.: Центрполиграф, 2007. – 816 с.

Ожегов, С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь Ожегова. – М.: ИТИ Технологии, 2006. – 944 с.

Тэффи, Н.А. Собрание сочинений в пяти томах, Том 2. Карусель. Дым без огня. Неживой зверь. Собрание сочинений в пяти томах. – М, Книжный клуб Книговек, 2011 – 325 с.

Чудинов, А.Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка, 1910. – 1004 с.

VOLCHEK A. V.
LOPATENKO E. S.
Herzen University, Russia
annavolchek88@mail.ru
Lopatenko.e.s@mail.ru

Russian Intelligentsia at the Turn of the 19th - 20th Centuries in Humorous Depictions in the Early Works of N. Teffi

Summary. The cultural and historical processes that influenced the course of European and Russian history at the beginning of the 20th century had a great influence on all forms of art. Thus, Russian literature at the turn of the century was characterized by humorous and satirical depictions of reality. During this period, the genius of A.P. Chekhov appears. He influenced the future of Russian comic prose. One of the brightest followers of Chekhov's tradition, Nadezhda Aleksandrovna Teffi, is worthy of special mention. She wrote 36 collections of stories and poems on a variety of topics: the Russian village, a child's world, Russian traditions, loneliness, and the love life of others and so on. The features of her style, a "feminine" view of the current historical situation and one's surroundings are of interest here for detailed consideration and analysis, which is the focus of this article.

Keywords: Teffi, portrait, intelligentsia, comic, satirical

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01008), реализуемого в Оренбургском государственном педагогическом университете

ГОДОВОВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА
ОРЕНБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
godovova@mail.ru

ЧАЩИН ВЛАДИМИР БОРИСОВИЧ
ОРЕНБУРГСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ДЕТСКО-ЮНОШЕСКИЙ МНОГОПРОФИЛЬНЫЙ ЦЕНТР, РОССИЯ
kazakataman@yandex.ru

Эпистолярное наследие донского казачьего офицера

АННОТАЦИЯ. Одним из интереснейших источников по истории повседневности являются письма. Личные письма, написанные близкому человеку и не предназначенные для чужих глаз, заведомо не преследуют никакой общественно-политической цели и представляют собой источник уникальной психологической достоверности. Ни один другой источник не может так же точно передать настроение, образ мысли, психологию человека определенного социального слоя и определенного исторического периода, восприятие им тех или иных событий. К сожалению, писем, написанных казаками во второй половине XIX – начале XX века, практически нет в архивах, и поэтому поистине уникальным источником являются письма, опубликованные Е.Ф. Колпиковой в книге «300 писем расстрелянного есаула». Они были написаны в период Первой мировой войны донским казачьим офицером Александром Упорниковым.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: казачество, донской казачий офицер, Первая мировая война, эпистолярное наследие, письма как исторический источник

Изучение повседневной жизни невозможно без опоры на эго-документы, или источники личного происхождения, отражающие *личностное восприятие произошедших событий, прошедшую через память информацию о прошлом с учетом личного опыта, социально-коммуникационных связей автора, и фиксирующие эти события на документально-субъективном уровне в различной форме* (Кодан 2014). Документы личного происхождения важны для понимания социальных и политических предпочтений казаков. Они наиболее полно отражают процесс самосознания личности, а также межличностные взаимодействия (Баринова 2005: 91).

Под эго-документом понимается такой тип текста, в котором доминирует авторская (субъектная) составляющая линия. Телеология эго-документов может быть описана эго центрической формулой: «я – в мире».

Согласимся с уральскими исследователями в уместности употребления неологизма «эго-документы», т.к. изучение повседневной жизни казачества относится к междисциплинарным историко-антропологическим исследованиям (Суржикова 2014: 10 – 11). Реконструкция личной жизни и судеб отдельных индивидов, изучение формирования и развития их внутреннего мира, всех сохранившихся следов их деятельности рассматривается не только как главная цель исследования, но и как адекватное средство познания того исторического социума, в котором они жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали. В фокусе исследования оказывается внутренний мир человека, его эмоционально-духовная жизнь, отношения с родными и близкими в семье и вне ее. При этом индивид выступает и как субъект деятельности, и как объект контроля со стороны семейно-родственной группы, круга близких, формальных и неформальных сообществ, социальных институтов и властных структур разного уровня (Голикова 2001: 36).

К эго-документам относятся личные дневники, переписка, мемуары, исповедальные нарративы и некоторые пограничные жанры (Троицкий 2014: 14).

Личные дневники, данные в которых фиксируются сразу же после того или иного события, современные исследователи рассматривают как «повод к интерпретации, а не самодостаточное изложение истинного положения дел» (Голикова 2001: 36).

Дневниковые записи можно классифицировать по двум категориям. Первая – это дневниковые записи, описывающие происходящие события и отношение к ним автора. Вторая – это особая форма литературного творчества.

Личный дневник, как правило, содержит три основные тематические линии:

Фиксирование и описание внешних событий, свидетелем которых стал автор дневника: дорожных впечатлений, различных коллизий и происшествий, разговоров и сплетен.

2. Описание «внутренних» событий – пришедших идей, душевных состояний, мечтаний, переживаний своих отношений с близкими людьми и прочее.

3. Прямые обращения к самому себе с целью самоизмениться. В этой ипостаси дневник превращает автокоммуникацию в программу собственных будущих действий (Троицкий 2014: 16 – 17).

Казачьих дневников сохранилось немного. Причиной этого, вероятно, является, во-первых, отсутствие понимания значимости

ведения подобных записей или невозможность делать это в силу занятости, а во-вторых, уничтожение таких материалов в период расказачивания как самими казаками и их родственниками, так и властными структурами. с одной стороны, личный дневник является важным источником для реконструкции тех или иных исторических явлений, свидетелем которых стал автор, с другой стороны, позволяет восстановить личностную сущность ведущего дневник, заглянуть в его ментальный мир и реконструировать его самоощущения (Троицкий 2014: 18).

В группу эго-документов входят воспоминания (мемуары), особенностью которых является документальность, основанная на свидетельских показаниях мемуаристов, и поэтому им свойственны неполнота, неточности, иногда путаница имен, названий, событий. Однако мемуары нельзя считать продуктом исключительно личностного происхождения. Они неизбежно несут на себе печать своего времени. Искренность мемуариста, полнота и достоверность его впечатлений зависят от той эпохи, в которой писались и публиковались мемуары (Кабанов 1997: 133).

По мнению Ю.Л. Троицкого, при привлечении мемуаров в качестве источников необходимо учитывать:

1. временную дистанцию между описываемыми событиями и написанием воспоминаний: чем больше дистанция, тем вероятнее ошибки памяти;

2. степень включенности мемуариста в события, о которых он пишет: непосредственный очевидец, человек, пользующийся разговорами и слухами, или ближайший потомок;

3. круг источников мемуаров: только собственная память, показания других очевидцев, записки и дневники, которые велись синхронно событиям;

4. субъективные интересы мемуариста: желание отразить событие «как оно было на самом деле», завысить свою роль в событии или иные интересы (Троицкий 2014: 18 – 19).

Сохранившиеся в архивах и изданные воспоминания казаков различаются по своему содержанию. Большая часть таких сочинений отражает военные будни казаков, их участие в походах и содержит подробное описание военных действий. Однако наряду с описанием повседневной военной жизни казачьего сословия, авторы повествуют и о станичных буднях.

Одним из интереснейших источников по истории повседневности являются письма.

Личные письма, написанные близкому человеку и не предназначенные для чужих глаз, заведомо не преследуют никакой общественно-политической цели и представляют собой источник уникальной психологической достоверности. Ни один другой источник не может так же точно передать настроение, образ мысли, психологию человека определенного социального слоя и определенного исторического периода, восприятие им тех или иных событий (Волков 2009: 5).

К сожалению, писем, написанных казаками во второй половине XIX – начале XX века, практически нет в архивах, и поэтому поистине уникальным источником являются письма, опубликованные Е.Ф. Колпиковой в книге «300 писем расстрелянного есаула».

Они были написаны в период Первой мировой войны донским казачьим офицером Александром Упорниковым и адресованы

любимой девушке, подруге, а потом жене Валентине Хрисанфовне Упорниковой, до замужества Григорьевой.

Александр Упорников родился в 1893 году в станице Акишевой Хоперского округа Войска Донского. Воспитывался в Симбирском кадетском корпусе. После его окончания был принят в Михайловское конно-артиллерийское училище в Санкт-Петербурге, которое окончил в1912 г. (Колпикова 2009: 550).
Валентина Григорьева тоже выросла на Дону, в станице Урюпинской, училась в гимназии в станице Усть-Медведицкой. Её роман с молодым донским казаком Александром Упорниковым начался в 1913 году в Замостье (Польша), где служили донские казаки, в том числе сам Упорников, отец и брат Вали, и куда она приезжала со своей матерью на лето. В 1914 году началась Первая мировая война и Александр Упорников ушел на фронт. За годы войны молодые люди виделись всего несколько раз: во время его краткосрочного отпуска и ее приездов на фронт в период затишья. А в основном их общение – это переписка, в которой так много любви.

В одном из своих первых писем, написанном спустя некоторое время после знакомства, он говорит: «…Начиная эти строки, мне только хочется сказать Вам о том, как безумно иногда тоскую по Вам с тех пор, как Вы покинули Замостье, и как сильно с первого взгляда люблю Вас» (Колпикова 2009: 205). Когда Александр писал эти строки, он еще не знал, что Валя тоже полюбила его, поэтому извинялся за свои откровения и не рассчитывал получить ответ: «Я знаю – Вы не ответите мне на это письмо, и поэтому оно будет последним», – и, конечно, был очень рад получить от нее ответ: «Я все же никогда не думал, что Вы мне ответите. Мне всегда казалось, что я для Вас пустое место, мимо которого можно пройти, не замечая, и с этой мыслью я совсем примирился. Вы можете судить теперь, что было со мной, когда на столе у себя я увидел Ваше письмо. Я долго его не распечатывал, но в конце концов почти угадал его содержание, потому что на мое письмо можно было или вовсе не ответить, или же ответить так, как Вы» (Колпикова 2009: 205 – 207).
Из писем Александра Упорникова писем мы узнаем о его увлечении изучением военной истории и желании воевать («Пока что на мою долю выпадает отвратительная жизнь тыла. Что же, я не унываю, пройдем через все тернии, но и дойдем же когда-нибудь до передовых линий») (Колпикова 2009: 21, о том, что тяжелее условий фронтовой жизни для молодого офицера был «книжный голод», что в блиндаже он мечтал прочитать «Войну и мир», и, конечно, желал скорейшего завершения войны: «Теперь и я начинаю мечтать о том времени, когда все наконец кончится» (Колпикова 2009: 245).

В одном из своих писем Упорников отговаривает Валю ехать на фронт сестрой милосердия: «Теперь снова проскользнуло у тебя желание ехать на фронт. Право, не стоит, Валя. Поверь мне. Ведь это все не то, что ты захочешь встретить. Почти наверное к раненым тебя и близко не пустят, а тогда зачем же ехать. Брось это дело. Тебе оно не может доставить ни минуты нравственного удовлетворения» (Колпикова 2009: 240). Конечно, он опасался за жизнь любимой и не хотел, чтобы она видела все ужасы войны.

Упорников очень хочет жениться на Вале и в трех письмах пишет ей, что она должна сделать для окончания «бумажного дела»: переслать ему свое метрическое свидетельство, согласие на вступление в брак невесты и ее матери. В сентябре 1916 года молодые люди обвенчались. После этого в письмах

как будто становится еще больше нежных чувств к своей любимой, теперь уже жене.

Маленькая девочка, любимая маленькая мечтательница, моя любимая Валя, Валечка, Валюська, дорогой Китаец (Валя щурила глаза из-за близорукости – Е.Г.), дорогая, родная, греза моя, любимая моя девочка, дорогой, славный друг, мое солнышко, малышка, славная, милая, любимая, звездочка, женка, мое единственное счастье – такими ласковыми именами называет свою Валентину А.Упорников.

Практически каждое свое письмо он заканчивает словами: «Будь здорова и счастлива. Крепко целую».
Упорников не очень много пишет о самой войне, обычно ограничивается фразами «ты это можешь узнать из газет» или «не хочу описывать этого». Вероятно, это было связано с тем, что все письма проходили цензуру. Хотя в одном из них он рассказывает, как попал под удушливые газы. Он и еще один казак были в масках и выжили, а двое других задохнулись (Колпикова 2009: 311).

Несмотря на то что письма Упорникова обращены к любимой, они позволяют увидеть, насколько велико в нем чувство самосознания как представителя казачьего сословия: «Я не жду от своей службы ни выгод, ни карьеры, иначе не стоило бы оставаться в войске. Ведь в любой из регулярных батарей я был бы старшим офицером. Но расстаться с родным нет желания. Я все же горд сознанием, что я донской казак, и пусть в тылу вешают на нас каких угодно собак, в бою с нами счастлив быть каждый» (Колпикова 2009: 250). Когда брат Александра предложил ему быть у него в батарее старшим офицером, он отказался: «Меня остановила необходимость перестать быть казаком. Перестать верить и любить все то, чему верил и любил раньше, перестать быть конником…» (Колпикова 2009: 337).

Письма Упорникова свидетельствуют о том, как за годы войны меняются его взгляды на армию и на войну.

В августе 1914 года он пишет: «Вот и война, Валя, о которой мы все так мечтали в Замостье. Так больно и стыдно, что до сих пор еще не впереди, что нет сил писать… Когда нас двинут из Новочеркасска, неизвестно. Пока я далеко еще от всех этих прелестей, не думаю, что такое положение продлится долго» (Колпикова 2009: 32 – 33, 215).

В 1916 году в нём еще сохраняется оптимистический настрой и патриотический дух: «Теперь только одно мне ясно, что нужно продолжать войну до конца, до тех пор, пока окончательно возьмем верх либо мы, либо они. Иначе нет права вернуться домой, и как жить с вечным стыдом перед родными могилами. Хватило бы только силы, так как эта жизнь дает себя чувствовать уже на втором году» (Колпикова 2009: 311 – 312).
Однако события февраля – марта 1917 года кардинальным образом изменили отношение Упорникова к войне. В мае 1917 года он пишет: «Постепенно я превращаюсь в самого ярого противника войны. Я даже не знаю, способен ли я после мира остаться офицером. Мне страшно обидно, что миллионы людей говорят ложь и прикрывают ее такими святыми идеалами» (Колпикова 2009: 469).; «Патриотизм мой совсем испарился, и я одинаково чувствую себя чуждым всяким течениям» (Колпикова 2009: 488).; «Патриотическое чувство пропало совершенно, веры нет ни в кого и ни во что… Война, на мой взгляд, уже проиграна, и теперь совершенно безразлично, будем ли мы продолжать драться» (Колпикова 2009: 497).

Безусловно, выживать на фронте и коротать время в тылу помогали письма, о чем А.Упорников не единожды писал Валентине: «Твои письма всегда как будто возвращают к жизни, как будто повторяют,

что есть другая, какая-то особенная жизнь (Колпикова 2009:343). Так хорошо, что у нас с тобой есть своя личная жизнь. За все счастье, за то, что жить хочется, благодарю тебя» (Колпикова 2009:489).

Частная переписка уникальна как исторический источник. Письма раскрывают мировоззрение человека, показывают, как меняются его мысли, взгляды, настроения, помогают увидеть особенности характера автора письма, позволяют исследователю или просто читателю прочувствовать то, что он чувствовал, пережить те события, которые пережил он.

ЛИТЕРАТУРА

Баринова, Е.П. Воспоминания А.Н. Наумова как исторический источник / Е.П. Баринова // Самарский земский вестник. – 2005. – № 4 (12). - С. 91 – 96.

Голикова С.В. Дневниковые записи как источник по изучению повседневной жизни Екатеринбурга на рубеже XVIII-XIX веков // Уральский город XVIII – начала XX в.: история повседневности. – Екатеринбург, 2001. – С. 35 – 46.

Кабанов, В.В. Источниковедение истории советского общества / В.В. Кабанов. – М., 1997. – 385 с.

Кодан, С.В. Источники личного происхождения: понятие, место и роль в изучении истории государственно-правовых явлений / С.В. Кодан // Genesis: исторические исследования. – 2014. – № 3. (Электронный ресурс). – URL: http://e-notabene.ru/hr/article_11431.html. (дата обращения 31.01.2019)

Колпикова, Е.Ф. 300 писем расстрелянного есаула / Е.Ф. Колпикова. – М.: РИПОЛклассик, 2009. – 560 с.

Суржикова, Н.В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (вместо предисловия) / Н.В. Суржикова // История в эго- документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: Издательство «АсПУр», 2014. – 6 – 13.

Троицкий, Ю.Л. Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка / Ю.Л. Троицкий// История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН. – Екатеринбург: Издательство «АсПУр», 2014. – С. 14 – 32.

The research is executed at the expense of a grant of the Russian Science Foundation (project No. 17-18-01008) in the Orenburg State Pedagogical University

Godovova E. V.
Orenburg branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
godovova@mail.ru

Chashchin V. B.
Orenburg Regional Children and Youth Diversified Center, Russia
kazakataman@yandex.ru

The Epistolary Heritage of a Don Cossack Officer

Summary. One of the most interesting sources on the history of everyday life are letters. Personal letters written to a loved one and not intended for others' eyes, obviously do not pursue any social and political goals and represent a source of unique psychological certainty. No other source can so accurately convey the mood, way of thinking, the psychology of a person of a certain social stratum and historical period, as well as his perception of certain events. Unfortunately, the letters written by the Cossacks in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries are practically absent in the archives, and therefore the letters published by E.F. Kolpikova in the book "300 letters of the shot captain" are of great importance. They were written during the First World War by the Don Cossack officer Alexander Upornnikovym.

Keywords: Cossacks, Don Cossack officer, World War I, epistolary heritage, letters as a historical source

ЗАХАРОВА МАРИЯ ВАЛЕНТИНОВНА
МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, РОССИЯ
mary-zaharova@yandex.ru

«Пусть сильнее грянет буря...» (Отражение ключевых социальных потрясений рубежа XIX - XX вв. в языке художественных произведений представителей русской интеллигенции этого времени)

АННОТАЦИЯ. Исследование посвящено попытке выявить, как происходящее в мире на рубеже XIX - XX вв. деформировало языковое сознание носителей русской культурной традиции и какое отражение находили предчувствия, стремления и опасения этих людей в языке их художественных произведений. Анализируются ключевые концепты их творческого сознания, порожденные эпохой, символы, знаки и образы, зафиксированные в их произведениях, а также ключевые цитаты, ставшие отражением и предчувствием эпохи глобальных перемен.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая личность, языковое сознание, мировоззрение, интеллигенция, когнитивная функция языка

Введение

Объектом нашего исследования является русская интеллигенция, а предметом – ее роль в осознании социумом происходящих в мире событий. Чрезвычайно показательным, в данном ракурсе, представляется наблюдение, высказанное С.А. Есениным в стихотворении «Письмо к женщине» (1924):

Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстояньи.

С одной стороны, ценна сама мысль о сложности, даже невозможности осмысления и понимания глобальных изменений в общественной, политической, экономической жизни, в мировоззрении и миропонимании нации в процессе этих изменений. В рамках научной парадигмы в герменевтике эта же мысль выражена, например, в представлении Х.Г. Гадамера о «широте горизонта понимания» любого события, наличествующей у каждого социального субъекта и определяемой, в том числе, близостью к событию и его значительностью – чем ближе и чем значительнее событие, тем уже «горизонт понимания» (Гадамер 1998). Е.Е. Дудникова замечает: «Если предположить, что исторические события некоторым образом взаимосвязаны друг с другом, то оценивание тех или иных исторических событий будет наиболее объективным с позиции вызванных ими событий-следствий» (Дудникова 2008, 45). Следовательно, объективная оценка, осмысление и понимание фактического значения события возможно лишь после актуализации этих событий-следствий, освоения полученного в процессе опыта и коррекции миропонимания социума, т.е. действительно, только временном «на расстояньи» от самого события.

И здесь проявляется другая сторона слов Сергея Есенина: не будучи ученым, не занимаясь научным исследованием происходящих процессов, но являясь представителем интеллигенции, он в рамках собственного художественного мира высказывает суждение, точно отображающее закономерности, которые в дальнейшем будет анализировать и осмысливать уже научная мысль. Причем, что не менее, если не более важно, высказывает их в рамках текста, адресованного не специалистам, а всему социуму в целом, на языке, не только доступном пониманию непрофессиональной личности, но и создающем яркий образ, осмысляемые не столько с помощью абстрактного языкового кода, сколько опирающийся на доступное большинству образное мышление, оперирующее впечатлениями, эмоциями, воспоминания, представлениями и т.д. То есть мы видим, как сложное представление, актуальное для осмысления происходящего, возникает в сознании представителя русской интеллигенции и демонстрируется в рамках художественного текста, адресованного рядовому носителю национального языкового сознания, фактически ретранслируя ему один из ментальных инструментов, необходимых для анализа и понимания происходящих глобальных изменений сознания и общественной жизни.

И предъявленный поэтом образом фиксируется в национальном сознании именно как инструмент взаимодействия с глобальными событиями. Национальный корпус русского языка фиксирует активизацию прямого или косвенного представления этого образа в период осмысления событий глобального мировоззренческого слома конца XX века (конец девяностых – нулевые и десятые годы): ***Большое видится на расстоянии****, и чтобы осмыслить происходящее в стране, Басаев вернулся домой [Геннадий Трошев. Моя война (2000-2001)]* (НКРЯ: электронный ресурс).

Часть 1. Интеллигенция и словесность

Представляется, что стоящая перед нами задача – осмысление роли интеллигенции в период ключевого перелома общественного сознания рубежа XIX – XX веков – требует обращения одновременно к трем областям современного знания:

- ***философии***, в рамках которой можно было бы понять сущность русской интеллигенция и ее положение в эпоху глобальных перемен;
- ***когнитивной лингвистике***, позволяющей ответить на вопрос о взаимосвязи языка и языковых явлений и событий, происходящих в мире;
- ***литературоведению***, способному осмыслить проблему отражения действительности в рамках художественного текста.

Рассмотрим последовательно три указанных аспекта исследуемой проблемы.

1.1. Русская интеллигенция и представление о ней как феномен национального сознания

Слово intellegens, -ntis в латинском языке означало «сведущий, понимающий, благоразумный, знающий» и восходило к глаголу intellego, совмещавшему в себе весь спектр представлений о знании, понимании и представлении мира в сознании человека, включая как фактические знания, так и чувства, эмоции и ощущения. Было и существительное, также образованное от этого глагола, – intelligentia. В наиболее полном и точном из существующих латинско-русских словарей И.Х. Дворецкого сущность этого латинского корня передается сразу несколькими русскими словами, относящимися к разным концептам: *знать, понимать, ощущать, воспринимать, представлять*. В русском языке, на наш взгляд, изначально фиксировалось, как минимум, три когнитивных концепта, связанных с глаголами **вѣдѣти – знати – чюти** *(чуять)*, первый из которых был связан с пониманием наблюдаемого, второй с его фиксацией в сознании, а третий – с ощущением окружающего мира и его проявлений. Эта когнитивная триада (*чувствую, но не могу объяснить → знаю, но не понимаю, не вижу в системе → понимаю, т.е. чувствую, осознаю, вижу в целом и в системе, могу объяснить*), характерная для русского сознания (*Много видит, да мало смыслит. Человек он умный, да только мало смыслит* (Даль: электронный ресурс)), в латинском языке представлена едино. И если в европейских язык носитель выражаемого качества представляется одним латинским дериватом – ***интеллектуал***, то в русском языком сознании единое латинское представление распадается на два понятия – европейский ***интеллектуал*** и безэквивалентное русское ***интеллигент***. Хотя источниками этих слов являются формы одного глагола intellego – форма перфектного причастия для ***интеллектуала*** и форма причастия настоящего времени для ***интеллигента***, в русском языковом сознании эти слова ментально противопоставлены. В. И. Толстых так отражает это противопоставление: «незачем и опасно подменять интеллигентность интеллектуальностью, что, увы, начинает входить в моду. Подмена опасная, потому что интеллектуал свободен от ответственности, он – профессионал и не более того, а интеллигент как раз с ответственности перед обществом и за общество начинается» (Толстых 1995: 111-112). Таким образом, в рамках национального языкового сознания ключевой функцией и, в то же время, определяющей чертой интеллигента оказывается понимание и коррекция общественных устремлений, при априори

высоком уровне интеллектуального развития и одновременно с этим высокими нравственными и эстетическими идеалами и способностью к взаимодействию с художественным миром любого уровня и типа. Д.С. Лихачев говорил об этом так: «восприимчивость к интеллектуальным ценностям, любовь к приобретению знаний, интерес к истории, эстетическое чутье, сможет отличить настоящее произведение искусства от грубой «штуковины», сделанной, только чтобы удивить, если он сможет восхититься красотой природы, понять характер и индивидуальность другого человека, войти в его положение, а поняв другого человека, помочь ему, не проявит грубости, равнодушия, злорадства, зависти, а оценит другого по достоинству, если он проявит уважение к культуре прошлого, навыки воспитанного человека, ответственность в решении нравственных вопросов, богатство и точность своего языка — разговорного и письменного, — вот это и будет интеллигентный человек» (Лихачев 1985: электронный ресурс).

1.2. Язык как способ отражения действительности

Согласно ключевым постулатам когнитивной лингвистики, «назначение языка и его роль в человеческом обществе обусловливаются тем, что в первую очередь он служит КОГНИЦИИ, под которой здесь понимается как научное, так и обыденное познание мира» (Кубрякова 2009: 5), т.е. язык используется его носителями для того, чтобы овеществлять, упорядочивать, систематизировать и структурировать собственные представления об окружающем мире. «Язык сопровождает человека на протяжении всей его жизни, он формирует его сознание непрерывно, – через язык или с помощью языка человек знакомится постоянно с самой разнообразной информацией о мире» (Кубрякова 2009: 10).

В то же время крайне важно понимать, что «отражению подвергается не мир в целом, а лишь его пики, т.е. его составляющие, которые представляются говорящему наиболее важными, наиболее релевантными, наиболее полно характеризующими мир» (Почепцов 1990: 6).

Д.С. Крашенинникова отмечает, что язык, языковая картина мира (то, что находит вербализацию в современном языковом пространстве), есть «средство доступа исследователя» к тому, что происходит в ментальном пространстве национального и личностного сознания (Крашенинникова 2013: электронный ресурс). В нашем случае, исследователь – представитель русской интеллигенции – не является и не может является объективным аналитиком, так как в этом и заключается ключевое отличие интеллигента от интеллектуала. Последний не может быть беспристрастен и безэмоционален (чего требует научная объективность), поскольку сущность интеллигенции заключается в попытке познавать окружающий мир, его глубинную сущность и те процессы, которые в нем происходят, не ради абстрактной науки, а ради человека, осмысленности и правильности его бытия. Поэтому и выражать свои мысли и представления для него оказывается более естественным в эмоционально-образном пространстве художественного текста. Таким образом, художественное произведение, создаваемое представителем интеллигенции, – это и языковое отражение его ментальной сущности и способ овеществления его миропонимания, результатов того глубинного анализа мира, которым он занимается по своей природе, и одновременно с этим, его послание миру и человеку в этом мире о сущности жизни, векторах развития личности и системе координат, позволяющей, с его точки зрения, более правильно, в истинном смысле этого слова, проходить свой жизненный путь.

1.3. Художественный мир и реальная действительность

Проблема художественного мира произведения и его соотношения с миром реальным является одной из ключевых как в литературоведении, так и в исследованиях, посвященных самому представлению о языковой и, шире, концептуальной картине мира отдельной личности или социума в целом. Однако нас в рамках данного исследования интересует лишь два аспекта понимания этой проблемы, сложившиеся в современной науке.

Г.Ю. Стернин, анализируя суть творчества, замечает: «…между «картиной мира» и «миром картины» находится личность художника…» (Стернин 1979: 14). То есть художник осмысливает реальность, в которой существует, и пересоздает ее в художественном пространстве. И здесь, возвращаясь к очень точному замечанию О.Г. Почепцова, приведенному выше, необходимо понимать, что точно так же, как в языковой картине мира отражается не весь реальный мир, а лишь его «пики», которые кажутся таковыми языковой личности, в художественном произведении отражаются лишь те черты реальности, которые представляются важными, существенными создателю художественного мира.

Современное художественное сознание в рамках постмодернистской эстетики значительно трансформирует и искажает исходную картину мира, однако на рубеже XIX – XX веков, когда преобладал художественный реализм, ситуация была иной. Создатель художественного мира, в подавляющем большинстве случаев бесспорный представитель русской интеллигенции, стремился в процессе создания текста осмыслить происходящее в реальном мире и предложить читателю собственное понимание мира и наиболее релевантную ситуацию систему этических и поведенческих координат.

Второй аспект, актуальный для нас, «мир произведения – это способ интерпретации <…>, выражающий преломленные через личное сознание художника коллективные ощущения» (Кондаков, Попкова 2011: 136-137). То есть то, что видит и понимает художник есть воспринятые им и воссозданные в рамках произведения общенациональные и общемировые тенденции. То, что рядовой представитель социума способен лишь ощущать и предчувствовать, творец реализует в мире зримых образов и конкретных вербальных знаков, в результате чего неуловимые ощущения становятся объектом осмысления, анализа и ретрансляции.

Обобщая вышесказанное, можно увидеть, что все три анализируемых явления – язык, художественный мир и интеллигенция – обладают важной общей составляющей: их определяющая, смыслообразующая сущность – осмысление действительности с последующей организацией какой-либо деятельности, провоцируемой результатами этого осмысления. Язык (вернее, языковое сознание его носителей) представляет результаты осмысления в форме языковых знаков и способах их сочетаемости; художественный мир – предлагает систему ценностей и векторы развития мира и человеческой мысли, интеллигенция – демонстрирует обществу результаты осмысления, обозначает ключевые проблемы и предлагает пути их решения. Друг с другом же, как нам представляется, эти явления соотносятся как ***субъект*** деятельности (интеллигенция) – ***средство*** организации и ведения этой деятельности (язык) – и один из возможных ***результатов*** этой деятельности (художественный текст как материальное воплощение художественного мира).

Часть 2. Отражение мира в художественном тексте.

Обратимся теперь непосредственно к анализу фрагментов художественных текстов второй половины XIX – начала XX века.

2.1. Эволюция мира и сознания во второй половине XIX века в текстах русской литературы

Собственно само возникновение русского представления об интеллигенции связано не просто с творческим сознанием, не просто с деятельностью писателей, а с художественным произведением, ключевой герой которого отражает те черты, которые впоследствии были приписаны целому слою носителей русского национального сознания – речь идет о романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» и его герое – Евгении Васильевиче Базарове. Образ нигилиста Базарова, с одной стороны, представляет классический портрет русского интеллигента, а с другой стороны, реализует представления И.С. Тургенева, бесспорно, русского интеллигента, о тех процессах, которые происходят в современном ему общественном сознании.

Поэтому Базаров в одно и то же время точно и глубоко анализирует происходящее как человек мыслящий и личностного переживающий за свой народ:

…болтать, все только болтать о наших язвах не стоит труда, что это ведет только к пошлости и доктринерству; мы увидали, что и умники наши, так называемые передовые люди и обличители, никуда не годятся, что мы занимаемся вздором, толкуем о каком-то искусстве, бессознательном творчестве, о парламентаризме, об адвокатуре и черт знает о чем, когда дело идет о насущном хлебе, когда грубейшее суеверие нас душит, когда все наши акционерные общества лопаются единственно оттого, что оказывается недостаток в честных людях, когда самая свобода, о которой хлопочет правительство, едва ли пойдет нам впрок, потому что мужик наш рад самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману в кабаке.

– и сомневается, ищет и не может найти единственно и абсолютно верного пути, так как уже сам Тургенев в процессе анализа нигилизма как актуального общественного явления не видит его перспектив и ощущает непродуктивность, ущербность пути отрицания даже в сложившихся исторических условиях:

— Так, — перебил Павел Петрович, — так: вы во всем этом убедились и решились сами ни за что серьезно не приниматься.

— И решились ни за что не приниматься, — угрюмо повторил Базаров.

(«Отцы и дети», глава X)

В качестве одного из ключевых образов в литературе появляется женщина, противопоставленная миру, в котором она живет: Катерина Кабанова (А.Н. Островский «Гроза»), Катерина Измайлова (Н.С. Лесков «Леди Макбет Мценского уезда»), Лиза Калитина (И.С. Тургенев «Дворянское гнездо»), Сонечка Мармеладова (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»), Анна Каренина (одноименный роман Л.Н. Толстого), Вера Павловна (Н.Г. Чернышевский «Что делать?»), так как это отражает назревшую во второй половине XIX века проблему эмансипации женщин

Актуальные процессы и явления общественной жизни становятся определяющими и у Ф.М. Достоевского в романе «Преступление и наказание». Он не только обнажает ключевые проблемы современного ему общества (бесправие, униженное

положение образованного, но не богатого человека, проституция и бедственное положение женщины в социуме, отсутствие механизмов социального регулирования процессов обогащения и прочее), но и представляет в своем романе разные способы организации жизни личности, три из которых представляют новые для русского менталитета дороги: американский практицизм Лужина, выраженный в теории «целого кафтана», революционные настроения Раскольникова, жизнь для себя и по своим правилам Свидригайлова. Анализ и последовательное развенчание этих путей развития для Достоевского, вполне очевидно, и есть ключевая художественная задача.

В целом, мы видим, что представители русской интеллигенции уже в середине XIX века стремились не только выразить в художественной форме собственные взгляды, идеи и идеалы, а отражали вместе с тем те новые явления и стремления, которые проявлялись в современном им общественном сознании. Чем ближе к концу века, тем интенсивней анализ окружающего ментального пространства в творчестве. Общемировой кризис сознания и поиски новых путей развития общества и человека находят отражение в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?», в романах И.С. Тургенева «Дым» и «Новь», в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина» (в образе Левина и его поисков смысла и норм бытия) и во многих других произведениях.

2.2. Предчувствие эпохи перемен

Рубеж веков демонстрирует переход от аналитической прозы, представляющей концепции и идеи, к произведениям более мелких жанров, в которых эмоции, ощущения, образы начинают играть гораздо более существенные роли, чем прямое выражение мыслей и представлений. В этот период рождаются ставшие знаменитыми поэтические образы грядущего: «*Буря, скоро грянет буря*!» и «*Человек – это звучит гордо*» М. Горького, «*А все-таки впереди огни*!» и «*Человек рожден для счастья, как птица для полета*» В.Г. Короленко, «*по капле выдавливать из себя раба*» и «*наши внуки и правнуки увидят тут новую жизнь*» А.П. Чехова.

Ключевыми темами произведений в той или иной форме становятся поиски смысла жизни и, в первую очередь, счастья, чаще всего недостижимого; осмысление роли человека на земле и сущности человека, а также предчувствие грядущих перемен – ожидание бури, очень точное отраженное М. Горьким в «Песне о буревеснике» и других ранних произведениях.

Если предшествующий художественный текст стремился к глубокому анализу и открытому высказыванию позиции и героя, и, очень часто, самого автора, то рубеж веков отдает предпочтение афористическим формулам, вмещающим установки, а не обоснования. Концепты, легшие в основу ставших крылатыми выражений этого времени, демонстрируют беспрецедентную активность и в общенациональном сознании, подтверждая положение о том, что интеллигенция отражает колебания коллективного мироощущения, воплощая их в осязаемые словесные конструкции.

Данные Национального корпуса русского языка показывают пиковую активность для лексем *человек, буря* и *счастье* на рубеже веков, причем для *человека* (рис.1) это высший пик активности за весь период наблюдения.

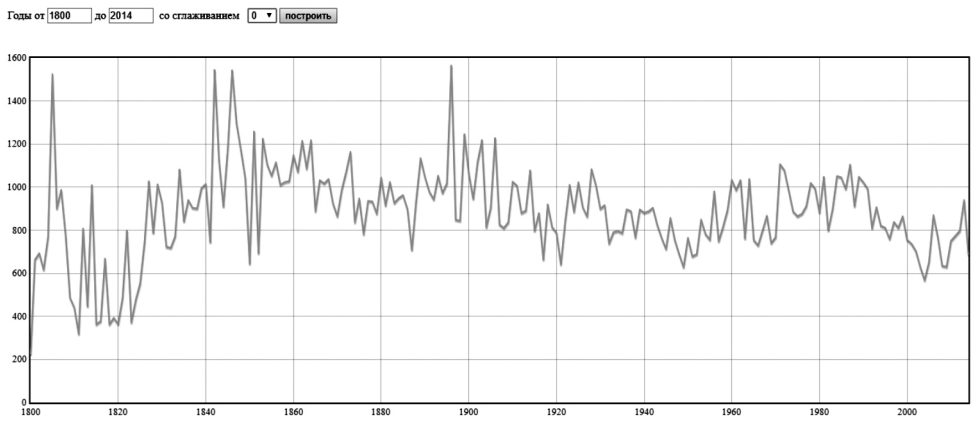


Рисунок 1. Человек

Во второй половине 90-х гг. происходит резкий всплеск интереса к вопросу (рис.2), нашедший свое отражение в творчестве практически всех писателей – представителей интеллигенции того периода:

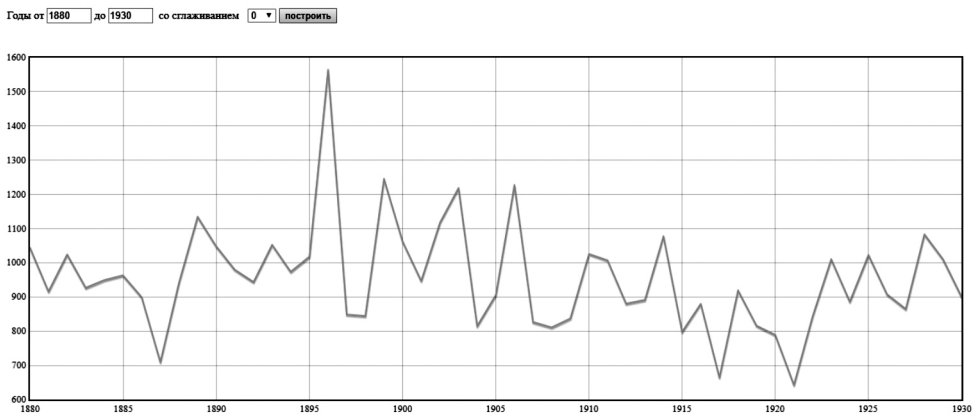


Рисунок 2. Человек. Рубеж веков.

Активизация вербального образа *бури* довольно четко совпадает с периодами дестабилизации общественного сознания под влиянием войн, революций, народных возмущений и т.п. Пик в интересующий нас период предшествует первой русской революции и совпадает с выходом «Песни о буревестнике» (рис.3):

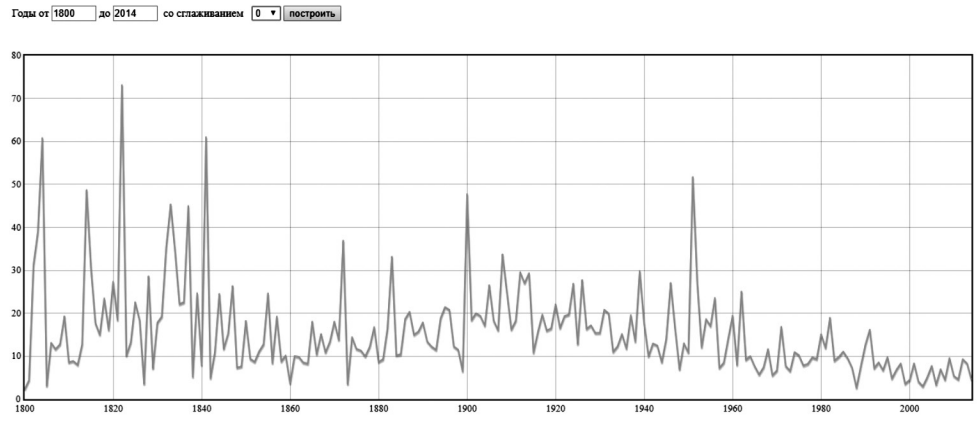


Рисунок 3. Буря

Для вербализации концепта *счастье* период рубежа веков, как это ни странно, оказывается однозначно и бесспорно наиболее удачным за весь период наблюдений (рис.4). В последующие периоды показатели даже близко не подходят к пиковому уровню:

Рисунок 4. Счастье

Любопытно переплетение этих концептов, отраженное тем же М. Горьким в «Песне о соколе» и очевидно демонстрирующее способ их ментальной связи в национальном сознании. Лексема «буря» в тексте отсутствует, однако концепт, который она репрезентирует, находит свое отражение в образах битвы и ярости волн. Для «Песни о буревестнике» также характерно семантическое слияние образов «бури» и «битвы, сражения» в рамках представления о «настоящей жизни», а также осмысление образа «бури» прежде всего через образ бурного море, бушующих волн.

Лексема «счастье» встречается в тексте три раза: *Я знаю счастье!.. → О, счастье битвы!..→ мечтой о счастье* (счастье=-битва, активная, деятельная жизнь-борьба). Лексема «человека» – лишь один раз, но абсолютно знаковом положении: *Верный богу человек идет в рай. А который не служит богу и пророку? Может, он — вот в этой пене... И те серебряные пятна на воде, может, он же... кто знает?* – осмысление сущности человеческой жизни вне привычной религиозной парадигмы.

Таким образом, складывается общий образ: смысл человеческой жизни (его счастье) – в буре, битве, борьбе и гибели, которые противопоставляются комфортному, но бессмысленному существованию Ужа, которое хуже смерти, так как в смерти погибает тело, но сущность остается (в памяти, в волнах, где-то…), а в «жизни» Ужа тело живет, а душа погибает, растворяется в покое и бессмысленности бытия.
Этот же образ реализует и А.П. Чехов как в рассказах («Ионыч», «Крыжовник» и др.), так и драматургии («Вишневый сад», «Дядя Ваня», «Три сестры»), где смыслом человеческой жизни становится активная деятельность, а счастье в привычном представлении = «тихое благополучие» ощущается страшной болезнью:

Всё тихо, спокойно, и протестует одна только немая статистика: столько-то с ума сошло, столько-то ведер выпито, столько-то детей погибло от недоедания... И такой порядок, очевидно, нужен; очевидно, счастливый чувствует себя хорошо только потому, что несчастные несут свое бремя молча, и без этого молчания счастье было бы невозможно.

(«Крыжовник»)

2.3. Грянувшая буря в художественном тексте

Войны и революции начала XX века, перевернувшие общественно-политическую картину мира, естественно, нашли свое отражение в художественном и публицистическом творчестве русской интеллигенции. Очень точно выражает настроение наступившей эпохи название статьи Л.Н. Толстого «Не могу молчать». Процессы, происходившие тогда в русском и мировом общественном сознании до сих пор до конца не осмыслены и не описаны в рамках полноценной научной парадигмы. Современникам же этих событий оценка и осмысление их были невозможно тяжелы. Интеллигенция, естественно, находилась на острие удара. Прежде всего потому, что лучше всех понимала картину мира на предшествующем этапе, видела складывающиеся вероятности и предчувствовала грядущее.

В литературе этого периода намечаются два новых для тогдашнего художественного мира, порожденных новыми обстоятельствами, концептуальных поля, которые можно условно обозначить как *Бог* и *смерть*. Традиционные для русской ментальности концепты, репрезентируемые этими лексемами, в предшествующий период смещаются на периферию концептуальной картины мира. Образ Бога

теряет свою актуальность под давлением зарождающейся научной парадигмы мышления, становясь скорее символом духовности. Смерть вытесняется из сознания вопросом о смысле жизни. И в большинстве случаев воспринимается как выход – возможность покинуть поля битвы для тех, кто слишком слаб и не справился с вызовами, диктуемыми жизнью (смерть Катерины в «Грозе», смерть Катерины Ивановны и Мармеладова в «Преступлении и наказании» и т.д.).

В новой эпохе концептуальные поля актуализируются ощущением страха перед будущим. Поле «Бог» начинает представлять не только идею христианского Бога-отца, создателя мира. Оно постепенно трансформируется в способ репрезентации вопроса о смысле жизни и бытия в целом. Бог как создатель становится источником информации о том, зачем все таково, каким видится, поэтому во многих произведениях он появляется как вполне зримый персонаж, с которым можно вести беседы, как-то напрямую взаимодействовать, который сам включается в реальную жизнь: образ Христа в «Иуде Искариоте» Л. Андреева и в «Мастере и Маргарите» М.А. Булгакова, Бог в поэзии В.В. Маяковского (например, «Послушайте» и др.) и А.А. Блока («Двенадцать»):

…врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит -
чтоб обязательно была звезда!

(«Послушайте»)

Концептуальное поле «смерть» актуализируется в аспекте бессмысленных мучений, жестокости, порожденных войнами и революциями. Глобальный ужас бессмысленной жизни, неотвратимо ведущей к мучениям, уродствам, потерям и смерти, становится одной из ключевых тем творчество Л. Андреева: «Красный смех», «Жизнь Василия Фивейского», «Стена» и т.д. Во многом сходные представления реализовывались и Л.Н. Толстым («Три смерти», «Смерть Ивана Ильича» и др.) – ужас человека обреченного на смерть, бессмысленность страданий – однако в рамках научно-реалистической парадигмы, т.е. в отсутствии образа Бога. Здесь же Бог либо глух и слеп, либо не желает помогать человеку, либо смеется над ним, либо вообще иначе оценивает действительность. Например, в поэме «Двенадцать»:

От чего тебя упас
Золотой иконостас?

В белом венчике из роз —
Впереди — Исус Христос.

- с одной стороны, вера в Бога представляется чем-то бессмысленным (так как никто тебя не спасает от бед (см., например, «Жизнь Василия Фивейского» Л. Андреева), а с другой, зримый, реальный Бог присутствует в реальной жизни, хоть и не осознаваемый и не понимаемый людьми.

Смерть же, как таковая, продолжает находиться на периферии сознания – на первый план поля выходят мучения и страдания, причиняемые войной и людской агрессией (смерть Катьки в «Двенадцати», сумасшествие в «Красном смехе», образ вечера-инвалида в «Мама и убитый немцами вечер», образ изуродованного поручика в стихотворении «Вам» и т.д.).

Заключение

Не имея возможности в рамках одной статьи проанализировать все аспекты отражения происходящих глобальных перемен в художественном творчестве русской ин-

теллигенции, мы тем не менее постарались показать, на некоторых примерах, как реализуется механизм отражения и осмысления действительности писателем-интеллигентом через посредство художественного пространства.

Художественный текст, его язык, образное пространство, система приоритетов и ценностей, становится для русской интеллигенции зоной не только осмысления происходящего и выражения собственных представлений о мире, но и взаимодействия с остальными носителями русского культурного сознания. Здесь неясные образы глобальных событий, недоступные осмыслению современниками, приобретают под воздействием сознания интеллигента явные черты, имеющие зримое, объективно воспринимаемое выражение. Здесь, во всяком случае, в анализируемый период формируется и формулируется отношение к новым явлениям и представлениям, которое затем транслируется читателям.

По сути дела можно утверждать, на наш взгляд, что роль интеллигенции в эпоху глобальных перемен – создавать в образном пространстве приемлемые для социума в целом языковые средства, помогающие описать, а затем и осознать происходящее, хотя бы настолько, насколько это возможно для мыслящих, но находящихся в водовороте событий людей.

ЛИТЕРАТУРА

Гадамер, Х.Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. – М., 1998.

Даль, В.И. Пословицы русского народа. [Электронный ресурс] – URL: http://vdahl.ru/ (дата обращения: 15.01.2019).

Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь. – М., 1976.

Дудникова, Е.Е. Диалогичный аспект понимания исторического события через текст. // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. Гуманитарные науки. – 2008. Специальный выпуск №2. – С. 42-48.

Крашенинникова, Д.С. Язык как орудие познания мира в сознании народа [Электронный ресурс] // Вестник ВУиТ. 2013. №1 (12). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-kak-orudie-poznaniya-mira-v-soznanii-naroda (дата обращения: 19.01.2019).

Кондаков, Б.В., Попкова, Т.Д. Художественный мир литературы и феномен детского миросознания. Статья первая // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. №4 (16). – С. 130-143.

Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики.– 2009 №1 (018) – С. 5-12.

Лихачев, Д.С. Письма о добром и прекрасном. [Электронный ресурс] // Книгосайт. [М., 1985] – URL: http://knigosite.org/library/read/26069 (дата обращения 08.01.2019)

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] – URL:http://search1.ruscorpora.ru/search.xml?env=alpha&mycorp=&mysent=&mysize=&mysentsize=&mydocsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%E1%EE%EB%FC%F8%EE%E5+%E2%E8%E4%E8%F2%F1%FF+%ED%E0+ (дата обращения: 10.01.2019).

Почепцов, О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. – 1990 №6. – С. 11-112.

Толстых, В.И. // Перестройка. Десять лет спустя. – М., 1995. – С. 111–112.

Стернин, Г.Ю. // Типология русского реализма второй половины XIX в. – М.: Наука, 1979. – 352 с.

ZAKHAROVA M. V.
Moscow city University, Russia
mary-zaharova@yandex.ru

“Let the Storm be Stronger...” (A Reflection of the Key Social Upheavals at the Turn of XIX - XX Centuries in the Language of Literary Works by Representatives of the Russian intelligentsia of that Time)

Summary. This research is devoted to the attempt to reveal how the events in the world at the turn of the XIX - XX centuries deformed the linguistic consciousness of the bearers of the Russian cultural tradition and how the premonitions, aspirations and fears of these people were reflected in the language of their works of art. The key concepts of their creative consciousness generated by this era, symbols, signs and images recorded in their works, as well as key quotes that became a reflection and a premonition of an era of global change are analyzed here.

Keywords: language personality, language consciousness, worldview, intelligentsia, cognitive function of language

КАНДЕЛАКИ ДАЛИ ГЕОРГИЕВНА
АЧАИДЗЕ МЗЕКАЛА ЗАУРОВНА
ТБИЛИССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. ИВАНЭ ДЖАВАХИШВИЛИ, ГРУЗИЯ
dali.kandelaki@tsu.ge
mzekala.atchaidze@tsu.ge

Деятельность европейской интеллигенции в Грузии (II пол. XIX века)

АННОТАЦИЯ. В данной работе предпринята попытка выяснить мотивацию деятельности европейцев в Грузии во второй половине XIX века; роль и вклад европейской интеллигенции в развитие грузинской культуры, истории, политики, литературы и других сфер. Грузию они часто называли своей второй родиной. Некоторые из них нашли свое вечное пристанище именно в этой стране.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Грузия, Кавказ, европейская интеллигенция, II половина XIX века, история

Отношения между грузинским и европейскими народами насчитывают века. Многие европейцы были в восторге от красоты природы Грузии, посвятили ей художественные произведения и специальные научные исследования.

Грузия привлекла внимание Европы со времен крестовых походов. В этот период христианский мир Западной Европы установил связь с ближневосточными христианскими странами. Интерес к Грузии еще более возрос после того, как Османы, захватив Константинополь, усилили свои позиции в Европе и перекрыли путь к государствам Азии. С XVII века торгово-политическая роль кавказского региона возрастает. Путь, по которому европейцы должны были пройти в восточные страны, лежал через Грузию. С самого начала следующего столетия Грузия все больше привлекала внимание европейского сообщества и события, происходящие здесь, находили отклик в зарубежной прессе, в трудах ученых, политиков и путешественников.

Интерес к Кавказу со стороны европейцев в XIX веке был не случайным. Военные операции Российской империи на Кавказе стали объектом интереса европейских политиков, общественных деятелей и интеллигенции. В течение столетия как Южный, так и Северный Кавказ, стали частью Российской империи, и поэтому регион привлек особое внимание европейских государств, что привело к росту его политической, военной и торговой значимости. Именно этот интерес повлиял на активизацию английских, итальянских, французских, португальских, польских, немецких и других путешественников, послов и ученых, и на углубление и расширение сфер их деятельности. Они, в первую очередь, выполняли политические заказы определенного круга, о чем свидетельствуют их труды и их деятельность. Представители европейской интеллигенции Грузию часто называли своей второй родиной. Некоторые из них нашли свое вечное пристанище именно в этой стране.

Со второй половины XIX века резко увеличивается число европейских путешественников и ученых. Большинство из них на протяжении нескольких лет жили в Грузии и служили грузинскому народу. Глубоким и разнообразным становится процесс сближения иностранцев с грузинским народом. Отсюда они посылали личные письма в Европу, статьи издательствам, в которых описывали истории, услышанные от очевидцев, или увиденные собственными глазами. Изучению и пропаганде культуры грузинского народа в Европе способствовали сестра и брат Марджори и Оливер Уордропы, Артур Лейст, супруги Берта и Артур Гундакар Фон Зутнер, Жозеф де Бай и многие другие. Следует отметить деятельность Густава Радде, который в 1867-1903 годах стоял во главе созданного при его участии Кавказского музея.

С точки зрения усиления индустриального потенциала Грузии и использования ее природных ресурсов, особое значение имеет вклад братьев Вальтера и Отто Сименсов. Относительно их деятельности были напечатаны множество работ в Грузии (Авдалян 2013) и за рубежом (Karbelaschvili 1990/91).

Многие европейские художники - Георг Кизеветер, Пол Фон Франкен, Теодор Горшельт, Макс Тильке, Оскар Шмелинг (Карикатуры), Борис Фогель, Карл Зоммер – жили в Грузии, в своих трудах отразили природу, культуру, боевые сцены и повседневный быт страны. Они оказали большое влияние на развитие грузинского искусства.

С середины XIX века меняется облик Тбилиси, и особая заслуга в этом принадлежит

европейским архитекторам и инженерам - Джованни Скудиери, Альберту Зальцману, Александру Шимкевичу, Виктору Шретеру, Александру Рогойскому, Фердинанду Лемкулу и многим другим зодчим. Они возводили публичные учреждения, частные дома, мосты и парки, и не только в столице, но и в других городах, в которых можно встретить их работы, до сих пор являющиеся великолепными творениями.

Строения, имеющие высокую художественную и архитектурную ценность, возведенные европейскими зодчими в Тбилиси и по всей Грузии, выделяются гармоничным единством грузинских и европейских архитектурных традиций и неразделимы от грузинского культурного наследия (Мания 2006: 132).

В статье, в основном, мы рассмотрим деятельность нескольких европейских деятелей, внесших большой вклад в пропаганду истории, литературы и культуры Грузии.

В грузинской историографии большое место уделяется изучению деятельности европейцев в Грузии (Канделаки 2009, Киладзе 2016, Имнаишвили 2015, Кобахидзе 2015, Русеишвили 2014, Брегвадзе 2015, Какабадзе 1999).Оценка их деятельности дана еще у современных им грузинских писателей и общественных деятелей – И. Чавчавадзе,[1] А. Церетели,[2] И. Меунаргиа[3] и многих других. Все грузинские авторы положительно и с уважением отзываются об их деятельности. Иностранцы поддерживали грузинскую интеллигенцию, представители которой в указанный период вели активную борьбу против колониальной политики России, в частности, борьбу за восстановление автокефалии грузинской церкви, за возрождение грузинского языка и за восстановление грузинской государственности.

Среди дружественно настроенных к грузинскому народу иностранцев особое место занимает Артур Лейст. Немало работ он посвятил истории, культуре и этнографии Грузии (Leist 1885; 1903). Большим теплом проникнуто воспоминание об Артуре Лейсте грузинского поэта Тициана Табидзе: «Первый, кто по немецкой системе и с редкой выносливостью, до старости донес любовь к грузинской культуре и истории, был Артур Лейст... В течение сорока лет господин Артур Лейст был неизменным послом германской нации в Грузии. Он немало посеял для любви к его народу в нашем крае за 40 лет. Артур Лейст был неразлучным другом Ильи Чавчавадзе, кроме того, он был знаком и дружил со многими выдающимися грузинами той эпохи и у всех заслужил чувство редкого доверия...» (Табидзе 1966: 259-260).

Было странно, когда о столь известной личности, в книге, изданной в Германии в 1987 году (Reisen 1987: 175) мы нашли запись, что с 1906 года об Артуре Лейсте ничего не известно. Относительно данного факта в немецкоязычном журнале «Георгика» нами опубликована статья, в которой отмечено, что «с 1892 года Артур Лейст обосновался в Грузии. Он принимал активное участие в общественной жизни страны. С 1918 года его пригласили в Тбилисский университет в качестве преподавателя немецкого языка. В 1922 году грузинская общественность отметила 40-летний юбилей его деятельности в Грузии. В 1923 и 1927 годах был издан сборник

1 Илья Чавчавадзе (1837-1907) – грузинский писатель, поэт, публицист, политический и общественный деятель, лидер Национального-освободительного движения Грузии.

2 Акакий Церетели (1840-1915) – грузинский писатель, поэт, публицист, общественный деятель, один из лидеров Национального освободительного движения Грузии.

3 Йона Меунаргия (1852-1919) – грузинский писатель, критик, публицист.

в двух книгах сочинений Артура Лейста «Сердце Грузии». Артур Лейст скончался 22 марта 1927 года, похоронен в Тбилиси, в Дидубийском пантеоне общественных деятелей» (Kandelaki 1990-1991: 104-105).

Стоит особо отметить, что Артур Лейст основал и полтора года работал главным редактором еженедельной газеты немецкой общины в Тбилиси «Kaukasische Post», издаваемой в 1906-1922 годах. Посредством газеты немецкоязычный мир интенсивно получал информацию о событиях, имевших место на Кавказе. Статьи, публикуемые в газете, отличались тематическим многообразием. В них неоднократно подчеркивалось, что Грузия для проживающих там немцев стала второй родиной. «В 1906 году, под руководством Артура Лейста, выходила не только газета «Kaukasische Post», вместе с другими образованными тбилисскими немцами он основал «Немецко-грузинское культурное общество»... Лейст учреждал для грузин курсы по мастерству и приглашал в них немецких мастеров из Германии. Искал средства для грузинских студентов с целью отправить их в Германию для получения образования. Для этого он отправлял письма в Германию к своим друзьям-ориенталистам» (Шошиашвили1991: 45).

В этом благородном деле Артур Лейст не был одинок, его, в частности, поддерживал выдающийся немецкий ученый, ассириолог и урартолог Карл Леман-Гаупт, который в 1899 году совершил путешествие в Грузию и полученные впечатления передал в очерке «Из Грузии», опубликованном в четырех письмах в журнале «Die Zeit» (Lehman-Haupt: 1901).

Немецкий ученый вспоминает дни, проведенные у Ильи Чавчавадзе в Тбилиси и Сагурамо. Он довольно положительно отзывается об Илье Чавчавадзе, с большой любовью говорит о гостеприимстве его семьи, о грузинском застолье и традициях. В одном из своих писем немецкий ученый говорит о бессмертной поэме Руставели «Витязь в тигровой шкуре» и поэме Ильи Чавчавадзе «Отшельник» и дает соответственную оценку этих произведений: «Витязь в тигровой шкуре» – настоящий народный эпос, его читают и во время молотьбы. Грузины знают наизусть целые строфы этой поэмы. Содержание с детства выученного эпоса настолько глубоко вошло в их плоть и кровь, что отображенное в поэме они воспринимают собственным переживанием и в его стихах находят новое воплощение пережитого» (Lehman-Haupt 1901: №3, 531). Письма Карла Леман-Гаупта являлись источником, посредством которого европейцы знакомились с Грузией.

Среди зарубежных деятелей особенно выделяются англичане, брат и сестра Марджори (1869-1909) и Оливер (1864-1948) Уордропы. Они считали Грузию своей второй родиной и поставили перед собой цель изучить грузинский язык, грузинскую культуру и историю Грузии. Уордропы общались со многими грузинскими учеными и вместе с ними собирали и изучали грузинский материал.

Переводчик, литератор и общественный деятель, Марджори Уордроп, впечатления от путешествия в Грузию (1894-1895 гг.) передала в своей работе «Путешествие в Грузию: записи». Существует грузинский перевод данной работы (Уордроп Марджор 2012), выполненный непосредственно из рукописи.

Эта прославленная англичанка многое сделала для популяризации грузинской культуры. Кроме того, что она одной из первых перевела «Витязя в тигровой шкуре» Руставели на язык передового европейского народа, она также перевела и опубликова-

ла и другие образцы грузинской литературы (Арveладзе 2015: 59).

Марджори Уордроп не раз оказывала материальную помощь грузинским крестьянам, пострадавшим от стихийных бедствий. В 1896 году в письме, отправленном главе Дворянства Кутайсской губернии, Симону Церетели, Марджори Уордроп пишет: «Досточтимый князь Симон Церетели! Вместе с этим (письмом) посылаю вам сто рублей и покорнейше прошу принять их в качестве помощи крестьянам, пострадавшим от наводнения. Мой брат и я находимся в горести из-за бедствия в Грузии и я желаю, чтобы пожертвований было много...» (Тактакишвили-Урушадзе 1965: 55). После ее смерти сэр Оливер Уордроп основал в Оксфордском университете Фонд имени Марджори Уордропа, в который вошли все издания, связанные с Грузией.

Выдающийся британский дипломат, писатель, переводчик и общественный деятель Оливер Уордроп, вместе со своей сестрой собирал материалы о Грузии, отразившиеся в книге, изданной в 1886 году – «Королевство Грузия: путешествие в страну женщин, вина и песен» (Уордроп Оливер 2001). Книга была снабжена иллюстративным материалом – виды Грузии, портреты грузинских исторических деятелей; к книге прилагался краткий обзор истории, языка и литературы Грузии, а также обширный библиографический материал.

Ученый Ш. Штоиер, в своей диссертационной работе – «Поздно открытые переводы Марджори Уордропа» – отмечает, что по материалам, найденным в коллекции Уордропа, брат с сестрой постоянно помогали грузинским студентам в Англии, давали им рекомендации для поступления в университет, финансировали их. Очевидно, что Оливер был рекомендатором грузинских студентов и отвечал за их учебу и поведение. В архиве хранятся письма, написанные Оливеру руководящими лицами Лондонского университета, в которых указано, что некоторые студенты пропускали лекции, у некоторых была задолженность в оплате за учебу и т.д. (Штоиер 2012: 137).

В июле 1919 года правительство Великобритании предложило Оливеру Уордропу стать первым главным уполномоченным Великобритании в Закавказье. В полные волнений годы независимости Грузии, Оливер провел здесь и отдал немало энергии формированию независимости Грузии (Уордропы и Грузия 2014: 65).

С 1927 года Оливер Уордроп оставил государственную службу и все свое время посвятил работе Фонда имени Марджори Уордропа; на счету Фонда большое количество добрых дел. В 1930 году, вместе с известным английским историком, У. Алленом Оливер основал в Англии «Грузинское историческое общество» и журнал «Georgica».

Работы брата и сестры Уордропов представляют собой бесценное сокровище, по которому европейцы знакомятся с историей Грузии, грузинской культурой и литературой. Неоценима их благотворительная деятельность, благодаря которой немало грузин получили европейское образование и возможность выхода на успешную стезю профессиональной деятельности.

Почти 10 лет жили и вели деятельность в Грузии супруги Берта[4] (1843-1914, девичья фамилия – Кински) и Артур Гундаккар фон Зутнер (1850-1902); они бескорыстно служили грузинской культуре. Их творчество изучалось и изучается грузинскими учеными.

4 Берта фон Зуттнер – первая женщина – лауреат Нобелевской премии мира, присвоенной ей в 1905 году.

Интересна история первого посещения парой Грузии, обусловленная жизненными обстоятельствами, в частности, семья Артура фон Зутнера была недовольна его браком с гувернанткой четырех дочерей сестры Артура, которая, к тому же, была на семь лет его старше. Родители лишили его права на наследство. По этой причине муж с женой на десять лет переселились в Грузию, куда пригласила их правительница Самегрело Екатерина Чавчавадзе. Берта познакомилась с ней в 1864 году в Бад-Гомбурге.

Вначале Зутнеры жили в летней резиденции Дадиани, в Горди, позднее переехали в Кутаиси. Из-за тяжелого финансового положения они были вынуждены находить временные подработки, такие, как создание развлекательных романов, уроки музыки, переводческая деятельность. В 1877 году, вместе с началом Русско-турецкой войны, Артур стал публиковать статьи в немецких ежедневных газетах, в которых писал о текущей войне, о Грузии, Кавказе и о местных народах. В том же году приступила к журналистской деятельности и Берта фон Зутнер. Под псевдонимом Б. Олот (B. Oulot) она публиковала статьи, которые, подобно публикациям ее мужа, имели большой успех. Для австрийских газет она писала маленькие рассказы и эссе, а ее муж публиковал известия о войне и истории о путешествиях. С 1878 года Зутнеры переехали жить в Тбилиси и поселились в европейском квартале города – на проспекте Агмашенебели. Екатерина Дадиани снабдила их рекомендательным письмом к вдове Ираклия Багратиони[5], Тамаре[6]. Позднее они вернулись в Зугдиди, в ту часть города, где в «немецкой колонии» (в поселении) жили вюртембергские крестьяне и наняли у них фешенебельный дом. В Зугдиди они работали в семье принца Ашиля Мюрата[7]. Гундаккар был смотрителем и руководителем строительства, начатого Мюратами, а Берта учила сыновей принца Мюрата немецкому и музыке. В Зугдиди написала Берта романы «Плохой человек», «Ханна», «Опись одной души». В мае 1885 года муж с женой вернулись в Вену (Цофурашвили 2014).

Литературное наследие Берты Зутнер включает публицистику, работы критического и исторического характера. В ее книге «Мемуары», изданной в 1909 году, довольно большое место уделено Грузии.

Особо следует отметить вклад Артура Зутнера в переводе поэмы «Витязь в тигровой шкуре». Вместе с французским журналистом Жюлем Мурье, он помогал Ионе Мегнаргия в отшлифовке французского перевода поэмы Шота Руставели. Несмотря на то, что данный перевод считается утерянным, именно Зутнеру мы обязаны наличием великолепных иллюстраций к поэме, выполненных Михаем Зичи[8], русского перевода, принадлежащего Константину Бальмонту[9] и полемики вокруг «Витязя в тигровой шкуре», развернувшейся в 1884 году в тбилисской грузинской и русской прессе (Брегадзе 2018).

Зутнеры создали не одну значительную работу и оставили потомкам большое литературное наследие. Их сочинения содержат интересные сведения об исторических

5 Ираклий Багратиони (1826 - 1882) - Внук Ираклия II и единственный сын Александра Батонишвили.

6 Тамара Давидовна Чавчавадзе (1852 - 1933) - грузинский общественный деятель. Дочь генерала Давида Чавчавадзе, внучка поэта Александра Чавчавадзе.

7 Ашиль Мюрат (1847-1895) - внук неаполитанского короля - Иоахима Мюрата. В 1868 году поженился в Париже на дочери Давида Дадиани и Екатерины Чавчавадзе.

8 Михай Зич (1827-1906) - венгерский живописец и график.

9 Константин Бальмонт (1867-1942) - русский поэт.

лицах, общественных деятелях, о быте грузин, о городах: Тбилиси, Кутаиси и Зугдиди и т.д. Большое место в их творчестве уделяется деловым связям с грузинскими писателями.

В книгохранилищах и архивах Европы пока еще остается в большом количестве неизученный материал, после открытия которого станет известно о творчестве и деятельности еще многих других европейцев, которые определенную часть своего творчества посвятили Грузии. Мы хотели еще раз, с чувством благодарности, вспомнить зарубежных друзей грузинского народа – немецких, австрийских, английских ученых и общественных деятелей, которым принадлежит огромная заслуга в деле популяризации истории, литературы и культуры Грузии. Они включили в европейский научный обиход важнейшие памятники грузинской литературы и своей деятельностью навсегда заняли почетное место в памяти грузинской нации.

ЛИТЕРАТУРА

Авдалян, Э. Соединение Европы и Азии – братья Сименс в Грузии / Э. Авдалян // Forbes Georgia. Тб., 03.2013. № 16, С. 100-102 (на груз. яз.).

Арveладзе, С. Далекие нашие и наши иностранцы / С. Арveладзе. – К.: ООО «МБМ-Полиграф», 2015. Т. 1. – 560 с. (на груз. яз.).

Брегадзе, Л. Артур Гундакар фон Зутнер // Просветительствов Грузии. Идеи и деятели. – URL: http://nateba.websail.net/biographies/242-zutneri-ar (дата обращения: 02.12.2018) (на груз. яз.).

Брегадзе, Л. Пацифистский след Берты фон Зутнер в Грузии / Л. Брегадзе // Апра: Литературный, религиозно-философский и общественный журнал. Тб., 2015. № 21. С. 217-220.(на груз. яз.).

Вопросы истории Немцев в Грузии / сост.: Гарри Аугст /Ассоциация немцев в Грузии «Айнунг». - Тб.: ООО «Мцигнобари», 2011. – 95 с. (на груз. яз.).

Гозалишвили, Ш. Илья Чавчавадзе и друзья грузинской культуры за рубежом / Ш. Гозалишвили. – Тб.:Сабчота Сакартвело. 1973. – 103 с. (на груз. яз.).

Имнаишвили, В. Артур Лейст и Грузия // Картвелология. Научный Журнал / В. Имнаишвили // Тб., 2015. №5. С. 21-28. (на груз. яз.).

Зутнер, Берта фон. С грузинами ив Грузии. Книгу составил Н. Какабадзе. – Тб.: Кавказское бюро международных культурных программ. 1999. - 89 с. (на груз. яз.).

Какабадзе, Н. Рухадзе, Н. Воспоминания Берты фон Зутнер о Грузии / *Н. Какабадзе* // Цискари. Тб., 1962. № 5. С. 138 – 149. (на груз. яз.).

Канделаки, Д. Европейцы о Кавказе. – Тб.: Универсал. 2009. – 105 с. (на груз. яз.)

Киладзе, Т. Артур Леист, как межкультурный посредник / Т. Киладзе // – Тб.: ИП «Гоча Далакишвили». 2016. - 264 с. (на груз. яз.).

Мания, М. Европейские архитекторы в Тбилиси. – Тб., 2006. – 136 с. (на груз. яз.).

Русеишвили, М. Оливер Вардроп и Грузия // Вопросы историй культуры и теории. Тбилисский государственный университетим. Иванэ Джавахишвили / М. Русеишвили // - Тб., 2014. № 29, С. 108-115. (на груз. яз.).

Сер Оливер Уордроп 150/Книгу составил, с замечаниями и комментариями, отредактировал, английский текст сравнил с грузинским Бека Кобахидзе. – Тб., 2015. –328 с. (на груз. яз.).

Табидзе, Т. / Сочинения в 3-х томах. Т. II. Письма о литературе и искусстве. Книгу составил Ш. Деметрадзе. –Тб.: Литература и Искусство. 1966. - 320 с. (на груз. яз.).

Тактакишвили-Урушадзе, Л. Марджори Уордроп.– Тб.: Изд. Литература и Искусство. 1965. - 189 с. (на груз. яз.).

Уордропи и Грузия / Сборник подготовил и опубликовал Георгий Каландия. – Тб., Лондон, Оксфорд. 2014. - 72 с. (на груз. яз.).

Уордроп Марджори. Путешествие в Грузию. Записки / перевод с английского, с замечаниями и комментариями М. Абашидзе и Г. Джохадзе. –Тб.: Нац. научная Академия Грузии. 2012. – 102 с. (на груз. яз.).

Уордроп Оливер. Грузинское Царство: путешествие в страну женщин, вина и песен» // перевод с английского М. Урушадзе. – Тб., 2001. – 212 с. (на груз. яз.).

Шошиашвили, М. Тбилисская немецкая газета «Kaukasische Post» (1906- 1921) // Грузия и европейские страны / М. Шошиашвили // Тб., Мецниереба. 1991. № 5. С. 43-52. (на груз. яз.).

Штоиер, Ш. Позже отслеженные переводы Марджори Уордропа. Диссертация на соискание филологических наук / Ш. Штоиер. – Тб., Университет Ильи Чавчавадзе, 2012. - 296 с. - URL: http://iliauni.edu.ge/uploads/other/1/1441.pdf (дата обращения: 02.12.2018). (на груз. яз.).

Цофурашвили, Т. Берта фон Зутнер // Фонд Генриха Бёлла. 13.06.2014. – URL: http://www.feminism-boell.org/ka/2014/06/13/berta-pon-zutneri (дата обращения: 01.12.2018). (на груз. яз.).

Kandelaki, D. Einige ungeneuigkeiten in den deutschsprachigen wissenschaftlichen Literatur // Georgica. Konstanz. 1990/91, N 13/14. S. 103-106.

Karbelaschvili, A. Der Brüder Siemens unter Georgiens Himmel // Georgica. Konstanz. 1990/91, N 13/14. S. 106 - 114.

*Leist, A.*Georgien: Natur, Sitten und Bewohner. W. Friedrich, Leipzig. 1885.132 S.

Leist, A. Das Georgische Volk. E. Pierson, Dresden. 1903. 328 S.

Lehman-Haupt, C. Aus Georgien // Die Zeit. 1901.

Reisen im Kaukasus. Berichte aus dem 19. Jahrhundert. Hrsg. und mit dem Vorwort versehen von Jürgen Breuste und Burkhard Malich. Koehler und Amelang. Leipzig. 246 S.

KANDELAKI D. G.
ATCHAIDZE M. Z.
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University, Georgia
dali.kandelaki@tsu.ge
mzekala.atchaidze@tsu.ge

Activities of the European Intelligentsia in Georgia (The Second Half of 19th Century)

Summary. This article attempts to reveal the motivations of Europeans in Georgia in the second half of the 19th century; the role and contribution of European Intelligentsia in the development and evolution of Georgian culture, history, politics, literature and other fields. They often referred to Georgia as their second motherland. Some of them even found their eternal resting place in this country.

Keywords: Georgia, Caucasus, European intellectuals, second half of 19th century, history

КАРПЕНКО СВЕТЛАНА МИХАЙЛОВНА
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, РОССИЯ
karpenko_si@mail.ru

Языковая личность Н.С. Гумилёва: опыт когнитивного анализа в аспекте категории интеллигентности

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу языковой личности Н.С. Гумилёва, одного из ярких представителей поэзии серебряного века, в аспекте категории интеллигентности. Основное внимание уделяется изучению концептуального и тематического своеобразия творчества автора. Особенности языковой личности поэта рассматриваются с учётом морально-этических качеств и нравственных идеалов, входящих в категорию интеллигентности – служения, подчинения жизни долгу, аскетизма и психологии героизма, жертвенности, наличия гражданской позиции и свободного от догм мышления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая личность, концепт, картина мира, ассоциативно-смысловое поле, интеллигентность

Выдвижение антропоцентрической парадигмы научного знания как ключевой в современных исследованиях обусловило внимание к человеческому фактору в языке, к языковой личности как к носителю языка и культуры. В связи с развитием когнитивной лингвистики (Н.Д. Арутюнова, В.З. Демьянков, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.) и лингвокультурологии (В.Г. Костомаров, Е.М. Верещагин, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, В.В. Воробьёв, В.М. Шаклеин, В.А. Маслова и др.) актуальными являются вопросы соотношения языка с сознанием, мышлением, обществом, культурой, историей народа. В статье представлен когнитивный анализ языковой личности поэта серебряного века Н.С. Гумилёва как яркого представителя интеллигенции рубежа XIX-XX вв. Под языковой личностью вслед за Ю.Н. Карауловым понимается «любой носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведённых им текстов с точки зрения использования в этих текстах системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определённых целей в этом мире» (Караулов 1997: 671). Цель когнитивно-языкового (концептуального) анализа – «выявить некоторые смысловые универсалии художественного мышления автора и изучить языковые способы их репрезентации в тексте» (Болотнова 2008: 57). В аспекте когнитивного подхода языковая личность может быть рассмотрена с учётом трёхуровневой модели языковой личности, разработанной Ю.Н. Карауловым, в соответствии с которой в её структуре выделяются вербально-семантический, тезаурусный и прагматический (мотвационный) уровни (Караулов 1987: с. 48-56). Каждый из уровней языковой личности формируется на основе входящих в него элементов – единиц и отношений между ними. Так, вербально-семантический уровень составляют слова, тезаурусный – понятия (идеи, концепты), прагматический – деятельностно-коммуникативные потребности (Ю.Н. Караулов, 1987, с. 56). Нами используется методика анализа концептуальной структуры текста, разработанная в рамках направления коммуникативная стилистика текста, базирующаяся на выявлении и изучении ассоциативных структур – текстовых и межтекстовых ассоциативно-смысловых полей и ассоциативных парадигм (см. работы Болотновой Н.С., Пушкарёвой И.А., Карпенко С.М., Васильевой А.А. и др.).

Рассматривая интеллигентность как морально-нравственную категорию, необходимо выделить совокупность нравственных качеств, отражающих особенности сознания, поведения, отношения личности к себе и миру. Совокупность таких качеств представлена в работах философов XIX-XX вв. – Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона и др. (Вехи 1991) в связи с осмыслением феномена русской интеллигенции. С.Н. Булгаков, размышляя о духовном облике русской интеллигенции, отмечает её жертвенность, неудовлетворённость своими творениями, свойственные ей космополитизм и психологию героизма, стремление к служению народу (Булгаков 1991: 31-59). О подвижничестве, служении народу, подчинении личных интересов общественным пишут и другие философы – М.О. Гершензон, С.Л. Франк, П.Б. Струве. Так, М.О. Гершензон отмечает: «Русский интеллигент – это, прежде всего, человек, с юных лет живущий *вне себя*, в буквальном смысле слова, т.е. признающий единственно достойным объектом своего интереса и участия нечто лежащее вне его личности – народ, общество, государство» (Гершензон 1991: 69). Характеризуя нравственное мировоззрение русской интеллигенции, С.Л. Франк пишет: «Символ веры русского

интеллигента есть *благо народа*, удовлетворение нужд «большинства». Служение этой цели есть для него высшая и вообще единственная обязанность человека…» (Франк 1991: 174). О служении «русской интеллигенции народу, с фактами героизма, подвижничества и самоотвержения, которыми отмечено это служение» как о личном подвиге и личной ответственности пишет в работе «Интеллигенция и революция» и П.Б. Струве (Струве 1991: 159). Д.С. Лихачёв в письме «О русской интеллигенции» называет основные принципы интеллигентности: интеллектуальная свобода, независимость мысли, следование своим убеждениям, отвращение к деспотизму, стойкость, чувство собственного достоинства (Лихачёв 1993). Таким образом, понятийная сфера лексемы *интеллигентный* шире отражённой в толковых словарях дефиниции «Образованный, культурный» (Словарь русского языка : в 4-х т. Т. 1. 1985: 671) и включает в себя качества, характеризующие человека, следующего нравственным, этическим, социальным нормам. К этическим и нравственным идеалам, свойственным интеллигентному человеку, можно отнести стремление к служению, самопожертвование ради высшей цели, подчинение своей жизни долгу, осознанный свободный выбор жизненного пути. Такие качества в полной мере свойственны Н.С. Гумилёву – поэту-конквистадору, поэту-воину, поэту-рыцарю (Струве 2000: 555), творчество которого отражает не только его духовные искания, но и становление личности поэта-подвижника, поэта-пророка, поэта-провидца.

Языковая личность Н.С. Гумилёва анализируется нами на основе ключевых тем и концептов его творчества, составляющих ядро картины мира поэта и отражающих иерархию основных морально-этических и нравственных ценностей. Для характеристики личности поэта привлекаются материалы воспоминаний современников поэта, а также исследователей его творчества. Н.С. Гумилёв обращается в своём творчестве к темам поэта и поэзии, жизни и смерти, нравственного выбора, слова как божественной силы. В задачи статьи входит рассмотрение тематической специфики творчества поэта с учётом основных составляющих категории интеллигентности.

Одной из ключевых в поэзии Н.С. Гумилёва является тема поэта и поэзии. Вопросы о назначении поэзии, о роли и месте поэта в обществе, о воздействующей силе слова являются центральными в его литературно-художественном творчестве (см., например, стихотворения: «Я конквистадор в панцире железном…», «Пророки», «Волшебная скрипка», «Искусство», «Восьмистишие», «Творчество», «Поэт», «Слово», «Мои читатели»), литературно-критические статьи («Жизнь стиха», 1910; «Поэзия в весах», 1910; «Наследие символизма и акмеизм», 1913; «Анатомия стихотворения», 1917-1921; «Читатель», 1917-1921 и др.), статьи и заметки о русской поэзии (1908-1916). Об этом свидетельствует и общественная деятельность: руководство работой «Цеха поэтов», издание журналов «Сириус» (1907), «Остров» (1909), «Новый Гиперборей» (1921), выпуск альманаха «Дракон» (1921), руководство Петроградским отделением Всероссийского Союза поэтов (1921), лекционная работа в Институте Живого Слова и др. Была начата работа над книгой «Теория интегральной поэтики», которую автор завершить не успел.

Межтекстовое ассоциативно-смысловое поле концепта *поэт* включает в себя как узуальные ассоциаты: *муза, язык, стихи, слова и др.* (например: *спокойный, учтивый* («Памяти Анненского»), *слагает стансы* («Старая дева»), *рождается слово* (Правый путь»)), так и индивидуально-авторские, отражающие образные репрезентации: «*И, символ горнего величья, / Как некий благостный завет, / Высокое косноязычье / Тебе даруется, поэт*» («Восьмистишие»). Ассоциативно-смысловое поле концепта содержит такие ассоциативные параллели, как *поэт – путь, поэт – пророк*. Под ассоциативной параллелью понимается «соотнесённость ключевого слова с определённым текстовым смыслом» (Карпенко 2000: 15). Тема поэта и поэзии в сочетании с темой пути воплощена в стихотворениях «Путь конквистадоров», «Я верил, я думал…». Один из героев лирики Гумилёва – конквистадор в панцире железном, весело преследующий звезду, проходящий по пропастям и безднам, является отражением исканий самого поэта. В стихотворении «Я верил, я думал…» поэт представлен как обладающий тайным знанием и силой воздействия на судьбы людей: «*И если я волей себе покоряю людей, / И если слетает ко мне по ночам вдохновенье, / И если я ведаю тайны – поэт, чародей, / Властитель вселенной – тем будет страшнее паденье*». В то же время это стихотворение о непростом пути поэта, его судьбе. Ассоциативная параллель *поэт – пророк* реализуется в стихотворениях «Стокгольм», «Канцона третья»: «*Стоял на горе я, как будто народу / О чём-то хотел проповедовать я…*» («Стокгольм»); «*И будут, как встарь, поэты / Вести сердца к высоте, / Как ангел водит кометы / К неведомой им мете*» («Канцона третья»).

По воспоминаниям К. Чуковского, поэзию Гумилёв считал самым священным из существующих искусств, высшей вершиной одухотворённой и творческой жизни, какой только может достигнуть человек (Лукницкая 1990: 218). В статье «Читатель» из книги «Письма о русской поэзии» Гумилёв пишет о поэзии как о духовной работе, требующей от личности усовершенствования своей природы, способствующей, как и религия, перерождению человека в высший тип (Гумилёв 1992: 416): «…поэтическое творчество есть оплодотворение одного духа другим посредством слова…» (там же: 419). В творчестве Гумилёв видит цель и смысл человеческой жизни и реализацию своей миссии как поэта, считая, что мировое назначение поэзии – «облагораживать людскую породу» (там же: 419). Поэт верил в иррационально-магическую природу слова, в «волшебную силу поэзии» («Слово», «Естество»). В статье «Анатомия стихотворения» отражено его отношение к слову: «Будем верить, что наступит время, когда поэты станут взвешивать каждое слово с той же тщательностью, как и творцы культовых песнопений» (там же: 394).

В межтекстовое ассоциативно-смысловое поле концепта «слово» входит такая ассоциативная параллель, как *слово – сила, могущество*. В стихотворении «Слово» (сб. «Огненный столп») поэт обожествляет слово, показывая, что в слове воплощено божественное начало, которое человек может либо усилить, либо уничтожить: «*Но забыли мы, что осиянно только слово средь земных тревог, / И в Евангелии от Иоанна / Сказано, что слово – это бог. / Мы ему поставили пределом / Скудные пределы естества, / И, как пчёлы в улье опустелом, / дурно пахнут мёртвые слова*». Текстовый смысл «могущество слова» репрезентирован ассоциатами *власть* (*Их давит власть бездонных слов…* «Пророки»), *останавливали, разрушали* (*Солнце останавливали словом, / Словом разрушали города…* «Слово»). Слово отражает связь человека с Богом, в слове человек приближен к Богу: «*Залог бессмертия для смертных, / Первоначальные слова*» («Естество»). Гумилёв верит в силу, могущество слова, особенно, если оно звучит из уст поэта: «*Стань ныне вещью, богом бывши, / И слово веще возгласи, / Чтоб шар земной,*

тебя родивший, / Вдруг вздрогнул на своей оси («Естество»). Биограф поэта П. Лукницкий отмечает в дневниковых записях: «Внимание к слову, к возможностям слова и вера в магию слов всегда были важны для Гумилёва…» (Лукницкая 1990: 146).

Таким образом, служение делу своей жизни – поэзии, совершенствование поэтического мастерства, понимание этой работы как духовного пути, требующего от человека полной самоотдачи, характеризует Н. С. Гумилёва и позволяет говорить о нём как об одном из представителей русской интеллигенции рубежа 19-20 вв. В то же время исследователь творчества поэта Е. Вагин пишет о нём: «…Н. Гумилёв совершенно «выпадает» из русской интеллигенции; его высокий (и – надо добавить – практический, жизненный) идеализм не имеет ничего общего с традиционной интеллигентской «гражданственностью»: этой вечной игрой в оппозицию, с неизбежной демагогией и стадными инстинктами, жёстко высмеянными ещё Достоевским. Полное отсутствие стадного инстинкта – столь характерного для российского интеллигента-«оппозиционера» – и отмечает ярче всего личность Гумилёва, его поэзию» (Вагин 2000: 600). Это высказывание не следует понимать буквально: конечно же, именно наличие гражданской позиции, свобода в выражении собственной точки зрения, даже если она и отличается от общепринятой, являются необходимыми качествами для формирования интеллигенции. По мнению Д.С. Лихачёва, для появления интеллигенции необходимо «соединение университетских знаний со свободным мышлением и свободным мировоззренческим поведением» (Лихачёв 1993). Известно, что Н.С. Гумилёв получил хорошее образование в Императорской Николаевской царскосельской гимназии, которое продолжал самостоятельно, выйдя из её стен. По воспоминаниям современников, это был человек редкой дисциплины и сосредоточенной воли (Лукницкая 1990: 206), которому свойственно требовательное отношение к себе во всём: «Он любил порядок, аккуратность, чёткость, расписание в жизни. Воспитывал себя всегда быть выше случайностей, неожиданностей. Перечитывал Пушкина, Карамзина, Ницше, осваивал французскую литературу» (там же: 37). В то же время справедливо утверждение Е. Вагина об отсутствии у Гумилёва «стадного инстинкта». Поэту присуща гражданская позиция, определённая смелость в её выражении. Н. Оцуп, вспоминая речь Гумилёва «о высоком гражданском призвании поэтов-друидов, поэтов-жрецов», отмечает, что в то время «такие выступления Гумилёва звучали вызовом власти. Гумилёв даже пролеткультовцам говаривал: «Я монархист»» (там же: 216). Для Гумилёва, считает Н. Оцуп, «стихи были формой религиозного служения» (там же: 217).

Русской интеллигенции рубежа веков свойственны религиозность и аскетизм: «Известная неотмирность, эсхатологическая мечта о Граде Божьем, о грядущем царстве правды (под разными социалистическими псевдонимами) и затем стремление к спасению человечества – если не от греха, то от страданий – составляют, как известно, неизменные и отличительные особенности русской интеллигенции» (Булгаков 1991: 31). Близостью к церкви, духовными навыками, воспитанными ею, С.Н. Булгаков объясняет и «своеобразный аскетизм, вообще строгость личной жизни» русской интеллигенции (там же: 32). Об аскетическом самоограничении, свойственном интеллигентному человеку, пишет и С. Франк: «Прежде всего, интеллигент и по настроению, и по складу жизни – монах» (Франк 1991: 192). В. Иванов приводит цитаты Н.С. Гумилёва из «Записок кавалериста», подтверждающие философию самоограничения, которой придерживался поэт: «Мне с трудом верится, чтобы человек, который каждый день обедает и каждую ночь спит, мог вносить что-нибудь в сокровищницу культуры духа. Только пост и бдение, даже если они невольные, пробуждают в человеке особые, дремавшие прежде силы» (Иванов 1992: 17).

В статье «Читатель» Гумилёв пишет: «Поэзия и религия – две стороны одной и той же монеты. И та и другая требуют от человека духовной работы. Но не во имя практической цели, как этика и эстетика, а во имя высшей, неизвестной им самим» (Гумилёв 1992: 416). Духовный путь Гумилёва был непростым – от увлечения оккультизмом и следования языческим традициям, отражённым в его раннем сборнике «Путь конквистадоров», – к христианским ценностям и идеалам, что отчасти представлено в его зрелом творчестве – сборнике философской лирики «Огненный столп». Лексема *Бог* является одной из ключевых в творчестве поэта. Выявлено 49 словоупотреблений в сборниках, относящихся к разным творческим периодам: «Путь конквистадоров» – 7; «Романтические цветы» – 6, «Жемчуга» – 17; «Колчан» – 12; «Огненный столп» – 7. Представлена во всех поэтических сборниках и концептуальная структура *земное – божественное* (Карпенко 2006: 40 – 44). Следует отметить, что в стихотворениях прослеживается динамика отношения к Богу и божественному: от отождествления с природой («*Природа будет храм*» («С тобой я буду до зари…»); «*И я ушёл, унёс вопросы, / Смущая ими божество*» (в контексте стихотворения «Песня о певце и короле» божество – *Жёсткий, насмешливый тролль*)) до обращения к религиозным текстам: «*И в Евангелии от Иоанна / Сказано, что слово – это Бог*» («Слово»). Если ранним стихотворениям (сб. «Путь конквистадоров», «Романтические цветы») свойственны языческие тенденции, при этом Бог мыслится вне соотнесённости с христианской традицией, то в сборнике «Жемчуга» Бог выступает как нравственное начало, при этом стремление к духовному трансформируется в любовь к Богу: «*Потому что я люблю тебя, Господи*» («Заводи»). В сборнике «Колчан» обращение к Богу становится постоянным императивом, а разговор с ним – потребностью души лирического героя: «*Я не прожил, я протомился / Половину жизни земной, / И, Господь, вот ты мне явился / Невозможной такой мечтой, // Вижу свет на горе Фаворе / И безумно тоскую я, / Что взлюбил и сушу и море, / Весь дремучий сон бытия*» («Я не прожил, я протомился…»); «*Ведь я не грешник, о Боже, / Не святотатец, не вор, / И я верю, верю, за что же / Тебя не видит мой взор? // Ах, я не живу в пустыне, / Я молод, весел, пою, / И ты, я знаю, отринешь / Бедную душу мою!*» («Счастье»). Наконец, в сборнике «Огненный столп» отражены возрастающая религиозность поэта, следование божественной воле: «*Храм Твой, Господи, в небесах, / Но земля тоже твой приют… <…> Если, Господи, это так, / Если праведно я пою, / Дай мне, Господи, дай мне знак, / Что я понял волю твою*» («Канцона вторая»).

Как было отмечено выше, русской интеллигенции свойственны такие черты, как жертвенность, психология героизма и космополитизм (Булгаков 1991). К отличительным чертам интеллигента, по мнению С.Н. Булгакова, относят жертвенность – «неизменную готовность на всякие жертвы у лучших её представителей и даже искание их» (там же: 31). Во время первой мировой войны Н.С. Гумилёв дважды уходил добровольцем на фронт и был отмечен двумя Георгиевскими крестами. В стихотворении «Память» поэт пишет: «*Но святой Георгий тронул дважды / Пулею нетронутую грудь…*». Тема необходимости жертвы как труда и служения

ради будущего людей представлена в стихотворении «Иногда я бываю печален…»: «*Иногда я бываю печален, / Я, забытый, покинутый бог, / Созидающий в груде развалин / Старых храмов – грядущий чертог. <…> Брат усталый и бледный, трудися! / Принеси себя в жертву земле, / Если хочешь, чтоб горные выси / Загорелись в полуночной мгле. // Если хочешь ты яркие дали / Развернуть пред больными людьми, / Дни безмолвной и жгучей печали / В своё мощное сердце возьми. // Жертвой будь голубой, предрассветной… / В тёмных безднах беззвучно сгори… / …И ты будешь Звездою обетной, / Возвещающей близость зари*». Как отмечает С. Н. Булгаков, наиболее крупных писателей-интеллигентов отличают боль от дисгармонии жизни и стремление к её преодолению (Булгаков 1991: 31). С темой жертвы связаны концепты «*жизнь*» и «*смерть*» (см., например, стихотворения: «Людям будущего», «Смерти», «Под землёй есть тайная пещера…», «Мне снилось: мы умерли оба…», «В пути», «Театр», «Заблудившийся трамвай» и др.). А. Толстой вспоминает: «Смерть всегда была вблизи него, думаю, его возбуждала эта близость» (Толстой 1992: 485). Гумилёв словно предвидит своё будущее: «*И умру я не на постели / При нотариусе и враче, / А в какой-нибудь дикой щели, / Утонувшей в густом плюще*» («Я и вы»); «*Пуля им отлитая, просвищет / Над седою, вспененной Двиной, / Пуля, им отлитая, отыщет / Грудь мою, она пришла за мной*» («Рабочий»). С темой смерти связана тема выбора. Так, в стихотворении «Выбор» в ключевой позиции текста – заключительной лексической микроструктуре, приведены строки: «*Несравненное право – / Самому выбирать свою смерть*». По воспоминаниям В. Шилейко, Гумилёв говорил: «На земле я никакого страха не боюсь, от всякого ужаса можно уйти в смерть, а вот по смерти очень испугаться страшно» (Лукницкая 1990: 138). В стихотворении «Людям будущего» парадигма *жизнь – смерть* соединена синтагматическим ассоциатом – *любовь*: «*Издавна люди уважали / Одно старинное звено, / На их написано скрижали: / Любовь и Жизнь – одно. / Но вы не люди, вы живёте, / Стрелой мечты вонзаясь в твердь, / Вы слейте в радостном полёте / Любовь и смерть*».

Путешествия в африканские страны: Египет, Абиссинию, Сомали, стихи африканской тематики являются свидетельством ещё одной характеристики категории интеллигентности – космополитизма Н. С. Гумилёва. «Повышенное чувство личности, персонализм Гумилёва – это не болезненный, эгоистический индивидуализм самоутверждения за счёт других. У Гумилёва не только нет расизма в его африканских стихах, но ему органически чуждо вообще какое-либо унижение достоинства другого человека по признаку происхождения, цвета кожи, религии» (Вагин, с. 600).

Таким образом, при анализе языковой личности Н.С. Гумилёва в аспекте категории интеллигентности были учтены составляющие всех уровней модели языковой личности. Так, в творчестве поэта ключевыми являются единицы вербально-семантического уровня – лексемы *поэт, поэзия, путь, слово, жизнь, смерть, Бог* и др. Ключевые слова соотносятся со значимыми для автора концептами тезаурусного уровня, несут большую смысловую нагрузку и являются ассоциативно ёмкими. Высший, мотивационный уровень в структуре языковой личности поэта включает цели и мотивы, влияющие на развитие его информационно-тезаурусной сферы, и соотносится с основными моральными и нравственными качествами, входящими в категорию интеллигентности. Тема поэта и поэзии – одна их центральных в творчестве Гумилёва, отражает отношение поэта к поэзии как самому действенному виду искусства, способному преобразить человека, к слову как к могущественному средству воздействия на людей, имеющему божественную природу. Гумилёву как яркому представителю интеллигенции конца 19-начала 20 веков, олицетворяющему лучшие черты, свойственные данной социальной группе, присущи такие морально-этические качества и нравственные идеалы, как подчинение своей жизни долгу и высшей цели, жертвенность, психология героизма и аскетизм, наличие гражданской позиции, свободное от догм мышление, и, конечно же, служение поэзии и людям.

ЛИТЕРАТУРА

Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика текста: словарь- тезаурус / Н.С. Болотнова. – Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2008. – 384 с.

Булгаков, С.Н. Героизм и подвижничество / С.Н. Булгаков // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции / Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П. Б. Струве, С.Л. Франк. – 4-е изд. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. – С. 26 – 69.

Вагин, Е. Поэтическая судьба и мироперeживание Н. Гумилёва / Е. Вагин // Н.С. Гумилёв: pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилёва в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. – Изд. 2-е / сост. Ю.В. Зобнин. – СПб: РХГИ, 2000. – С. 593 – 604.

Вехи: сборник статей о русской интеллигенции / Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк. – 4-е изд. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. – 240 с.

Гершензон, М.О. Творческое самосознание / М.О. Гершензон // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции / Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк. – 4-е изд. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. – С. 69 – 93.

Гумилёв, Н.С. Читатель / Н.С. Гумилёв // Гумилёв Н.С. Стихи; проза. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1992. – С. 415 – 420.

Иванов, Вяч. Вс. Звёздная вспышка (Поэтический мир Н.С. Гумилёва) / Вяч. Вс. Иванов // Гумилёв, Н.С. Стихи; проза. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1992. – С. 5 – 30.

Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.

Караулов, Ю.Н. Языковая личность / Ю.Н. Караулов // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю.Н. Караулова. – М.: Большая Российская энциклопедия; Изд. дом «Дрофа», 1997. С. 671-672.

Карпенко, С.М. Ассоциативные связи слова в узусе и поэтическом тексте (на материале творчества Н.С. Гумилёва): автореф. дисс. …канд. филол. наук / С. М. Карпенко. – Томск, 2000. – 26 с.

Карпенко, С.М. Концептуальное содержание оппозиции *земное – божественное* в поэтическом творчестве Н.С. Гумилёва / С.М. Гумилёв // Художественный текст: Слово. Концепт. Смысл: материалы VIII Всероссийского научного семинара (28 апреля 2006 г.) / под ред. проф. Н.С. Болотновой. – Томск: Изд-во ЦНТИ, 2006. – С. 40 – 44.

Лихачёв, Д.С. О русской интеллигенции. Письмо в редакцию / Д.С. Лихачёв // Новый мир. – 1993. – № 2. – С. 3 – 9.

Лукницкая, В. Николай Гумилёв. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких / В. Лукницкая. – Ленинград: Лениздат, 1990. – 302 с.

Словарь русского языка: в 4-х т.; под ред. А.П. Евгеньевой. – Т. 1. – М.: Русский язык, 1982-1988. – 702 с.

Струве, П. Интеллигенция и революция / П. Струве // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции / Н.А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М.О. Гершензон, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк. – 4-е изд. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. – С. 148 – 165.

Струве, Г.П. Творческий путь Гумилёва / Г.П. Струве // Н.С. Гумилёв: pro et contra. Личность и творчество Николая Гумилёва в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. – Изд. 2-е / сост. Ю.В. Зобнин. – СПб: РХГИ, 2000. – С. 555 – 582.

*Толстой, А.*Н. Гумилёв / А. Толстой // Гумилёв Н.С. Стихи; проза. – Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1992. – С. 484 – 490.

Франк, С. Этика нигилизма / С. Франк // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции / Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, А.С. Изгоев, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк. – 4-е изд. – Свердловск: Изд-во Уральского университета, 1991. – С. 166 – 199.

KARPENKO S. M.
Tomsk State Pedagogical University, Russia
karpenko_si@mail.ru

The Linguistic Personality of N. S. Gumilev: the Experience of Cognitive Analysis in the Aspect of the Category of Intelligence

Summary. The article is devoted to the analysis of the linguistic personality of N. S. Gumilev, who was one of the brightest representatives of Russia'a Silver Age of poetry, in the aspect of the category of his intelligence. The focus here is on the study of the conceptual and thematic originality of the author's work. The features of the poet's linguistic personality are taken into consideration, taking into account the moral and ethical qualities and moral ideals that are included in the category of intelligence — service, the subordination of life to duty, asceticism and the psychology of heroism, sacrifice, civic engagement and thought free of dogma.

Keywords: linguistic personality, concept, picture of the world, associative and semantic field, intelligence

КАВЕРИНА ВАЛЕРИЯ ВИТАЛЬЕВНА
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА, РОССИЯ
kaverina1@yandex.ru

Роль интеллигенции в подготовке реформы русской орфографии 1917-1918 гг.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена обзору основных этапов подготовки реформы русской орфографии начиная с 60-х гг. XIX в. и реакции на неё русской интеллигенции. Особое внимание уделяется деятельности видных педагогов и учёных В.Я. Стоюнина, Я.К. Грота, Р.Ф. Брандта, сыгравших важнейшую роль в упорядочении русского правописания. В статье рассмотрена полемика относительно целесообразности реформы и ее концепции, изложено мнение представителей интеллигенции о реформе после её проведения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: орфографическая реформа 1917–1918, орфографическая полемика 2 половины XIX – начала XX вв., подготовка орфографической реформы, противники орфографической реформы

О необходимости упрощения русской орфографии начали говорить практически с самого начала ее кодификации. Так, еще в середине XVIII в. автор грамматики русского языка и «Новейшего письмовника» Н.Г. Курганов усомнился в надобности и полезности буквы ѣ (Еськова 1967: 95). Против этой буквы в начале XIX в. высказывался писатель и переводчик Д. И. Языков: «Буква ѣ, потеряв настоящий свой выговор, походит на древний камень, не у места лежащий, о который все спотыкаются и не относят его в сторону затем только, что он древний и некогда нужен был для здания» (Еськова 1967: 95).

Введение во второй половине XIX века общедоступного и внесословного начального образования, которое включало обязательное обучение всех детей грамоте, сделало орфографическую ситуацию серьезной общественной проблемой: «Именно после Закона об освобождении крестьян 1861 г. вопросы правописания стали в центре внимания интеллигенции в связи с господствовавшим в российском обществе стремлением к распространению в народе образования и грамотности» (Григорьева 2004: 48). А.П. Чехов в письме к брату М.П. Чехову 18 января 1887 года писал: «Если б от меня зависело, я упразднил бы и «ять», и «фиту» (дурацкая буква!), и «ижицу», и «i». Эти буквы мешают только школьному делу, вводят в конфуз деловых людей, которым нет времени учиться грамматическим тонкостям, и составляют совершенно излишнее украшение нашей грамматики» (Чехов 1976: 617). Знание правил правописания буквы ѣ как показатель грамотности человека Чехов высмеял в своем творчестве: в «Правилах для начинающих авторов» (1885), в рассказах «Мыслитель» (1885) и «Розовый чулок» (1886).

Необходимости упрощения русского письма было посвящено заседание Орфографической комиссии (1862) под руководством В.Я. Стоюнина, известного педагога-словесника. Стоюнин учился на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета и мечтал о службе при посольстве в Персии или Турции. Студент много занимался также по Историко-филологическому (тогдашнему Философскому) факультету. Однако необходимость поддерживать семью изменила планы будущего дипломата, и он начал преподавать русский язык и словесность, сначала в 3-й гимназии, затем в 1-м Мариинском училище и в Мариинском институте. Когда его жена Мария Николаевна открыла в Санкт-Петербурге частную женскую гимназию, Стоюнин взял на себя не только преподавание русского языка, словесности, истории, но и руководство новой школой, где имел полную возможность воплощать свои педагогические идеи. Гимназия благодаря своему инспектору быстро заняла лидирующее положение в столице.

Стоюнину принадлежат статьи по истории образования в России и по разным общепедагогическим вопросам, изданные в 1892 г. под заглавием «Педагогические сочинения» (Стоюнин 1892). «Дело школы можно рассматривать только в связи со всеми условиями жизни того народа, для которого она предназначается» (Стоюнин 1991: 156), – считал педагог. По представлению Стоюнина, назначение школы, в первую очередь, это воспитание человека, а не подготовка лиц, которые могли бы занять одну из ступеней табели о рангах. В одной из своих статей педагог коснулся вопроса, что такое общее образование в противоположность специальному. Чтобы точнее определить первое, педагог изобразил идеал просвещенного человека: «Просвещенный человек не тот, у кого много несвязных понятий или таких, которые составляют одну какую-нибудь специальность, а тот, кто через научные познания развил в

себе высшие понятия, которые определяют человеческую жизнь в ее отношениях ко всему окружающему, т. е. к природе и к обществу. Просвещением вызываются присущие человеку стремления к истине, правде, добру и изящному и сами им поддерживаются. Следственно, с просвещением соединяются все сферы деятельности: и ученого, и администратора, и судьи, и медика, и филантропа, независимо от тех специальных познаний, которые им нужны для деятельности» (Стоюнин 1991: 198). В ряде статей Стоюнин высказывался и о женских учебных заведениях: он восставал против поверхностного образования, которое создавало так называемых благовоспитанных барышень, и утверждал, что блестящее образование женщины заключается не только в знании иностранных языков. Стоюнин высоко ценил всесословную женскую гимназию за то, что она уничтожила вопрос о существенном отличии образования женщины и мужчины. Оба эти понятия связались в одном понятии «человек», которое не допускает нравственного и умственного превосходства одного пола над другим. Талантливый педагог создал также множество пособий и руководств для преподавания родного языка и словесности, самым известным из которых стал «Высший курс русской грамматики» (1876).

Еще за 10 лет до исторического заседания 1862 г. Стоюнин выступил в печати со статьей «О русской азбуке», где высказался против кардинальных преобразований в правописании и отстаивал права буквы ъ. Педагог считал, что ъ, в отличие от *э, ѳ, ѵ,* «не может назваться условною буквой, до которой нет дела филологии», поскольку «она имеет свое свойство, свое значение». Говоря о буквах *е* и ѣ, Стоюнин утверждал, что они «имеют свое значение и свои особенные, отличные один от другого законы» и при устранении ѣ «вред будет состоять только в том, что мы лишимся *видимых* фактов как представителей звука» (Стоюнин 1852).

Десять лет спустя известный педагог явился инициатором организации Орфографической комиссии, в заседаниях которой приняло участие более 100 петербургских педагогов. На первом заседании Стоюнин указал в докладе на серьезные недостатки русского правописания, которые заключаются во множестве «противоречий, сбивчивости, шаткости, отчего чуть не каждое периодическое издание, недовольное орфографией других изданий, находит возможность придумать свою особенную орфографию» (Первое совещание 1862: 265). Однако педагог предостерегал «крупных и резких преобразований и изменений, которые должны были заставить все настоящее поколение переучиться писать и даже читать» (Первое совещание 1862: 265–269). По мнению Стоюнина, русское правописание требует лишь упорядочения на одном из двух оснований – этимологическом производстве или произношении.

При обсуждении вопроса о «лишних буквах» Стоюнин на втором заседании высказался за упразднение ѣ, изменив свои взгляды десятилетней давности: «Чем меньше будет число слов с буквой нелюбимой, ненавистной, вражеской для учащихся и для многих выучившихся, тем лучше. Многие сказали бы «слава Богу» и даже отслужили бы благодарственный молебен, если бы можно было ее совсем уничтожить» (Второе совещание 1862: 300). В сообщении на седьмом заседании Стоюнин объявил, что вопрос о буквах ѣ, *ѳ, і* и ъ на конце слов следует считать решенным, потому что «большинство выразило желание исключить лишние буквы, основавшись на разумных доводах, которые не были никем достаточно опровергнуты» (Седьмое орфографическое совещание 1863: 95).

Орфографические собрания петербургских педагогов вызвали бурную реакцию печати. Не обошлось и без курьёзных заявлений. Так, в статье «По вопросу об упрощении орфографии», содержащей отклики по поводу заседаний орфографической комиссии, были высказаны предложения исключить не только буквы ѣ, *ѳ, і* и ъ на конце слов, но и *щ*, а также *е, ю, я* с заменой их сочетанием *мягкий знак* + *гласный (ьа, ьо, ьэ, ьу)*. Прозвучало также мнение о том, что «русский язык не вполне развился, и нельзя навязывать ему окончательное правописание» и пожелание перехода на латиницу (Григорьева 2004: 52).

Не остался в стороне от полемики и академик Я.К. Грот, который объяснял безрезультатность работы реформаторов тем, что «они незаметно удалились от первоначально принятой ими программы и, в полном противоречии с нею, стали на путь, до которому идти далее было трудно» (Грот 1899: 678). «Если б затеявшие это дело сумели удержаться на практической почве, если б они ограничили свою задачу разъяснением некоторых спорных вопросов и решением, которое из двух или трех уже употребительных начертаний более рационально, то, может быть, результат был бы другой и публика сказала бы совещавшимся лицам спасибо. Но в данных условиях орфографические собрания 1862 года послужили только новым подтверждением той истины, что никакие крутые преобразования в языке, предпринятые по теории, не удаются, хотя бы и имели за себя авторитет известных специалистов», – утверждал Грот (Грот 1899: 678). По мнению академика, орфографическая комиссия под руководством Стоюнина не оказала заметного влияния на теорию и практику орфографии второй половины XIX столетия и осталась «только поучительным эпизодом в истории попыток перестроить наш алфавит и наше правописание на новых основаниях» (Грот 1899: 678).

Академик Императорской академии наук Грот сыграл, пожалуй, главную роль в упорядочении русского письма в исходе XIX в. Он выступил сначала как исследователь и теоретик, а затем как нормализатор правописания, устранивший несогласие в орфографических руководствах второй половины XIX столетия. В этих двух ипостасях Грот высказывал разные, нередко диаметрально противоположные взгляды на проблемы русского правописания. Есть основания полагать, что это не случайно. В работе 1873 г. «Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ. Филологическое разысканіе *Я. Грота*» ученый не только представил очерк истории русского правописания, но и сделал критический обзор его современного состояния. Данный труд лег в основу свода правил под названием «Русское правописаніе. Руководство, составленное по порученію Второго отдѣленія Императорской Академіи наук академикомъ *Я.К. Гротомъ*» 1885 г. Сопоставление орфографических воззрений Грота-историка и исследователя письма и Грота-нормализатора русской орфографии приводит к выводу о том, что, будучи уполномочен не просто проанализировать, но кодифицировать письмо, академик подошел к этому вопросу более осторожно, чем предполагал в «Спорных вопросах…», многое решив в пользу традиции и принятого употребления.

Рассматривая русскую азбуку, Грот отмечал ее несовершенство. По мнению ученого, в ней не хватало буквы, обозначающей «звук Г, который слышится в словах *Господь, благо, богатство*» (Грот 1873: 80). Некоторые буквы, по мнению Грота, являлись лишними. В первую очередь это фита и ижица. Кроме того, в более поздних изда-

ниях «Спорных вопросов…» Грот предложил свой порядок следования буквенных знаков в азбуке (Грот 1899: 612). Вместе с тем в кодифицирующем сочинении «Русское правописание» Грот не исключил из азбуки «лишние» буквы, как того следовало ожидать исходя из его отношения к этим знакам. Он лишь отметил «трудность», которую составляют «двойные буквы для трех звуков: *и і, е ѣ, ф ѳ*» (Русское правописание 1894: 20) и ниже сформулировал для них особые правила. Автор не предложил здесь и нового порядка следования букв в алфавите, лишь указал на бессистемность существующего.

Употреблению букв, обозначающих один и тот же звук, Грот посвятил целый раздел. Буква *і* ставилась «перед гласными буквами, как чистыми, так и облеченными, а также перед полугласною *й*, напр. христ*іа*нинъ, вл*іяніе*, ловч*ій*». Кроме того, *і* писали в слове *міръ*, «когда оно значит то же, что *свѣтъ* (mundus), и производных от него» (Русское правописание 1885: 55). В защиту фиты Грот привел следующий аргумент: «… на фиту можно смотреть различно: в отношении к передаче звуков она конечно излишня, и для людей, не получивших литературного образования, составляет почти неодолимое затруднение; но если принять во внимание неудобство нашей азбуки для передачи иноязычных начертаний, то мы должны дорожить всяким имеющимся у нас средством точнее означать подлинную форму заимствованного слова». Грот решительно выступил при этом против ошибочного употребления фиты, предложил различать в заимствованных словах, какого происхождения звук [f] (ph или th), и дал к список слов с буквой *ѳ* в приложении (Русское правописание 1885: 75).

Особое место Грот уделил букве ѣ, и это не случайно. В «Спорных вопросах…» Грот признавал, что самая большая трудность русского правописания – это буква ѣ, потерявшая свой индивидуальный звук, почему и предложил в качестве лучшего выхода из создавшегося орфографического тупика полный отказ от ѣ. Рассуждая на тему соотношения современной ему фонетики (то есть речевой практики), этимологии (то есть понимания происхождения слов) и связывающей их орфографии, Грот сделал вывод, что «ять», «фита», «ижица» стали бесполезны для языка (а значит, для орфографии), сетовал на «несообразность» русской азбуки и заключил, что правописание к концу XIX века стало зиждиться на множестве противоречащих друг другу правил, которые соблюдаются лишь благодаря «условному соглашению» (Грот 1885: 218). Однако в кодифицирующей работе «Русское правописание» Грот не только не отказался от ѣ, но и отвел много места правилам правописания этой буквы. Он четко определил позиции в слове, где может находиться эта буква, а после этого подробно описал закономерности употребления ѣ в этих позициях. В «ятевом» списке Грот, как и Буслаев, расположил слова в порядке следования букв, после которых пишется ѣ. Там, где, по мнению Грота, было необходимо пояснение, он дописал однокоренные слова в соответствии с этимологией, поэтому словарные гнезда его «ятевого» списка часто содержали набор лексем, которые на данный момент не воспринимаются как однокоренные, но помогают глубже проникнуть в историю языка и понять закономерности его развития. Еще одно новшество, введенное Гротом, состоит в том, что он распределил список слов не только по букве, предшествующей ѣ в корне, но и по количеству букв перед ѣ и порядковому номеру слога с ѣ в корне, в результате чего было выделено шесть типов таких слов, а в «ятевом» списке оказалось всего сто двадцать девять корней (Русское правописание 1885: 62–67).

Рассматривая вопрос о букве ъ, в «Спорных вопросах…» Грот отмечал: «Бесполезность буквы Ъ в конце слов до такой степени очевидна, что нельзя не желать отмены такого употребления ея и не надеяться, что русская печать рано или поздно освободится отъ этого лишняго и во многихъ отношенияхъ обременительнаго прироста. Въ середине словъ, где Ъ имеетъ существенное значение, нетъ никакой надобности заменять его другимъ знакомь. Но въ конце словъ сохранение этой буквы въ нашу эпоху, когда время такъ дорого, есть анахронизмъ. Объ изгнании буквы ь не можетъ быть речи (Грот 1873: 85). Однако в «Русском правописании» академик не нашел возможным отказаться от ъ в исходе слов. Два параграфа посвящены здесь проблемам разграничения букв ъ и ь в данном положении после шипящих и других букв (Русское правописание 1894: 53–55).

Грот отмечал, что «в последнее время начертание *ого*, при слышимом на первом *о* ударении, стало более и более употребляться вм. *аго*». По мнению ученого, «нет этимологического основания отличать в родит. падеже прилагательные с ударением на окончании *ой* от прилагательных, не имеющих этого ударения, и что в случае принятия начертания *ого* следовало бы и всем прилагательным давать в родит. падеже это окончание, т.е. напр. писать также: *доброго, синего*» (Грот 1885: 277). Однако в «Русском правописании» Грот сформулировал правило в соответствии со сложившимся узусом: «когда прилагательное муж. рода в именит. падеже ед. ч. оканчивается на *ой* с ударением, то в род. падеже следует писать *ого: второго, простого, сухого, нагого*» (Русское правописание 1894: 23). В безударном положении оставалось *-аго*.

Особое внимание уделил Грот правописанию приставок на <з>, проследив историю данной необычной орфограммы. В «Спорных вопросах…» автор пришел к довольно противоречивому выводу: «Если б предвиделась возможность изменить давно укоренившийся обычай, то лучше было бы установить, чтоб все предлоги без изъятия всегда писались по этимологии; конечно начертания: *изтреблять, снизходить, воскресъ, вразплохъ*, когда бы глаз успел к ним привыкнуть, были бы вовсе не страннее, чем *подслушивать, надпись, обставить*, и т.п.» (Грот 1899: 699). Но в «Русском правописании» Грот не решился на это изменение, мотивируя такой подход «издревле допущенным исключением». Вместе с тем правило, которое привел здесь академик, несколько отличается от древнего употребления и опирается на узус того времени: «в слитном употреблении их [приставок на *з/с* – В.К.] перед безголосными *к х п т ф*, перед шипящими *ч ш щ* и перед *ц* пишут по произношению: *вос, ис, нис, рас*; напр. *вос-к*ресенье, *ис-х*од, *нис-п*ускать, *рас-т*равлять, *рас-ф*рантиться, *ис-ч*езать, *вос-ш*ествие, *рас-щ*епать, *ис-ц*арапать. Только перед *с* всегда удерживается *з*: *воз-с*тание, *из-с*охнуть, *раз-с*уждать. Но правило изменять в названных предлогах *з* на *с* не распространяется на предлоги *без* и *чрез*. Принято писать: *безконечный, безпечность, безчисленный, чрезполосный, черезчур*» (Русское правописание 1885: 43). Два последних исключения не относятся к древней норме, это узус XIX столетия (Каверина 2016: 80–85).

Итак, в результате данного сопоставления становится очевидным, что Грот в кодифицирующей работе «Русское правописание» не воплотил всех своих идей об усовершенствовании орфографии русского языка, высказанных в «Спорных вопросах…». Сам автор неоднократно объяснял свою осторожную позицию тем, что «изменения могли бы только поколебать существующее соглашение и вызвать новые разноречия в нашем письме» (Русское правописание 1885: III). Трудно представить себе, какие последствия могло бы повлечь за собой появление работы, содержащей не только упорядоченные, но и радикально измененные нормы письма. Однако вряд ли это было возможно. Дело в том, что, по признанию самого Грота, после выхода первого издания «Русского правописания» «каждый спорный вопрос подвергался тщательному пересмотру в собрании нескольких академиков и решаем был с общего согласия» (Русское правописание 1885: 147).

После выхода в свет орфографического руководства Грота Министерство народного просвещения сделало его обязательным для школы, и орфографические тонкости, которых касался Грот в своей книге, вопреки намерениям автора были возведены именно школой в ранг абсолютной обязательности. После этого на основе «Русского правописания» Грота как школьные учителя, так и авторы, не имеющие педагогического опыта, стали составлять учебные пособия, являющиеся более или менее удобной, а часто слегка сокращенной перепечаткой труда академика. Правописание «по Гроту» было рекомендовано Министерством народного просвещения, но подверглось серьезной критике. Ориентированная на существующую объективную норму и традицию, работа не оправдала ожиданий сторонников радикального изменения орфографии. Вместе с тем книга выдержала 22 издания до 1917 г. (Григорьева 2004: 326), когда была проведена готовившаяся в течение почти полувека реформа, которая воплотила в жизнь новации, предложенные Гротом в «Спорных вопросах…»: устранила «лишние» буквы и Ъ в конце слов, упорядочила правописание некоторых окончаний. Только в отношении приставок на *з* было принято решение в пользу сохранения древнего обычая, что шло в разрез с идеями Грота. Полного свода правил декретами 1917–18 гг. предложено не было, поэтому руководство Грота еще долгое время оставалось актуальным, а «при последующих реформах орфографическая основа, предложенная им, осталась неизменной, были устранены лишь частности» (Селезнева 2012: 85).

Орфографическая дискуссия второй половины XIX столетия привлекла внимание видного ученого-слависта Р. Ф. Брандта. Как известно, Брандт окончил Санкт-Петербургский университет и впоследствии руководил там кафедрой русской словесности и славянских наречий. После защиты докторской диссертации в 1886 г. он был переведен в Московский университет. В ходе обсуждения реформы Брандт выступил со своим проектом усовершенствования русской правописной системы. Его основные положения он отстаивал в публичных лекциях, выступлениях на заседаниях орфографических комиссий, статьях в периодических изданиях. Концепция упрощения русского правописания, принципы, на которых профессор предлагал усовершенствовать систему письма, стали важным этапом в разработке реформы 1917–18 гг. Противниками реформы и главными оппонентами Брандта являлись член совета Министерства народного просвещения А. С. Будилович и одесский профессор А. И. Томсон, которые выступали за сохранение существующей гротовской орфографии и выдвигали в качестве основополагающего исторический (традиционный) принцип правописания. Открытая полемика с ними нашла свое отражение в публикациях того времени.

Наблюдения над проблемами русской орфографии были обобщены Брандтом в докладе по отделению российской словесности «О лженаучности нашего правописания», сделанном им в Педагогическом обществе при Московском университете

(1899 г.). Брандт выразил мнение многих ученых и педагогов о том, что принятая в то время гротовская орфография научно не обоснована, лишена последовательности и изобилует традиционными написаниями. Называя «историческое» правописание Грота проявлением «полузнания», Брандт предложил для орфографии два основания – «звуковое» (фонетическое) и «производственное» (этимологическое). По мнению ученого, «исторические» (традиционные) написания основываются либо на фонетическом, либо на этимологическом принципе, поэтому их особое выделение нецелесообразно. Профессор привел следующие аргументы: «Мы по преданию, потому что в старину так писали, пишем в слове *источник* предлог *из* с буквою *с*, но такое историческое начертание соответствует вместе с тем старинному и теперешнему произношению, и есть, значит, звуковое. Мы исторически пишем в слове *дорожка* букву *ж*, но это историческое написание следует признать и производственным, т.к. оно указывает на то, что произносимый здесь звук *ш* развился из более раннего звука ж» (Брандт 1901: 2). А случаи, где написание противоречит и произношению, и происхождению слова, являются, по мнению Брандта, лишь недоразумением, «мудрствованием какого-нибудь малосведущего грамматиста, переходившим из поколение в поколение» (Брандт 1901: 3). Ученый привел примеры таких случаев: «Таково написание превосходных степеней — «высший» и «низший» через *с* и *з*, тогда как этимология (в первом слове и выговор) требуют написания *шш* и *жш*, притом *ш* и *ж* до сих пор явственно выступают в сравнительных степенях «выше» и «ниже» (Брандт 1901: 3). Подобные правила, как считал Брандт, показывают, насколько орфография зависит от грамотности и воли переписчика, выступающего в роли кодификатора правописания. Вывод профессора однозначен: особого исторического правописания не существует, а есть лишь звуковое и производственное.

Свою концепцию орфографического нормирования Брандт изложил в «Прибавлении» к докладу. В первую очередь, здесь содержится мысль о демократизации письма, о его прикладном характере, о необходимости его сближения с выговором. Ученый выделил три причины расхождения орфографии с выговором, критикуя стремление отразить на письме историческое развитие слов и устарелых начертаний: «Разногласие письма с выговором обусловлено: а) несовершенством пришлых, недостаточно приспособленных к данным языкам азбук; б) сохранением, по косности, начертаний, соответствующих произношению прежних времен, но противоречащих современному, и в) мудрствованием грамматистов» (Брандт 1901: 57–58). По мнению профессора, существующее правописание не отражает в точности ни современную, ни историческую грамматику. Отрицая возможность передачи на письме диалектных черт и влияния на него иностранных языков, он предложил ориентироваться на русский литературный язык и допускал этимологические написания, только если они связаны с живым литературным языком. Ученый выступал за сокращение алфавита и отмену произвольных правил, что должно было привести к упрощению правописания, а значит, к высвобождению времени учащихся для других занятий по языку и словесности и облегчению жизни будущих поколений. По словам Брандта, при упорядочении письма нельзя руководствоваться «чутьем» и не обязательно стремиться к полному единству орфографии, но разнообразие не должно затруднять понимание смысла (Брандт 1901: 57–58).

В 1900 г. Брандт возглавил вновь созданную орфографическую комиссию – Педагогическое общество, состоящее при Московском университете по вопросу об упрощении русской орфографии. Первое заседание комиссии состоялось 4 января. Как видно из названия, общество выступало за упрощение правописания на научной основе, за приведение его в строгую систему, которая передавала бы звуки живой речи, но не являлась бы ни фонетической транскрипцией, ни фонетическим письмом. Доклад Педагогического общества от 26 мая 1901 г. во многом отразил идеи Брандта (Доклад Педагогического общества 1901: 3–42), изложенные в лекции «О лженаучности нашего правописания» 1899 г.

Свои орфографические воззрения ученый отстаивал и на заседаниях комиссии по вопросу о русском правописании, образованной Академией наук. Комиссия собралась 12 апреля 1904 г. под председательством президента Академии наук – великого князя Константина Константиновича Романова. В заседании 12 апреля было выяснено, что руководство Грота «Русское правописание» является трудом, составленным по поручению Отделения русского языка и словесности Академии наук, «но не от имени Отделения», что «таким образом критическое отношение к правилам русского правописания, рекомендованным академиком Гротом, не затрагивает интересов Академии наук». На заседании комиссии высказали свое мнение ученые, представители ведомств, учебных заведений, обществ и печати, было выслушано также извлечение из письма одного сельского учителя о том, что «нынешнее правописание тормозит народное просвещение, как тормозило крепостное право развитие России» (Протокол 1905: 1–67). Постановлением комиссии было решено исключить из азбуки буквы *ѳ* (фита), *ъ* в конце слов, одну из букв *и* или *i,* букву *ѣ*. Однако смелое предложение Брандта допустить орфографическую вариативность (разрешить писать *собака* и *сабака*, *корабль* и *карабль*) не было поддержано большинством участников (Протокол 1905: 39–40).

После принятия комиссией решения о необходимости упрощения орфографии Брандт начал работу над его проектом в составе Подкомиссии под председательством академика Ф.Ф. Фортунатова. Ученый внес предложение реформировать письмо на основании общего принципа «звуковой четкости, прочности, удобочитаемости», считая, что это позволит долгое время не обращаться вновь к его усовершенствованию (Григорьева 2004: 92–93). Профессор активно участвовал в полемике, развернувшейся на страницах периодических изданий, таких, как журналы «Филологические записки», «Русский филологический вестник», «Журнал Министерства народного просвещения», газеты «Московские ведомости», «Русские ведомости», «Русь». Свою орфографическую программу ученый изложил в трех публикациях журнала «Филологические записки». Уже упоминавшаяся лекция «О лженаучности нашего правописания» была напечатана в 1901 г. Статьи «Загробный голос о русском языке и письме» и «Мнения о русском правописании И.В. Ягича, Ф.Е. Корша, А.С. Будиловича и А.И. Томсона» вышли в 1904 г. В течение 18 лет (1881–1908 гг.) Брандт отражал свои орфографические воззрения в журнале «Русский филологический вестник», отвечая на статьи и заметки по вопросам правописания. На страницах газеты «Русь» ученый опубликовал свою «Речь о правописании, произнесенную на заседании орфографической комиссии Императорской Академии наук 12 апреля 1904 г.», а в письме в редакцию «К орфографической реформе» он обратился к противникам реформы и призвал их в вопросах усовершенствования орфографии больше доверять специалистам – филологам и педагогам (Брандт 1904). Будучи

последовательным в своих убеждениях, Брандт не только выступал за упорядочение и упрощение письма, но и сам пытался применять свои орфографические принципы в работах, посвященных проблемам правописания, нарушая принятые в то время правила Грота (Григорьева 2004: 148).

Говоря о вкладе Брандта в подготовку реформы орфографии, нельзя не отметить его значительность. Конечно, не все идеи ученого были поддержаны реформаторами. Так, не нашла воплощения в реформе революционная мысль о кодификации вариативных написаний. Однако все пункты декретов о введении новой орфографии полностью соответствуют концепции Брандта: это и исключение «лишних» букв, и упрощение правописания некоторых флексий прилагательных и местоимений (*-ого/-его* вм. *-аго/-яго*; *-ые/-ие* вм. *-ыя/-ия*; *они* вм. *онѣ*; *ее* вм. *ея*). В результате были устранены традиционные, искусственные для языка того времени написания, против которых решительно выступал профессор Брандт.

Орфографическая реформа началась за пять месяцев до октябрьских событий, причем Министерством народного просвещения при Временном правительстве были даны рекомендации о постепенном проведении преобразований: «Обязательным новое правописание было только для младшего отделения начальной школы; на высших ступенях обучения следовало «лишь рекомендовать учащимся переходить к новому правописанию» (Григорьева: 115–116). Несмотря на все это, реформа, которая готовилась не одно десятилетие, в том числе и в стенах Императорской Академии наук, оказалась накрепко связана в общественном сознании с властью большевиков. Среди противников нового правописания оказались писатели и философы Лев Толстой, Иван Бунин, Марина Цветаева, Александр Блок, Михаил Пришвин, Владимир Набоков, Вячеслав Иванов, Иван Ильин, Иван Шмелев и многие другие.

Один из важных аргументов приверженцев старой орфографии состоял в том, что без нее нельзя будет адекватно передать произведения русской классической литературы. Например, с утратой оппозиции омофонов *и–і* потеряют глубокий философский смысл пушкинские строки:

И мощная рука къ нему съ дарами мира

Не простирается из-за предѣловъ Міра…

Об этом с возмущением писал поэт и искусствовед Валериан Чудовский в № 4–5 журнала «Аполлон» за 1917 год: «Убийство символа, убийство сути! Вместо языка, на коем говорил Пушкин, раздастся дикий говор футуристов...» (Чудовский 1991: 68). На это же обращал внимание в январе 1918 г. Александр Блок, возражая против реформы: «Я поднимаю вопрос об орфографии. Главное мое возражение – что она относится к технике творчества, в которую государство не должно вмешиваться. Старых писателей, которые пользовались ятями, как одним из средств для выражения своего творчества, надо издавать со старой орфографией» (Блок 1992: 68). Так, бесспорной жертвой упрощения алфавита оказался смысл названия поэмы Владимира Маяковского «Война и міръ» (1916 г.), что должно было означать ‘война и общество’. В результате реформы название произведения стало осмысливаться уже как ‘война и отсутствие войны’ и тем самым лишилось полемического содержания, так присущего Маяковскому (Пожарицкая 2005: 265).

Известно, что название романа Льва Толстого «Война и мир» в рукописях выглядело то как «Война и міръ», то как «Война и миръ», но в печати появился именно последний вариант ([Пожарицкая 2005: 265). Сторонники дореволюционной орфографии подчеркивают факт написания с «и десятеричным», хотя бы в черновиках, утверждая, что название «Война и міръ» приобретает более широкое философское звучание по сравнению с написанным по-новому «Война и мир». Однако есть все основания полагать, что автор осознанно выбрал последний вариант, ибо позиция Толстого по отношению к реформе была достаточно консервативна: «Что касается до уничтожения «э», «ѣ» и прочих подобных букв, то это уже нелепо… Вот я очень бегло читаю, так что вижу всегда несколько вперед; и если, например, я впереди вижу «ѣ» в слове «тѣнь», то я уже знаю, что это именно «тѣнь», а не «темя» или что-либо другое; и мне это облегчает процесс чтения» (Зенгер 1904).

В ряду букв, упраздненных большевиками, особое место символа-концепта безвозвратно ушедшей православной монархии заняла буква «ять». В овеянном ностальгией стихотворении «Петербург» (1921) Владимира Набокова с помощью этого символа выражено гнетущее ощущение потери:

О, сколько прелести родной
в их смехе, красочности мертвой,
в округлых знаках, букве ять,
подобной церковке старинной!
Как, на чужбине, в час пустынный,
все это больно вспоминать!..
(Набоков 1991: 187)

Против реформы гневно высказывались многие видные представители русской эмиграции. С подлинным драматизмом сокрушался о её последствиях Вячеслав Иванов. В статье «Наш язык» 1918–1920 гг. он размышлял о перспективах русской революции, о духовных истоках общественной жизни и большом месте языка в ней. Называя сложившуюся в России ситуацию «бесивом», русский поэт, философ, филолог стремился объяснить преемственность культурного бытия и предупреждал об утрате языком своей истории в случае грядущих преобразований. В ответ на выступления сторонников реформы правописания он писал: «Божественные слова: “Суббота для Человека, а не Человек для Субботы.” <…> Нелепо исходить из предположения, что какая-либо данность, подлежащая школьному усвоению, может изменяться в зависимости от условий этого усвоения или должна к ним приспособляться» (Иванов 1990: 149]. Иванов выражал сомнение по поводу упразднения буквы «ер» в конце слов и удаления «ять» из русской азбуки, основываясь на своих субъективных фонетических ощущениях: «Что до эстетики, элементарное музыкальное чувство предписывает, например, сохранение твердого знака для ознаменования иррационального полугласного звучания, подобного обертону или кратчайшей паузе, в словах нашего языка, ищущих лапидарной замкнутости, перенагруженных согласными звуками, часто даже кончающихся целыми гнездами согласных и потому нуждающихся в опоре немой полугласной буквы, коей несомненно принадлежит и некая фонетическая значимость. Вообще, выносить приговоры о фонетическом состоянии живой народной речи (например, отрицать звуковое различие между *е* и ѣ) правомерно было бы лишь на основании строжайших и непременно повсеместных исследований такового при помощи чувствительных снарядов, автоматически изображающих тончайшие его особенности и отличия)» (Иванов 1990: 149).

С возмущением восставал против реформированной орфографии русский писатель Иван Бунин в «Окаянных днях» (1925–1926), автобиографическом произведении,

оформленном в виде дневниковых заметок: «По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевистского правописания. Уж хотя бы по одному тому, что никогда человеческая рука не писала ничего подобного тому, что пишется теперь по этому правописанию» (Пришвин 1999: 381). Находясь в эмиграции, Бунин соглашался писать статьи в русские журналы, выходящие в Германии, только в том случае, если редакция придерживалась старой орфографии. До последнего сопротивлялась против издания своих стихов по новым правилам и Марина Цветаева. Так, к посланию К. Бальмонту 2 апреля 1925 г. она делает приписку: “Милый Бальмонт! Не заподозри меня в перемене фронта: пишу по-старому, только печатаюсь по-новому» (Цветаева 1988).

Подводя итоги, следует отметить, что судьбу реформы русской орфографии 1917–1918 гг. можно считать и счастливой, и печальной. С одной стороны, реформа осуществилась, ее результат – наше современное письмо. С другой – победившее правописание незаслуженно приобрело дурную репутацию. И в этом, думается, вина русских интеллигентов переломного периода российской истории – людей противоречивых, нередко горячных, нетерпеливых и скорых на суд. Действительно, реформа готовилась более полувека, в том числе в стенах Императорской Академии наук, начата была Временным правительством, а ее накрепко связали в общественном сознании с властью большевиков. Среди сторонников и противников реформы были образованнейшие люди России, цвет нации, они в честных научных и публицистических поединках доказывали свою правоту. А осуществлялась реформа карательными мерами кровавой власти: вооруженными матросами, доносами, ссылками. К сожалению, такова судьба большинства революционных преобразований, к числу которых оказалась причислена хорошо продуманная, тщательно подготовленная, поначалу неторопливая и безобидная реформа орфографии 1917–1918 гг.

ЛИТЕРАТУРА

Блок, А.А. Дневники // Собр. соч.: В 8 т. – Т. 7. / А.А. Блок. – М.–Л.: Гослитиздат. Ленингр. отд-ние, 1963. – 544 с.

Брандт, Р.Ф. К орфографической реформе (Письмо в редакцию) / Р.Ф. Брандт // Русь. –1904. – № 124.

Брандт, Р.Ф. О лженаучности нашего правописания (публичная лекция) 1901 / Р.Ф. Брандт // Филологические записки. – 1901. – Вып. 1–2. – С. 1-58.

Бунин, И.А. Жизнь Арсеньева. Окаянные дни. / И.А. Бунин. – М.: АСТ ЛЮКС, 2005. – 444 с.

Второе совещание по вопросу об упрощении русской орфографии // Учитель. – 1862. – Т. 2. – № 7. – С. 300–302.

Григорьева, Т.М. Три века русской орфографии (XVIII-XX вв.) / Т.М. Григорьева. – М.: Элпис, 2004.– 456 с.

Грот, Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. Филологическое разыскание Я. Грота / Я.К. Грот. – СПб.: Типография Императорской Академии наук., 1873. – 162 с.

Грот, Я.К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне. Филологическое разыскание Я. Грота / Я.К. Грот // Я.К. Грот. Филологические разыскания. Т. 2. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1885. – 520 с.

Грот, Я.К. Спорные вопросы русского правописания / Я.К. Грот // Труды Я.К. Грота / Филологические разыскания. Т. 2. – СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения. 1899. – С. 469–864.

Доклад Педагогического общества, состоящего при Императорском Московском университете, по вопросу об упрощении русской орфографии // *Вопросы воспитания и обучения: Труды педагогического общества, состоящего при Императорском Московском университете*. – Т. I. – М., 1901. – С. 3–42.

Еськова, Н.А. Из истории русской орфографии / Н.А. Еськова // Русская речь. – 1967. – № 5.– С. 92–100.

Зенгер, А.В. У Толстого / А.В. Зенгер // Русь. – 1904. – № 212. [Электронный ресурс] URL: http://www.levtolstoy.org.ru (дата обращения: 27.01.2019).

Иванов, В.И. Наш язык / В.И. Иванов // Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 298 с.

Каверина, В.В. Орфография изданий «Российской грамматики» М.В. Ломоносова XVIII–XIX столетий в контексте правописной нормы своего времени / В.В. Каверина // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2016. – 2016. – № 1. – С. 67–91.

Набоков, В.В. Стихотворения и поэмы / В.В. Набоков. – М.: Современник, 1991. – 572 с.

Пришвин, М.М. Дневники. 1923–1925 / М.М. Пришвин. – М.: Русская книга, 1999. – 559 с.

Протокол первого заседания Комиссии по вопросу о русском правописании, состоявшегося 12 апреля 1904 г. – СПб., 1905. – 67 с.

Пожарицкая, С.К. Графика и орфография / С.К. Пожарицкая // Князев С.В., Пожарицкая С.К. Современный русский литературный язык: фонетика, графика, орфография, орфоэпия. М.: Академический проект, 2005. – С. 254–278.

Первое совещание по вопросу об упрощении русской орфографии // Учитель. – 1862. – Т. 2. – № 6. – С. 265–269.

Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук академиком Я.К. Гротом / Я.К. Грот. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1885. – 120 с.

Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго отделения Императорской Академии наук академиком Я.К. Гротом. Одиннадцатое издание / Я.К. Грот. – СПб.: Типографія Императорской Академіи наукъ, 1894. – 120 с.

Седьмое орфографическое совещание // Учитель. – 1863. – Т. 3. – № 2. – С. 95–98.

Селезнева, Е.А. Яков Карлович Грот (1812-1893) / Е.А. Селезнева // Русская речь. – 2012. – № 6. – С. 80–85.

Стоюнин, В.Я. Заметки о русской школе / В.Я. Стоюнин // В.Я. Стоюнин. Избранные педагогические сочинения. – М.: Педагогика, 1991. С. 148–199.

Стоюнин, В.Я. О русской азбуке / В.Я. Стоюнин // Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции. – 1852. – № 242, 243 (нояб.).

Стоюнин, В.Я. Педагогические сочинения / В.Я. Стоюнин. – СПб.: Типография Училища Глухонемых. 1892. – 567 с.

Цветаева, М.И. Бальмонту (К тридцатипятилетию поэтического труда) / М.И. Цветаева // Новый мир. – 1988. – № 6. [Электронный ресурс] URL: http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/balmontu.htm (дата обращения: 27.01.2019).

Чехов, А.П. Рассказы. Юморески / А.П. Чехов // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 5. – 1976. – 704 с.

Чудовский, В.А. За букву ѣ / В.А. Чудовский // Аполлон. – 1917. – № 4–5. – С. V–VIII. Републиковано: *Чудовский В.А.* За букву ѣ / В.А. Чудовский // Вестник МГУ. Сер. 9: Филология. – 1991. – № 6. – С. 68–72.

KAVERINA V. V.
Lomonosov Moscow State University, Russia
kaverina1@yandex.ru

The Role of the Intelligentsia in the Preparation of the Reform of Russian spelling 1917–1918

Summary. The article is devoted to the review of the main stages of the preparation of the reform of Russian spelling since the XIX century and the reaction of the Russian intelligentsia to it. Particular attention is paid to the activities of the prominent teachers and scientists V. Y. Stoyunin, Y. K. Grot, R. F. Brandt, who played a crucial role in streamlining Russian spelling. The article discusses the controversy about the feasibility of the reform and its concept, outlines the opinion of the representatives of the intelligentsia concerning this reform after its implementation.

Keywords: spelling reform 1917–1918, spelling controversy 2nd half of XIX – early XX centuries, spelling reform preparation, opponents of spelling reform

КШОНДЗЕР МАРИЯ КАРЛОВНА
ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО «АРИОН», ЛЮБЕК, ГЕРМАНИЯ
mkkshondzer@googlemail.com

А. Блок о европейской культуре и интеллигенции в контексте революционных потрясений 20 века

АННОТАЦИЯ. Статьи А. Блока 20-х годов 20 века проникнуты ощущением катастрофичности жизни и всеобщего неблагополучия. В статьях «Крушение гуманизма», «Гейне в России», «Стихия и культура» поэт и мыслитель противопоставляет культуру и цивилизацию,считая,что европейская культура потеряла способность к целостностному восприятию мира, и это привело к вырождению гуманизма, под флагом которого развивался весь 19 век. Революционные события в России обострили разрыв между интеллигенцией и народом, который может быть преодолен, по мысли Блока, только стихийным «духом музыки», в результате чего возникнет «новая человеческая порода», способная жить и действовать «в эпохе вихрей и бурь».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культура, цивилизация, гуманизм, катастрофичность, кризис, дух музыки

Статьи А. Блока 20-х годов 20 века проникнуты ощущением катастрофичности жизни и всеобщего неблагополучия. Кризис гуманизма, по мнению символистов, был связан с тем, что личность перестала быть главным двигателем европейской культуры. В статьях «Крушение гуманизма», «Гейне в России», «Стихия и культура» поэт и мыслитель противопоставляет культуру и цивилизацию, считая, что европейская культура потеряла способность к целостностному восприятию мира, и это привело к вырождению гуманизма, под флагом которого развивался весь 19 век. Категория стихийности для символистов стала основополагающей уже в годы первой русской революции, «когда идея катастрофической изменчивости бытия обрела почти наглядную конкретность, а одним из самых яростных проявлений стихийного жизненного начала оказались народные массы» (Магомедова 2005: 286).

В статье «Стихия и культура» (1908) Блок ставит один из главных вопросов, лейтмотивом проходящих через все его творчество: о «„недоступной черте“, существующей между интеллигенцией и народом» (Блок 1962, 6: 350), о взаимоотношениях личности и массы, о противостоянии стихии и культуры. Отвечая на многочисленные возражения и упреки, высказанные ему после публикации программной статьи «Народ и интеллигенция», поэт вновь подчеркивает, что его размышления и утверждения основываются на жизненных параллелях, возникающих при анализе реальных фактов и событий из истории России. «Неотступное чувство» катастрофичности бытия неизбежно вызывает ощущение безысходности и неразрешимого противоречия между культурой, которая становится все более «железной» и «машинной»,и разбушевавшейся стихией, под натиском которой «приспущен надменный флаг культуры»: «Всякий деятель культуры - демон, проклинающий землю, измышляющий крылья, чтобы улететь от нее. Сердце сторонника прогресса дышит черною местью на землю, на стихию, все еще не покрытую достаточно черствой корой; местью за все ее трудные времена и бесконечные пространства, за ржавую, тягостную цепь причин и следствий, за несправедливую жизнь, за несправедливую смерть. Люди культуры, сторонники прогресса, отборные интеллигенты - с пеной у рта строят машины, двигают вперед науку, в тайной злобе, стараясь забыть и не слушать гул стихий земных и подземных, пробуждающийся то там, то здесь. И только иногда, просыпаясь, озираясь кругом себя, - они видят ту же землю, - проклятую, до времени спокойную, - и смотрят на нее как на какое-то театральное представление, как на нелепую, но увлекательную сказку.» (Блок 1962, 6: 356)

Стихия воспринимается Блоком в целом как положительное начало, хотя он прекрасно понимает, «что самоценная отдача стихии может обернуться не только источником творческих сил, но и гибелью». (Магомедова 2005: 287) Кризис бытия по Блоку, -это противостояние двух стихий: стихии «машинной» культуры и земной, народной стихии,которые мстят друг другу и могут обернуться для человечества или «очистительным огнем», или «громыхающей» горой, извергающей «раскаленную лаву».

Кризису европейской культуры, которая разрушается и уничтожается из-за своей элитарности, оторванности от реальной жизни и принадлежности маленькой кучке интеллигентов, посвящен цикл Блока «Молнии искусства», написанный после поездки по Италии в 1909 году. В предисловии к неоконченной книге «итальянских впечатлений» автор вновь обращается к проблеме взаимоотношений искусства

и цивилизации, с болью констатируя, что успехи европейской цивилизации в 19 веке привели к разрушению старой культуры и неизбежности появления «грядущих варваров», «людей будущего», радостно разрушающих уникальные ценности старого мира: «Девятнадцатый век-весь дрожащий, весь трясущийся и громыхающий... Дрожат люди, рабы цивилизации, запуганные этой самой цивилизацией. Уже при дверях то время, когда неслыханному разрушению подвергнется и искусство. Возмездие падет и на него: за то, что оно было великим тогда, когда жизнь была мала; за то, что оно отравляло и, отравляя, отлучало от жизни; за то, что его смертельно любила маленькая кучка людей и – попеременно - ненавидела, гнала, преследовала, унижала, презирала толпа.» (Блок 1962, 5: 385, 388)

В статье «Немые свидетели» поэт говорит о трагизме современной ему Италии, интересной «подземным шорохом истории, прошумевшей и невозвратимой». Поэт воспринимает красоты Италии с позиций собственного мировоззрения, измеряя все события своей жизни под углом искусства и дальнейших перспектив эстетического подхода к действительности.

Продолжением темы кризиса культуры, утратившей связь со стихией, стали статьи «Гейне в России» и «Крушение гуманизма», написанные уже после революции 1917 года. Для Блока отрицание гуманистической культуры было очень болезненным, ибо он, по его собственным словам, «с молоком матери впитал в себя дух русского «гуманизма» (Блок 1962, 6: 506). Выступая против европейского гуманизма, на котором воспитывались все русские интеллигенты, Блок в какой-то мере отрицает весь фундамент сформировавшей его духовной культуры. Это вызвано разочарованием поэта в, казалось бы, непреложных ценностях, на смену которым должна прийти новая гуманистическая культура. Проблемы кризиса старой буржуазной культуры, безусловно, связаны в восприятии Блока и ряда младосимволистов (А. Белый, Брюсов, Городецкий) с революционными событиями в России. Взаимосвязь между воззрениями символистов и возникновением тоталитаризма в России подробно рассмотрена в статье Д.М. Магомедовой, которая справедливо утверждает, что «три излюбленных „младшими“ символистами мифа - миф о стихии, миф о теургическом искусстве и миф о „всенародном искусстве“ оказались парадоксально переосмыслены в тоталитарной эстетике» (Магомедова 2005: 291). Вместе с тем корни антигуманизма Блок находит в европейской культуре 19 века, утверждая в статье «Гейне в России», что новый человек с новым пониманием гуманизма возникает из пламени, «которое в течение всего 19 века пожигало корни» (Блок 1962, 6: 126) и, наконец, вырвалось наружу, по-новому озаряя весь 19 век. Анализируя причины крушения гуманизма в Европе, русский поэт обращается к выдающимся деятелям культуры 19 века (Гейне, Ибсену, Стринбергу), считая их косвенными «виновниками» этого крушения: «Я различаю общую причину их перетолкований, приспособлений, непониманий (это гуманизм, погибая, пробует защищаться из последних сил)... Различаю, наконец, что общая их цель-не этический человек, не политический, не гуманный, а-человек Артист». (Блок 1962, 6: 126)

Доклад «Гейне в России», прочитанный Блоком на заседании редакционной коллегии издательства «Всемирная литература», вызвал противоречивые оценки.Горький назвал доклад пророческим и предложил продолжить обсуждение этой темы. Статья «Крушение гуманизма», написанная в 1921 году, является логическим развитием темы кризиса культуры и противостояния культуры и цивилизации, поставленной Блоком в контексте творчества Гейне.

Основной причиной кризиса гуманизма, по мнению Блока, является то, что, как уже отмечалось, личность перестала быть главным двигателем европейской культуры. Когда на арену истории выходит новая движущая сила - не личность, а масса, наступает кризис гуманизма. Если индивидуализм как основной признак гуманизма уступает место движению народных масс, которые не могут быть затронуты цивилизацией, то неизбежно возникает вопрос, кто становится носителем культуры-цивилизованные люди, потерявшие культурную целостность, или варварские массы.

Концепция Блока во многом сформировалась под влиянием идей Ницше и Вагнера. Одна из важнейших мифологем блоковского творчества, «стихия как природа и одновременно как музыка, пронизывающая всю историю человечества», развивает вагнеровскую концепцию человека-артиста и позволяет «увидеть в новой реальности наступившего 20 века «крушение гуманизма» и неизбежность революционных потрясений.»[1]

Интересной представляется предлагаемая Блоком оригинальная классификация двух пространств, двух календарных времен, правильное сочетание которых создает необходимое равновесие, обеспечивающее близость к природе, к стихии. Это, с одной стороны, историческое время и пространство, а, с другой, музыкальное. Нарушение равновесия приводит к невозможности целостного восприятия мира и к исчезновению духа музыки, что является, по Блоку, основной причиной крушения старой системы гуманистических ценностей. Противоречия между цивилизацией, безуспешно пытавшейся вступить во взаимодействие с духом музыки, могут быть преодолены только путем создания нового движения, новой культуры, в основе которой –музыкальная стихия и ее носители-варварские массы

Безусловно, рассуждения Блока о кризисе гуманизма и разрушительной роли цивилизации в европейской культуре следует рассматривать в контексте общемировоззренческих воззрений символистов и в неразрывной связи с эпохой революционных потрясений в России. В основе прозы поэта лежит художественный метод, он на протяжении всего творчества оставался идеалистом, «явления духовной жизни он видел яснее, чем их основу, следствия понимал лучше, чем причины» (Максимов 1962, 5: 698). Как уже отмечалось, идеализация стихийности и очистительной силы революции, музыку которой призывал слушать Блок - следствие романтического восприятия символистами событий 20 века. Некоторые высказывания поэта, в частности, мысли о том, что «цивилизовать массу невозможно и не нужно», представляются спорными и не достаточно аргументированными. По справедливому мнению Горького, самому Блоку было не до конца ясно, радует его факт падения гуманизма или печалит (Горький 1951, 15: 328-329). Однако ценность статьи не столько в том, чтобы дать четкие определения и рекомендации, сколько в попытке найти новые пути развития искусства и культуры. Используя символистскую терминологию, поэт ставит актуальные для его времени вопросы о новом искусстве и о роли личности в построении новой гуманной цивилизации: «Я утверждаю, наконец, что исход борьбы решен и что движение гуманной цивилизации сменилось новым движением, которое также родилось из духа музыки; цель движения-уже не этический, не политический, не гуманный человек, а человек-артист; он,

1 Тиме, Г.А. Блок и немецкая культура (Электронный ресурс //Русская литература-богатство России ее народа//http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1203429912&archive (20.01.2019)

и только он, будет способен жадно жить и действовать в открывшейся эпохе вихрей и бурь, в которую неудержимо устремилось человечество» (Блок 1962, 6: 115). Как видно из этого программного высказывания, «мысль Блока лишена «исследовательского аппарата», но возникает как открытие, как отражение поэтически найденной истины» (Максимов 1962, 6: 698).

Пророческий характер мыслей Блока о кризисе культуры и необходимости поисков новых путей отмечали многие современники поэта. Так, Мандельштам в статье «Барсучья нора», написанной к первой годовщине смерти Блока, утверждает, что «душевный строй поэта располагает к катастрофе» (Мандельштам 1990: 191), но в то же время он находит альтернативу катастрофическим катаклизмам, которая заключается в стремлении культуры «предотвратить катастрофу, поставить ее в зависимость от центрального солнца всей системы, будь то любовь, о которой сказал Дант, или музыка, к которой в конце концов пришел Блок.» (Мандельштам 1990: 191). Мандельштам с удивительной прозорливостью отмечает и другую особенность мировоззрения Блока-художника и мыслителя: его историческое чутье, позволившее ему задолго до «музыки революции» слышать «музыку русской истории там, где самое напряженное ухо улавливало только синкопическую паузу» (Мандельштам 1990: 189). Революционные события в России обострили разрыв между интеллигенцией и народом. Взгляды Блока на революционное обновление жизни не были однозначными. Если в статье «Интеллигенция и революция» он призывал «всем сердцем, всем сознанием» слушать «музыку революции», то к концу жизни его позиция изменилась: реальные плоды революционных потрясений оказались гораздо более трагическими и непредсказуемыми, чем предполагал Блок-идеалист, однако неизменным свойством всего творчества поэта и, в частности, его прозаического наследия является тесная связь с эпохой и вера в великую силу «духа музыки», благодаря которой возникнет «новая человеческая порода», способная жить и действовать «в эпохе вихрей и бурь».

ЛИТЕРАТУРА

Блок, А.А. Собрание соч.в 8-ми т./под редакцией В.И. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. М.-Л.: ГИХЛ, 1962, т.5, с. 350-360, 380-404, т.6, с. 93-129.

Горький, М. Собрание соч: в 30-ти т., М., ГИХЛ, 1951, т. 15, с. 328-329.

Магомедова, Д.М. Символизм и тоталитаризм:от «всенародного искусства» к тоталитарной модели.К постановке проблемы.//Контрапункт. Книга статей памяти Г.А. Белой. М., 2005, с. 285-292.

Максимов, Д. О прозе Александра Блока// Блок А.А. Собрание соч.:в 8-ми т./ под редакцией В.И. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. М.-Л.: ГИХЛ, 1962, т.5, с. 695-709

Мандельштам. О.Э. Сочинения:в 2-х т., М., Худож. лит., 1990,т.2, с. 187-191

Тиме, Г.А. Блок и немецкая культура [Электронный ресурс] // Русская литература-богатство России и ее народа//http://literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1203429912&archive (20.01.2019)

KSCHONZER M. K.
Literary society "Arion", Lübeck, Germany
mkkshondzer@googlemail.com

A. Blok on European Culture and Intelligentsia in the Context of the Revolutionary Upheavals of the 20th Century

Summary. Articles on the 20th century are imbued with a sense of catastrophe and general malaise. In the articles "The Collapse of humanism", "Heine in Russia", "Nature and culture" poets and thinkers in were in opposition to culture and civilization, believing that European culture had lost the ability to integrate a perception of the world and this has led to the degeneration of humanity, under a flag developed during the entire 19th century. Revolutionary events in Russia exacerbated the gap between the intelligentsia and the people, which could be overcome, according to the Blok, only by the natural "spirit of music", resulting in a "new human breed" that can live and act "in an era of whirlwinds and storms."

Keywords: culture, civilization, humanism, catastrophic, crisis, spirit of music

ЛАПАЕВА-РИСТЕСКА НАТАЛЬЯ БОРИСОВНА
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ СВЯТЫХ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ В СКОПЬЕ, МАКЕДОНИЯ
natalya_lapaeva@mail.ru

Художник «на стыке» эпох и культур: «русский тунисец» Александр Рубцов

АННОТАЦИЯ. Творческое наследие художника Александра Александровича Рубцова (1884-1949) принаждежит русской, тунисской и французской культурам. Рубцов родился в Санкт-Петербурге, а с 1914 г. жил во «французском» Тунисе. Осваивая арабские сюжеты, Рубцов соединил в них черты как русского ориентализма, так и западного модернизма. Сформировавшееся на «стыке» исторических эпох и разных национальных культур, творчество Рубцова является «мостом» между Западом и Востоком, активно участвует в диалоге цивилизаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: художник Александр Рубцов, русский ориентализм в живописи, модернизм в искусстве, тунисская культура, диалог цивилизаций

Творческая судьба художника Александра Александровича Рубцова (1884–1949), творившего на стыке культур, русской, тунисской, французской, – ярчайший пример того, что взаимодействие культур оказывается особым видом художественного диалога, в процессе которого происходит взаимообмен и производство новых значений и смыслов.

Постижение творчества Рубцова не является простым: в Тунисе и во Франции, где художник был признан еще при жизни, изучение его искусства имеет более чем полувековую традицию; в России же работы мастера практически неизвестны любителям искусства. Об этом убедительно и подробно сообщается в статье Н. О. Гадалиной-Шома «Александр Рубцов – тунисский художник эпохи французского протектората. Проблемы изучения биографии и творчества» (Гадалина-Шома: АРТХ…) [АРТХ… – фрагмент аббревиатуры названия указанной статьи – *Н. Л.-Р.*].

Ниже мы, опираясь на немногочисленные труды о Рубцове, обозначим вехи судьбы художника и определим его роль в формировании и трансформации кросс-культурных значений. Осмысление индивидуальности Рубцова дает возможность глубже понять и по-новому осмыслить содержание процессов в социальной, интеллектуальной и художественной культуре XX века.

Страницы биографии Александра Рубцова: Россия, Европа, Тунис

Этапы биографии Рубцова обстоятельно изложены Н. Гадалиной в ее опусе «”Француз, родившийся в Петербурге”: тунисский художник Александр Рубцов (1884–1949)» (Гадалина: Ф…) [Ф… – фрагмент аббревиатуры названия указанной статьи – *Н. Л.-Р.*]. Согласно ее утверждениям, будущий художник, появившийся на свет 24 января 1884 г. в Петербурге, был незаконным сыном Евгении Рубцовой, дочери потомственного почетного гражданина Александра Ивановича Рубцова. Только в 1897 году высочайшим повелением мальчику было разрешено принять фамилию матери и отчество Александрович.

С 1898 г. по 1904 г. Рубцов обучался в 8-й санкт-петербургской гимназии, которую окончил с серебряной медалью. В гимназическом аттестате особо отмечены его успехи в русской литературе. В 1893–1898 Рубцов учился в Рисовальной школе Императорского общества поощрения художников (ОПХ), где преподавала Елена Карловна Вахтер. В 1904 г. он поступил на живописное отделение Императорской Академии художеств (ИАХ), где он учился у Дмитрия Николаевича Кардовского и Яна Францевича Ционглинского. О Елене Вахтер и Яне Ционглинском следует сказать особо. Они принимали большое участие в воспитании юного Рубцова. Художница Елена Вахтер была его крестной матерью. Ян Ционглинский, профессор Академии художеств, блестящий педагог, один из первых русских импрессионистов, путешественник, любитель экзотических стран, был своего рода духовным наставником Рубцова.

Вместе с Вахтер и Ционглинским юный Рубцов много путешествовал по Европе. В 1901 г. они вместе посетили Варшаву, Вену, Венецию, Мюнхен. В 1903 г. впервые Рубцов побывал в Париже. В 1907 г. он вновь приехал в Париж, где посетил мастерскую Огюста Родена, останавливался в Венеции и Вене. В 1911 г. Рубцов в третий раз побывал в Париже, затем путешествовал по Италии.

В ноябре 1912 г. Рубцов получил звание художника по живописи. Более того, за кар-

тину «Интерьер в стиле Империи», написанную во дворце князя Павла Голицына в Марьино под Петербургом, он получает право на заграничное пенсионерство. Воспользовавшись этим, он в 1913 г. совершает путешесвтие в Германию, Швейцарию, Францию, Испанию, Англию. Тогда-то он впервые побывал и в Африке – он посетил город Танжер в Марокко. Смерть учителя заставила Рубцова вернуться в Петербург. Впрочем, там он оставался недолго.

1 апреля 1914 г. Рубцов приехал в Тунис. Разгорающаяся Первая мировая война отрезала его от России. С этого времени начинается «эмигрнатский» период жизни и творчества художника. Рубцов поселился в городе Тунис, столице Туниса, и жил в квартире-мастерской на границе европейской и арабской частей города (ул. Аль-Джазира, 33). Сам этот факт глубоко символичен: художник балансировал на границе традиций культуры Запада и Востока.

В 1920-е годы Рубцов вновь активно путешествует. Он много ездит по югу Туниса, посещает Алжир, Марокко, Турцию. Одновременно его влекли и европейские страны, столь непохожие друг на друга: он побывал в Испании, Италии, Югославии, Болгарии, Германии, Венгрии, Австрии, Англии. Почти каждый год он посещает Францию, где проходят его выставки.

В 1924 г. Рубцов был награжден орденом Французской Академии художеств и получил французское гражданство. Рубцов называл себя «французом, родившимся в Петербурге».

Рубцова умер от туберкулеза во французском госпитале г. Тунис, где его в последние месяцы посещала художница Н. Маркова. Художник похоронен в русской части кладбища Боржель. (Участок для могилы куплен Гастоном Боглио, основателем Общества друзей А. Рубцова.)

Жизнь в искусстве Рубцова не закончилась с его смертью. Через несколько месяцев после его кончины его работы появляются на тунисском салоне 1950 г., а потом там же и позднее – в 1951 и 1952 годах. В 1951 г. была опубликована первая монографическая работа о художнике, написанная его другом Пьером Дюма, – «Рубцов, художник света». В 1952 г. была учреждена премия Александра Рубцова. На одной из страниц сайта «L'Association Artistique Alexandre Roubtzoff» дается объяснение интересу к творчеству художника: «Tous ces faits sont autant de signes de la popularité et de la forte empreinte laissée par le peintre sur le milieu artistique tunisien. Plus que sa peinture, c'est peut-être avant tout sa personnalité attachante et ses qualités humaines que tous semblent louer» («Всё это есть признаки популярности художника и сильного отпечатка его творчества в тунисском художественном сообществе. И, возможно, больше, чем его живопись, достойна восхищения его личность и его человеческие качества». [Перевод с французского мой – *Н. Л.-Р.*] (Alexandre Roubtzoff, peintre voyageur).

Выставки Александра Рубцова: между Тунисом и Европой

Выставки играют колоссальную роль в творчестве художника**.** Именно выставки служат своеобразным показателем востребованности и профессионализма. Художник имеет возможность понять и оценить симпатию или антипатию публики, ее подготовленность. В экспозициях живописных работ заложен важный смысл – поделиться с миром своим творчеством**.**

В 1920 г. Рубцов выставлялся в первом послевоенном Тунисском салоне: он показал 122 работы, которые заняли отдельный зал. В дальнейшем на протяжении всех 1920-х годов Рубцов ежегодно участвует в Тунисском салоне. В 1920 году за свое творчество Рубцов был награжден орденом тунисского бея Нишама эль Ифтихара.

К этому же, 1920, году относится и его первая персональная выставка, прошедшая в галерее Goupil в Лондоне. Эта выставка была организована благодаря содействию друга Рубцова, английского консула в Тунисе, г-на Бурка, чей замок Бен-Негро в Бизерте художник часто посещал. Там он создал портреты дочерей консула, Ясмин и Миртль, в ренессансном стиле.

В июне-июле 1921-го и в 1922 году в галерее Manuel Freres в Париже также состоялись персональные выставки Рубцова.

В 1924 году Рубцов – участник выставки «Белый Тунис в пустыне», организованной в Париже Институтом Карфагена.

В 1926 году художник устраивает персональную выставку в своей мастерской в Тунисе.

В последующие годы Рубцов представляет свои работы в парижских салонах: Осеннем (1922, 1926, 1927), Салоне Независимых (1929–1940), Салоне художников-юмористов, а также в Салоне Французской Африки в Национальном обществе изящных искусств. Работы Рубцова были представлены и на проходившем в 1928 году в Тунисе Салоне Французской Африки, а также позднее в Салоне Северной Африки в Касабланке.

В 1929 году художник выставляется в галерее Сильви в Париже.

На протяжении 1930-1940-х годов Рубцов постоянно выставляется в Тунисском салоне и других художественных вернисажах в Тунисе. Он также показывает свои работы на различных экспозициях в Париже. Так, в 1937 году художник участвовал во Всемирной выставке в Париже: в Тунисском павильоне была представлена его работа «Спящая тунисская бедуинка», в павильоне синтеза – «Вид Сиди-бу-Саида», в павильоне пластических искусств и графики – «Арабская девочка Туниса». Тогда за свои работы Рубцов был награжден бронзовой медалью. Позднее картина «Араб», выставленная в экспозиции Салона Независимых «Тунисская живопись», также получила бронзовую медаль.

Интересен и факт того, что 1937 году Рубцов участвовал в выставке выпускников Петербургской Академии художеств в Белграде.

В 1947 Рубцов в последний раз побывал во Франции и провел в парижской галерее La Boètie свою персональную выставку. Ее гостем был президент Франции Венсан Ориоль, выразивший восхищение его картиной «Арабская женщина».

После смерти Рубцова выставки его работ проходили и в 1980-е, и в 1990-е годы. Одна из них состоялась в 1981 г. в Musée Fabre в Монпелье. В 1984 в павильоне Trianon des Jardins de Bagatelle в Париже была организована ретроспективная выставка в связи со 100-летием со дня рождения художника. В сентябре 1997 – январе 1998 в Музее Paul-Dupuy в Тулузе работала выставка работ Рубцова под названием «Тунис и Восток».

Творческая деятельность Александра Рубцова. Академизм, импрессионизм, авангардизм: эклектика или синтез?

В произведениях Рубцова соединились разные художественные тенденции, характерные для того времени, в котором он жил.

Французский исследователь Винсент Леме (Vincent Lemay) относит творчество Рубцова к неоклассицизму (la peinture neoclassique) (Lamay). Безусловно, Рубцов был самым настоящим воспитанником Императорской Академии художеств и усвоил принципы строгого академизма. В ранних работах Рубцова это выражалось в скрупулезной точности и подробностях разработки деталей. Однако Н. О. Гадалина-Шома справедливо утверждает, что на определенном этапе своего творчества он переходит к «импрессионистической фиксации впечатления» (Гадалина-Шома: АРТХ…, 24). Исследователь ставит закономерный вопрос: когда это случилось – после приезда в Тунис (а значит, после 1914 года) или несколько раньше, еще в России?

На Рубцова-художника было очевидным влияние Ционглинского. В декабре 1913 г., когда Рубцов организует посмертную выставку своего учителя, он публикует и книгу «Заветы Ционглинского». Книга состоит из 200 афоризмов, отражающих романтическое мировоззрение Ционглинского, творческой личности ван-гоговского типа, бескорыстно и безраздельно преданной искусству. Подобные идеалы – служения Жизни, Красоте, Искусству – стали жизненным кредо и самого Рубцова Мировоззренческим и художественным принципам своего учителя – Яна Францевича Ционглинского – Рубцов оставался верен всю жизнь. По этому поводу Н. О. Гадалина справедливо замечает: «Мировоззренческие принципы учителя, проповедуемый им культ искусства и красоты, требование безраздельной самоотдачи творчеству стали для молодого художника даже не столько профессиональными, сколько нравственными ориентирами, которым Рубцов не изменил за 35 лет жизни в Африке. Ционглинский внушал своим ученикам не только заповеди фанатичного служения искусству, бескорыстия и неустанных творческих поисков. Наряду с этими общими профессиональными установками Ционглинский давал ученикам и основы импрессионистического подхода к живописи…» (Гадалина: ВЦ…). [ВЦ… – фрагмент аббревиатуры названия статьи Н. О. Гадалиной «Влияние Я. С. Ционглинского на формирование творческой индивидуальности и искусства А. А. Рубцова» – *Н. Л.-Р.*]. На рубеже 1898-1899 гг. Ционглинский принимал активное участие в организации объединения «Мир искусства». Он считался одним из убежденных и восторженных пионеров импрессионизма в России. Впрочем, используя многие технические приемы импрессионистов, художник Ционглинский не отходил и от академической системы.

Вне всякого сомнения, подобно многим молодым художникам того времени, Рубцов интересуется новыми тенденциями в развитии искусства, увлекается авангардом. Его внимание привлекают художники, объединявшиеся вокруг Николая Ивановича Кульбина и называвшие себя импрессионистами. Кульбин – теоретик авангардного искусства. Он основал «Треугольник – художественно-психологическую группу», в которую включились Михаил Матюшин, Елена Гуро, Август Баллиер, Иосиф Школьник, Георгий Якулов, Эдуард Спандиков и др. Художники, объединявшиеся вокруг Кульбина, ориентировались в большей степени на искусство французского постимпрессионизма и символизм. Сложившаяся к тому периоду творческая манера Кульбина, сочетавшая работу на пленэре, эмоциональное восприятие пейзажа и стремление воспроизвести живописное ощущение света, безусловно, повлияла на Рубцова. Он входит в круг художников «Треугольника», участвует в их выставках «Импрессионисты» – в Петербурге в 1909 г. и в Вильно в 1909-1910 гг. Творческие принципы художников «Треугольника» и их стилистика, отличавшаяся необычайной раскованностью и пестротой, оказались значимыми для Рубцова и совпали с его будущими творческими устремлениями.

Примером органичного нахождения Рубцова в характерной для 1900-1910-х гг. годов атмосфере художественных поисков и новых средств выразительности является его картина «Синий хоровод» (1912), ныне находящаяся в петербургском частном собрании. «На полотне изображен танец загадочных восточных женщин, задрапированных в голубые одежды. Подобного рода сюжеты, для которых характерно сочетание элементов символизма и ориентализма, были очень популярны в эпоху модерна. Музыкальная гармония произведения свидетельствует о высоком мастерстве и тонком чувстве цвета и композиции» (Гадалина-Шома: АРТХ…, 127), – так характеризует это полотно Н. О. Гадалина-Шома. Согласимся с выводом исследователя о том, что «существование этого произведения <…> дает ответ на <…> вопрос, о том, была ли живопись Рубцова в русский период исключительно академичной. Выясняется, что тяга к экспериментам, свойственная художнику в дальнейшем, возникла еще в России» (Гадалина-Шома: АРТХ…, 127).

И в дальнейшем Рубцов свободно оперировал различными живописными манерами. Появившиеся уже вне России работы Рубцова отличались фрагментарностью, этюдным характером, любовью к портретному, пейзажному и архитектурно-пейзажному жанрам, исполненным в свободной и художественно раскованной манере. Н. Гадалина утверждант, что «Сам Рубцов считал себя главным образом пленэрным мастером. Он ориентировался на французскую постимпрессионистическую традицию и часто использовал технику пуантилизма в своих пейзажах малого формата» (Гадалина: Ф…)

Для «тунисского» периода творчества Рубцова характерно то, что, по словам Н. Гадалиной, «академическое отношение к натуре соединяется у него с живописными принципами нового французского искусства, утонченность европейского интеллектуала – с наивностью арабских сюжетов, представление о художестве как профессии – с романтическими идеалами духовной свободы» (Гадалина: Ф…).

Симптоматично, что еще в период пенсионерства Рубцов сложился как художник-эклектик, свободно оперирующий различными творческими системами. Безусловно, для Рубцова, долго и старательно учившегося, а потом начавшего делать академическую карьеру, восприятие стилей искусства как шаблонов или инструментов для осуществления творческих замыслов было абсолютно органичным. И этот диапазон излюбленных Рубцовым творческих манер достаточно широк. В видении Н. О. Гадалиной-Шома, «Рубцов был мастером широкого стилевого диапазона (от академизма до фовизма). В отдельных его вещах на французские сюжеты проявились также элементы футуризма и сюрреализма и даже ощущается некое предвосхищение гиперреализма и поп-арта. Этот факт показывает, что художник, не стремившийся влиться в какое-либо из новаторских течений или основать собственное, пристально следил за развитием современного искусства и даже предугадывал его направление» (Гадалина-Шома: АРТХ…, 123).

Несмотря на прекрасную осведомленность Рубцова о событиях мирового искусства и на его тесную связь с художественной жизнью Франции, кубизм, сюрреализм и прочие модернистские течения

оставались ему, в сущности, чуждыми, а гротеск и деструкция форм не слишком его интересовали, так как не служили его основной задаче – адекватно передавать натуру. Вместе с тем, например, в его больших композициях на французские сюжеты «Парижские впечатления» (1926), «Бич исторических памятников» (1931), «Впечатления от Жуан-ле-Пэна» (1933), «Зрелище Парижа» (1935) сочетаются элементы экспрессионизма и сюрреализма, не характерные для его произведений на тунисские темы. Верный своей основной задаче – точно изобразить натуру, будь то нюансы освещения, лицо или татуировка, – художник в своих французских композициях отступает от нее ради большей адекватности изображения городской жизни и европейской цивилизации.

Патрик Дюбрек (Patrick Dubreucq) писал: «Mais Roubtzoff appartenait en fait à cette race d'artiste qui n'a jamais cru devoir s'en tenir à un genre ou un style précis» («Рубцов, действительно, принадлежал к той расе художников, которая никогда не считала необходимым придерживаться определенного жанра или стиля» [Перевод с французского мой – *Н. Л.-Р.*]) (Dubreucq).

Таким образом, в связи с Рубцовым речь идет не о механистическом соединении художественных манер в его творчестве, но о том, что каждую из них он выбирал по вдохновению, по интуиции, отталкиваясь от замысла произведения, от объекта, который он особым образом воспринимал и хотел запечатлеть. Художник не находился в лоне какого-то одного направления и не «сшивал белыми нитками» элементы разных художественных стилей – стиль каждой работы диктовался ему сюжетом. Согласимся с утверждением Н. Солгубовского: «Рубцов неповторим в своем творчестве. Он никогда не поддавался влиянию моды и преходящих тенденций в искусстве, не связывал себя с какими-либо живописными школами. Он повиновался лишь зову души и собственной фантазии» (Сологубовский).

Ориентальные мотивы в творчестве Александра Рубцова

Сохранилась зарисовка Рубцова «Первое впечатление по приезде в Тунис», изображающая кусочек городского пейзажа тунисской столицы: арабские дома с плоскими крышами, экзотическая африканская растительность и царящий надо всем полумесяц. В этом маленьком, лаконичном линейном рисунке символически отразилось все то, что так привлекало Рубцова в Тунисе: культура, природа и особенно – свет. Н. Сологубовсий пишет: «Рубцов был одержим магией света и стремился к совершенству в отображении игры его оттенков. Он отмечал, что в отличие от резкого и определённого света в России, в Тунисе свет всегда окутан синтетической гаммой, полной неожиданностей и гармонии одновременно. Вот что записал художник о своих ощущениях в дневнике: "Работая над своими закатами солнца, я пришёл к убеждению, что, пожалуй, больше всего меня привязывает к Тунису здешний свет с его бесчисленными оттенками, невообразимыми где-либо еще"» (Сологубовский).

Наряду со светом Рубцов имел и особенное видение «цветовой гаммы» Туниса. Это подмечает Н.О. Гадалина-Шома: «Именно неожиданные сочетания цветов, тончайшие оттенки и резкие контрасты, усложнявшие адекватную передачу натуры, привлекали Рубцова в тунисской природе» (Гадалина-Шома: АРХФТ). Винсент Леме (Vincent Lemay) видит в «тунисских» пейзажах Рубцова особенную цветовую поэтику – «Met en valeur les divers elements presents par leurs couleura domineantes; blanc eclatants, ocre des briques, atmosphere

rose par la chaleur…» («Выделяются различные элементы, представленные доминирующими цветами; сверкающий белый, кирпичная охра, розовая атмосфера, идущая от тепла» [Перевод с французского мой – *Н. Л.-Р.*]) (Lemay).

После того, как Рубцов оказался в Тунисе, природа, архитектура и человеческие типы Северной Африки становятся главной темой его творчества. В Тунисе Рубцов обретает источник вдохновения и находит основные сюжеты своих работ – местные пейзажи, лица, строения.

Рубцов не смотрел на арабскую культуру сверху вниз, с позиции «просвещенного» европейца. Он полагал, что западному человеку, не способному воспринять иную, восточную ментальность, удобнее трактовать арабскую культуру как примитивную, «наивную». По утверждению Н. Гадалиной, «художник восстает против традиционных клишированных представлений о красотах Востока. Он утверждает, что картинка, изображающая "миленькую марабу рядом с одной или несколькими хорошенькими пальмами на фоне синего моря и голубого неба, и с верблюдом возле марабу", существует только в сознании людей, никогда не бывавших в Африке. По мнению Рубцова, подлинное очарование Туниса состоит в <…> непривычных для европейцев запахах, звуках и блюдах» (Гадалина: Ф…). По замечанию Н. Сологубовского, «непревзойдённый мастер тунисского пейзажа, Рубцов также восхищает и очаровывает своими картинами, запечатлевшими уличные сценки, базары ремесленников, узорчатые арабские двери, мечети, марабу – гробницы мусульманских отшельников, античные руины, лица, орнаменты бедуинских татуировок» (Сологубовский).

Рубцов создал в живописи и графике целостный образ Старого Туниса, исчезающего под натиском европейской цивилизации. Он запечатлел то, что сохраняясь тысячелетиями, уходило на его глазах в небытие: традиционные арабских кафе, национальную еврейскую и арабскую одежду, мистический свет масляных ламп, освещавших минареты в период Рамадана. «Поныне в Тунисе Рубцова чтут не только за эстетические качества его работ, но и как хроникера и этнографа, зафиксировавшего старинную архитектуру, виды, уличные сценки в период, когда фотография еще не получила там широкого распространения» (Гадалина-Шома: АРХФТ, 21), – свидетельствует Н. О. Гадалина-Шома.

В своих портретах художник добивался ощущения сходства с натурой, часто уделяя большое внимание декоративному окружению портретируемых. Любимым обектом изображения Рубцова была женщина. Существует огромное количество рубцовских портретов арабских женщин. Арабские женщины часто изображаются им на фоне знаменитых кайруанских ковров, которыми славится Тунис. Так, например, в работе 1921 г. «Alia assise devant un mortier» *(«*Алия, сидящая перед ступкой») в центре можно увидеть немолодую арабскую женщину, закутанную в традиционные одежды, которая занимается привычным хозяйственным делом, – она толчет овощи в специальном деревянном сосуде. Художник внимателен к деталям этнографического характера: он запечатлевает композиционные особенности орнамента на материи, которой покрыта голова портретируемой; буквально выписывает узор ковра, на котором она расположилась; скрупулезно прорисовывает татуировку на ее правой руке. Характерно, что на картине – две подписи: одна из них сделана в правом углу по-французски (в переводе – А. Рубцов. Тунис, 1921), вторая слева – на арабском языке с обозначением мусульманского летоисчисления (в переводе

– Джумада, 1-й год 1339 года Хиджра Искандер Рубцоф. Холст, масло). Это можно видеть на многих картинах Рубцова. Таким образом, Рубцов подчеркивает, что он открыт в разные стороны: и в Европу, западному зрителю, и на Восток, арабскому.

В творчестве Рубцова, принадлежащем тунисскому периоду, есть и великолепные работы в жанре ню. Женщины в них привлекают сходством с натурой и нарядностью декоративного фона. Рубцов воспевает красоту обнаженного женского тела, любуется изяществом линий своих моделей, арабских девушек и молодых женщин. Обычно его портретируемые лежат на восточных коврах, детали рисунка которых тщательно выписываются художником.

Этнографические зарисовки Рубцова, пожалуй, более академичны по рисунку, а иногда носят характер штудий, фиксирующих любопытные детали. Этнографических зарисовок Рубцова приходится особенно много на вторую половину 1940-х годов. В них Рубцов точно запечатлевает уличные сценки, узорчатые арабские двери, мечети, орнаменты бедуинских татуировок. В частности, это хорошо просматривается в выпущенном в 1944 году альбоме этнографических зарисовок «Улицы Туниса», состоящем из 45 рисунков. Рубцов делает и рисунки тунисских почтовых марок.

Великолепными можно признать пейзажи Рубцова. В них тонко передана красота тунисского ландшафта. Пейзажи Рубцова включают в себя изображение неба, моря, месяца, солнца, экзотических кустаников, цветов. В своих пейзажах Рубцов предстает мастером световых и хроматических эффектов.

Особенное место в «тунисских» работах Рубцова занимают его архитектурные пейзажи. На них – улицы пестрого Востока, марабу, элементы городской архитектуры арабских городов, мечети, тунисские белые дома. Художник внимательно всматривается в особенности строений изображаемых им зданий, тщательно запечатлевает их формы и линии, он предельно точен в воспроизведении архитектурных деталей.

Органичным дополнением пластического творчества Рубцова стали изучение мусульманского искусства, арабской культуры и их тунисских особенностей, стремление популяризировать их во франкоязычной среде. Известно, что Рубцов был и прекрасным публицистом и обладал литературным талантом. Н. Гадалина сообщает интересные факты: «В 1938–1941 художник опубликовал в журнале “Tunisie” ряд статей о Старом Тунисе. Он также иллюстрировал статьи других авторов того же журнала, близкие по тематике к его собственным, в том числе очерки известного французского писателя <…> Андре Жида, работавшего в тот период в Тунисе» (Гадалина: Ф…)

Творчество Рубцова, по сути, – это явление культурного синтеза, в нем особенно очевидным оказывается ассимиляция ценностей восточной культуры, что характерно как для западной культуры, так и для русской. Восприятие экзотической земли как духовной родины было свойственно великим французским мастерам конца XIX века: вспомним Гогена, уехавшего в Полинезию, или Ван Гога, увидевшего свою Японию на юге Франции. В русской культуре есть похожие примеры – Петров-Водкин и Гумилев, – искавшие «Индию Духа» в Северной Африке. Рубцов не стал исключением.

Можно говорить об особенном изображении Востока Рубцовым: осваивая арабские сюжеты, художник соединяет в них

творческую ориентацию на документально-этнографическую традицию русского ориентализма и черты западного модернизма (художественная свобода, экспериментальность). Как полагает Н. Гадалина, «его стремление передать нюансы африканского освещения опиралось на стилистику французской живописи конца XIX – начала XX века, желание зафиксировать детали одежды, татуировки, орнаменты – на академическую школу рисования» (Гадалина: АРХФТ, 21).

Пример Рубцова как явления культурного синтеза есть свидетельство того, что интенсивное взаимодействие разных культур стимулирует взлет художественного творчества.

«Адреса»: где «живут» работы Александра Рубцова

По утверждению Н. О. Гадалиной-Шома, «на настоящий момент известны лишь три произведения Рубцова, находящиеся в отечественных (российских – примеч. моё – *Н. Л.-Р.*) музеях, – живописная штудия “Натурщик”, датированная 1904 годом – годом поступления Рубцова в Академию художеств (музей Академии художеств, Санкт-Петербург), “Марьино. Гостиная (Интерьер)” (1909, Челябинский музей искусств), и “Желтая гостиная в имении Марьино” (1910, Музей изобразительных искусств, Архангельск) – образцы интерьерного жанра академических лет» (Гадалина-Шома: АРХФТ).

В Тунисе ряд произведений Рубцова украшают интерьеры правительственных и дипломатических зданий. Во второй половине 1940-х годов Рубцов написал монументальные пейзажные полотна для здания Торговой палаты Туниса. Имеются небольшие портреты бедуинской девочки и молодой арабской женщины, находящиеся в загородной резиденции французского посла, расположенной в одном из пригородов тунисской столицы – Ла Марсе. В кабинете мэра города Тунис, обретающегося в здании тунисского муниципалитета, есть картина Рубцова «Фатьма». Муниципалитетом Туниса в 1924 г. была также приобретена его картина «Арабские ткачихи в Гафсе». Есть работа Рубцова и в заднии Первого министерства. Картины русского тунисца Рубцова представлены в Музее города Тунис и в художественном музее в городе Кассар-Саид.

Французы – также счастливые обладатели произведений Рубцова. Опусы мастера находятся в нескольких французских музеях: музее Карнавале в Париже и ряда музеев на юге Франции. Основная часть работ Рубцова принадлежит Художественной ассоциации имени Александра Рубцова во Франции (L’Associotion Artistique Alexandre Roubtzoff).

Кроме того, часть рубцовских работ осела в некоторых частных собраниях Франции, Туниса, России.

Чрезвычайно актуальна проблема «национальной» памяти о художнике.

Французы считают Рубцова частью своей национальной культуры. В 1924 г., как было сказано выше, он был награжден орденом Французской Академии художеств. Вероятно, получение ордена было связано не только с активной выставочной деятельностью художника в Тунисе и во Франции, но и с основанием в г. Тунис Школы изящных искусств (1923), в организации которой он принимал участие. С 1980 г. во Франции существует Художественная ассоциация имени Александра Рубцова. В Ассоциации находится не только коллекция живописных работ Рубцова, но его «Дневники» на французском языке, кото-

рые он вел с 1906 г. и до конца жизни, его архив и переписка. Ассоциация неустанно и планомерно занимается популяризацией наследия мастера.

Безусловно, без Рубцова невозможно представить культуру Туниса в первой половины XX века. Н. О. Гадалина-Шома пишет: «Изучение биографии и творчества Рубцова проливает свет на влияние искусства русской эмиграции на культуру Туниса 1920–1940-х гг.» (Гадалина-Шома: АРТХ, 128). Активный участник художественной жизни поликультурного Туниса, Рубцов приложил немало усилий, чтобы сделать ее более интересной и достойной. Современные тунисские журналисты (А. Хамза, М. Салем) размышляют о роли Рубцова в развитии тунисской культуры и держат творчество художника в фокусе своего внимания.

Сегодня и в России пробуждается интерес к творчеству Рубцову. Возникает понимание того, что он – неотъемлемая часть русского мира. Это нашло отражение и в факте того, что Школа живописи, созданная при Российском центре науки и культуры в Тунисе, носит имя Александра Рубцова. Появляются серьезные исследования о художнике (Н. О. Гадалина-Шома, Н. А. Сологубовский, М. А. Панова, Н. А. Жерлицына), в которых предпринимаются попытки осмыслить его творческую судьбу, его художественное кредо, своеобразие его стилистической манеры, а также вписать его в контексты – исторический и культурный.

Итоги

Рубцов очень много работал, но весьма критично и взыскательно относился к своему творчеству. Ничто материальное, кроме холстов и красок, не интересовало художника. Его возмущало господствующее в современном мире восприятие искусства как товара. Вслед за Н. Гадалиной процитируем высказывание из дневников Рубцова, которое свидетельствуют о его высоком и совершенно бескорытсном отношении к искусству: «Есть много художников, которые работают только ради денег <…> Но разве Веласкес, создавая свои немыслимо утонченные оттенки, находился во власти дум о деньгах? Разве Данте принижал свою “Божественную комедию” до банального коммерческого плана? Разве Бетховен и Дебюсси взвешивали свои звуки на весах грубого торговца?» (Гадалина: Ф…). Эти слова Рубцова воспринимаются сегодня необыкновенно актуально.

Творчество Рубцова дает возможность осознать культурную «связь времен». Оно является плодотворным результатом «межкультурного взаимодействия». В творческом наследии Рубцова обнаруживают себя самые разные тенденции в художественных поисках эпохи конца XIX в. – первой четверти XX в. Особенно очевидной является одна из них – развертывание интенсивного перекрестного взаимодействия между русской, западной и восточной культурами. Размышления над социальной и культурной биографией художника Рубцова, яркого представителя кросс-культурной идентичности и транскультуры, существенно обогащают наши представления о феномене кульуры XX века.

Творчество Рубцова, вне всякого сомнения, обладает большой эстетической ценностью. Но в нем есть и что-то большее, чем только эстетика. Оно содержит в себе универсальную шкалу нетленных человеческих ценностей, выражающей себя в интересе к миру, в любви к человеку, в хорошем смысле интернационализме, в доброжелательном восприятии «другого» как источника обогащения знаний о мире и человеке.

ЛИТЕРАТУРА

Гадалина-Шома, Н.О. Александр Рубцов – тунисский художник эпохи французского протектората. Проблемы изучения биографии и творчества. [Электронный ресурс] // [Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья]. – URL: http://www.artrz.ru/download/1804836099/1804856792/13. (дата обращения 08.01.2019).

Гадалина-Шома, Н.О. Александр Рубцов – художник французского Туниса. [Электронный ресурс] // [Художественная культура русского зарубежья 1917-1939. Сборник статей]. – URL http://iknigi.net/avtor-kollektiv-avtorov/96771-hudozhestvennaya-kultura-russkogo-zarubezhya-19171939-sbornik-statey-kollektiv-avtorov/read/page-20.html. (дата обращения 08.01.2019).

Гадалина Н.О. Влияние Я. С. Ционглинского на формирование творческой индивидуальности и искусства А. А. Рубцова. [Электронный ресурс] // [Психология человека]. – URL: https://psibook.com/religion/vliyanie-ya-s-tsionglinskogo-na-formirovanie-tvorcheskoy-individualnosti-i-iskusstva-a-a-rubtsova.html. (дата обращения 08.01.2019).

Гадалина, Н. «Француз, родившийся в Петербурге»: тунисский художник Александр Рубцов (1884–1949). [Электронный ресурс] // [Журнальный зал. Нева. 2003, № 10]. – URL: http://magazines.russ.ru/neva/2003/10/gadal.html. (дата обращения: 08.01.2019).

Сологубовский, Н. Александр Рубцов, русский художник Туниса. [Электронный ресурс] // [Проза.ру]. – URL: https://www.proza.ru/2016/06/11/1692. (дата обращения: 08.01.2019).

Alexander Roubtzoff, Peinter Voyageur. [Электронный ресурс] // [L’Association Artistique Alexandre Roubtzoff]. – URL: http://www.roubtzoff.org/index2.html. (дата обращения: 08.01.2019).

Dubreucq Patrick. Un nouveau regard sur l’oriental et sur les choses. [L’Association Artistique Alexandre Roubtzoff]. – URL: http://roubtzoff.org/rencontre.html. (дата обращения: 08.01.2019).

Lemay Vincent. Iconographie et representation du paysage Tunisien. [Chaire UNESCO] [Электронный ресурс]. – URL: http://roubtzoff.org/Iconographie.pdf. (дата обращения: 08.01.2019).

Lapaeva-Risteska N. B.
Ss. Cyril and Methodius University of Skopje, Macedonia
natalya_lapaeva@mail.ru

The Artist “at the Junction” of Epochs and Cultures: the “Russian Tunisian” Alexander Roubtzov

Summary: The work of the artist Alexander A. Roubtzov (1884-1949) belongs to both Russian, Tunisian and French cultures. Roubtzov was born in St. Petersburg, and from 1914 he lived in the “French” Tunisia. Mastering Arabic themes, Roubtzov combined in his images the features of a Russian orientalism and western modernism. Roubtzov’s work was formed at the “junction” of different national cultures. He was a participant in the dialogue of civilizations. His work is a “bridge” between East and West.

Keywords: artist Alexander Roubtsov, Russian orientalism in painting, modernism in art, Tunisian culture, dialogue of civilizations

ЛЕГКИХ ВИКТОРИЯ ИГОРЕВНА
INSTITUT FÜR SLAWISTIK, UNIVERSITÄT WIEN, АВСТРИЯ
vlegkikh@gmx.de

Собирание и изучение славянского рукописного наследия в конце XIX – нач. XX в. Фонд Павла Ивановича Савваитова, собирателя, археографа, археолога, историка и теолога

АННОТАЦИЯ. Середина XIX века в России связана с расцветом филологии, а также интересом к славянскому рукописному наследию. В 1877 г. было основано Общество Любителей славянской Письменности (ОЛДП). Его собрание рукописных книг до сих пор одно из богатейших. Другие известные коллекции славянских рукописей принадлежали А.А. Титову, Н.П. Лихачеву, Ф.Ф. Мазурину, Е.В. Барсову и др. П.А. Сырку. и др. В докладе предлагается краткий обзор роли фонда одного из собирателей и исследователей славянских рукописей П.И.Савваитова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фонд, собиратель, П.И. Савваитов, рукописное наследие

Середина XIX века в России связана с расцветом филологии, а также интересом к славянскому рукописному наследию.

В это время активно развивается собирательство и изучение славянской письменности, особенно плодотворным для палеославистики стал конец XIX – начало XX века. В 1877 г. князем П. П. Вяземским было основано Общество Любителей славянской Письменности (ОЛДП), просуществовавшее до 1932 г. В рамках этого общества было проведено фундаментальное изучение многих славянских памятников, а также описание славянский рукописей. Хранящееся в РНБ собрание рукописных книг ОЛДП до сих пор является одним из богатейших. С 1877 выходят также издания ОЛДП, предлагающие точные факсимиле рукописей. За время существования общества было сделано свыше 200 изданий. кроме того, в обществе выходят «Памятники древней письменности», а также описания, каталоги и исследования памятников древней письменности[1]. Членами общества проведены исследования, до сих пор не потерявшие актуальности, например, Д.И. Абрамовичем были изданы тексты Борисоглебского цикла, и до сих пор это издание является наиболее полным (Абрамович 1916).

Многие члены общества сами собирали рукописи, которые теперь находятся в фондах Российской национальной библиотеки. Например, фонд основателя Общества П. П. Вяземского включает 13 рукописных книг XIII-XV вв. (табл.).

Таблица. Рукописные книги XIII-XV вв. из фонда П.П. Вяземского

Вяз. F. 124/8б	Апостол.	Перв. пол. XIV в.
Вяз. F. 124/2	Евангелие апракос полный.	Перв. пол. XIV в.
Вяз. F. 124/3	Евангелие от Луки.	XV в.
Вяз. F. 124/6б	Евангелие тетр.	Кон. XIII - нач. XIV в.
Вяз. F. 124/8а	Евангелие тетр.	Перв. пол. XIV в.
Вяз. F. 124/7	Минея служебная. Октябрь.	Перв. пол. XIV в.
Вяз. Q. 279	Сборник сочинений, посвященных Димитрию Солунскому, с доп. статьей.	80-е гг. XV в.
Вяз. F. 124/6а	Торжественник общий.	Кон. XIII - перв. треть XIV в.
Вяз. F. 124/10	Триодь постная и цветная.	Втор. пол. XIII в.
Вяз. F. 124/4	Триодь постная и цветная.	Втор. пол. XIII в.
Вяз. F. 124/5	Триодь постная.	Втор. пол. XIV в.
Вяз. F. 124/9	Триодь постная.	Третья четв. XIV в.
Вяз. F. 9/1	Фрагменты нескольких рукописных книг.	

Личные коллекции некоторых членов Общества состаили богатые фонды библиотек, как например собрание Титова в Российской национальной библиотеке или собрание И.А. Шляпкина в составе библиотеки высших женских курсов[2].

Кроме того, XIX в. стал началом научного описания собраний. В первой половине XIX в. появляются описания К.Ф. Клайдовича, П.М. Строева (Калайдович, Строев

1 Подробнее см. (Лопарев 1888).

2 Краткое описание славистической коллекции в мемориальном собрании И.А. Шляпкина было сделано О.С. Сапожниковой в 2015 г. (Сапожникова 2015).

1825; Строев 1845), А.Х. Востокова (Востоков 1842), в середине века – Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки А.В. Горского и К.И Невоструева (Горский, Невоструев 1855 – 1859), в начале XX в. вышло обширное описание фонда Новгородской Софийской библиотеки. Д.И. Абрамовича (Абрамович 1905 – 1910), а также многие другие. Попытка обозрение всех вышедших описаний была сделана в 1963 г. (Справочник 1963), а также была существенно дополнена в 2001 г. О.В. Твороговым (Творогов 2001).

Даже не очень большие собрания оказываются уникальными и важными для библиотек, а фонды самих исследователей содержат уникальные материалы, состоящие из писем, черновиков, а также неопубликованных работ.

К деятельности и фонду одного из таких ученых я бы хотела обратиться в этой статье.

Павел Иванович Савваитов, российский историк, археолог, археограф и теолог родился 15 февраля 1815 года в Вологде в семье священника. В 1833 году он окончил Вологодскую духовную семинарию, а в 1837 г. Санкт-Петербургскую Духовную академию. По окончании он был назначен преподавателем в Вологодскую Духовную семинарию, где познакомился с собирателем древних рукописей М.И. Погодиным и собирателем Сказаний русского народа» И.П. Сахаровым. Тогда же он занялся описанием древних монастырей, собиранием вологодских песен и изучением зырянского языка. С 1842 г.он преподавал в Санкт-Петербургской духовной семинарии Священное Писание, патристику, герменевтику и статистику русского раскола. Кроме того, он преподавал русский язык и словесность в Павловском кадетском корпусе, в Коммерческом училище и Школе гвардейских юнкеров. В 1846 и 1856 гг. Побывал в книгохранилищах Вологды, Ярославля, Костромы, а в 1858 работал в Главном архиве Министерства иностранных дел. В 1868 г. Савваитов вышел в отставку и посвятил себя научной деятельности.

В библиотеке также есть личный фонд П. И. Савваитова[3], поступивший в 1912-1917 гг. в Российскую национальную библиотеку от сына ученого Н.П. Савваитова. Фонд состоит из 515 единицы хранения. В нем хранятся документы, письма, ордена, критические замечания на его работы и даже рисунки и фотографии. Среди корреспондентов П.И. Савваитова А.П. и Н.П. Барсуковы, А.Ф. Бычков, Г.Г. Гагарин, Я.К. Грот, Н.И. Костомаров, А.А. Куник, Н.С. Лесков, А.Н. Майков, Л.Н. Майков, А.С. Норов, И.С. Помяловский, В.С. Соловьев, И.И. Срезневский, В.В. Стасов, Н.Н. Страхов, А.И. Тимофеев, С.Д. Шереметев и др. Кроме того, в нем находятся биографические материалы и переписка адмирала С.А. Пустошкина и рукописи разных лиц, например, В.Г. Васильевского и А.И. Тимофеева; книги с автографами Е.В. Барсова, А.А. Котляревского, М.П. Погодина (1868), Н.И. Суворова; рисунки В.Я. Рейнгардта и А.Н. Серова (Опись 1999: 2).

В разделе «Работы и материалы к ним П.И. Савваитова» представлена корректура издания «Новгородская летопись по синодальному харатейному списку» (Новгородская 1888)[4], шуточные заметки и записи стихов и разговоров[5], выписки и заметки к работам на русском, греческом и латинском языках[6], выписка из Келарного обиходника Кирилло-Белозерского монастыря[7], записка со сведениями исто-

3 Фонд № 664

4 РНБ, Ф. 664 № 248

5 РНБ, Ф. 664 № 249

6 РНБ, Ф. 664 № 250

рического характера[8] и копии приписки из греческой рукописи Четвероевангелия 1091г., и монограмм на крестах в лавре Св. Афанасия[9] (Опись 1999: 248-253).

П.И. Савваитовым опубликовано 43 научных труда, в том числе многочисленно переизданнаая «Библейская герменевтика, или Православное учение о способе толкования Священного Писания» (СПб., 1859), посвященная пониманию Священного Писания. П.И. Савваитов выделяет две возможности прочтения текста: «собственное», т.е. слова употребляются в их прямом значении, и «переносное», когда основным становится символический смысл (Савваитов 1859: 17). Им подготовлено 8 публикаций, среди которых первые издания Великих Четьих Миней митрополита Макария и Новгородских писцовых книг. Кроме того, П.И. Саввавитов активно собирал рукописи. Его коллекция не была описана И.А. Бычковым, составившим подробный каталог рукописей (Бычков 1902). Характеризуя это не очень большое собрание, И.А. Бычков пишет «Скончавшийся в 1895 году известный археограф Павел Иванович Савваитов успел, преимущественно, за время пребывания своего в Вологде, составить весьма важное собрание рукописей и актов, главным образом относящихся до Вологодского края» (Бычков 1902: 2). Собранные П.И. Савваитовым вологодские акты XVI, XVII и XVIII вв. поступили в Археографическую Комиссию в 1843 и 1858-59 годах (Бычков 1902: 2). Собрание рукописей П. И. Савваитова было куплено в 1896 году Императорскою Публичной Библиотекой (сейчас Российская Национальная Библиотека (РНБ), а в 1898 го было куплено также собрание автографов, принадлежащих П.И. Савваитову, а также оставшихся актов[10]. В коллекции Савваитова, описанной И.А. Бычковым, находится 250 рукописей, которые делятся на собранные им рукописи и черновики и копии его трудов и издания памятников.

Самой ранней рукописью коллекции является отрывок пергаменной февральской Минеи XII в., также в коллекции имеются две рукописи конца XIV - начала XV вв. - Пролог и Беседы Григория Двоеслова на Евангелие, кроме того в коллекции представлены Домострой, Хождение Антония, торговые книги, Евангелие Тетр, Псалтырь, Акафисты, службы и жития местных святых. Особое место в коллекции занимают списки житий местных святых и данные истории их канонизации, а также Соборное определение патр. Адриана 1691 г. по вопросу о канонизации вологодских святых Галактиона, Герасима и Игнатия (Бычков 1902: 4). Эти рукописи, а также материалы Вологодской и Великоустюжской епархии открывают существенную часть истории этого края, которая без этих материалов была бы неполной.

Особый интерес представляет вторая часть коллекции, вошедшей в Основное собрание ОР РНБ, в которой собраны сочинения П.И. Савваитова и издания им памятников. Ученый издал 10 памятников и опубликовал 43 труда (не считая переизданий). В Основном собрании РНБ хранятся копии его сочинений, таких как Библейская герменевтика, или толковательное богословие[11], Описание Семигородной Успенской пустыни и упраздненного Костромского Николаевского монастыря[12], Об издании Остромирова Евангелия и о содействии

7 РНБ, Ф. 664 № 251

8 РНБ, Ф. 664 № 252

9 РНБ, Ф. 664 № 253

10 На данный момент коллекция П.И. Савваитова входит в Основной фонд Отдела рукописей РНБ (ОСРК)

11 РНБ, O.I.445, F.I.802, F.I.803

12 РНБ, Q.I.1238

московского митрополита Филарета выпуску в свет этого издания[13], а также Сборник выписок[14], Сборник статей и заметок[15], Ученические сочинения[16]. Но наиболее интересными материалами являются копии и материалы к работам, которые не были опубликованы. В частности, мне бы в этой статье хотелось коснуться двух таких работ: Краткое описание о известных писателях книг Священного Писания Ветхого и Нового Завета. (1850 г.)[17] и Обозрение сочинений, написанных против русских раскольников, известных под именем старообрядцев (точная дата не обозначена)[18]

Оба сочинения могли быть использованы как учебные пособия. Краткое описание о известных писателях книг Священного Писания Ветхого и Нового Завета составлено по принципу Энциклопедического словаря и содержит сведения обо всех известных нам библейских писателях, писателях, каждый из которых составляет отдельную статью. Они расположены не по алфавиту, а по книгам. Из Ветхого Завета представлены Моисей, Иисус Навин, Ездра, Неемия, Иов, Давид, Соломон, Иисус Сирахов, пророк Исаия, пророк Иеремия, пррок Варух, пророк Иезекииль, прок Даниил, пророк Осия, пророк Иоиль, пророк Амос, пророк Авдий, пророк Иона, пророк Михей, пророк Наум, пророк Аввакум, пророк Софония,, пророк Аггей, пророк Захария, пророк Малахия. Из Нового Завета мы видим четырех евангелистов (Матфея, Марка, Луку и Иоанна Богослова), а также авторов посланий Иакова, Петра, Иуду и Павла.

Это рукопись в четверть, состоящая из 67 листов, 45 из которых исписаны. Хотя рукопись представляет собой беловую копию, некоторые поправки и дополнения в ней еще встречаются. Размер статьи зависит от количества имеющихся сведений, поэтому некоторые статьи составляют всего несколько строк, в то время как другие представлены тремя-четырьмя страницами. Каждая статья предлагает биографическую информациюи краткий анализ сочинений. В качестве примера приведу пространную статью, посвященную пророку Моисею[19]:

«Моисей Пророк и Боговидец родился в Египте от Амарамы и Иохаведы в 3760 лет от сотворения мира. Прежде рождения его за несколько времени царь Египетский, озлобляя и истребляя народ Израильский, приказал умерщвлять всех младенцев мужского пола у Израильтян. Родители Моисея скрывали его в дому своем три месяца, но не смея больше укрывать у себя, поручили его промыслу Всевышнего, который и, действительно сохранил его чудесным образом. Младенец Моисей взят был царской дочерью, усыновлен, воспмтан и научен всем египетским наукам (Исх.2.7), яко сын и наследник царский. Иосиф Флавий, в книге о Древних Иудейских. Заимствуя многое из преданий отечественных, жизнь пророка Моисея описал пространнее и полнее. Наконец Моисей, пробыв 40 лет при Дворе Египетском и быв самовидцем бедствий и озлоблений единоплеменников своих Израильтян, по некоторым обстоятельствам должен был оставить Египет и убежать в землю Мадиамскую, в которой и обрел себе тихое пристанище у священника Мадиамского, женился на его дочери и провел 40 лет, занимаясь паствою овец тестя своего. (Исход 3) Некогда, гоня стадо свое к горе Харив, увидел Моисей чудесное явление: купина горит и не сгорает, и хотел было приблизиться к ней, чтобы вблизи рассмотреть лучше видение сие: но услышал глас Господень, исходящий из купины и воспрещающий ему приближаться к ней, потому что место, на котором он стоит, земля свята есть. Потом сказал ему Господь: се ныне вопль сынов Израилевых прииде ко Мне, и Аз видех и озлобление людей Моих и хочу изъяти их от рук египетских. Ныне убо, Моисее, гряди, се Аз посылаю тебя к фараону царю Египетскому и извести люди Моя из земли Египетской. Моисей отрекался принять на себя столь важное от Господа поручение, говоря в оправдание свое, что его словам Израильтяне не поверят и не послушают гласу его, что он не может объянить ни пред людьми, ни пред фараоном: потому что **гугнив, неврогласен и косноязычен**. Но Господь, уверя Моисея в своем покровительстве, дал ему мощность творить чудеса и знамения, и приказал взять с собою брата своего Аарона, который за него будет говорить к народу и пред фараоном волю Божию. (Исход 4). Моисей после сего не мог более противиться воле Божией и отправился в Египет с женою своею и двумя свнами. Аарону такжеоткрыл Господь волю свою, как и Моисею. Почему оба они совокупно пришедши во Египет, собрали старейшин сынов Израилевых. Аарон рассказал им слова Божии, сотворил знамения пред людьми. Все слышавшии поверили ему и возрадовались, что Бог посетил сынов Израилевых и призрел на их скорбение.

После сего Моисей и Аарон пришли к фараону и объявили причину пришествия своего. Фараорн сказал им в ответ: «**Не вем Господа и Израиля, не отпущу**; и за сим тотчас приказал обременить Израильтян тягостнейшими работами. Народ более прежнего отягощенный и мучимый возроптал за сие на моисея и аарона. Моисей отнесся с их лбным воплем ко Господу, и услышал глас глаголющий: **Аз ожесточу сердце фараоново и умножу знамения Моя и чудеса в земли Египетской**; и ежели не послушает вас фараон: то **возложу руку на Египет и изведу с силою Моею люди моя сыны Израилевы от земли Египетския со отмщением всяким**. После сих слов Господа Моисей с Ааароном пришли паки к фараонму и именем Господа просили его об отпущении Израильтян из Египта. Но фараон ожесточил сердце свое и не слушал их слов: запретил даже Моисею и Аарону явлться к себе во Двор; а народ приказал более и более озлоблять и угнетать. Упорство и непокорность фараоновы навлекли на Египет гнев Божий, и так поразил землю Египетскую ужаснейшими карами: в непродолжительном времени десять казней испытал на себе фараон и люди его. (Исх. 7-10). Наконец жестокосердый фараон не мог более противиться могуществу Божию и принужден был отпустить Израильтян из земли своея.

В воспоминание избавления от ига Египетского Израильтяне от сего времени ежегодно должны были праздновать семидневную Пасху по предписанному от Бога порядку (Исход. гл. 12).

Моисей в предверии путешествия их был первейшим вождем, судиею и посредником Божиим. (Исх.33). Он беседовал с Богом лицом к лицу, якоже к своему другу, сотворил пред ними силою Божиею многия чудеса и знамения: но они к благодеяниям Божиим были нечувствительны. Бог с Синайской горы сквозь виар и огнь, посреди грома и молнии, вещал к народу своему заповеди, и потом вручил Моисею Закон свой, начертав на двух скрижалях: но народ сей неблагодарный неверствием

13 РНБ, F.I.809

14 РНБ, O.I.446

15 РНБ, Q.I.1234

16 РНБ, Q.I.1239, Q.I.1240.

17 РНБ, Q.I.1236

18 РНБ, F.I.805

19 Рукописная цитата приводится с сохранением авторской орфографии в упрощенном варианте (і заменено на и, ѣ заменено на е, убран ъ в конце слова). Подчеркивания в тексте отражают подчеркивания в рукописи.

своим, жестокосердием и нечстиями часто раздражал премилосердаго Бога. За сие Бог и попустил на них различные казни. 40 лет странствовали Израильтяне по пустыни и претерпели много несчастий. Ни один из числа родившихся во Египте, кроме Иисуса Наина и Халева, не дошел до обетованной земли. И сам моисей, узрев ее только издали, с горы Фасга, скончался там словом Господним, на 120 году жизни своей. (Второзак. 38). Место погребения его и доныне неизвестно. Православная церковь совершает память его 4 сентября.

О пророке Моисее упоминается во многих местах Свящ. Писания. В 45 главе книги Премудрости Иисусом сыном Сираховым возвеличен он бесчисленными похвалами

Пророк Моисей есть самый древний писатель. Первые **пять книг** Ветхого Завета, без сомнения им сочинены. Они всеми Евреями и Христианами приемлется за Богодухновеныя.

1-я книга называется **Бытие**: потому что в оной описано сотворение мира, история первых праотцов патриархов до самой Иосифовой кончины.

2-я книга **Исход**: потому что в оной повествуется об исходе Израильтян из Египта и о всем случившемся с ними в продолжение путешествия.

3-я книга **Левит**: потому что в оной описаны должности и обязанности левитов и священников, законы, церемонии и жертвоприношения иудейской религии.

4-я книга **Чисел** называется для того, что начинается с исчисления сынов Израилевых и повествует о проишествиях, случившихся в последний год их странствования.

5-я книга называется **Второзаконие**: потому что в оной повторяет Моисей Божия благодеяния, для возбуждения народа к благодарности; повторяет Закон Божий и многие различные постановления, которые хотел внушить он народу своему»[20].

Приведу пример краткой статьи, посвященной пророку Науму:

«Пророк Наум
Сын Елкеев, жил в царствование Езекии, царя Иудина. О жизни сего пророка ничего неизвестно. Православная Церковь совершает память 1го дня Декабря.
Пророчество его состоит из трех глав. Он предсказал о падении Ниневии. Слог в пророчестве его высок, выразителен и красив»[21].

«Лука Апостол
и Евангелист, родом Антихиоанин, искусством врач и (по мнению Симеона Метафраста, Никифора и пр.) иконописец, св. апостолом Павлом, жившим тогда в Антиохии, обращен ко Господу Иисусу Христу, и со времени обращения своего всюду последовал за сим учителем своим, странствовал с ним, проповедывал Слово Божие в Далмации, Галатии, Италии, Македонии и в инех странах. Жизнь препровождал он безбрачную и на 84 г. жизни своей, в 70 же году по Р. Х. Скончался, но каким образом – неизвестно. Православная Церковь празднует память его 18 октября. В Четиих Минеях есть обстоятельнейшее описание жития его.
Он от апостола Павла и от других апостолов просветясь светом Евангельскаго учения и слушая их повествования, составил святое **Евангелие**, в котором многое изобразил он пространнее и яснее, нежели другие Евангелисты, а особливо что касается до священства Иисус-Христова.

Также написал он **Деяния Святых Апостолов**, быв онех самовидцем. В них описано начало и приращение Христовой Церкви, а наипаче подвиги, труды и странствования св. апостола Павла, учителя его; и заключено повествованием Павлова в Риме двухлетняго пребывания.
Оба сии творения святый Лука посвятил Державному Феофилу около 59 года по Р. Хр. Прежде еще кончины Павловой»[22]

Как мы видим, рукопись представляет собой достаточно развернутый биографический словарь, который, несмотря на развитие религиозной науки в XX в., все еще может быть использован для уроков Катехизиса. Опыт лектора позволил автору соединить в этом произведении информативность и доступность изложения.

Второе из рассматриваемых произведений, также до сих пор не опубликованное, относится к курсу П.И. Савваитова, посвященному теории раскола. Оно называется «Обозрение сочинений, написанных против русских раскольников, известных под именем старообрядцев»[23]. Это рукопись в лист, состоящая из 43 листов, первые 20 которых – беловая копия, написанная пятью разными почерками. Произведение состоит из разбора пяти сочинений разного времени, полемически направленных против старообрядцев: это «Жезл правления» Симеона Полоцкого (1667), «Цвет Духовный» патриарха Иоакима (1682), «Розыск о Раскольнической Брынской Вере, о Учении их, о Делах их, и изъявление, яко Вера их неправа, Учение их душевредно, и Дела их не Богоугодна» св. Димитрия Ростовского (1709), «Ответы на вопросы старообрядцев» преосвященного Никифора (1821) и «Наставление правильно состязаться с раскольниками, сочиненное в Рязанской Семинарии по предписанию покойнаго Преосвященнаго Симона, Епископа Рязанскаго и Шацкого» (1807). Эти сочинения сегодня практически неизвестны, однао они играли важную роль в истории старообрядчества. Разбор каждого произведения поделен на пять частей: краткие сведения о писателе, Понятие о книге по ее надписанию или Происхождение книги, Побуждение к написанию книги, Разделение и содержание, Достоинство и характер сочинения. Таким образом, все пять сочинений разобраны достаточно подробно и дают общее представление как о полемическом модержании, так и о состоянии конфликта в ту эпоху, в которую было написано сочинение.

Первое сочинение, мало известный в настоящее время «Жезл правления» Симеона Полоцкого, было написано по повелению Патриарха Иосифа сразу после раскола и издан от лица патриарха и Собора епископов, поэтому анализ этого произведения в некоторой степени является и анализом ситуации того времени. П.И. Савваитов, кроме пересказа основных пунктов содержания дает также анализ достоинств и недостатков, например «Сочинитель доказывае свои мысли местами Св. Писания и свидетельствами Св. Отцов. Места Писания он объясняет частию по руководству здраваго разума, подчиненного учению Парвославной Церкви, частию местами из сочинений тех же Св. Отцев. Изложение мыслей простое, ясное и вразумительное для всякого, впрочем большею частию растянутое»[24]. Характеристика о ясности изложения, естественно, предполагает ясностьсоответсвующую времени написания, поэтому она не противоречит тому факту, что современному читателю понять

20 РНБ, Q.I.1236 Лл. 2-5.

21 РНБ, Q.I.1236 Л. 35.

22 РНБ, Q.I.1236 Л. 63.

23 РНБ, F.I.805.

24 РНБ, F.I.805. Л. 3.

этот трактат довольно сложно[25]. П.И. Савваитов также рассматривает некоторые наиболее сложные богословские вопросы, затронутые в сочинениях, как, например учение о свете у Симеона Полоцкого: «... по свидетельству Еванг. Иоанна **Бог есть свет и тьмы в Нем нет ни единой**, но свет неприступный, по свидетельству Апостола Павла, который говорит, что Бог Царь Царствующих и Господь Господствующих, един имеющий бессмертие, - живет во свете неприступном, котораго никто не видел из людей и не может видеть. Посему по неприступству и неведению по нашей немощи, - не могущей постигнуть Бога, а не по Божественному Своему естеству в котором есть свет Бог именуется тьмою и невидением»[26].

Второе сочинение - «Цвет Духовный» патриарха Иоакима, написанное всего лишь через 15 лет после «Жезла правления». П. И. Саввваитов называет «превосходнее», так как в нем отсутствует вычурность выражений Симеона Полоцкого и, кроме того, в нем представле «...отчет ... в поправках книг Богослужебных, на которыя раскол указывал, как на отступление от истины»[27].

Описывая третью книгу, «Розыска» св. Димитрия Ростовского, П.И. Савваитов выделяет основные вопросы каждой части. Скорее всего, св. Димитрий Ростовский плохо знал старообрядчество, как отмечала Н.В. Понырко, большая часть его информация пришла к святителю из третьих рук (Понырко 2014: 37 и след.). При этом П.И. Савваитов отметил, святитель приводит важные свидетельства против раскола: «Обличая веру раскольниковв одне старыя книги святитель замечает, что он изменением некоторым не искалечены, а исправлены (гл. 8), что Св. Отцы не книгами спасались, но добрыми делами (гл. 9), что новопечатныя книги не переменили веру, ровнол как не переменила ее Литургия василия Великаго и Иоанна Златоустаго, явившаяся одна за другою после Литургии Иакова, брата Господня (гл.10), что в истории церколвной немало встречается примеров, как древние обычаи церковныи были отменяемы, или вводимы были новые...»[28]. Как достоинство этого сочинения определяется то, что св. Димитрий «обличает несоообразность раскола с духом Евангельским»[29], а также «спокойное исследование» спорных вопросов, простоту речи, ясность и общедоступность[30].

Четвертое разбираемое сочинение – «Ответы на вопросы старообрядцев» преосвященного Никифора. П.И. Савваитов подчеркивает, что Никифор, родом грек, указывает на единство догматов всех известных ему православных церквей[31]. Сочинитель рассматривает спорные моменты в 20 главах и приходит к выводу, что «вопросы челобитной, содержащей все мелочи, не принадлежащия ни к каким догматам веры, ни к заповедям Божиим»[32]. Савваитов еще раз подчеркивает в достоинствах сочинения, что «оно написано писателем, который, изучив истинно древнюю христианскую веру в разных местах / Церквах Православнаго Востока, может быть свидетелем о Восточной церкви, о православии Церкви Русской»[33].

Последнее из разобранных сочинений – «Наставление правильно состязаться с раскольниками, сочиненное в Рязанской Семинарии по предписанию покойнаго Преосвященнаго Симона, Епископа Рязанскаго и Шацкого» 0 описано наиболее кратко. В разборе П.И. Савваитов указывает, что первая часть посвящена истории расколов, начиная с 1003 и до 1706 годов, а во второй доказывается истинность современной ему русской православной церкви как Греко-Российской[34]. В качестве достоинств указывается систематическое изложение раскола, необходимое для воспитанников семинарии[35].

Подводя итог, можно говорить о том, что эта работа П.И. Савваитова до сих пор могла бы быть полезна для семинаристов и интересующихся историей раскола. Анализируемые сочинения наиболее полно представляют состояние раскола и аргументы обеих сторон на протяжении двух веков. Кроме того, несмотря на категоричную позицию никонианства, бросается в глаза желание автора преодолеть раскол, вернуть православную церковь в ее состояние единства, что оказывается актуальным и в наши дни.

В целом можно говорить о большом личном вкладе П.И. Савваитова и как собирателя и как исследователя древнерусских рукописей. Его коллекция исключительно важна для истории Вологодского края, а его сочинения, как опубликованные, так и неопубликованные, не потеряли своей актуальности до сих пор. Изучение этого фонда и публикация работ могла бы обогатить как историческую теологию, так и археографию.

25 Приведу в качестве примера цитату из статьи, направленной против «латинской ереси» Симеона Полоцкого с сайта старопоморской федосеевской церкви: «Сразу скажем, что приведенный трактат читать невозможно, он написан искусственным языком, синтаксис чудовищен и неудобоварим. В изложении мыслей отсутствует всякая диалектика, замененная дешевой пропагандой». Для современного читателя синтаксис сочинений XVII в. действиетльно слишком тяжел, однако сочинение П.И. Савваитова рассчитано на (студентов-) теологов, которые могут воспринимать сложные тексты.

26 РНБ, F.I.805. Л. 4.

27 РНБ, F.I.805. Л. 8.

28 РНБ, F.I.805. Л. 9 об.

29 РНБ, F.I.805. Л. 12 об. Заметим, что подобный подход справедлив к расколу вообще и мог бы быть использован и в ситуациях более поздних расколов.

30 РНБ, F.I.805. Л. 12 об.

31 РНБ, F.I.805. Л. 15-15 об.

32 РНБ, F.I.805. Л. 16 об.

33 РНБ, F.I.805. Л. 19.

34 РНБ, F.I.805. Л. 20 об.

35 Там же.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамович, Д.И. Софийская библиотека. Вып. 1–3 / Д.И. Абрамович. - Пг.: Типография императорской академии наук, 1905-1910.

Абрамович, Д.И. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Д.И. Абрамович. - Пг.: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1916. – 206 л.

Архимандрит Леонид. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа Уварова. Ч. 1 – 4. М.: Товарищество типографии А.И. Мамонтова, 1893 – 1894.

Бычков, И.А. Каталог собрания рукописей П.И. Савваитова, ныне принадлежащих Императорской публичной библиотеке. Вып. 1–2 / И.А. Бычков. - СПб.: Синодальная типография, 1900-1902.

Востоков, А.Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума / А.Х. Востоков. - СПб.: Типография императорской академии наук, 1842. – 911 с.

Горский, А.В. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 1-3 / А.В. Горский, К.И. Невоструев. - М.: Синодальная типография, 1855–1859.

Калайдович, К.Ф. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке графа Ф.А. Толстого / К.Ф. Калайдович, П.М. Строев. - М.: В типографии С. Селивановскаго, 1825. – 886 с.

Лопарев, Х.М. Описание изданий Общества любителей Древней письменности. Ч. 1–3 / Х.М. Лопарев. - СПб: ОЛДП. Издания, 1892–1899.

Никониянщина. «Жезл правления» Симеона Полоцкого [Электронный ресурс] // Древлеправославная кафолическая церковь Старопоморскаго Федосеевскаго согласия. http://www.staropomor.ru/nikon(8)/simeon_polotskiy.html

Новгородская летопись по синодальному харатейному списку / ред. П.И. Савваитов // Археографическая комиссия. - СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1888. – 490 с.

Опись фонда. Ф. 664 Савваитов Павел Иванович. Оп. 1293 Ленинград, 1999. 521 ед. хр.

Понырко, Н.В. Димитрий Ростовский как автор «Розыска о раскольнической брынской вере» / Н.В. Понырко // Труды Отдела древнерусской литературы / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) / отв. ред. Н.В. Понырко. Т. 62. - СПб.: Наука, 2014. - С. 34–42.

Порфирьев, И.Я. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской Духовной Академии. Ч. 1–3 / И.Я. Порфирьев, А. В. Вадковский, Н.Ф. Красносельцев. - Казань: Типография императорского Университета, 1881–1898.

Савваитов, П.И. Библейская герменевтика, или Православное учение о способе толкования Священного Писания / П.И. Савваитов. - СПб., 1859. - Посл. репринт: М.: USSR, 2017. – 176 с.

Сапожникова, О.С. Славистическая коллекция в мемориальном собрании И.А. Шляпкина: неизвестные автографы деятелей славянского возрождения / О.С. Сапожникова // Вестник «Альянс-Архео». – 2015. – Вып. 10. - С. 70–81.

Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей / сост. Н.Ф. Бельчиков, Ю.К. Бегунов, Н.П. Рождественский. - М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, Ленинградское отделение, 1963. – 360 с.

Срезневский, В.И. Описание рукописного отделения библиотеки императорской Академии наук. Т. 1–3 / В.И. Срезневский, Ф.И. Покровский. - Пг: Типография Императорской Академии наук, 1910-1915.

Строев, П.М. Библиотека имп. Московского общества истории и древностей российских / П.М. Строев. – М.: Типография Августа Семена, 1845. – 354 с.

Творогов, О.В. Рукописные собрания России: состояние изучения и описания / О.В. Творогов // Труды Отдела древнерусской литературы / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); отв. ред. Д.С. Лихачев. - Т. 52. - СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. – С. 709–744.

Legkikh V. I.
Institut für Slawistik, Universität Wien, Austria
vlegkikh@gmx.de

The collecting and studying of the of Slavic manuscript heritage in the late XIX - early XX centuries. The fond of Pavel Ivanovich Savvaitov, collector, archeographer, archeologist, historian and theologian

Summary. The middle of the 19th century in Russia is associated with the flourishing of philology, as well as interest in the Slavic manuscript heritage. At this time, collecting and the studying of Slavonic manuscript heritage was actively developing. In 1877 it was founded the Society of Lovers of Old Slavonic manuscriopts. Its collection of manuscripts is still one of the richest. Other famous collections of Slavic manuscripts belonged to Titov, Likhachev, Mazurin, Barsov, Syrku, and others. But even small private collections enrich a lot our knowlidge. The paper offers a brief overview of the role of the collection of Pavel Savvaitov.

Keywords: manuscripts, private collections, studying of Slavonic written heritage, Pavel Savvaitov

МИКУЛАЦО ИРЕНА
УНИВЕРСИТЕТ ПУЛЫ ИМ. ЮРАЯ ДОБРИЛЫ, ХОРВАТИЯ
imikulaco@unipu.hr

О русской интеллигенции сквозь призму многообразий творческих миров Соловьева, Врубеля и Блока

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию русской интеллигенции на рубеже XIX-XX вв. Исследование проводилось сквозь призму многообразий творческих миров Соловьева, Врубеля и Блока. Символизм и поэтическая близость, ключевые темы и концепты их творческих миров, объединяют Михаила Александровича Врубеля с Александром Александровичем Блоком, на чье творчество повлиял философ и мистик Владимир Сергеевич Соловьев. Результаты исследования показывают, что русская литература, культура и духовность имеют глубокие корни в предыдущих периодах, художники черпали вдохновения в философии, литературе, русской традиции, фольклоре и мифологии. Художественные произведения и духовные ценности, идеи, размышления, которые в наследствие оставила русская интеллигенция, оказывают гораздо ярче и сильнее влияние на мировой исторический процесс, особенно научный и культурный, чем все революционные политические потрясения в прошлом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская интеллигенция, рубеж XIX-XX вв., символизм, В.С. Соловьев, М.А. Врубель, А.А. Блок

Он был похож на вечер ясный -
Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет.
М.Ю. Лермонтов: Демон

Искусство изо всех сил старается
иллюзионировать душу,
будить ее от мелочей будничного
величавыми образами.
М.А. Врубель

Жить стоит только так, чтобы
предъявлять
безмерные требования к жизни: все или
ничего
А.А. Блок

Введение

На рубеже XIX – XX веков русская интеллигенция жила во времена больших перемен и пыталась найти свое место в новых течениях в искусстве. В 1870 – 1910-х годах, появилось одно из крупнейших направлений в европейском искусстве (литературе, музыке и живописи) – символизм.

Символизм (от *греч.* simbolon – знак, символ) сосредоточен преимущественно на использовании *символов,* недосказанности, намёков, интуитивно постигаемых сущностей и идей, таинственности и загадочности. Само слово *«символ»* в традиционной поэтике означает «многозначное иносказание», то есть поэтический образ, выражающий суть какого-либо явления. Символисты стремились создать идеальную картину мира, передать тончайшие движения души. В поэзии использовали звуковые и ритмические средства, музыкальность слога, слово для них представляло код для обнаружения духовных тайн. Поэты в своих стихотворениях и художники на картинах изображали субъективные, фантастические и мистические темы, часто с использованием мотивов античной мифологии и классической литературы, а также церковных и эротических мотивов.

Методология

В статье сопоставляются и рассматриваются сходства мышлений и видений художника М.А. Врубеля и поэта А.А. Блока, их философский кругозор и мистицизм, которые формировали их творчество. Цель исследования – проанализировать семантику и функции образов и мотивов, которые используют М.А. Врубель и А.А. Блок в своих творческих мирах. Объектом изучения является символика у Врубеля и Блока. Предмет изучения творческая интерпретация образов и мотивов символистами - художником и поэтом.

Обсуждение

Михаил Александрович Врубель (1856-1910) и Александр Александрович Блок (1880-1921) были представителями символизма. Хотя они принадлежали к разным поколениям, их объединяет сходство художественного выражения. Блок в статье «В памяти Врубеля» писал о нем и заговорил о своих современниках: «Врубель жил просто, как все мы живем; при всей страсти к событиям, в мире ему не хватало событий; и события перенеслись во внутренний мир, - судьба современного художника; чем правильнее размежевывается на клеточки земная кора, тем глубже уходят под землю движущие нас боги огня и света». А.А. Блок говорит как теург. Теургические мотивы являются основными в творчестве русских философов начала XX века — Н.А. Бердяева, В.С. Соловьёва, который особенно повлиял на творчество А.А. Блока. Согласно Н.А. Бердяеву (1985) «теургия — «магическое искусство» достижения состояния обожания, соверша-

емое посредством молитв и церемоний, с целью воссоединения с Богом, теургия есть действие человека совместно с Богом, — богодейство, богочеловеческое творчество». Блок в докладе «О современном состоянии русского символизма» (1910) писал о символистах, которые должны «показывать, а не доказывать». Он искатель «внутренней связи событий»; «символист уже изначала - *теург*, то есть *обладатель тайного знания*, за которым стоит тайное действие; но на эту тайну, которая лишь впоследствии оказывается всемирной, он смотрит как на свою; он видит в ней клад, над которым расцветает цветок папоротника в июньскую полночь; и хочет сорвать в голубую полночь - «голубой цветок».». Художественный мир «Золотой меч, пронизывающий пурпур лиловых миров, разгорается ослепительно - и пронзает сердце теурга». Синтез творческих миров находим в творчестве Блока и Врубеля, в колорите и звучании, как в картинах, так и в стихотворениях. На картинах Врубеля находим сине-лиловую гамму с золотым отражением, о которой Блок говорил в своей статье «О современном состоянии общества», как «о лиловом мировом сумраке».

Русский философ и мистик Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) посвятил свои работы «великому синтезу» Божественного (веры, религии, церкви) и человеческого (личности, истории, прогресса, государства), старого и нового, прошлого и будущего (Лишаев 2006). Соловьев в работах «Смысл любви», «Об упадке средневекового миросозерцания», в трактате «Красота в природе» об историческом творчестве человека размышлял о теургическом действии, преображающем природу на началах красоты.

Символисты во многом были обязаны Соловьеву, его поэзии и философско-эстетической теории. Они хотели объединить разные миры в уникальное видение: природу, человека, фольклор, мифологию. Символические фигуры представляли свет и тьму, мужское и женское, старое и новое, перемену, таинственность и загадочность.

Хотя Врубель и Блок были представители разных поколений, они шли одним и тем же путем, как духовные братья. Они жили в одном культурном окружении и символы, которые их интересовали, были одни и те же. Одним из символических фигур в искусстве Врубеля и Блока является женский идеал, Мадонна, русалка, цыганка, Офелия, царевна, и как противоположность является - Демон, которому посвятили особое внимание, и Врубель и Блок.

Соловьев повлиял на них «софийным опытом», который находим в стихах Блока и на картинах Врубеля. «Софийный опыт» - ядро мистического опыта у Соловьева. Он был центром его внимания и его жизни. В поэме «Три свидания» (1898) философ описал три встречи (1862, 1875 и 1876 гг.) с той, кого он называл «Вечной подругой» и «Божественной Софией».

Что есть, что было, что грядет вовеки –
Все обнял тут один недвижный взор.
Синеют подо мной моря и реки,
И дальний лес, и выси снежных гор.
Все видел я, и все одно лишь было, –
Один лишь образ женской красоты…
«Три свидания»

Содержание «софийного опыта» можно свести к откровению духовно преображенной материи. Она открывается как человеческий образ, т.е. женский образ. Соловьев под «грубою корою вещества» - «клеточки земной коры», как говорил Блок, утверждал, что есть содержание, сокровенная сущность, которая «может быть только откровением высшего божественного мира» - «Три силы», 1877.

Под *грубою корою вещества*
Так я прозрел нетленную порфиру
И ощутил сиянье божества.
«Три свидания»

Врубель и Блок писали под влиянием учения Соловьева о Вечной Женственности. Врубель в 1880-х переехал в Киев и работал над реконструкцией фресок в церквах Св. Кирилла и Св. Владимира, и занимался византийским искусством и церковной живописью, похожими на росписи в Софийном соборе. У его Мадонны большие глаза (как и последующие образы в его творчестве), потому что через глаза можно увидеть душу. Его музой была жена покровителя Э.Л. Прахова, которую художник изобразил на иконе «Богоматерь с Младенцем» (1884-1885 гг.) на которой выразил свои чувства к ней. Так как и Врубеля, так и Блока вдохновляет образ Мадонны, но она имеет человеческие признаки, т.е. стихи Блока обращены к его будущей супруге Любови Менделеевой, как напр. «Стихи о Прекрасной Даме». Она *дева, святая, непостижимая*, *спокойная мечта*, но, она и реальная женщина, стройная, высокая, а иногда и суровая.

Какому богу служишь ты?
Родны ль тебе в твоем пареньи
Передрассветное волненье,
Передзакатные мечты?
Иль ты, сливаясь со звездой,
Сама богиня – и с богами
Гордишься равной красотой, –
И равнодушными очами
Глядишь с нездешней высоты
На пламенеющие тени
Земных молитв и поклонений
Тебе – царица чистоты?
А.А. Блок, 20 июля 1901

***

Небесное умом не измеримо,
Лазурное сокрыто от умов.
Лишь изредка приносят серафимы
Священный сон избранникам миров.

И мнилась мне *Российская Венера*,
Тяжёлою туникой повита,
Бесстрастна в чистоте, нерадостна без меры,
В чертах лица - *спокойная мечта.*

Она сошла на землю не впервые,
Но вкруг неё толпятся в первый раз
Богатыри не те, и витязи иные...
И *странен блеск её глубоких глаз...*
29 мая 1901, с. Шахматово

После Киева Врубель совершает путешествие в Италию (1884-1885), во-первых в Равенну и Венецию. Венеция как один из самых мистических городов в мире, не оставила Врубеля равнодушным и глубокий след отразился в его творчестве. В Италии он изучал искусство Византии, Кватроченто, живопись XVI-XIX веков. Он нашел вдохновение в мозаиках базилики Св. Марко, в итальянском искусстве художников: Джованни Беллини, Карпаччо, Чима де Конельяно. Религиозным мотивам Врубель дает новую жизнь, он находит свой язык религиозных символов и дает свое видение и понимание. Он высоко ценил реализм. О картинах Д. Беллини он писал: «реален, я не видел еще так чудно нарисованного и написанного тела, как его Себастьян» (Дмитриева 1990: 38). По возвращению снова в Киев, делает эскизы для собора Св. Владимира: «Воскресение», «Сошествие Святого Духа», «Ангел с кадилом и со свечой». Образ Христа волновал Врубеля («Христос в пустыне», «Христос в Гефсиманском саду», «Моление о чаше»), так как позднее, его образ сопоставил с его противоположностью – Антихристом, Демоном. Его киевский период

закончился к концу 80-х гг., и несомненно, что к этому моменту он полностью развил свою творческую индивидуальность.

А.А. Блок весной 1909 года уезжает из послереволюционной России в Италию, с желанием «заткнуть себе уши от всего русского», «умыть руки и заняться искусством» (из итальянских писем матери). Как и многие русские художники, их привлекала итальянская история и искусство, как религиозное, так и секулярное. Под впечатлением путешествия, картин Тициана и Тинторетто, пишет «Итальянские стихи», а их центральным образов является образ Мадонны, который Блок погружает в эротическую атмосферу:

Madonna da Settignano

Встретив на горном тебя перевале,
Мой прояснившийся взор
Понял тосканские пыльные дали
И очертания гор.

Жёлтый платок твой разубран цветами -
Сонный то маковый цвет.
Смотришь большими, как небо, глазами
Бедному страннику вслед.

Дашь ли запреты забыть вековые
Вечному путнику - мне?
Страстно твердить твоё имя, Мария,
Здесь, на чужой стороне?
3 июня 1909

Девушка из Spoleto

Строен твой стан, как церковные свечи.
Взор твой - мечами пронзающий взор.
Дева, не жду ослепительной встречи -
Дай, как монаху, взойти на костёр!

Счастья не требую. Ласки не надо.
Лаской ли грубой тебя оскорблю?
Лишь, как художник, смотрю за ограду,
Где ты срываешь цветы, - и люблю!

Мимо, всё мимо - ты ветром гонима -
Солнцем палима - Мария! Позволь
Взору - прозреть над тобой херувима,
Сердцу - изведать сладчайшую боль!

Тихо я в тёмные кудри вплетаю
Тайных стихов драгоценный алмаз.
Жадно влюблённое сердце бросаю
В тёмный источник сияющих глаз.
3 июня 1909

***
Глаза, опущенные скромно,
Плечо, закрытое фатой…
Ты многим кажешься святой,
Но ты, Мария, вероломна…

Быть с девой - быть во власти ночи,
Качаться на морских волнах…
И не напрасно эти очи
К мирянам ревновал монах:

Он в нише сумрачной церковной
Поставил с братией её -
Подальше от мечты греховной,
В молитвенное забытьё…

Однако, братьям надоело
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
Конец преданьям и туманам!
Теперь - во всех церквах она
Равно - монахам и мирянам
На поруганье предана…

Но есть один вздыхатель тайный
Красы божественной - поэт…
Он видит твой необычайный,
Немеркнущий, Мария, свет!

Он на коленях в нише тёмной
Замолит страстные грехи,

Замолит свой восторг нескромный,
Свои греховные стихи!

И ты, чьё сердце благосклонно,
Не гневайся и не дивись,
Что взглянет он порой влюблённо
В твою ласкающую высь!
12 июня 1909

Кроме Мадонны, женский идеал Врубель и Блок находят в мотивах фигур Кармен, цыганки, гадалки, женщины из крови и плоти, которая соблазняет, вызывает страсть и экстаз у тех, кто полюбил ее. Появление «цыганской» темы было связано с возникновением интереса к народу, литературному изображению народного характера, с пониманием природы человека и народа, которое зародилось в XVIII веке и находим «цыганскую» тему у многих авторов, особенно во времена романтизма. Жорж Бизе написал оперу «Кармен» в 1874 году, а ее сюжет повлиял на творчество многих художников. В этой опасной истории герои открыто демонстрируют страстную, слепую любовь, ревность, злость и гнев.

Врубель написал картину «Испания» (1894), которая выделяется особенным колористическими решениями. На картине женщина - испанка, которая является центром картины, с большими глубокими глазами, роскошными деталями типичного испанского национального костюма: с мантильей на голове (длинный шарф-вуаль), пиджаком, шалью и ювелирными украшениями, она уверенно смотрит вдаль, отвернувшись от двух мужчин, позади нее. Под вдохновением южной экзотики, танцовщиц и испанских женщин в 90-е гг. Врубель пишет картины: «Испанская танцовщица в красном», «Испанка в белом» и «Портрет испанской танцовщицы и певицы К.А. Отеро». Танцовщица в красном перед глазами зрителя оживляет, выражает беспокойный дух художника в экспрессивных мазков кисти, живости женского тела и ее платья. Врубель интересовался Востоком и написал полотно «Гадалка» и «Девочка на фоне персидского ковра». Гамма «Гадалки» в тонах розовато-лиловых, светло-коричневых и голубоватых вместе сотворяет единое гармоничное звучание (Рыбников 1937). Лицо гадалки и руки в золотистых переливах тонов сливаются в голубовато-фиолетовые карты, которые гадалка держит в руках. Девочка и гадалка не могут не напомнить картины Диего Веласкеса, испанского художника золотого периода испанкой живописи XVI-XVII вв.

В 1914 году Блок пишет цикл «Кармен», полный страсти и звучания свободной, но неудовлетворенной любви: «Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь»; «Сама себе закон — летишь, летишь ты мимо». Поэтический цикл стихотворений «Кармен» является сильным примером поэзии о страстной любви к земной женщине. Поводом написания стихов было знакомство с исполнительницей главной роли оперы «Кармен», которую поставили на сцене театра Музыкальной драмы в Петербурге в 1913. году. Актрису, роковую женщину звали Любовь Александровна Андреева-Дельмас, и она стала прототипом его Карменситы, а цикл стал шедевром русской литературы.

Грустные глаза Кармен, сильный, глубокий взгляд, как у фигур Врубеля:

Да, в хищной силе рук прекрасных,
В очах, где грусть измен,
Весь бред моих страстей напрасных,
Моих ночей, Кармен!

В стихотворении «Бушует снежная весна...» ее глаза очаровали и приковали его и он «ценою жизни» заплатит за любовь. Эти чувства сильные, страстные, как и сама стихия, которой отдался поэт.

Бушует снежная весна.
Я отвожу глаза от книги…
О, страшный час, когда она,
Читая по руке Цуниги,
В глаза Хозе метнула взгляд!
Насмешкой засветились очи,
Блеснул зубов жемчужный ряд,
И я забыл все дни, все ночи,
И сердце захлестнула кровь,
Смывая память об отчизне…
А голос пел: *Ценою жизни*
Ты мне заплатишь за любовь!

18 марта 1914

Кармен «отзвук забытого гимна», она «дикий сон», но ее невозможно охватить, она недоступна мечтателю: «и видишь во сне даль морскую и берег счастливый, и мечту, недоступную мне…» и с ней он забывает весь мир вокруг.

***
Ты - как отзвук забытого гимна
В моей чёрной и дикой судьбе.
О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе.

Вешний трепет, и лепет, и шелест,
Непробудные, *дикие сны,*
И твоя одичалая прелесть -
Как гитара, как бубен весны!

И проходишь ты в думах и грёзах,
Как царица блаженных времён,
С головой, утопающей в розах,
Погружённая в сказочный сон.
Спишь, змеею склубясь прихотливой,
Спишь в дурмане и видишь во сне
Даль морскую и берег счастливый,
И мечту, недоступную мне.

Видишь день беззакатный и жгучий
И любимый, родимый свой край,
Синий, синий, певучий, певучий,
Неподвижно-блаженный, как рай.

В том раю тишина бездыханна,
Только в кущe сплетённых ветвей
Дивный голос твой, низкий и странный,
Славит бурю цыганских страстей.

28 марта 1914

Еще раньше, в 1903 году Блок, так же как и Врубель, пишет о гадалке: «*Мне гадалка с морщинистым ликом,* Ворожила под темным крыльцом…». Цыганская тема в русской литературе не новая и романтики XIX века часто пользовались «цыганской» темой, чтобы говорить о свободе духа, воли, чувствах и любви. На рубеже XIX – XX веков, модернизм продолжает эту традицию и писатели, а так же и художники занимаются темой, через свое интимное и индивидуальное миросозерцание с призвуком романтизма.

О встречи с цыганкой и цыганском концерте, Блок пишет в письме Владимиру Алексеевичу Пясту, 3 июля 1911 г. Петербург

«Милый Владимир Алексеевич.
В прежние времена я писал бы стихи в такое утро, как сегодня; а теперь пишу письмо Вам <…>

Дело в том, что Петербург — глухая провинциям, а глухая провинция — «страшный мир». Вчера я взял билет в Парголово и ехал на семичасовом поезде. Вдруг увидал афишу в Озерках: *цыганский концерт*. Почувствовал, что здесь — судьба и что ехать за Вами и тащить Вас на концерт уже поздно, — я остался в Озерках. И действительно: они пели бог знает что, *совершенно разодрали сердце*; а ночью в Петербурге под проливным дождем на платформе та *цыганка*, в которой, собственно, и было все дело, дала мне поцеловать руку — смуглую с длинными пальцами — всю в броне *из колючих колец*. Потом я шатался по улице, приплелся мокрый в «Аквариум», куда они поехали петь, *посмотрел в глаза*

цыганке и поплелся домой. Вот и все — но сегодня все какое-то несколько другое и жутковатое. Ну, до свиданья.

Ваш А. Б.»

Блок о любовной встрече с цыганкой рассказывает в стихотворении «Седое утро», в котором говорит об «утре после» и о неизбежном прощании любовников, свидании с цыганкой, чей взгляд намечен символами: о свободном духе: «задор свободы и разлуки»; «Лети, как пролетала, тая, Ночь огневая, ночь былая...»; цвет кожи: «И взгляд, как уголь под золой»; цыганской одежды, серебряных колец, гитарой и пением.

Утро туманное, утро седое...
Тургенев

Утреет. С богом! По домам!
Позвякивают колокольцы.
Ты хладно жмешь к моим губам
Свои серебряные кольцы,
И я — который раз подряд -
Целую кольцы, а не руки...
В плече, откинутом назад,-
Задор свободы и разлуки,
Но еле видная за мглой,
За дождевою, за докучной...
И взгляд, как уголь под золой,
И голос утренний и скучный...
Нет, жизнь и счастье до утра
Я находил не в этом взгляде!
Не этот голос пел вчера
С гитарой вместе на эстраде!..
Как мальчик, шаркнула; поклон
Отвешивает... *«До свиданья...»*
И звякнул о браслет жетон
(Какое-то воспоминанье)...
Я молча на нее гляжу,
Сжимаю пальцы ей до боли...
Ведь нам уж не встречаться боле.
Что ж на прощанье ей скажу?..
«Прощай, возьми еще колечко.
Оденешь рученьку свою
И смуглое свое сердечко
В серебряную чешую...
Лети, как пролетала, тая,
Ночь огневая, ночь былая...
Ты, время, память притуши,
А путь снежком запороши».

В 1906 году, А.А. Блок познакомился с актрисой театра Коммисаржевской - Натальей Николаевной Волоховой, и она стала музой для создания циклов стихов «Снежная маска» (1907) и «Фаина» (1906-1908 гг.). «Снежную маску», Блок написал в течение двух недель и однажды он заметил, что для написания стихотворений «слепо отдался стихии», стихи пронизаны стихией страсти, снегами и вьюгой, непокорённым ветром. Книга открывается посвящением: «Посвящаю эти стихи *Тебе*, высокая женщина в черном, с глазами крылатыми и влюбленными в огни и мглу моего снежного города».

* * *
Вот явилась. Заслонила
Всех нарядных, всех подруг,
И душа моя вступила
В предназначенный ей круг.

И под знойным снежным стоном
Расцвели черты твои.
Только тройка мчит со звоном
В снежно-белом забытьи.

Ты взмахнула бубенцами,
Увлекла меня в поля...
Душишь черными шелками,
Распахнула соболя...

И о той ли вольной воле
Ветер плачет вдоль реки,
И звенят, и гаснут в поле
Бубенцы, да огоньки?

Золотой твой пояс стянут,
Нагло скромен дикий взор!
Пусть мгновенья все обманут,
Канут в пламенный костер!

Так пускай же ветер будет
Петь обманы, петь шелка!
Пусть навек не знают люди,
Как узка твоя рука!

Как за темною вуалью
Мне на миг открылась даль...
Как над белой снежной далью
Пала темная вуаль...

Декабрь 1906

Блок любил Наталью Николаевну Волохову рыцарской любовью, идеализированной, неживой, она, любовь эта, была как «хмельная мечта». Кажется, что поэт, так, как и Парсифаль, искал Св. Грааль. Мистика, которую можно найти у Блока – вечное искание, она имеет особенный образ - слова, которыми он обращается к своему идеалу. Волохова его бесконечно уважала как поэта, очаровательного человека, но его любовь осталась безответной, несчастной. Об окончательном разрыве, расставании, разочаровании и чувстве оскорбленного, отвергнутого возлюбленного, Блок говорит в последних стихах цикла «Фаина». В строках стихотворений «Своими горькими слезами…» и «Я помню длительные муки…» и природа аллегорически тоже плачет над ними:

Своими горькими слезами
Над нами *плакала весна.*

Эмоции сопутствует изображение слез в последних строках стихотворения «Я помню длительные муки…» в символе весеннего ливня:

И утро длилось, длилось, длилось…
И праздный тяготил вопрос;
И ничего не разрешилось
Весенним ливнем *бурных слез*.

О синтезе души человека и природы, о новом пути творчества, Блок пишет в стихах «Распутья» (1902-1904) и говорит о том, о чем всякий художник мечтает, - «сказаться душой без слова», по выражению Фета, а Блок выбирает «язык иллюстраций» (Блок 1910) для выполнения этой задачи:

***
Стою у власти, душой одинок,
Владыка земной красоты.
Ты, полный страсти ночной цветок,
Полюбила мои черты.

Склоняясь низко к моей груди,
Ты печальна, мой вешний цвет.
Здесь сердце близко, но там впереди
Разгадки для жизни нет.

И, многовластный, числю, как встарь,
Ворожу и гадаю вновь,
Как с жизнью страстной я, мудрый царь,
Сочетаю Тебя, Любовь?

14 ноября 1902

В стихах чувствуется противоречивость, тревога, поэт сомневается, как сочетать мечту (любовь) с повседневной жизнью, как слиться с возлюбленной в одно целое, чей образ мистический и недостижимый, как сочетать «земное» чувство с «небесным».

Перелом веков возродил художественное направление – *модерн*, которое вдохновляет сочетание человека (народа) и природы, и оно в России имело много направлений. Одно из них связано с «Абрамцевским кружком» (мамонтовский кружок) — неформальное объединение русской интеллигенции (художников, музыкантов, театральных деятелей и др.). Деятельность кружка дала начало развитию национального варианта стиля модерн и многие художники обращались к историческому наследию русских мастеров.

Врубель, как представитель этого кружка, меценатом которого был Савва Мамонтов, находил вдохновение в российском фольклоре, национальных традициях. Мамонтов повлиял на создание многих известных произведений Врубеля: портретов, сказочных, театральных образов, в которых Врубель изображал Надежду Ивановну Забеллу-Врубель, одну из самых известных русских певиц и жену Врубеля. В то время она пела в операх Римского-Корсакова и его музыка повлияла на творчество Врубеля и его картины стали музыкальными. В 1898 г. Михаил Александрович написал картину «Царевна Волхова», т.е. Надежду Ивановну в роли Волховы в опере Н.А. Римского-Корсакова «Садко». В этой картине Врубель прекрасно соединил сказку и реальность, а после такое сочетание повторил в картинах «Царевна-Лебедь», «Пан», «К ночи», «Богатырь» и др.

Картина «Царевна Волхова» представляет портрет Царевны Волховой, изображенной в декоративном костюме, на котором доминирует гармония контрастов. Колорит очень важный: нежно розовое платье царевны и ее тепло красно-оранжевые волосы соединяются с контрастными успокаивающий зелеными красками воды и растений, на фоне освещенной лунной ночи. Вся картина превосходно представляет магию музыки. Сказочный мотив на сюжет той же оперы Римского-Корсакова изобразил на картине «Прощание царя морского с царевной Волховой».

Сказочные образы в творчестве Врубеля играют важную роль. Образ «Богатыря» не представляет только русского воина, а представляет дух русской сказки. «Пана» Врубель написал в 1899 году под впечатлением рассказа Анатоля Франса «Святой сатир». Пан греческий бог лесов, полей, пастухов. Фантастическое существо, подобно языческому богу природы, его поза, серые кудрявые волосы, борода и брови напоминают старика-крестьянина, пастуха или лесовика, а пейзаж сзади Пана действует за себя, в сумерках природы и молодого месяца возникает пан – сказочное существо. Он напоминает старорусские легенды: «В то давнее время, когда мир Божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные…».

Аллегорический сюжет можно наблюдать в панно «Утро» (1897). В нем видно сочетание природы и искусства. В пробуждающуюся природу, сплетения деревьев, густых трав, необыкновенных цветов, Врубель разместил четырех русалок, которые встречают блестящее утро. Первая, обнаженная, стремится к лучу, другая возникает из трав и зарослей и как будто рождается из природы, третья с крупными темными глазами пробуждается ото сна в густой траве и думает какой день впереди, и четвертая справа – видна только ее голова и она удивлена или испугана. Когда Врубеля просили объяснить значение этой фигуры, он отвечал: «Это сказка». В пейзаже сплетена поэтичность и музыкальность. Многозначные образы вызывают разные чувства. Колорит панно составлен из зеленых, синих и лиловых тонов – из холодной гаммы цветов, дающей ощущение холодного утра, которое только что осветило солнце.

Блок в 1903 году пишет «Плачет ребенок» и «Осень поздняя», где наблюдаются аллегорические мотивы русалок:

***
Осень поздняя. Небо открытое,
И леса сквозят тишиной.

Прилегла на берег размытый
Голова русалки больной.

Низко ходят туманные полосы,
Пронизали тень камыша.
На зеленые длинные волосы
Упадают листы, шурша.

И опушками отдаленными
Месяц ходит с легким хрустом и глядит,
Но, запутана узлами зелеными,
Не дышит она и не спит.

Бездыханный покой очарован.
Несказанная боль улеглась.
И над миром, холодом скован,
Пролился звонко-синий час.

1905

***

Плачет ребенок. Под лунным серпом
Тащится по полю путник горбатый.
В роще хохочет над круглым горбом
Кто-то косматый, кривой и рогатый.

В поле дорога бледна от луны.
Бледные девушки прячутся в травы.
Руки, как травы, бледны и нежны.
Ветер колышет их влево и вправо.
…
Бледные девушки встали из трав.
Подняли руки к познанью, к молчанью.
Ухом к земле неподвижно припав,
Внемлет горбун ожиданью, дыханью.

Похожий мотив и отзвук исконной, легендарной и языческой Руси находится на картине Врубеля «К ночи» (1900). Пламенно красные цветы на переднем плане освещают ночной лунный пейзаж, в котором свободно ходят дикие кони, и фигура в правой части картины, которая напоминает сатира, лешего, духа земли.

Фольклорные мотивы находим и у Блока, когда он пишет о родине и путь символизирует не только путь художника, но и путь его любимой страны. «В минуту смятения и борьбы лжи и правды (всегда борются бог и диавол — и тут они же борются) взошли новые цветы — цветы символизма всех веков, стран и народов», — писал Блок в конце 1901 — начале 1902 гг. и в цикле «Пузыри земли» (1904 - 1905 гг.), отражение о родине в стихотворении «Русь» (1906), «Родина» (1907):

О том, что было, не жалея,
Твою я понял высоту:
Да. Ты - родная Галилея
Мне - невоскресшему Христу.

В стихотворении «Россия» (1908) «как в годы золотые», «а ты все та же - лес, да поле»; в статье «Поэзия заговоров и заклинаний» (октябрь 1906). В стихотворениях говорится о «широкоохватном» русском пространстве, о неизвестном впереди будущему, о предчувствиях, тоске, разочарованиях и любви к своей родине, которая кровью связана с ним и которую он любит, несмотря на все, ни на трудное время, ни на положение.

Белый конь чуть ступает усталой ногой,
Где *бескрайная зыбь залегла.*
Мне *болотная схима — желанный покой,*
Будь ночлегом, зеленая мгла!
…

Вот — сидим с тобой на мху
Посреди болот.
Третий — месяц наверху —
Искривил свой рот.

Я, как ты, дитя дубрав,
Лик мой также стерт.
Тише вод и ниже трав —
Захудалый черт.
…
Безначально свободная ширь,

Слишком радостной вестью дыша,
Подошла — и покрыла Псалтирь,
И в страницах осталась душа.

Как свеча, догорала она,
Вкруг лица улыбалась печаль.
Долетали слова от окна,
Но сквозила за окнами даль...
…
Русь
Ты и во сне необычайна.
Твоей одежды не коснусь.
Дремлю — и за дремотой тайна,
И в тайне — ты почиешь, Русь.

Русь, опоясана реками
И дебрями окружена,
С болотами и журавлями,
И с мутным взором колдуна…
…
Россия
Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, -
Как слезы первые любви!

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..
…
Но живу я в далеком скиту
И не знаю для счастья границ.
Тишиной провожаю мечту.
И мечта воздвигает *Царицу.*

Кроме понятия родины как части национального менталитета на картинах и в стихотворениях появляются мифологические и сказочные мотивы, которые связаны с родиной. Мотив *царевны* находится на одной из самых знаменитых картин Врубеля. В 1900 году он рисует «Царевну-Лебедь», которая напоминает пушкинскую Татьяну, таинственной и сказочной красотой. Сказочный мир Врубеля продолжается в персонажах «Сказки о царе Салтане» А.И. Пушкина.

Лебедь известен своей верностью, перед смертью взмывает к солнцу, поет свою последнюю песню и падает на землю. Белый лебедь - символ дневного света. Дева-лебедь - дочь или спутница солнца. Белый лебедь — солнечный, мужской знак. Он герой оперы Вагнера «Лоэнгрин». В качестве символа женской нежности, красоты и изящества лебедь предстал в балете П.И. Чайковского «Лебединое озеро». Эта неоднозначность прослеживается еще с античных времен: в Древней Греции лебедь был атрибутом Афродиты (Венеры) — богини любви и красоты, и Аполлона — бога поэзии, прорицания и музыки. С символом лебедя связан миф о лебеде и Леде: Зевс, чтобы добиться красавицы Леды, предстал перед ней в образе лебедя. Вследствие подобных мифов за лебедем закрепилась символика удовлетворенной страсти и угасающей или утраченной любви.

В стихотворении «На поле Куликовом» (1908), Блок размышляет о послереволюционной родине, ее пути, о вечной борьбе за свободу. Во второй части появляется мотив лебедя «За Непрядвой *лебеди* кричали» и крик лебедей символизирует тревогу, разрушение покоя, перемену, создают динамику стихотворения. В 1912 году Блок писал: «Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событием суждено возвращение. Разгадка их еще впереди.». В третьем «Слышал я Твой голос сердцем вещим; В *криках лебедей*». В пятом стихотворении: «Над вражьим станом, как бывало; И плеск и трубы *лебедей*.». Мифологическая семантика лебеди находится снова в стихах о родине: «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?...» (1910):

Лодки да грады по рекам рубила ты,
Но до Царьградских святынь не дошла...
Соколов, *лебедей* в степь распустила ты —
Кинулась из степи черная мгла...

Врубель и Блок обращались к литературным сюжетам и в них черпали вдохновение. Врубель в 1895 г. разработал эскизы декораций к опере Э. Гумпердинка «Гензель и Гретель», ссылаясь на И.В. фон Гете и его «Фауста», которого он изобразил на картинах 1896 г.: «Фауст и Маргарита» и «Полет Фауста и Мефистофеля».

Врубель пишет композиции к трагедиям У. Шекспира «Ромео и Джульетта» (1895-1896) и «Гамлет»: «Гамлет и Офелия» (1884), где Гамлет читает, а Офелия заглядывает, перегнувшись через его плечо. Другая картина, написанная в 1888 г., Гамлет и Офелия находятся на фоне морского пейзажа, в синих и темных тонах, как будто они заколдованы во сне, с выразительным отношением между мужской и женской фигурами, представляя мужское и женское начало, его силу и ее женственность и невинность. Картина изображает драму окончательного объяснения героев (когда Гамлет отказывается от ее любви), их страдание, и напряженность между ними возникает перед глазами зрителя.

Блок видимо любил У. Шекспира и дал циклу стихотворений название «Пузыри земли», название которого прямо взял у Шекспира, в «Макбете», когда в начале трагедии Банко говорит Макбету о ведьмах такими словами: «Земля пускает также пузыри, как и вода. Явились на поверхность и растеклись».

Больше всего Блок обращался к мотиву шекспировского Гамлета и несколько раз возвращался к этой теме: «Есть в дикой роще, у оврага…», «Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене», «Песня Офелии» (Разлучаясь с девой милой), «Прошедших дней немеркнущим сияньем», Песня Офелии («Он вчера нашептал мне много...» - из цикла «Распутья (1902—1904)», 1902 г.), «Я шел во тьме к заботам и веселью», «Офелия в цветах, в уборе» и «Я – Гамлет. Холодеет кровь.». Прекрасное описание женского начала, т.е. Офелии:

Офелия в цветах, в уборе
Из майских роз и нимф речных
В кудрях, с безумием во взоре,
Внимала звукам дум своих.

В стихотворении «Он вчера нашептал мне много...» лирический герой стал женским характером, и Офелия прямо обращается:

Он вчера нашептал мне много,
Нашептал мне страшное, страшное...
Он ушел печальной, дорогой,
А я забыла вчерашнее -
забыла вчерашнее.

Вчера это было - давно ли?
Отчего он такой молчаливый?
Я не нашла моих лилий в поле,
Я не искала плакучей ивы -
плакучей ивы.

В 1898 году Блок пишет стихотворения «Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене,…» и «Есть в дикой роще, у оврага…» как будто он перелил картину Врубеля в стихи. Символами цветов, воды, тени, влаги, мрака, холода и мертвой тишины («Зеленый холм», «прохладный мрак», «Сюда лучи не проникают, Лишь тихо катится вода» и др.), Блок говорит, как жизненная сила Гамлета уходит со смертью Офелии:

***
Мне снилась снова ты, в цветах, на шумной сцене,
Безумная, как страсть, спокойная, как сон,

А я, повергнутый, склонял свои колени
И думал: «Счастье там, я снова покорен!»
Но ты, Офелия, смотрела на Гамлета
Без счастья, без любви, богиня красоты,
А розы сыпались на бедного поэта
И с розами лились, лились его мечты...
Ты умерла, вся в розовом сияньи,
С цветами на груди, с цветами на кудрях,
А я стоял в твоем благоуханьи,
С цветами на груди, на голове, в руках...
1898

***
Есть в дикой роще, у оврага,
Зеленый холм. Там вечно тень.
Вокруг - ручья живая влага
Журчаньем нагоняет лень.
Цветы и травы покрывают
Зеленый холм, и никогда
Сюда лучи не проникают,
Лишь тихо катится вода.
Любовники, таясь, не станут
Заглядывать в прохладный мрак.
Сказать, зачем цветы не вянут,
Зачем источник не иссяк? -
Там, там, глубоко, под корнями
Лежат страдания мои,
Питая вечными слезами,
Офелия, цветы твои!
1898

В 1899 году поэт пишет «Песню Офелии», в которой, как и на картине Врубеля, главными мотивами являются драма прощания любовников и смерти, ожидание того, что произойдет, отчаяние влюбленной Офелии, потому что Гамлет оставляет ее:

Песня Офелии
Разлучаясь с девой милой,
Друг, ты клялся мне любить!
Уезжая в край постылый,
Клятву данную хранить!..

Там, за Данией счастливой,
Берега твои во мгле...
Вал сердитый, говорливый
Моет слезы на скале...

Милый воин не вернется,
Весь одетый в серебро...
В гробе тяжко всколыхнется
Бант и черное перо...

И наконец, в 1914 году пишет «Я — Гамлет. Холодеет кровь...», обращение Гамле-та к Офелии:

Я — Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,
И в сердце — первая любовь
Жива — к единственной на свете.

Тебя, Офелию мою,
Увел далёко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю
Клинком отравленным заколот.

Сила мужского и женского начала, их роли и любви повторяются в мотиве Демона, который оставил сильнейший след в творчестве Врубеля. Какие были Гам-лет и Офелия, такие же Демон и Тамара. Блок в «Памяти Врубеля» (1910) пишет: «Нить жизни Врубеля мы потеряли во-все не тогда, когда он «сошел с ума», но гораздо раньше: когда он создавал мечту своей жизни – Демона». Блок продолжает: «У Падшего уже нет тела, - но оно было когда-то, чудовищно-прекрасное. Юноша в забытьи «Скуки», будто обессилевший от каких-то мировых объятий; сломанные руки, простертые крылья; а старый вечер льет и льет золото в синие провалы; это все, что осталось; где-то внизу, ему лишь заметная, мелькает, может быть, ненужная чадра отошедшей земной Тамары.». Лермонтовские стихи о Демоне звучат в ри-сунках и картинах Врубеля:
«Он был похож на вечер ясный –
Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет.»

То, что на картинах Врубеля изображается, а так же и в стихотворениях Блока можно прочитать - эхо лермонтовских строк. Используемые краски заката как символа одного времени и ожидания будущих времен, которые приходят: цвет золота (символа прошедшего), синий и лиловый цвет (символы будущего мира) и объединяет перемену личного мира с Россией: «Как сорвалось что-то в нас, так сорвалось оно и в России» (1910). Как Блок писал: «Небывалый закат озолотил небывалые сине-лиловые горы. Это только наше названье тех преобладающих трех цветов, которым еще «нет названья» и которые служат лишь знаком (символом) того, что таит в себе сам Падший: «И зло наскучило ему».» (Из «Памяти Врубеля», 1910 г.). Блок пишет о личном мире, в котором происходят все его действия «лиловые миры хлынули мне в сердце»; «Океан - мое сердце, все в нем равно волшебно: я не различаю жизни, сна и смерти, этого мира и иных миров (мгновенье, остановись!)» пишет он в статье «О современном состоянии русского символизма». Блок пишет о переплетении жизни и мечты, об искусстве как о жизни, которой на самом деле и Врубель, и Блок жили и страдали от этого: «быть художником - значит выдерживать ветер из миров искусства». Их внутренний мир возрождал демонов, они стали единым целым, а жизнь художников как жизнь в Аду, без времени и пространства. Блок о Врубеле писал как о вестнике новых времен: «Врубель пришел с лицом безумным, но блаженным. Он - вестник; весть его о том, что в сине-лиловую мировую ночь вкраплено золото древнего вечера. Демон его и Демон Лермонтова - символы наших времен: Ни день, ни ночь, ни мрак, ни свет.».

Иллюстрации к поэме М.У. Лермонтова «Демон» вышли к пятидесятилетию со дня смерти Лермонтова в 1891 году. Выделить надо иллюстрации: «Несется конь быстрее лани…», «Тамара и Демон», «Пляска Тамары», «Тамара в гробу». Они все акварели, монохроматического колорита, с подчеркиванием черных волос и глаз. Лермонтовскую тему он воздвиг на другой уровень, она стала самостоятельно дальше развиваться и в других панно. У Демона человеческая душа со всеми противоречиями, с борьбой добра и зла, света и тьмы, которая в конце порабощает его. В 1890 г. рождается его самая известная картина «Демон сидящий», о которой Врубель писал: «Вот уже месяц я пишу Демона, т.е. не то чтобы монументального Демона, которого я напишу еще со временем, а демоническое – полуобнаженная, крылатая, молодая, уныло-задумчивая фигура сидит, обняв колена, на фоне заката и смотрит на цветущую поляну, с которой ей протягиваются ветви, гнущиеся под цветами» (Врубель 1976: 55-56). Его голова повернута в профиль. Он чужд этому миру, а тот мир, к которому его взгляд устремлен, он недостижим. Блок писал, что «Врубель видел сорок разных голов Демона, а в действительности их не счесть». Число 40 в его предложении не случайно, оно имеет очень важную символику, оно обозначает переход старого к новому, означает пост, испытание, очищение, странствие (по жизни) и ожидание. В Библии одно из значимых чисел. Оно связано со скитаниями, путешествием, движением, по мнению блаженного Августина (Садовский 1913: 297-298 по Блаженному Августину 1835: 104-106) 40 символизирует путешествие человека по руслу жизни к ее истоку, истине, которой является Бог; 40 дней Великий пост продолжается перед празднованием Пасхи; 40 дней душа умершего проходит мытарства у Православных и на сороковой день участь ее решается окончательно и на 40-ой день после смерти, усопшего можно поминать в Церкви. К библейским образам обращаются и Врубель и Блок. Врубель пишет «Шестикрылого Серафима (Азраила)» в 1904 году к стихотворению А.С. Пушкина «Пророк», создает рисунки «Пророк» и «Серафим» и последнюю картину с библейским мотивом «Видения пророка Иезекииля». Зрителя поражает колорит картин с Демоном (сидящим, поверженным) и Серафимом, лиловые и синие нюансы. Картины, в которых объединен мир борьбы добра и зла, света и тьмы, реальности и фантазии, волшебные выразительные глаза, которые не здешние и глубоко проникают в мир зрителя, потому что через глаза можно увидеть душу. Леонардо да Винчи писал, что «хороший живописец должен писать две главные вещи: человека и представление его души «.

Азраил – Архангел, Ангел Смерти, падший ангел, вечно живущее, отверженное Богом существо. Его обязанность - помогать душам умерших при переходе из физического в духовный мир. Он - Шестикрылый Серафим Врубеля, Демон Лермонтова. В 1913 г. Блок пишет о нем:

* * *
Милый друг, и в этом тихом доме
Лихорадка бьет меня.
Не найти мне места в тихом доме
Возле мирного огня!

Голоса поют, взывает вьюга,
Страшен мне уют...
Даже за плечом твоим, подруга,
Чьи-то очи стерегут!

За твоими тихими плечами
Слышу трепет крыл...
Бьет в меня светящими очами
Ангел бури - Азраил!
Октябрь 1913

Демон появляется во многих строках Блока, с ясным намеком на поэму «Демон» М.Ю. Лермонтова и картины Врубеля. Демон - падший ангел, у него золотые кудри, он светлый, но темная душа у него, он бродит ночью, он ужасный, *блуждает среди чужих* («Прижмись ко мне крепче и ближе...») и его темный объект желаний и мечтаний – Тамара. Демон символизирует *падение, хаос*, он *чужой*. После смерти Врубеля, Блок ужасно страдал от потери, идентифицировал себя с Демоном, потому что и Демон потерял рай и стал отброшеным, и Блок ищет свой путь в хаосе послереволюционных событий. Врубеля поэт считал «пророком» и гением сравнил себя с Врубелем (художников вообще, символистов) с *падшими ангелами*: «Мы, как падшие ангелы ясного вечера, должны заклинать ночь», как писал Блок в статье «Памяти Врубеля». В стихотворении - «Есть демон утра….» очень сильные контрасты: *свет* и *добро*: утро, золото, переливы перламутра и *тьма* и *зло*: ночь, червонно-красный, рокот забытых бур, ужасным: «лик сквозит порой ужасным».

Есть демон утра. Дымно-светел он,
Золотокудрый и счастливый.
Как небо, синь струящийся хитон,
Весь - перламутра переливы.

Но как ночною тьмой сквозит лазурь,
Так *этот лик сквозит порой ужасным*,
И золото кудрей - червонно-красным,
И голос - *рокотом забытых бурь*.
24 марта 1914

В стихотворении Демон (Иди, иди за мной – покорной) контрасты: *ужас* Тамары, а для Демона *вдохновение*, он создан от «дождя эфирной пыли», а ее тело божественно-прекрасное он странно обжигает – снова контраст: *рая* и *ада* (огонь).

***
Демон
Иди, иди за мной — покорной
И верною моей рабой.
Я на сверкнувший гребень горный

Взлечу уверенно с тобой.

Я пронесу тебя над бездной,
Ее бездонностью дразня.
Твой будет *ужас бесполезный* -
Лишь вдохновеньем для меня.

Я от дождя эфирной пыли
И от круженья охраню
Всей силой мышц и сенью крылий
И, вознося, не уроню.

И на горах, в сверканьи белом,
На незапятнанном лугу,
Божественно-прекрасным телом
Тебя я странно обожгу.

Ты знаешь ли, какая малость
Та человеческая ложь,
Та грустная земная жалость,
Что дикой страстью ты зовешь?

Когда же вечер станет тише,
И, околдованная мной,
Ты полететь захочешь выше
Пустыней неба огневой, -

Да, я возьму тебя с собою
И вознесу тебя туда,
Где кажется земля звездою,
Землею кажется звезда.

И, онемев от удивленья,
Ты узришь новые миры -
Невероятные виденья,
Создания моей игры...

Дрожа от страха и бессилья,
Тогда шепнешь ты: отпусти...
И, распустив тихонько крылья,
Я улыбнусь тебе: лети.

И под божественной улыбкой
Уничтожаясь на лету,
Ты полетишь, как камень зыбкий,
В сияющую пустоту...

Цикл «Черная кровь» рассказывает о Демоне, то есть о демоническом, страстном начале в человеке, которого обожгла мощь таинственных желаний и тяги к любимой женщине. Цикл состоит из девяти стихотворений, написанных с 1909 по 1914 год. Демон напоминается много раз в цикле и существуют намеки на дьявольское в Демоне (нем), и божественное в Тамаре (ней). В восьмой части находятся прямые намеки на поэму «Демон» и стихотворение «Тамара» М.Ю. Лермонтова.

1
В пол-оборота ты встала ко мне,
Грудь и рука твоя видится мне.

Мать запрещает тебе подходить,
Мне — искушенье тебя оскорбить!

Нет, опустил я напрасно глаза,
Дышит, преследует, близко — гроза...

Взор мой горит у тебя на щеке,
Трепет бежит по дрожащей руке...

Ширится круг твоего мне огня,
Ты, и не глядя, глядишь на мня!

Пеплом подернутый бурный костер -
Твой не глядящий, скользящий твой взор!

Нет! Не смирит эту черную кровь
Даже — свидание, даже — любовь!
2 января 1914

2
Я гляжу на тебя. Каждый *демон* во мне
Притаился, глядит.
Каждый *демон* в тебе сторожит,
Притаясь в грозовой тишине...
И вздымается жадная грудь...
Этих *демонов* страшных вспугнуть?
Нет! Глаза отвратить, и не сметь, и не сметь
В эту страшную пропасть глядеть!
22 марта 1914

3
Даже имя твое мне презренно,
Но, когда ты сощуришь глаза,
Слышу, воет поток многопенный,
Из пустыни подходит гроза.

Глаз молчит, золотистый и карий,
Горла тонкие ищут персты...
Подойди. Подползи. Я ударю -
И, как кошка, ощеришься ты...
30 января 1914

4
О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой
В объятья страшные. Чтоб долго длились муки,
Когда — ни расплести сцепившиеся руки,
Ни разомкнуть уста — нельзя во тьме ночной!

Я слепнуть не хочу от молньи грозовой,
Ни слушать скрипок вой (неистовые звуки!),
Ни испытать прибой неизреченной скуки,
Зарывшись в пепел твой горящей головой!

Как первый человек, божественным сгорая,
Хочу вернуть навек на синий берег рая
Тебя, убив всю ложь и уничтожив яд...

Но ты меня зовешь! Твой ядовитый взгляд
Иной пророчит рай! — Я уступаю, зная,
Что *твой змеиный рай — бездонной скуки ад*.
Февраль 1912

5
Вновь у себя... Унижен, зол и рад.
Ночь, день ли там, в окне?
Вон месяц, как паяц, над кровлями громад
Гримасу корчит мне...

Дневное солнце — прочь, раскаяние — прочь!
Кто смеет мне помочь?
В опустошенный мозг ворвется только ночь,
Ворвется только ночь!

В пустую грудь один, один проникнет взгляд,
Вопьется жадный взгляд...
Всё отойдет навек, настанет никогда,
Когда ты крикнешь: Да!
29 января 1914

6
Испугом схвачена, влекома
В водоворот...
Как эта комната знакома!
И всё навек пройдет?

И, в ужасе, несвязно шепчет...
И, скрыв лицо,
Пугливых рук свивает крепче
Певучее кольцо...

И утра первый луч звенящий
Сквозь желтых штор...
И чертит бог на теле спящей
Свой световой узор.
2 января 1914

7
Ночь — как века, и томный трепет,
И страстный бред,
Уст о *блаженно-странном лепет,*
В окне — старинный, слабый свет.

Несбыточные уверенья,
Нет, не слова -
То, что теряет всё значенье,
Забрежжит бледный день едва...

Тогда — во взгляде глаз усталом -
Твоя в нем ложь!
Тогда мой рот извивом алым
На твой таинственно похож!
27 декабря 1913

8

Я ее победил, наконец!
Я завлек ее в мой дворец!

Три свечи в бесконечной дали.
Мы в тяжелых коврах, в пыли.

И под смуглым огнем трех свеч
Смуглый бархат открытых плеч,

Буря спутанных кос, тусклый глаз,
На кольце — померкший алмаз,

И обугленный рот в крови
Еще просит пыток любви...

А в провале глухих око'н
Смутный шелест многих знамен,

Звон, и трубы, и конский топ,
И качается тяжкий гроб.
— О, любимый, мы не одни!
О, несчастный, гаси огни!..

— Отгони непонятный страх -
Это кровь прошумела в ушах.

Близок вой похоронных труб,
Смутен вздох охладевших губ:

— Мой красавец, позор мой, бич...
Ночь бросает свой мглистый клич,

Гаснут свечи, глаза, слова...
— Ты мертва, наконец, мертва!

Знаю, выпил я кровь твою...
Я кладу тебя в гроб и пою, -

Мглистой ночью о нежной весне
Будет петь твоя кровь во мне!

Октябрь 1909

9

Над лучшим созданием божьим
Изведал я силу презренья.
Я палкой ударил ее.

Поспешно оделась. Уходит.
Ушла. Оглянулась пугливо
На сизые окна мои.

И нет ее. В сизые окна
Вливается вечер ненастный,
А дальше, за мраком ненастья,
Горит заревая кайма.

Далекие, влажные долы
И близкое, бурное счастье!
Один я стою и внимаю
Тому, что мне скрипки поют.

Поют они дикие песни
О том, что свободным я стал!
О том, что на лучшую долю
Я низкую страсть променял!

13 марта 1910

Результаты

Результаты исследования показывают, что перелом XIX - XX веков породил гениальных людей - мыслителей, философов, писателей и художников, которые мировоззрение прошлых времен переработали в свои творческие миры и мировоззрения, каждый - по-своему особенному, уникальному пути. Сходства Врубеля и Блока в том, что на них повлияла философия, литература, русский фольклор, традиция и мифология. Врубель читал с особенным интересом И.-В. Гете, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, Г.-Э. Лесинга и особенно И. Канта. По словам Врубеля: «Высокое достоинство долга не имеет ничего общего с наслаждением жизнью; оно имеет свой собственный своеобразный закон и свой своеобразный суд» (Яремич 1911: 20). Врубель был новатором своего времени, у него многоликое искусство, особенный стиль. Врубель опирался на классические произведения, воспевал

фантастические, необычные миры, символичные образы, смысл и духовное содержание которых передавал ясно и реально, с особенным колоритом, строя некое трехмерное пространство. Его произведения на литературные сюжеты – различны и уникальны (на пример «Гамлет и Офелия» и «Царевна-Лебедь»).

Блок свое философское начало может поблагодарить Платону, свое место нашел «в лоне религиозной мистики», вышел «как раз из глубинных недр аристотелевской культуры» (Орлов 1977), а потом свое вдохновение нашел в поэзии Соловьева. Его героиня, Таинственная Дева, Владычица Вселенной, Величавая Вечная Жена, Офелия «лучезарное виденье».

На переломе веков художники искали выход из хаотичных событий революции, перелом в себе идентифицировали с переломом родины, с неизвестным будущем и искания пути. Врубель и Блок обращались к традициям Антики, Византии, Возрождения, к классическим образцам традиции Западной Европы, к русскому народному искусству, к фольклору и мифологии. Символика их творчества лежит в том, что они переносили символы своей эпохи сквозь свои видения нового мира, сквозь сказочные образы, литературные сюжеты и мистические видения. Таким образом, они изображали и творили новые миры, которые до сих пор вдохновляют художников и поэтов. Мир Врубеля и Блока был тесно связан с музыкой, которая оживляла панно Врубеля или звучание строк Блока. Они были мастера в том как «иллюзионировать душу», как проникнуть в тайне скрытых человеческих тревог, страстей, любви. Они давали свет даже тому, у кого свет запрещен – Демону. Падение они считали новой зарей и неизвестностью, неизбежностью прощания и смерти, но каждый из них, Врубель и Блок по-своему искали в своем творческом пути новые горизонты, так, как и Демон Сидящий, который смотрит вдаль будущего с тоской о прошлых временах. Врубель и Блок определили свое время и творческие миры художников, которые создавались после них, потому что в наследствие оставили синтез нового и старого, идеи сотворения собственной реальности, даже когда она непонятна всем вокруг, потому что они были *чужды* среди людей, они были вестниками нового времени.

Заключение

Русская культура конца XIX и начала XX века была своеобразна, богата талантами и сильным явлением мировой культурной жизни. В ключевых темах и концептах многообразных творческих миров Врубеля и Блока можно найти такие сходства, что их можно звать *духовными братьями*. Врубель и Блок своими произведениями говорили о вечных противоречиях: о борьбе добра и зла, света и тьмы, прекрасного и чудовищного, возвышенного и земного своим уникальным творческим языком, который по сей день живой и вызывает вдохновение. Настоящее исследование открывает возможности для новых исследований концептов и концептосфер тех же авторов, Врубеля и Блока, или других. Блок прекрасно описал смену веков в поэме «Возмездие», рассказав о человеке, который ищет свой путь, исследует духовные истины в себе и остатки гуманности – путь, который вознесет его в будущую жизнь, или, если он – человек ошибется, увлечет его в пропасть.

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!..
Двадцатый век….Ешё бездомней,
Ещё страшнее жизни мгла
(Ещё чернее и огромней
Тень Люциферова крыла).
И отвращение от жизни
И к ней безумная любовь,
И страсть, и ненависть к Отчизне…
И черная, земная кровь.
Сулит нам разрывая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи…
Что ж человек? За ревом стали
В огне, в пороховом дыму,
Какие огненные дали открылись взору твоему?

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев, Н.А. Собр. соч., т. 2. Р., 1985, с. 283

Блаженный Августин. Христианская наука или Основания св. герменевтики и церковного красноречия. — Киев, 1835. — С. 104-106

Блок, А.А. О современном состоянии русского символизма. Впервые опубликовано: Аполлон. 1910. № 8.

Блок, А.А. Памяти Врубеля. Том 5. Очерки, статьи, речи. Переработка речи, прочитанной на похоронах М.А. Врубеля 3 апреля 1910 г.

Блок, А.А. Собрание сочинений в 8 томах. Москва, Государственное издательство художественной литературы, 1960 г. – 6392 с.

Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. Искусство, Л., 1976.

Дмитриева, Н.А. Михаил Александрович Врубель. Л., 1990. С. 38.

Лишаев, С.А. История русской философии. Часть II. Книга 2: Вторая половина XIX века (Н.Ф. Федоров, П.Д. Юркевич, В.С. Соловьев). Курс лекций : учебное пособие / С.А. Лишаев. — Самара : Самар. гуманит. акад., 2006. — стр. 67-116

Орлов, В.Н. Гамаюн. Жизнь Александра Блока. М., 1977.

Рыбников, А.А. Техника масляной живописи. М.: Искусство, 1937. – 352 с.

Садовский, Дмитрий, прот. Блаженный Августин как проповедник. Историко- гомилетическое исследование / Садовский Дмитрий, прот. - Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1913. - 397 с.

Скоробогачева, Е.А. Михаил Врубель (1856-1910), Москва, Арт-Родник, 2010. – 96 с.

Соловьев, В.С. Красота в природе. Об упадке средневекового миросозерцания / В.С. Соловьев. - Москва : Директ-Медиа, 2008. - 109 с.

Соловьев, В.С. Стихотворения. Поэма «Три свидания» / В.С. Соловьев. - Москва: Директ-Медиа, 2012. - 247 с.

Соловьев В.С. Три силы, 1877. Собрание сочинений. Том 1, СПб., 1901. 375 С. Сочинения 1873-1877 гг. №19

Холл, Д. Словарь сюжетов и символов в искусстве. Москва, 2004.

Яремич, С.П. Врубель. Жизнь и творчество. М., 1911., С. 20

Byrns, R. The Artistic Worlds of Vrubel' and Blok. The Slavic and East European Journal, 23(1), 38-50. doi:10.2307/307798 *The Slavic and East European Journal* (1979)

Mikulaco I.
Juraj Dobrila University of Pula, Croatia
imikulaco@unipu.hr

Concerning the Russian Intelligentsia through the Prism of the Creative Worlds of Solovyov, Vrubel and Blok

Summary. This article is devoted to the study of the Russian Intelligentsia at the turn of XIX-XX centuries. Study was conducted with a focus on the creative worlds of Solovyov, Vrubel and Blok. Symbolism and poetic proximity, key themes and concepts of their creative worlds, united Mikhail Alexandrovich Vrubel and Alexander Alexandrovich Blok, whose work was influenced by the philosopher and mystic Vladimir Sergeevich Solovyov. The results demonstrate that Russian literature, culture and spirituality are deeply rooted in previous periods. Artists drew inspiration from philosophy, literature, the Russian tradition, folklore and mythology. The reflections, works and spiritual values which the Russian intelligentsia has left as an inheritance, shed more light on their strong influence on world historical processes, than all revolutionary political upheavals of the past.

Keywords: Russian Intelligentsia, the turn of the XIX-XX centuries, symbolism, V. S. Solovyov, M. A. Vrubel, A. A. Blok

МУРАВЬЕВА НАТАЛИЯ ЮРЬЕВНА
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
МОСКВА, РОССИЯ
natasha1000@mail.ru

А.П. Чехов как художник не только слова (категория перцептивности в рассказе «Дом с мезонином»)

АННОТАЦИЯ. В статье речь идет о лексических средствах категории перцептивности, обосновываются условия появления перцептивно-контекстных средств перцептивности, выявляется функция этих средств в рамках одного текста (рассказа). Специфика стиля А. П. Чехова определяется зависимостью использования разных лексических средств перцептивности от типа сознания персонажа и места репродуктивного фрагмента в сюжетной канве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: категория перцептивности, репродуктивный регистр речи, контекстные средства перцептивности, функции лексических средств перцептивности

…Гора и Магомет остаются каждый на своем месте, но Магомет видит гору со своей перцептивной позиции.

К. Бюлер «Теория языка»

Как известно, «Дом с мезонином» имеет подзаголовок «рассказ художника». Образ художника-повествователя помог писателю не только представить главного героя как тонко чувствующую натуру, но и текст рассказа соткать из чувственно воспринимаемых образов, помогающих осознать сюжет и личные переживания влюбленного, его внутренний мир. Языковая природа этих образов будет рассмотрена в данной статье подробно.

О категории перцептивности в русском языке

Текстовые фрагменты, связанные с передачей непосредственно воспринимаемых образов, сиюминутностью наблюдения, в лингвистике принято называть репродуктивным регистром речи (термин Г.А. Золотовой: Золотова и др. 2004: 29 и далее), а средства создания образности и наблюдаемости в тексте – модусными (термин «модус» впервые в лингвистику ввел Балли 1955: 44), а именно перцептивными (терминология из Арутюнова 1989: 109 и далее). Средствами создания перцептивности регулярно оказываются единицы разных уровней языка – лексики, морфологии, синтаксиса. Ряд из этих средств частично уже получил описание в специальной литературе – словарях, грамматических описаниях, ряде теоретических работ.

Лексическим средствам создания перцептивности было уделено достаточно внимания как в исследованиях, выполненных в рамках коммуникативной грамматики, так и за ее пределами. Это как предложенные классификации, так и отдельные наблюдения (Апресян 1995; Арутюнова 1988; Кустова 2004, 2004а; Падучева 2004 и др.; Сидорова 1997, 2000; Чумирина 2005 и др.). Маркеры репродуктивного регистра представляют собой перцептивно-модусные лексемы, содержащие перцептивный компонент в своей семантики (*видеть, слышать, белеть, шуршать*), а также изобразительные лексемы, предполагающие ситуацию восприятия и субъекта наблюдения / восприятия в качестве пресуппозиции к обозначаемой ситуации (*вздыбиться, нахохлиться, провиснуть*) (Муравьева 2008).

Отдельные грамматические средства выражения категории перцептивности уже частично описывались в работах многих грамматистов XX–XXI вв. На уровне морфологии, главным образом, описывались глагольные категории вида, времени, залога, а также специфика причастных форм (Апресян 1980, 1995; Бондарко 1983, 2004; Буланин 1978; Виноградов 2001; Гловинская 2001; Князев 1989; Недялков, Яхонтов 1983; Падучева 1996; Пупынин 1991; Храковский 1991; Шатуновский 1999 и др.). Номинативность, безличность, некоторые экспрессивные модели, различные средства авторизации и др. – основные средства маркирования перцептивности на уровне синтаксиса (Золотова 2001; Золотова и др. 2004; Иванчикова 1977; Пешковский 2001; Шахматов 2001 и др.).

На настоящий момент особый интерес представляет выявление имплицитных, контекстных средств, ранее не описанных последовательно лингвистами (хотя: Муравьева 2018), а также определение их места и роли в общей системе средств внутри одного текста.

Если обратиться к тексту выбранного рассказа, то можно обнаружить большинство

из указанных языковых средств, с явным преобладанием лексических. Например: ***Зеленый*** *огонь* ***погас****, и не стало* ***видно теней****. Луна уже стояла высоко над домом и* ***освещала*** *спящий сад, дорожки; георгины и розы в цветнике перед домом были отчетливо* ***видны*** *и казались все одного* ***цвета***[1]. Здесь есть примеры и перцептивно-модусных лексем (направленных на субъект восприятия – *видно*, или на объект восприятия – *освещала*), и изобразительных (*зеленый, тени*). При этом из средств грамматики можно заметить лишь одно безличное предложение (из всех приведенных основ). В связи с особым вниманием А. П. Чехова именно к лексике, далее в данном исследовании будут анализироваться исключительно лексические средства репродуктивного регистра речи.

При этом интересен и тот факт, что в данном рассказе встречаются средства не только указанных типов, а также роль и функционирование разных лексических средств будут различными внутри одного художественного целого, а именно зависеть от места репродуктивного фрагмента на оси сюжетного времени.

О категории перцептивности в рассказе «Дом с мезонином»

Если в тексте рассказа последовательно выделить все фрагменты репродуктивного регистра, то окажется, что в процентном отношении их больше всего в первой главке и меньше всего в третьей.

1. В первой главный герой забредает в незнакомую, но как бы манящую его усадьбу, встречает юных девушек, и зарождается надежда на светлые и радостные изменения в его скучной и однообразной жизни. Радость надежды помогает герою увидеть окружающий пейзаж с тонкостью и чуткостью художественной натуры:

Солнце *уже пряталось, и на цветущей ржи растянулись вечерние* ***тени****. Два ряда старых, тесно посаженных, очень высоких елей стояли, как две сплошные стены, образуя мрачную, красивую аллею. Я легко перелез через изгородь и пошел по этой аллее, скользя по еловым иглам, которые тут на вершок покрывали землю. Было* ***тихо****,* ***темно****, и только высоко на вершинах кое-где дрожал яркий золотой* ***свет*** *и переливал радугой в сетях паука. Сильно, до* ***духоты пахло*** *хвоей. Потом я повернул на длинную липовую аллею. И тут тоже запустение и старость; прошлогодняя листва печально* ***шелестела*** *под ногами, и в* ***сумерках*** *между деревьями прятались* ***тени****. Направо, в старом фруктовом саду, нехотя,* ***слабым голосом пела*** *иволга, должно быть, тоже старушка. Но вот и липы кончились; я прошел мимо белого дома с террасой и с мезонином, и передо мною неожиданно* ***развернулся вид*** *на барский двор и на широкий пруд с купальней, с толпой зеленых ив, с деревней на том берегу, с высокой узкой колокольней, на которой* ***горел*** *крест, отражая в себе заходившее солнце.*

Фрагмент интересен не только тем, что в нем практически отсутствуют перцептивно-модусные предикаты типа *видеть, слышать, видно (*исключение – *развернулся вид)*, поскольку герой-художник находится внутри описываемого пространства, и нам не требуется доказывать его присутствие, и не только множеством отмеченных полужирным выделением собственно лексических средств перцептивности (изобразительных: чья семантика в данном случае связана с идеями света /тени, звука, их громкостью / тишиной, запаха), но и множеством лексем с перцептивно-контекстными значениями, они выделены подчеркиванием.

Перцептивно-контекстным значением можно считать значение слова, возникающее в условиях репродуктивного регистра, при отсутствии его упоминания в традиционных лексикографических описаниях. Так, слово *толпа* в Словаре русского языка в 4-х томах (МАС) толкуется как 1. *неорганизованное скопление людей; сборище* и 2. *множество, масса*: *Мужчин около нее – толпа* (М. Горький). В то время как в контексте рассказа *толпа зеленых ив* говорит не собственно и не только о множестве, но и о некоторой конфигурации, неровных границах группы деревьев. Причем эти деревья обозреваются соприсутствующим наблюдателем извне, со стороны, с некоторой высокой точки, некоторого расстояния («внешний наблюдатель», по терминологии Ю. Д. Апресяна (НОСС: 34)). Идея *'массы, множества'* трансформируется таким образом в идею *'конфигурации, кем-то наблюдаемых начертаний'*. Происходит это, во-первых, в контексте репродуктивного регистра речи, во-вторых, в сочетании с неодушевленными существительными. Таким образом, репродуктивность текстового фрагмента становится условием для перцептивно-контекстной трансформации значений у слов конкретной семантики. В данном фрагменте именно благодаря контексту репродуктивного регистра

– прилагательное *вечерние (тени)* прочитывается не как временной параметр, а как длина теней;

– *старый (о елях)* – не как возраст, а как высота, массивность, может быть, сухость или корявость нижних ветвей;

– *тесно посаженные* – о том, что деревья не пропускают солнечный свет, их ветви слишком близки друг к другу;

– *на вершок (еловые иглы покрывали землю)* – это о чересчур большом слое, о том, что почва под ногами мягка и пружинит;

– *дрожал (яркий золотой свет)* – это о солнце, но речь не идет о странно-быстро бегущих облаках, его то закрывающих, то открывающих, а лишь о том, что перемещающийся наблюдатель то видит этот оранжевый свет из-за густых еловых макушек, то нет (и движение наблюдателя приписывается объекту);

– (этот же *свет*) *переливал радугой* – то есть был цветным;

– *в сетях паука* – то есть было видно паутину, ее рисунок благодаря цветным лучам;

– *старый (фруктовый сад)* – это корявость веток и состояние облупившейся коры;

– *нехотя* и *(иволга-)старушка* – это опять не возраст, а слабость, тихость голоса, может быть, прерывистость пения;

– *заходившее солнце* – цвет оранжевых оттенков (буквальная близость светила к горизонту герою не видна – солнце находится за его спиной, на самом деле художник видит лишь отражение его лучей на кресте колокольни).

Таким образом, можно признать, что данный отрывок демонстрирует активное использованием А.П. Чеховым лексических средств репродуктивного регистра.

2. Вторая главка представляет собой продолжение знакомства, развитие дружбы – сюжет продвигается за счет конкретных действий персонажей, в том числе разго-

1 Здесь и далее в цитатах полужирным шрифтом выделены лексические средства перцептивности, а именно перцептивно-модусные и изобразительные (чья семантика связана преимущественно с идеями цвета / света / тени, звука, их громкостью / тишиной, запах и т.д.).

воров. Отношения и чувства укрепляются, главный герой заявляет: *и в первый раз за все лето мне захотелось писать*. Однако с точки зрения частотности количество репродуктивных фрагментов в этой части уменьшается: перцептивность соединяется с показателями повторяемости – похожие ситуации обобщаются по времени, созерцание сменяется действиями, и сиюминутность описания сохраняется лишь в комментариях к репликам персонажей и в единичных других сценах (обед, на террасе, сбор грибов): *Дул* ***теплый*** *ветер. Я* ***видел****, как Женя и ее мать, обе в светлых праздничных платьях, прошли из церкви домой, и Женя придерживала от ветра шляпу. Потом я* ***слышал****, как на террасе пили чай.*

3. Третья глава содержит описание спора главного героя с старшей сестрой Лидой, который в итоге приводит к ссоре. Напряженные реплики перемежаются с комментированием интонаций, выражений лиц, поз, сопутствующих речи движений: *она посмотрела на меня, прищурив глаза, и спросила; Она кончила снимать перчатки и развернула газету.*

Количество репродуктивных вкраплений в целом еще меньше, чем в предыдущей главке (и намного меньше, чем в остальных), и указанные репродуктивные комментарии короче. Будто напряжение от высказываемых рассуждений мешает героям видеть и замечать что-либо вокруг, абстрактные идеи спора как бы исключают существование реального мира предметов.

4. Уход героя после спора (в последнем предложении третьей части) как бы заканчивается переступанием порога. А. П. Чехов таким образом (за счет членения текста на третью и четвертую главки именно в данном месте) дополнительно подчеркивает границу между мирами двух сестер. Оказавшись за пределами дома (с чего начинается часть четвертая), он вновь окунается в близкий и родной ему мир младшей сестры Мисюсь. Опять появляется репродуктивность – нам передается сиюминутность событий незабываемого вечера. Причем как последние минуты до расставания, так и выборочные моменты после, когда герой наблюдает за жизнью дома из темноты сада. Предметом описания оказывается не только героиня (*Я снял с себя пальто и прикрыл ее озябшие плечи; она, боясь показаться в мужском пальто смешной и некрасивой, засмеялась и сбросила его…)*, но и природа в этот последний счастливый вечер (*Была грустная августовская ночь, …уже пахло осенью; покрытая багровым облаком, восходила луна и еле-еле освещала дорогу и по сторонам ее темные озимые поля. Часто падали звезды)*, и дом, как бы оживающий: *…милый, наивный, старый дом, который, казалось, окнами своего мезонина глядел на меня, как глазами, и понимал всё.*

Наконец, завершение четвертой части – неожиданный для героев отъезд девушки – представлен как смена нескольких «этапов» осознания: 1) поиска – герой ждет, ищет в открытом доме, прислушивается к голосам (регистр репродуктивный), 2) узнает сначала от Лидии, а затем из полученной записки об отъезде (информативный / волюнтивный регистр в репликах дополняется очень краткими репродуктивными комментариями), 3) герой навсегда покидает усадьбу *тою же дорогой, какой пришел сюда в первый раз, только в обратном порядке: сначала со двора в сад, мимо дома, потом по липовой аллее...<…> Потом темная еловая аллея, обвалившаяся изгородь... На том поле, где тогда цвела рожь и кричали перепела, теперь бродили коровы и спутанные лошади. Кое-где на холмах ярко зеленела озимь.* Герой остается наедине с самим собой, и регистр

опять репродуктивный. Однако интересно, что в данном отрывке встречающиеся по пути реалии природы перечисляются будто преодоленные рубежи, оставленные позади объекты-препятствия, и не могут быть восприняты читателем как предметы созерцания. В отличие от описания этого же пути в первой части рассказа (как назвал А. П. Чехов, «в обратном порядке»), конкретные лексемы здесь не получают перцептивно-контекстных значений. Переносные ассоциации к значениям можно усмотреть лишь оценочные: по отношению к прошлому *цвела рожь* – что-то прекрасное, весенне-романтичное, *перепела* – связанное с небом, а потому высокое и тоже романтичное; по отношению к настоящему *бродили коровы* – бесцельность и потому бесполезность настоящего, *спутанные лошади* – отсутствие свободы, в том числе душевной, *ярко зеленела озимь* – что-то новое, чего раньше не было, а потому чужое.

Таким образом, несмотря на присутствие репродуктивных фрагментов в последней главке в достаточном количестве (не намного меньшем, чем в первой), можно убедиться в их качественном отличии от одноименных фрагментов в первой: контекст репродуктивности не порождает перцептивно-контекстных значений у конкретно-предметных имен.

В связи с этим можно утверждать, что (1) А.П. Чехов активно использует существующий в системе русского языка набор средств выражения перцептивности, особенно активно лексические средства.

(2) Однако он сознательно «переключает» описание в «режим» репродуктивности лишь в определенные сюжетные моменты, в зависимости от внутреннего состояния героя: полнота восприятия, как и полнота жизни, ощущается максимально в периоды надежд и зарождения новых отношений. В эти сюжетные периоды и репродуктивных фрагментов наибольшее количество. Негативные события способны «отключить», подавить способность восприятия. И в третьей главке репродуктивности почти нет, существующие репродуктивные вкрапления коротки и сжаты. Между этими двумя полюсами располагаются вторая и четвертая главки текста, представляя собой как бы переходные случаи между указанными – и по своей сюжетной функции, и по количеству репродуктивных фрагментов.

(3) Причем на уровне языковых средств эта разница выявляется не только в количественном уменьшении / увеличении фрагментов репродуктивного регистра, но и в их качестве. Сравнение контекстов репродуктивного регистра в первой и четвертой главках доказало, что использование лексических средств, содержащих модусный компонент в своей семантике, возможно и часто даже обязательно в любых репродуктивных фрагментах. В любых репродуктивных фрагментах встречаются и конкретные лексемы. Однако лишь тогда, когда репродуктивность представляет собой не «машинальное» отслеживание происходящего или фиксацию окружающей обстановки, а восприятие-созерцание, сродни художественному акту, средствами ее выражения оказываются и контекстно-лексические средства. Они создаются на базе слов конкретной семантики, которые в рамках репродуктивного контекста получают перцептивно-контекстное значение.

Другими словами, именно эта специфика позволяет различать репродуктивность как бы поверхностного уровня (восприятие является способом получения информации), с одной стороны, и глубинную (восприятие сродни любованию, эстетическому

наслаждению, внутреннему художественному ви́дению), с другой.

(4) Контекстные значения в рамках репродуктивных фрагментов оказываются важными для понимания содержания текста, их знание необходимо для адекватного перевода на другой язык.

Таким образом, А. П. Чехов оказывается не только мастером слова, тонко передающим внутренний мир своих героев, не только психологом, способным через описание в том числе природы объяснить их внутренние переживания, но и художником. Он передает мировосприятие героя-пейзажиста, по принципу зеркала отражая достойные запечатления пейзажи и мельком «проглатывая» бегущие мимо и не достойные внимания «картинки». Средства создания подобных «пейзажей» у А. П. Чехова – соединение собственно лексических перцептивных средств с перцептивно-контекстными, а потому имплицитными языковыми средствами.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян, Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю.Д. Апресян. // Апресян Ю.Д. Избранные труды. – Т. 2. – М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1995. – С. 629–650.

Апресян, Ю.Д. Принципы семантического описания единиц языка / Ю.Д. Апресян. // Семантика и представление знаний. Труды по искусственному интеллекту. II. Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 519. – Тарту: ТГУ, 1980. – С. 3–24.

Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Издательство иностранной литературы, 1955. – 416 с.

Бондарко, А.В. К вопросу о перцептивности / А.В. Бондарко. // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб.ст. в честь Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 276–282.

Бондарко, А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / А.В. Бондарко. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.

Буланин, Л.Л. К соотношению пассива и статива в русском языке / Л.Л. Буланин. // Проблемы теории грамматического залога. – Л.: Наука, 1978. – С. 197–202.

Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В.В. Виноградов. – М.: Рус. яз., 2001. – 720 с.

Гловинская, М.Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола / М.Я. Гловинская. – М.: Азбуковник, 2001. – 319 с.

Золотова, Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г.А. Золотова. – М.: Эдиториал УРРС, 2001. – 368 С.

Золотова, Г.А., Онипенко, Н.К., Сидорова, М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: Институт русского языка им В.В. Виноградова РАН, 2004. –544 с.

Иванчикова, Е.А. Синтаксис текстов, организованных авторской точкой зрения / Е.А. Иванчикова. // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. – М.: Наука, 1977. – С. 198–240.

Князев, Ю.П. Акциональность и статальность: их соотношение в русских конструкциях с причастиями на *–н, –т* / Ю.П. Князев. – München: Sagner, 1989. – 271 с.

Кустова, Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г.И. Кустова. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 472 с.

Кустова, Г.И. Формы и значения глаголов восприятия / Г.И. Кустова. // Русский язык сегодня. – Вып.3. Проблемы русской лексикографии. – М.: Азбуковник, 2004а. – С. 171-185.

МАС: Словарь русского языка: В 4-х т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. – М.: Рус. яз., 1981–1984. – Т. 1–4.

Муравьева, Н.Ю. Категория перцептивности в семантике глагола и в тексте: дисс. … канд. филол. наук / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – М., 2008. – 447 с.

Муравьева, Н.Ю. Перцептивность как текстовая категория: лексические средства и роль синтагматики в трансформации значений / Н.Ю. Муравьева. // Kalba ir kontextai / Language in different contexts. Research papers 2018. Volume VIII (I). - Vilnius, 2018. – С. 50–69.

Недялков, В.П., Яхонтов, С.Е. Типология результативных конструкций / В. П. Недялков, С.Е. Яхонтов. // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). – Л.: Наука, 1983. – С. 5–41.

НОСС: Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. – М.: Школа: Яз. рус. культуры, 1999. – Вып. 1. – 552 с.

Падучева, Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – 607 с.

Падучева, Е.В. Семантические исследования (семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) / Е.В. Падучева. – М.: Шк.: «Языки рус. культуры», 1996. – 464 с.

Пешковский, А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М.: Языки славян. культуры, 2001. – 510 с.

Пупынин, Ю.А. Активность/ пассивность во взаимосвязях с другими функционально-семантическими полями / Ю.А. Пупынин. // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. – С. 211–238.

Сидорова, М.Ю. О средствах формирования коммуникативных типов речи (репродуктивный регистр) / М.Ю. Сидорова. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 1997. — Т. 6. — С. 6-19.

Сидорова, М.Ю. Особенности репродуктивного плана в тексте романа М.А. Булгакова «Белая гвардия» / М.Ю. Сидорова. // Русский язык сегодня. – Вып.1. – М.: Азбуковник, 2000. – С. 562-573.

Храковский, В.С. Пассивные конструкции. Теоретическая концепция / В.С. Храковский. // Теория функциональной грамматики / Под ред. А.В. Бондарко. Т.3. Персональность. Залоговость. – СПб.: Наука, 1991. – С. 141–180.

Чумирина, В.Е. Тактические приемы моделирования пространства в художественном тексте: дисс. … канд. филол. наук / Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – М., 2005.

Шатуновский, И.Б. Настоящее динамическое НСВ в современном русском языке / И.Б. Шатуновский. // Логический анализ языка. Языки динамического мира. – Дубна: Межд. ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999. – С. 232–243.

Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – М.: УРСС 2001. – 620 с.

MURAVYOVA N. YU.
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
natasha1000@mail.ru

A. P. Chekhov as an Artist of Speech and More (The Category of Perceptiveness in the Story “The House with a Mezzanine”)

Summary. The article deals with the lexical means of the category of perceptiveness, the ways in which the conditions of the appearance of the perceptual-contextual means of perceptiveness are substantiated, and the function of these means within one text (story). The specificity of A. P. Chekhov’s style is determined by the dependence of the use of the different lexical means of perception on the type of consciousness of a character and the place of the reproductive fragment in the plot outline.

Keywords: category of perceptivity, reproductive register of speech, concrete lexis, contextual perceptive means, functions of lexical means of perceptiveness

НЕКИПЕЛОВА ИРИНА МИХАЙЛОВНА
ИЖЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М.Т. КАЛАШНИКОВА, РОССИЯ
irina.m.nekipelova@mail.ru

Интеллектуализация языка как преодоление антропологического и языкового кризиса

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию взаимосвязи антропологического, информационного и языкового кризисов, получивших широкое распространение в современном обществе в целом и в российском обществе в частности. Одним из наиболее значимых их проявлений является актуализация процесса демократизации языка, способного привести язык к деградации. Именно поэтому немаловажным фактором, способствующим выходу из сложившегося глобального кризиса, становится комплекс мер, направленный на интеллектуализацию языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: развитие языка, языковой кризис, интеллектуализация языка, антропологический кризис, информационный кризис

Введение

Вслед за идеями Ф. де Соссюра и его последователей язык стал представляться исторически развивающейся системой, современное состояние которой является следствием её исторического прошлого. Идея постоянного развития языка имеет концептуальное значение для лингвистики, поскольку исторически развивающиеся системы представляют собой более сложный тип объекта даже по сравнению с саморегулирующимися системами. Последние выступают особым состоянием динамики исторического объекта, своеобразным срезом, устойчивой стадией его эволюции. Сама же историческая эволюция характеризуется переходом от одной относительно устойчивой системы к другой системе с новой уровневой организацией элементов и саморегуляцией. Исторически развивающаяся система формирует с течением времени всё новые уровни своей организации, причём возникновение каждого нового уровня оказывает воздействие на ранее сформировавшиеся, меняя связи и композицию их элементов. Формирование каждого такого уровня сопровождается прохождением системы через состояния неустойчивости – точки бифуркации, и в эти моменты небольшие случайные воздействия могут привести к появлению новых структур. Таким образом, приступая к исследованию глубинных механизмов функционирования и развития языка, следует рассматривать язык не только как самоорганизующуюся и саморегулирующуюся систему, но и как систему исторически развивающуюся, характеризующуюся относительной устойчивостью и восприимчивостью к внешней среде, новые уровни организации которой возникают в результате преодоления состояний неустойчивости, большинство из которых остаются незамеченными носителями языка.

Методы

Исследование языка, как и его функционирование, носит антропологический характер, поскольку язык – порождение человека, где сам человек выступает и причиной языковой активности, и её целью. И вследствие этого невозможно проводить исследования языка без учёта знаний о человеке как биологическом и социальном существе. Именно поэтому в нашем исследовании применяется проблемно-ориентированный метод, позволяющий учитывать знания других областей науки, и прежде всего философии, социологии и антропологии.

С современными процессами, имеющими место в языковой системе, тесно связаны явления, получившие в современной философской антропологии названия антропологического кризиса и информационного кризиса. Тема так называемого антропологического кризиса стала в философии XX века темой фундаментальной. Возникновение философской антропологии, где человек поставлен в качестве самостоятельного предмета философского анализа, связано с именами М. Шелера и Х. Плеснера. Однако ещё в философы Древней Греции связывали между собой язык и мышление, бытие и мышление. В дальнейшем стали разрабатываться концепции социальной природы языка. Одним их наиболее значимых современных трудов, на наш взгляд, является исследование С.А. Бурлак «Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы» (Бурлак 2012), посвящённое социальным основам появления и формирования языка.

Обсуждение

Сравнительно недавно в языкознание вошло понятие *демократизация языка*, под которым следует понимать процесс упро-

щения существующей формы языка до уровня, необходимого для осуществления успешной коммуникации среднего носителя языка, и его результат. Этот процесс, безусловно, имеет социальную природу и является следствием интенсивной антропологической динамики, сопровождающейся антропологическим кризисом.

Подобная антропологическая динамика начала складываться вместе с современной картиной мира уже в эпоху Нового времени; в это время произошёл и картезианский переворот в философии и науке, нашедший решение проблемы человека как проблемы онтологической в самоочевидности и несомненности когитальной субъективности (Гуссерль 1998, Edmond 1931). Именно эти проблемы позволили впоследствии И. Канту, утверждавшему, что «если разум имеет потребность, то предположение о его целесообразности означает, что он имеет и способности, нужные для удовлетворения той потребности» (Кант 2001), констатировать факт вступления человечества в эпоху дегуманизации: в своих рассуждениях философ указывает на дегуманизацию общественной жизни, распад социальной ткани, возникновение условий, унижающих человека. Антропологический кризис, технизация мышления, восстание масс, исчерпанность энергий, кризис самоидентичности, экзистенциальный вакуум – так характеризуют философы современное состояние общества. Для нашего исследования понятие *антропологический кризис* является центральным, поскольку наиболее значимым для нас является то, что «…во всей череде кризисов оказался незамеченным главный кризис – антропологический, связанный со злокачественной мутацией самого человеческого типа. Причиной этого кризиса послужил модернизационный шок, порожденный процессом распада традиционной патриархальной культуры, освободившим деструктивные и антисоциальные импульсы» (Бирюков 2004).

При детальном изучении горизонта антропологического кризиса можно прийти к выводу, что к концу двадцатого века осуществляется внутренний кризис сформировав-шейся к этому времени модели современного человека: «Антропологический кризис – принятое в философской литературе название для системы негативных тенденций современного общества, ведущих к патологическим и другим отрицательным явлениям в природе человека и снижающих заметно его личностный потенциал» (Попкова 2019). Считается, что причиной антропологического кризиса стала технократизация всех сфер деятельности и жизни человека. Как отмечает Э.С. Демиденко, современные люди действительно переходят из биосферных условий жизнедеятельности в техносферные: на смену биосферному человеку приходит новое существо, возможно, постчеловеческое – человек техносферный (Демиденко 1993, 2009).

Антропологический кризис проявляется в следующем:

1) общество представляет собой замкнутую информационную среду, в которую помещается человек и на которую извне оказывается мощное информационное воздействие путём незаметного и ненасильственного внушения представителям этого общества определенных взглядов; таким образом, именно потому, что «технологизация создала мощный инструмент иррационализации массового сознания» (Попкова 2019), происходит управление сознанием людей;

2) общество переживает мировоззренческие трансформации, порождённые техногенной средой и искажающие мировоззрение членов общества: признаётся абсолютная ценность контроля, техносфера становится для человека целостной средой, изменившей традиционные способы производства, умственного труда и общения, гибкость и универсальность работника доходит до крайностей при том, что постоянная смена технологий опережает возможности человека их осваивать;

3) профессиональная среда представляет собой общество, состоящее из совокупности высокомотивированных (не принимающих отказа реализации своих желаний), но при этом низкоквалифицированных (как следствие потери способности анализировать и прогнозировать сложные профессиональные ситуации) кадров, ориентированных на возрастающее потребление, лишенных самоконтроля и соблюдения морального долга как признаков ценностной системы, претендующей на цивилизованность, при том что самими работниками эти признаки рассматриваются как показатели неуспешного профессионального поведения.

Всё это, безусловно, нивелирует инициативы личности и принимает неожиданные формы процессов, не получивших ещё названия в современной науке: «В подобных условиях социальное недовольство молодых, вызванное феноменами наследственной бедности, бесперспективности, отсутствием равных стартовых условий и др., принимает форму войны против общества и опирается на альтернативные ценности» (Бирюков 2004). Отказ от традиционных ценностей влечёт за собой отказ ото всех, так или иначе, неудобных, невыгодных с точки зрения потребления ценностей, среди которых первыми становятся ценности духовного и интеллектуального порядка.

В данном исследовании мы не ставим приоритетными экономические и технократические проблемы, выводя на первый план проблемы интеллектуального характера, поскольку само по себе улучшение материальных условий жизни не может, на наш взгляд, привести к утрате ценностей духовного порядка. Для того чтобы произошёл такой кардинальный сдвиг, необходимо было появление чего-то более значимого, чем элементарное достижение материального благополучия. Наши исследования возможностей русского языка и происходящих в нём изменений позволили предположить, что антропологический кризис во многом был вызван кризисом информационным, возникшим в результате появления у современного человека информационной свободы, спровоцированной технократическим прорывом и распространением интернета: «Информационный кризис – несоответствие между быстро растущими из поколения в поколение умственными способностями людей и еще более быстро растущим потоком информации. В результате этого несоответствия возникает противоречие, суть которого заключается в том, что современный человек не в состоянии в полном объеме воспринимать, перерабатывать поступающую к нему информацию» (Яценко 1999).

Предпосылками информационного кризиса являются процессы, по сути, составляющие преимущества информационной свободы человека. Среди них следует прежде всего назвать *неограниченный объём информации* и *её доступность*. Рассмотрим, что из себя представляют эти процессы и к чему они приводят.

1. Информационная реальность организована в настоящее время таким образом, что поток поступающей информации растёт в геометрической прогрессии. При этом огромное количество людей имеет доступ к информации не только с точки зрения её потребления, но и с точки зрения её по-

рождения, что не было возможным даже в середине двадцатого века. Любой человек имеет право высказаться и даже быть услышанным в просторах интернета, но с ростом информации шансы на возможность быть услышанным резко сокращаются – голоса людей тонут в огромной массе желающих выразить своё мнение. Таким образом, *получить право высказаться* не является тождественным *быть услышанным*, как было раньше. Следствием этого является нивелирование демократических ценностей и обесценивание права голоса человека. Если раньше действовала цензура, был распространён запрет на высказывания, не соответствующие идеологии, то сейчас, по сути дела, цензура становится ненужной, потому что шансы быть услышанным в существующем потоке информации у человека сводятся к нулю: свобода становится помощницей цензуры. Кроме того, даже услышанное мнение критично быстро забывается, стираясь из памяти новой, активно и хаотично поступающей информацией. Следовательно, доступ к неограниченной информации оборачивается негативными последствиями: 1) не будет достаточно ни одной человеческой жизни, чтобы хотя бы даже просто прочитать всё, что было написано человечеством: понятие энциклопедических знаний появилось в эпоху Возрождения, когда учёным пришлось констатировать, что более не осталось философов с энциклопедическими знаниями, именно тогда у Д. Дидро и его единомышленников возникла идея создания «Энциклопедии ремёсел и искусств», в которую должны были быть включены знания, до того времени известные всем философам; 2) огромный поток поступающей каждый день информации очень быстро вытесняет информацию, поступившую ранее; 3) в определённый момент, поскольку память человека – ресурс ограниченный, происходит невосприятие поступающей информации; это можно проследить по деятельности людей, много времени проводящих в социальных сетях: прочитываемые ими страницы информации не откладываются в их памяти и, как следствие, не несут никакой значимой для них информации о мире.

Таким образом, неограниченный информационный поток превосходит ограниченные возможности человека по восприятию и переработке информации:

1) избыточность информации ведёт к тому, что среднестатистическое человеческое мышление в силу ограниченного объема памяти, будучи не в состоянии обработать ее растущие объемы, включает защитные механизмы: сознательно или бессознательно человек начинает ограничивать потребление информации, относиться к ней избирательно, однако здесь коренится ещё одна проблема – невозможность выявить, какая информация является значимой и ценной, а какая нет, поскольку понять это можно, только усвоив и обработав всю информацию;

2) из огромного количества информации только часть является значимой и может быть использована человеком – в профессии, в межличностной коммуникации, в восприятии социальных процессов: избыток информации, её дублирование, детализация «засоряют» сознание людей;

3) ценностно-ориентированная информация, как и информация идеологическая, становится основой любых образовательных систем и, с одной стороны, способна определить тенденции развития личности, а с другой – дезориентировать его деятельность, что, например, происходит в современных образовательных российских учреж-

дениях, когда ученики не доверяют учителям (по многим – объективным и субъективным причинам), а сама система образования практически полностью дискредитировала себя;

4) человек, которого не приучили мыслить, получает истину в качестве готового знания как сообщения о чужом умственном усилии, у него не возникает необходимости выявлять причинно-следственные отношения между явлениями, что как раз необходимо для освоения социального поведения и овладения любым языком;

5) информационно-техническая рациональность и технологическое мышление нашей цивилизации ориентированы на то, как добиться желаемого результата, игнорируя при этом понимание, для чего это результат необходим, что гуманистически ориентированного он принесёт в жизнь современного общества.

2. Свободный доступ к информации также способствует усугублению информационного кризиса:

– возникает большое количество избыточной информации, которая затрудняет восприятие полезной для потребителя информации; этим, например, спровоцирован кризис в литературе;

– утрачивается понимание правильности информации, а следовательно, и её ценности (напомним, что ещё Сократ тесно связывал вопрос об объективности истины с антропологической проблемой).

В целом, учёными делается вывод, что «человечество находится на новой стадии формирования информационной сферы существования» (Борщов 2009). Для описания процессов, характерных для жизни информационного общества, учёными вводятся новые термины, ставшие актуальными совершенно недавно:

1) информационная культура – «уровень знаний, позволяющий человеку свободно ориентироваться в информационном пространстве, участвовать в его формировании и способствовать информационному взаимодействию» (Медведева 1994: 60);

2) информационное общество – «теоретическая концепция постиндустриального общества; историческая фаза возможного эволюционного развития цивилизации, в которой информация и знания умножаются в едином информационном пространстве», где «главными продуктами производства информационного общества становятся информация и знания» (Абдулгалимов 2012).

Отличительные черты, характеризующие информационное общество: 1) увеличение роли информации, знаний и информационных технологий в жизни общества; 2) возрастание числа людей, занятых информационными технологиями и производством информационных продуктов и услуг; 3) нарастающая информатизация общества; 4) создание глобального информационного пространства; 5) развитие электронной демократии. При этом упор делается на обеспечение эффективного информационного взаимодействия людей, на их доступ к мировым информационным ресурсам и на удовлетворение их потребностей в информационных продуктах и услугах. Однако практика человеческого взаимодействия показывает обратное (Горюнов 2016).

При всём ужасе сложившегося положения следует, однако, уточнить, что современный информационный кризис является не первым в ряду аналогичных кризисов.

Нарастание подобных кризисов неизбежно приводило к информационным революциям. В истории человечества принято говорить о нескольких информационных революциях: 1) первая информационная революция была обусловлена изобретением письменности: ещё Сократ выступал против приобретения навыка письма, поскольку считал, что умение читать лишает человека возможности осмысливать жизнь и лишь учит повторять высказывания других людей, «подменяя мудрость многомыслием»; 2) вторая информационная революция пришлась на середину XVI в. и была обусловлена изобретением книгопечатания; 3) третья информационная революция произошла в конце XIX в. и была обусловлена прогрессом средств связи; 4) четвертая и на данный момент последняя информационная революция, состоявшаяся в 70-е гг. XX в., связана с появлением микропроцессорной техники, персональных компьютеров и интернета.

Однако, на наш взгляд, выделенные информационные революции имеют явный технократический характер и приведённый перечень не содержит указаний на те процессы, которые привели человека и человечество к современному кризисному состоянию, а именно – указаний на смену предметного мышления абстрактным. Именно поворот мышления в сторону абстрактности изменил и мир, и человека. В явной форме это произошло в Античном мире с появлением философского типа мышления, подвергающего всё сомнению. Для русского языка и русскоязычного общества этот процесс актуализировался в XV веке. Более подробно об этом можно узнать из проведённых нами исследований (Некипелова 2001(а), 2011(б)).

Всё сказанное выше свидетельствует о том, что в современном обществе происходит: 1) обесценивание очередной технологической инновацией, реализованной на фоне ненадёжности долгосрочных планов, знаний и умений человека и переход этого обесценивания из профессиональной области на всю человеческую жизнь; 2) обесценивание опыта старших поколений, являющегося одним из проявлений падения ценностей постоянного, долгосрочного, традиционного; 3) усиление критики авторитетов и стремление к инновациям, доходящим до ревизии моральных и культурных норм.

По сути дела, мы видим, что происходит то, что происходило и в Античном мире, только в более агрессивной и категоричной форме. Но если три тысячелетия назад изменения мышления человека и человечества дали качественный скачок в развитии, то современный человек, не сумевший эволюционировать, под давлением технократичес-кой среды может оказаться на пути деградации, даже не осознавая этого.

Среди всего этого не стоит забывать, что основной информационной системой в жизни любого общества является язык, хранящий в себе кодированную информацию о мире и способный передаваться от одного члена общества к другому при наличии определённого интеллектуального у носителей языка потенциала. Кроме того, язык является самым надежным средством хранения информации: «Функционирование языка определяется правилами оперирования его единицами, делает его системой высокой точности и надёжности, поскольку именно это обеспечивает языку стабильность при возникновении диссипативных структур» (Некипелова, Зарифуллина 2013: 37).

Постоянная смена технологий приводит к обесцениваю знания, в том числе языкового. Постоянное вхождение в язык новых слов из других языков приводит к языковому отставанию не только возрастного, но и просто взрослого населения страны. Молодое поколение управляет этим процессом, но каждое молодое поколение утрачивает свои позиции. В результате формируется следующая ситуация: при отсутствии серьёзного языкового опыта молодые люди пытаются расширить язык уже ненужными элементами, не соблюдая языковых норм, регламентированных языковой стандартизацией.

Невозможность человека быстро осваивать постоянно открываемые технологии приводит к нежеланию осваивать нормы, поддерживать имеющийся у него языковой уровень, совершенствовать языковое мастерство. Всё это усугубляется тем, что люди не считают нужным хранить в памяти огромный объём информации – всё находится в быстром доступе в интернете. А в результате утрачивается способность человека к основным мыслительным операциям – синтезу, анализу и аналогии, управляющие логикой раскрытия любого человеческого языка (Некипелова 2012, 2013(в)).

Считается, что у человечества наблюдаются прорывы интеллекта, по всей видимости, эта позиция объясняется теми информационными революциями, которые осуществлялись в истории. Однако, как нам кажется, это утверждение невозможно считать абсолютно достоверным, так как ученые судят о прорывах по тем источникам – философским и научным, которые у них имеются. Большая же часть общества – не учёные, не философы и не литераторы, если и эволюционирует, то эволюционирует достаточно медленно, гораздо медленнее, чем небольшой пласт общества, занимающийся интеллектуальным трудом. Это констатация исторических фактов, не имеющая ни малейшего отношения к дискриминации: люди обладают разным интеллектуальным потенциалом, им свойственны в разной степени проявляемые интеллектуальные инициативы. В большинстве же случаев мышление превращается в приобретенные навыки, осознание – в выполнение запрограммированных операций, понимание – в исчисление. Открытость миру и его осмысление вытесняется оперированием готовыми идеологемами и стереотипами, и, как результат, человек перестаёт читать, развивать память, выполнять математические операции, осуществлять богатую коммуникацию, сводя её в примитивным и повторяющимся ситуациям. У него формируется «закрытое сознание». Всё это приводит к противостоянию развитых технологий и ограниченностью человеческого интеллектуального потенциала, а результатом этого может стать потеря языка и распадение, уничтожение общества, объединённого языком как основным фактором выживания.

Об этом уже начинали говорить философы и социологи XX века (Манхейм 1993, 1994). Так, известный немецкий социолог К. Манхейм охарактеризовал эту ситуацию следующим образом: «Общая тенденция массового общества к утрате определенного направления наиболее ясно наблюдалась в послевоенной Германии, где в первую очередь инфляцией были уничтожены и атомизированы прежние средние слои. Выброшенные таким образом из своей социальной системы группы были подобны неорганизованной массе, которая лишь случайно может проявить склонность к интеграции. В этой ситуации возникла неведомая раньше интенсивная раздражительность и восприимчивость по отношению к новым формам переживания и опыта, но был утерян всякий шанс длительно сохранять определенный характер» (Манхейм 2014). Это привело к потере смысла человеческой жизни, глубокой реализации личности в какой-либо сфере – к

потере личностью себя как человека, живущего в огромном мире и стремящегося к познанию этого мира. Человеку стало достаточно знать только то, что находится около него.

Следует отметить и то, что современные философы и социологи, далёкие от проблем языка и синергетического видения ситуации, видели результаты кризиса то в противопоставлении государства и общества, то в упадке культуры и распаде духовности социума, то в резком изменении восприятия основ человеческого бытия. Сначала основу этого кризиса видели в том, что правление государства не отвечало воле общества. Затем говорили о кризисе культуры как о распаде духовности. Многие учёные ссылаются на исследования Хосе Ортеги-и-Гассета, выдвинувшего на историческую арену новый феномен – «человека массы», «среднего человека» и показавшего эпоху всеобщего нивелирования: судьбы, культуры различных социальных классов, половых различий. Именно он впервые заговорил о восстании масс, которое может привести к катастрофе и вернуть человечество к эпохе варварства (Ортега-и-Гассет 2016). Таким образом, можно говорить о результатах влияния антропологического и информационного кризиса в функционировании языка: 1) отказ носителей языка от литературных норм, 2) нежелание осваивать языковые нормы и соблюдать их, 3) потеря ценностных ориентаций в языковом выражении, 4) отсутствие языкового контроля, 5) отсутствие восприятия соблюдения норм как значимых знаний, 6) отсутствие престижности использования литературной формы языка, 7) постоянные и стабильные нарушения языкового стандарта, 8) непонимание носителями языка литературной формы русского языка, 9) отказ от чтения того, что не входит интересы личности, которые, между прочим, могут быть достаточно узкими, 10) отказ от серьёзной литературы и потеря литературной формы языка, 11) деградация языка от стадии демократизации к стадии маргинализации.

У членов социума не возникает желания осваивать в полной форме ни родной язык, ни тем более иностранный, поскольку они находятся в заблуждающем убеждении, что знать надо только того, что позволяет добиться понимания – зачастую на примитивном уровне. Грубый подход «состоявшейся коммуникации» распространяется ими только на предметные стороны жизни социума. Такой подход оказывается провальным в условиях решения сложных профессиональных ситуаций на языке профессии и в ситуации межличностного взаимодействия, направленного на решение абстрактных форм реализации дружбы – сложных понятий, не имеющих место в ином животном мире, кроме мира биологического вида Homo sapiens.

Опираясь на законы физики, мы вынуждены констатировать, что статика – это элемент динамики, и, следовательно, всё, что функционирует, развивается. Языку тоже со стороны учёных свойственно приписывать способность к развитию и исследовать его изменения в плоскости совершенствования. Однако последние социальные исследования дают нам понять, что это далеко не так. Негативные изменения в языке обычно мягко определяют как *демократизацию языка* или *загрязнение языка*, в связи с чем появился довольно популярный термин *экология языка*. Однако мы склонны в негативных изменениях в языке видеть не его совершенствование, а, напротив, его обнищание и разрушение. Следовательно, мы говорим о процессе *деградации языка*, в рамках которого разрушение языка может привести к его маргинализации. И дело не в том, что русский литературный язык перестанет существовать как таковой. Он, зафиксированный в литературных

источниках, останется таким же богатым, каким был, когда его использовали писатели-классики. Дело в другом: в результате упрощения человеческой личности может получиться так, что не останется людей, способных пользоваться литературной формой русского языка. В этом случае литературный язык уйдёт в прошлое, став одной из бытовавших ранее форм существования языка, уступив место упрощённой форме, тем более что предпосылки этого в социальной среде нашли прямое своё воплощение: «Хаотические (по крайней мере, внешне) преобразования без всякой «амортизирующей подкладки» привели к люмпенизации либо криминализации потенциального советского «среднего класса», интегрированного на тот или иной уровень «криминально-рыночных» отношений. Питомцы «фабрично-заводской» культуры либо люмпенизировались, либо интегрировались (в случае социального успеха) в структуру «антинационального гражданского общества». В результате в России не сложились ни средний класс, ни гражданское общество (по крайней мере, в цивилизованном их понимании)» (Бирюков 2004).

Характерное для постиндустриального общества несоответствие между потребительской направленностью массового сознания и индивидуализацией, актуализация антропологического кризиса приводят к кризису личностному, к кризису «человеческой личности», выразившемуся «в девальвации её ценностных ориентиров», в результате которого «происходит процесс всё усиливающегося разрушения личности, внутреннего обеднения и упрощения человека» (Зимакова 2013: 28). Особенно ярко это видно в российском обществе, пережившем суровые исторические события: «Распад традиционной культуры, начатый «великим переломом» 1930-х гг., подталкиваемый «латентной либерализацией» времен «зрелого социализма» и доведенный до логического конца «демократической революцией» и форсированным внедрением «дикого капитализма» 1990-х гг., спровоцировал в обществе «ценностный вакуум» (Бирюков 2004).

Личностный кризис коренится в склонности к нему в результате онтологической недостаточности человека. Под онтологической недостаточностью философы понимали прежде всего биологическую сторону человека, его физическое несовершенство. Однако человек обладает тем, что не только отличается его ото всего остального животного мира, но и является его непревосходимым преимуществом – интеллектом. Поэтому для нашего исследования наиболее важным является онтологическая когнитивно-интеллектуальная недостаточность, если не сказать ущербность современного человека. Она выражается в несоответствии тому идеалу, который человек возводит самому себе в своём мышлении. Человек оказывается не в состоянии удовлетворить тем запросам, которые направляет в общество: он требует справедливости, но не может её обеспечить со своей стороны для других людей; он выступает против агрессии, направленной на него, но находит приемлемой агрессию, направленную им на внешний мир; он жаждет добра, но повсеместно говорит о его относительности и пр. Следовательно, человек противоречив. И, опираясь на высказывание И. Канта о том, что «человек противоречив настолько, насколько противоречиво его мышление», можно сделать вывод, что язык противоречив и «противоречив настолько, насколько противоречиво мышление человека» (Некипелова 2013(а)). Кроме того, «…любой язык носит антропоцентрический характер, а система языка является не реальным, а мыслимым единством» (Некипелова 2013(б): 123), как, впрочем, и само человечество.

Антропологический, информационный, личностный и, следовательно, языковой кризисы носят системный характер, контроль над которым был уже давно потерян, поэтому «человечество приближается к качественному изменению пути своего развития» (Бирюков 2004). И главное во всём этом то, что, «хотя в основе антропологического кризиса лежит ускорение технологического прогресса, он связан не с переразвитием техники, а с отставанием социокультурного прогресса: перспективы цивилизации зависят от того, успеют ли люди преодолеть это отставание. Выход из кризиса потребует революционного изменения социальной и культурной сфер. Необходим мировоззренческий и социокультурный сдвиг – столь же радикальный, каким был вызванный научно-технической революцией переход в экономике. В философской литературе эта проектируемая трансформация духовной сферы получила название «гуманитарной революции», или «революции постматериальных ценностей» (Бирюков 2004). Однако философы не в силах дать ответ, по какому пути должно пойти человечество, чтобы этот кризис преодолеть.

Человек формируется в процессе культурогенеза, формируемым и прививаемым ему обществом. Следовательно, единственно возможный путь – формирование и укрепление социальных и духовных связей людей в обществе. Этому может способствовать единственное универсальное средство коммуникации – язык. Мы считаем, что только интеллектуализация языка – естественная или искусственная – путём её внедрения и насаждения позволит человечеству в целом и населению отдельных стран в частности сделать попытку преодоления кризиса за счёт качественного скачка в интеллектуальном отношении. Интеллектуализация языка позволит человеку:

– приобрести естественные и незаменимые навыки анализа действительности, выполнения элементарных логических операций анализа, синтеза, построения классификаций и проведения аналогии,

– за счёт усиления логического мышления выстроить сеть причинно-следственных отношений явлений, имеющих значимость для человека в мире, в котором он существует,

– используя информацию о причинах и следствиях явлений, повысить шансы на продолжение человеческой истории, поскольку язык является главным фактором выживаемости человека как биологического вида в современном мире,

– переосмыслить наследие прошлых эпох, не отказавшись от него, и выстроить новую модель поведения в обществе, где существует понимание взаимосвязи и взаимозависимости его членов.

Результаты

Человечество, недооценившее социальное, психологическое и культурное негативное воздействие исторических процессов, утратило контроль над собственной эволюцией. И хаотически возникающие разнообразные проекты «посткризисного общества» свидетельствуют о его растущей «метафизической немощи».

Информационный шум – неконтролируемый поток неупорядоченной, некачественной и недостоверной информации составляет огромный процент потребляемой современным человеком информации, приводящей человека к стрессу. В результате постоянного информационного стресса разрушаются процессы традиционной социализации и возникают новые, нивелирующие стартовые идеалы и ценности,

положенные в основу образовательного пространства: «Образование же перестаёт быть личностным, собственно человеческим, превращаясь в автоматизированное, компьютерно-электронное. Российское образование, ориентированное сегодня на формирование «функционально грамотного человека», инициирует отчуждение от творчества и отрицает, так или иначе, значение таланта. В будущем это может привести к разделению общества на узкий круг интеллектуалов и всех остальных, умеющих выполнять лишь простейшие в профессиональном смысле мыслительные операции. Функции образования сводятся к экономической эффективности» (Милюкова 2013). Таким образом, происходит постоянная подмена тезисов и ценностей: умение получать деньги считается профессионализмом; умение воспроизводить информацию – знанием.

Не выработавшие в себе способность к аналитическому и критическому мышлению, люди формируют сознательный и неосознанный плагиат. Они говорят: «Кто-то сказал, что роза пахнет розой, хоть розой назови её, хоть нет». Этим кто-то был великий поэт Уильям Шекспир. Но это имя больше не значимо в современном «молодом» мире, поскольку практически не осталось людей, кто бы читал Шекспира, в лучшем случае его пересказывают со слов других людей. В результате происходит нивелирование личности и значимости того, что было сделано человеком для других людей. Это перетекает в нивелировании искусства и потере значимости исторического процесса. Современное общество, отказываясь от прошлого – богатого и значимого, теряет векторы своего развития, у него нет цели, к которой бы стоило стремиться. Результат: потеряна связь поколений, поскольку единственная реальность и бытие сейчас концентрируются исключительно, как кажется каждому человеку, конкретно в нём, и потому единственной приемлемой установкой становится высказывание, приписываемое Людовику XV: «После меня хоть потоп». Никого не интересует будущее, как уже давно перестало интересовать прошлое.

Трагизм ситуации виден по тому кризису, который сложился в литературе. Прежде всего речь идёт о явлениях, имеющих место в российском обществе, но мы уверены, что многое из того, о чём нами сказано, характерно и для людей, живущих в других странах. Писательство всегда было исключительным талантом, поскольку литература тревожит целые пласты психологической личности, корректируя мировоззрение человека, позволяя обрести ему «чёткий нравственный выбор» (Бродский 1987). Именно поэтому в России никогда не было беллетристики; художественная литература не была необходима в силу некоторых ментальных и социальных причин. Только в 90-е годы XX века, когда произошли серьёзные изменения в социальном и политическом отношении, беллетристика вышла на первый план. До это же времени литература имела социальный, философский, идеологический или религиозный характер. Ни Ф.М. Достоевский, ни М.Ю. Лермонтов, ни другие значимые писатели и поэты не писали ради развлечения – своего или читателя. И в этом заключалась суть русской литературы. Именно поэтому невозможно начать читать романы «Братья Карамазовы» или «Бесы» с целью просто «приятно провести вечер». Подобное чтение – это активная работа мышления. Но, чтобы читать эти произведения, надо уже обладать критическим мышлением, способностью воспринимать мир и анализировать происходящие в нём события, что как раз и отсутствует у большинства членов современного российского общества. Серьёзная литература стала, по мнению большинства, морально уста-

ревшей, обращённой к незначимым или утратившим свою значимость ценностям. Однако это не так. Приходится констатировать факт неспособности современного человека выявлять значимые и незначимые ценности, отличать духовные ценности от материальных и пр. Литература вступила на разрушительный путь «угождения читателю». В этом смысле она уже угождает тем, кто берёт книгу, в их стремлении к агрессии и насилию, характерной для человека как биологического вида. Современная беллетристика перестаёт созидать человека, она, не имеющая глубоких оснований и значимых идей, начинает его разрушать. Желание заработать деньги на потребителях, не имеющих литературного вкуса, делает литературу источником агрессии.

Нежелание усваивать русский язык, являющийся родным языком, в полном объёме приводит не только к обеднению языка определённой группы населения, но и к обеднению духовности этих людей. Они оказываются не в состоянии читать и воспринимать глубокие идеи, заложенные в серьёзной литературе, поскольку просто не в состоянии понять язык этой литературы и осмыслить написанное на нём. Социологи, философы и лингвисты, к сожалению, не обращают внимания на эту проблему, лишая её значимости. Но она не менее важна, чем проблема агрессии и насилия, имеющая место в современном обществе, поскольку у человека не может само по себе сформироваться представление о том, что такое нравственность и какие духовные ценности являются действительно значимыми. Этого можно достигнуть лишь несколькими путями, наиболее значимыми из которых являются личный опыт и переживание прочитанной литературы.

Именно сейчас мы наблюдаем социальные колебания, к которым привело потребительское отношение к языку и к литературе. Точка бифуркации, которой достиг современный русский язык, может иметь, безусловно, множество решений, но вступление на путь принятия идеи упрощения языка неизбежно приведёт язык к деградации, как и общество, которое его использует. Единственно возможным выходом в данной ситуации мы видим искусственное формирование условий, в которых социуму будут предоставлены иные условия социального взаимодействия – основанные не на потребительской выгоде, а на взаимопомощи. И огромная роль в этом процессе должна быть отведена изменению формы ведения образовательного процесса на всех уровнях, начиная от начальной и заканчивая высшей школой, должен быть сделан здоровый уклон в сторону гуманизации общества, формирования в нём здоровых социальных отношений, в которых нет места явлению, которое Т. Гоббс обозначил как «человек человеку волк» (Гоббс 2016); должно быть полное погружение в серьёзную литературу и овладение языком в полной форме – стремление к интеллектуализации языка, а не к его примитивизации. Именно эти вполне конкретные шаги, на наш взгляд, способны изменить мышление современного человека, развить у него способность к анализу, аналогии и синтезу – критическому и аналитическому мышлению, необходимому для сохранения и поддержания факторов, определяющих выживаемость человека в современном социальном и биологическом мире.

Заключение

Точками бифуркации в положении, в котором оказалось современное – российское и мировое – общество, могут выступать как маргинализация, так и интеллектуализация языка. В условиях сложившегося уже в конце двадцатого столетия информационного и антропологического кризиса особое внимание следует уделять процессам, протекающим в языке, носители которого могут осознанно или, напротив, неосознанно способствовать усугублению или, напротив, преодолению кризиса языка. И особую роль в преодолении этого кризиса играет процесс интеллектуализации языка.

ЛИТЕРАТУРА

Абдулгалимов, Р.М. Научно-педагогические представления об информационном обществе / Р.М. Абдулгалимов // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 6. – URL: http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7878 (дата обращения: 17.01.2019).

Бирюков, С.В. Агрессия как проявление антропологического кризиса / С.В. Бирюков // Русский журнал [Электронный ресурс]. – 2004. – URL: http://old.russ.ru/politics/20040323-byrr.html (дата обращения 29.01.2019).

Борщов, Н.А. Информационное насилие в условиях кризиса и нестабильности / Н.А. Борщов // Среднерусский вестник общественных наук. – 2009. – С. 75 – 79.

Бродский, И. Нобелевская лекция [Электронный ресурс] // Иосиф Бродский: lib.ru. – 1987. – URL: http://lib.ru/BRODSKIJ/lect.txt (дата обращения 26.12.2018).

Бурлак, С.А. Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы / С.А. Бурлак. – М.: Астрель, CORPUS, 2012. – 445 с.

Гоббс, Т. Левиафан / Т. Гоббс. – М.: Рипол Классик, 2016. – 250 с.

Горюнов, В.С. Информационная культура как необходимая часть развития современного человека в условиях формирующегося глобального информационного общества / В.С. Горюнов // Научно-методический электронный журнал «Концепт» [Электронный ресурс]. – 2016. – Т. 15. – С. 336 – 340. – URL: http://e-koncept.ru/2016/86969.htm (дата обращения 29.01.2019).

Гуссерль, Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль (Пер. с нем. Д.В. Скляднева). – СПб.: Наука, Ювента, 1998. – 315 с.

Демиденко, Э.С. Глобальная проблема техногенной трансформации человека / Э.С. Демиденко // Социально-гуманитарные исследования в БГТУ. – Брянск: Изд-во БГТУ, 2009. – С. 24 – 35.

Демиденко, Э.С. Экотехнологический Апокалипсис, или «конец света» природного человека / Э.С. Демиденко. – Брянск: Изд-во «Очаг», 1993. – 50 с.

Зимакова, Е.В. Антропологический кризис современной культуры и задачи христианской антропологии / Е.В. Зимакова // Культурное наследие России. – 2013. – С. 28 – 31.

Кант, И. Критика способности суждения / И. Кант // Сочинения на немецком и русском языках. Под. ред. Н. Мотрошиловой и Б. Тушлинга. Т. 4. – М.: «Наука». 2001. – С. 103.

Майнхем, К. Социологические причины культурного кризиса наших дней / К Майнхем // Кризис сознания: сборник работ по «философии кризиса». Часть 5. Ассимиляция культуры [Электронный ресурс]. – 2014. – URL: https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A8/shvejcer-aljbert/krizis-soznaniya-sbornik-rabot- po-filosofii-krizisa/6 (дата обращения 29.01.2019).

Манхейм, К. Избранное. Диагноз нашего времени / К. Манхейм. – М.: Юристъ, 1994. – 704 с.

Манхейм, К. Проблема интеллигенции. Демократизация культуры / К. Манхейм [пер. Л.Ф. Вольсона]; Российская акад. наук, Ин-т научной информ. по общественным наукам. – М.: ИНИОН, 1993. (Серия «Лики культуры»). Ч. 1. 1993. – 89, [2] с.

Медведева, Е.А. Основы информационной культуры (программа курса для вузов) / Е.А. Медведева // Социс. – 1994. – № 11. – С. 59-67.

Милюкова, О.В. Антропологический кризис: факторы обострения [Электронный ресурс]. – 2013. – URL: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2013/thesis/s032/s032-016.pdf (дата обращения 29.01.2019).

Некипелова, И.М. Действие алгоритма равномерного поиска при отборе языковых средств в процессе оптимизации речи / И.М. Некипелова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). – 2013. – № 4 (24). – URL: http://journal-s.org/index.php/sisp/article/view/4201350/pdf_103 (дата обращения: 27.01.2019).

Некипелова, И.М. Языковая система как естественная многоуровневая классификация высокой степени надёжности / И.М. Некипелова, Э.Г. Зарифуллина // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал) [Электронный ресурс]. – 2013. – № 6. – С. 37.

Некипелова, И.М. К вопросу о разграничении понятий отвлечённость и абстрактность в истории русского языка / И.М. Некипелова // В мире научных открытий. – 2011. – № 4-1 (16). – С. 682 – 689.

Некипелова, И.М. К вопросу о разграничении понятий семантическая деривация и семантическое словообразование в диахроническом аспекте / И.М. Некипелова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2011. – № 2 (14). – С. 33 – 46.

Некипелова, И.М. Конвергенция и дивергенция субъективных языков и их статистическое распределение в формировании объективного языка / И.М. Некипелова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота. – 2013. – № 4 (23). – Ч. I. – С. 123 – 126.

Некипелова, И.М. Синтез и анализ: способы мышления и механизмы познавательной языковой активности / И.М. Некипелова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 5-2 (23). – С. 158 – 160.

Некипелова, И.М. Экстраполяция как лингвофилософская категория и способ формирования языковой картины мира / И.М. Некипелова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2012. – № 2 (261). – С. 66.

Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ, 2016. – 256 с.

Попкова, Н.В. Антропологический кризис [Электронный ресурс]. – URL: sphil.iipo.tu-bryansk.ru/glossary-term/антропологический-кризис/ (дата обращения 29.01.2019).

Яценко, Н.Е. Толковый словарь обществоведческих терминов / Н.Е. Яценко. – СПб.: Лань, 1999. – 258 с.

Edmond, G.H. Méditations cartésiennes: introduction a la phénoménologie / G.H. Edmond. – A. Colin, 1931.– 136 p.

NEKIPELOVA I. M.
Kalashnikov Izhevsk State Technical University, Russia
irina.m.nekipelova@mail.ru

The Intellectualization of Language as an Overcoming of Anthropological and Language Crisis

Summary: This article is devoted to the research of the interrelation between anthropological, information and language crises. These crises were widely adopted in modern society in general and the Russian society in particular. One of their most significant manifestations is formation of process of language democratization. This process is capable to lead language to a state of degradation. For this reason, an important factor of an exit from global crisis is a package of measures for the intellectualization of language.

Keywords: language development, language crisis, language intellectualization, anthropological crisis, information crisis

ОДЕССКАЯ МАРГАРИТА МОИСЕЕВНА
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
МОСКВА, РОССИЯ
mar-1432998@yandex.ru

Тургенев и Стриндберг: социально-политический романный дискурс конца XIX века

АННОТАЦИЯ. В статье на основе типологического анализа рассматривается, как трансформировался социально-политический роман И.С. Тургенева в творчестве шведского писателя-модерниста Августа Стриндберга. Молодое поколение идеалистов-реформаторов конца 1860-х гг. - в центре последнего романа Тургенева “Новь”(1877) и первого романа Стриндберга “Красная комната”(1879). В отличие от Тургенева, видевшего спасение России в отходе от революционного радикализма, Стриндберг сожалел об утраченных иллюзиях молодых нонконформистов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Тургенев, Стриндберг, социально-политический роман, молодое поколение

Тургенев в Скандинавии.

«Ни один из русских писателей не был прежде так известен в Европе, как Иван Сергеевич Тургенев, его скорее надо рассматривать как общемирового, а не только как русского писателя», — свидетельствует известный датский критик, теоретик искусства, Г. Брандес (Брандес 2002:184), имевший в конце XIX века большой авторитет как в скандинавских странах, так и в России. Именно Тургенева Брандес выделял среди других русских и западноевропейских писателей и высоко ценил его умение остро ставить социальные вопросы, изящество и тонкость в изображении природы, правдивость и осязаемость нарисованных типов людей, а в меланхоличности, свойственной русским писателям, находил глубокий философский смысл. По мнению Георга Брандеса, русский социально-политический роман занимает ведущее положение в европейской литературе, и романы Тургенева наиболее близки и понятны европейским читателям.

Тургенев, как пишет известный исследователь российско-скандинавских литературных связей Д. М. Шарыпкин, принес «своей родине репутацию великой литературной державы» и «имел в Скандинавии блестящий, ни с чем несравнимый успех» (Шарыпкин 1975: 25). Тургенева очень активно переводили в скандинавских странах. В Дании в 1856 г. вышел первый перевод «Записок охотника», в Швеции – в 1863г. издали первый перевод повести «Фауст» (Шарыпкин 1975: 25, 106). У Тургенева появилось много подражателей и последователей, как в Дании, так в Норвегии и Швеции.

Пик популярности Тургенева пришелся на 1870 – 1880 –е годы XIX века. Более всего романов переведено в Скандинавии именно в эти годы. В Швеции «положительно оценивалась «Новь»; критика признавала, что в романе сущность нигилизма представлена “живо и соответственно натуре“ <…>» (Шарыпкин 1975: 108). Роман «Новь» был переведен на шведский язык в 1878, через год после выхода произведения на русском. Конфликт между «отцами» и «детьми», разрыв между идеалами и действительностью – эти темы становятся ведущими в произведениях шведских, а также датских и норвежских писателей конца XIX века, ориентировавшихся на русский социальный роман и, в особенности, на произведения Тургенева.

Август Стриндберг, писатель нового поколения, хорошо знал русскую литературу и высоко ценил произведения Тургенева, своего старшего современника, разница в возрасте с которым была более тридцати лет. Первый роман Стриндберга «Красная комната» (1879) вышел через год, после того, как был переведен на шведский роман «Новь». Несмотря на то, что творческие приемы Стриндберга, а также его идейные установки менялись на протяжении творческого пути, интерес к острым социальным проблемам современности оставался неизменным. Нигилизм, опрощение, идеалистические порывы молодого поколения – эти тургеневские темы получили развитие в первом романе шведского писателя «Красная комната».

Романы Тургенева как единое целое

Романом «Новь» Тургенев хотел распрощаться с читателями и подытожить свои наблюдения и раздумья о молодом поколении. Через два года после публикации «Нови», в 1879 году, Тургенев решил сделать отдельное издание своих романов, расположив их в хронологической последовательности так, чтобы читатель мог воспринимать их, по его собственному выражению, «сподряд», как единое целое. В специальном предисловии к романам автор указывает на очень важную особенность своего романного творчества – на связь всех своих романов, – которые объединены общей авторской задачей: «Автор „Рудина“, написанного в 1855-м году, и автор „Нови“, написанной в 1876-м, является одним и тем же человеком. В течение всего этого времени я стремился, насколько хватало сил и умения, добросовестно и беспристрастно изобразить и воплотить в надлежащие типы и то, что Шекспир называет „the body and pressure of time“, и ту быстро изменявшуюся физиономию русских людей культурного слоя, который преимущественно служил предметом моих наблюдений» (Тургенев 1982: 390) Тургенев не уточняет, какой изменяющийся во времени тип русских людей – предмет его наблюдений и изучения. Однако расположенные в хронологической последовательности романы в издании 1880 года вместе с «Предисловием» предоставляют читателю возможность увидеть портрет «героев времени» 1850-х – конца 1870-х годов 19 века в их развитии и изменении. Этими «героями времени», как изобразил их Тургенев, который настаивал в «Предисловии» на том, что портреты писаны с натуры, были новые люди - революционно настроенное молодое поколение интеллигенции.

Как же менялось молодое поколение на протяжении 20 лет, а вместе с тем и структура романа? Это обстоятельно и подробно прослеживается в работах Л.М. Лотман. Если рассматривать романы Тургенева в хронологической последовательности от «Рудина» (1855) к «Нови» (1877), то можно заметить изменение, которое, на мой взгляд, следует характеризовать как движение от идеализма, веры в правду, добро и красоту к утрате идеалов, неверию, сомнениям, нигилизму.

Первый роман Тургенева «Рудин» держится фигурой героя-идеалиста, способного своими новыми идеями, убежденностью расшевелить рутинное общество. В статье «Гамлет и Дон-Кихот» Тургенев писал: «Все люди живут <...> в силу своего <...> идеала, т. е. в силу того, что они почитают правдой, красотою, добром» (Тургенев 1980: 331).

К идеалу самопожертвования, подчинения своей воли судьбе, послушничеству приходит Лиза из «Дворянского гнезда» (1858). Впоследствии о таком религиозном самоотречении Тургенев расскажет в «Странной истории» (1870) и увидит связь между религиозной жертвенностью и жертвенностью во имя идеи девушек революционерок. Относясь отрицательно к любому проявлению фанатизма, Тургенев в то же время не мог не выразить своего уважения ко всякого рода служению идеалу.

В «Накануне» (1859) революционер Инсаров своей убежденностью и верой заражает Елену. В этом романе впервые показана любовь на основе единства убеждений и служения общему делу.

А в «Отцах и детях» (1862) Тургенев показал трагическую фигуру одинокого героя, для которого отрицание – это и есть его убеждение, способ его служения во имя будущего прогресса. В 1844 году в ранней статье «”Фауст”, траг. Соч. Гете. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко» Тургенев писал: «Каждый человек в молодости своей пережил эпоху „гениальности“, восторженной самонадеянности, дружеских сходок и кружков. Сбросив иго преданий, схоластики и вообще всякого авторитета, всего, что приходит к нему извне, он ждет спасения от самого себя; он верит в непосредственную силу своей натуры <...>» (Тургенев 1978:202). Далее в той же статье Тургенев говорит о

положительном значении критического, отрицательного начала в моменты исторических переломов и о трагических судьбах его носителей. Отрицание способствует прогрессу, эту идею, высказанную Тургеневым, впоследствии находим в трудах Ницше. Именно молодости, как точно говорит Тургенев, свойственна самонадеянность и вера в собственную силу.

В последнем романе «Новь» Тургенев в центр произведения ставит студента-народника, одержимого сомнениями, потерявшего точку опоры в идеалах, веру в правильность революционного дела. Как справедливо отмечает Л.М. Лотман, «роман “Новь”, как и “Дым”, является по сути дела романом без героя в “тургеневском” понимании категории “герой”» (Лотман 1982: 154). В этом проявился скепсис Тургенева по отношению к идеологии и тактике молодого поколения революционеров, его неверие в способность интеллигенции сблизиться с народом. Народническая молодежь в представлении Тургенева сродни той молодежи, о которой он писал, полемизируя с Герценом [27 октября(8 ноября) 1862 г.] и идеологами революции: «<…> налив молодые головы Вашей еще не перебродившей социально-славянофильской брагой, пускаете их хмельными и отуманенными в мир, где им предстоит споткнуться на первом шаге» (Тургенев 1988: 126-127). Трагедию отуманенных высокими идеалами голов, интеллигенции, стремящейся к опрощению и в то же время не способной принять образ жизни крестьянства, показал Тургенев в своем последнем романе.

Молодое поколение 1860-х – 1870-х гг. в романе «Новь»

Тургенев видит в современном поколении 1870-х годов измельчание. Своими сожалениями о том, что герои, вроде Базарова, умные, незаурядные личности, сходят со сцены и уступают место посредственности, Тургенев делился в письмах с А. П. Философовой, желавшей познакомить его, жившего вдали от родины, с современными молодыми нигилистами. «Времена переменились; – не без горечи замечает писатель, – теперь Базаровы *не нужны*. Для предстоящей общественной деятельности не нужно ни особенных талантов, ни даже особенного ума – ничего крупного, выдающегося, слишком индивидуального; нужно трудолюбие, терпение, нужно уметь жертвовать собою безо всякого блеску и треску – нужно уметь смириться и не гнушаться мелкой и темной и даже низменной работы» (Тургенев 2002: 181). В нигилизме нового поколения писатель видел некую идеологическую узость (о чем он также писал Философовой), проявление внешнего, нарочитого отрицания этики и эстетики «отцов», нечто поверхностное в их поведении, в стремлении к опрощению — маскарадность.

В 1860 – 1870-е годы сложился определенный поведенческий и культурный код нигилистов, желающих опроститься, выделиться, подчеркнуть свою исключительность. А.М. Скабичевский, описавший экстравагантный стереотип внешности народников того времени не без сарказма замечал: «Пледы и сучковатые дубинки, стриженные волосы и космы сзади до плеч, синие очки, фра-дьявольские шляпы и конфедератки, —боже, в каком поэтическом ореоле рисовалось все это в те времена и как заставляло биться молодые сердца, <…> все это носилось не из одних только рациональных соображений и не ради одного желания опроститься, а демонстративно, чтобы открыто выставить свою принадлежность к сонму избранных. Я помню, с каким шиком и смаком две барышни уписывали ржавую селедку и тухлую ветчину из мелочной лавочки, и я убежден, что никакие тонкие яства в родительском доме не доставляли им такого наслаждения, как этот плебейский завтрак на студенческой мансарде» (Скабичевский: 250).

Тургенев гордился тем, что ввел в литературный обиход слово «опроститься». Герои его последнего романа полны наивных надежд сблизиться с народом, нарядившись в сарафаны, косоворотки и кирзовые сапоги. Мы помним сцены с переодеванием Нежданова и Марианны, желание девушки во имя дела, служения опроститься, пойти в кухарки, а также то, как крестьяне, не признав в переодетом барине своего, издевательски напоили Нежданова в кабаке во время его агитации. Трагикомично выглядит попытка молодых людей «опроститься» в письме Нежданова своему конфиденту Силину: «<…> тут есть одна такая баба <…> она про нас говорит, что мы опроститься желаем, и зовет нас опростелыми; так вот с этой-то бабой Марианна возится, минуты не посидит – настоящий муравей! Радуется, что руки покраснели да заскорузли, и ждет, что вот-вот и она сейчас, коли нужно, на плаху! Да что на плаху! Она даже башмаки с себя пробовала снять; ходила куда-то босая и вернулась босая. Слышу – потом – ноги себе долго мыла; вижу наступает на них с осторожностью, потому с непривычки – больно; а лицом вся радостная и светлая, словно клад нашла, словно солнце ее озарило» (Тургенев 1982: 326).

Портретные характеристики других борцов за народное счастье – Машуриной и Остродумова – не вызывают симпатии, они отражают подчеркнутую грубость в их внешнем виде, манерах: Машурина ходила «медленно покачивая грузное, неуклюжее тело», у нее «довольно грубоватый <…> голос», волосы, «небрежно скрученные сзади в небольшую косу» и «широкая красная рука». Остродумов при первом же своем появлении в романе «ввалился» в комнату Нежданова, «сплюнул в сторону», «пробурчал». И все же «в этих неряшливых фигурах, с крупными губами, зубами, носами (Остродумов к тому же еще был ряб), сказывалось, — как подчеркивает Тургенев, — что-то честное и стойкое, и трудолюбивое» (Тургенев 1982: 135–136).

Хотя молодые революционеры-пропагандисты говорят на одном языке с крестьянами, но те не понимают даже смысла знакомых им слов родного языка: «Измучился!! – свирепо проговорил Маркелов. – Как ты с этими людьми не толкуй, сообразить они ничего не могут. – и приказаний не исполняют… Даже по-русски не понимают. Слово «участок» им хорошо известно… а «участие»… Что такое участие? Не понимают! А ведь тоже русское слово, черт возьми! Воображают, что я хочу им участок дать!» (Тургенев 1982: 200).

Молодые революционеры вызывали у Тургенева сочувствие и сожаление. Об этом он писал А.П. Философовой, приславшей стихи и дневник знакомого ей молодого революционера: «Не насмешку <…> вызывает подобная молодежь, а сожаление». В стихах молодого человека, которые Тургенев цитирует в письме Философовой («Люби не меня, но идею»), он видит лишь «скудость мысли», «пустоту», «позу» и при всей «рьяности» они, по его мнению, «пошлы и холодны» (Тургенев 2002: 166). Очевидно, тип революционера-поэта послужил прообразом для Нежданова, тайно сочиняющего стихи.

«Романтиками реализма» назвал революционеров-народников Тургенев еще в период обдумывания своего романа. В поведении нового поколения современных ему молодых людей, самоотверженно желающих посвятить себя делу, Тургенев

видел исковерканность и болезненность, а также особый феномен российской жизни, русской ментальности. Уже в первой, относящейся к «Нови» записи, датированной 29/17 июля 1870 года, Тургенев так характеризовал замысел своего будущего романа: «Мелькнула мысль нового романа. Вот она: есть *романтики реализма* <… > Они тоскуют о реальном и стремятся к нему, как прежние романтики к *идеалу* <…> Они несчастные, исковерканные — и мучатся сами этой исковерканностью — как вещью, совсем к их делу не подходящей. Между тем их явление, возможное в одной России, что все еще носит характер *пропедевтический*, воспитательный, полезно и необходимо: они своего рода пророки, проповедники <…> Пророчество — болезнь — голод, жажда: здоровый человек не может быть пророком и даже проповедником» (Тургенев 1982: 399).

Важно отметить, что Тургенев не только указывает на состояние «романтиков реализма» как на болезнь, но также исследует причины и истоки болезни и «исковерканности» своих героев, чего не делал никто до него. Одну из серьезных и важных причин он видит в неустойчивости психики молодых людей, обусловленную двойственностью их происхождения. И в этом Тургенев абсолютно исторически правдив. Главным носителем идеологии и психологии нигилизма в России был *интеллигент* — разночинец или дворянин. По своему общественному положению разночинцы находились на границе между дворянским и крестьянским социальными мирами, не принимались ни одним из них как его полноправные участники, т.е. имели маргинальный статус. Именно маргинальность часто приводит к тому, что человек испытывает неуверенность, неудобства и страдания, серьезные сомнения в своей личной ценности. Подобное психологическое состояние и создает почву для формирования нигилистического сознания (Ширинянц: электронный ресурс). Тургенев сделал своего героя Нежданова аристократом по рождению – незаконным сыном князя и гувернантки. Эта двойственность происхождения объясняет и противоречивость его характера, психическую неустойчивость: «<… > он был ужасно нервен, ужасно самолюбив, впечатлителен и даже капризен; фальшивое положение, в которое он был поставлен с самого детства, развило в нем обидчивость и раздражительность <…>. Тем же самым фальшивым положением Нежданова объяснялись и противоречия, которые сталкивались в его существе» (Тургенев 1982: 155). Двойственное положение в обществе – и у возлюбленной, идейной сподвижницы Нежданова, – Марианны. Ее отец – генерал – был осужден за казенную растрату, сослан в Сибирь и лишен чинов и дворянства. Оставшись сиротой, Марианна жила на положении приживалки в доме своих родственников-благодетелей и ненавидела их. Нежданов характеризует ее как «нервическое существо» и признает, что «*вывихнута*» она так же, как и он, «хотя, вероятно, не одним и тем же манером» (Тургенев 1982: 183).

Нежданов – тип рефлектирующей личности, характер, ведущий начало от Рудина, но постепенно теряющий веру в себя и в дело, которому служит. Все, что делал и говорил Нежданов, казалось ему самому ненужным и приторным вздором, банальной фальшью и ложью. «Ох, трудно, трудно эстетику соприкасаться с действительной жизнью» (Тургенев 1982: 323). Тургенев заставляет своего рефлектирующего героя понять и признать, что его трагедия, помимо социально-исторических причин, связана с наследственностью. Неудачу хождения в народ и народнического дела Нежданов объясняет не сущностью самого дела, а свойствами своей неустойчивой натуры: «О, как я проклинаю... эту нервность, чуткость, впечатлительность, брезгливость, все это наследие моего аристократического отца» (Тургенев 1982: 326). Нежданов искренне хочет верить в то, что он говорит народу, но все его попытки вступить в контакт с мужиками оказываются безуспешными: «...как только он со мною, – точно стена между нами» (Тургенев 1982: 327). Тургенев заставляет своего героя, усомнившегося в правильности избранного пути, признать собственное поражение: «Куда не кинь – все клин! Окургузила меня жизнь <...>» (Тургенев 1982: 328). В неспособности к действенной, беззаветной вере Нежданов и видит проявление наследственности. «Романтик реализма», он шел «в народ», по убеждению Тургенева, без веры, без твердой опоры. Рефлектирующее сознание героя раздвоено: «<…> во мне сидят два человека – и ни один не дает жить другому», – признается он Марианне (Тургенев 1982: 370). Путь от веры к неверию и осознание тупиковости своего положения приводит Нежданова к самоубийству. И это отличает героя последнего романа Тургенева от предшествующих. Литературные предшественники Нежданова либо умирали случайной смертью, либо красиво самоотверженно погибали.

Особенности структуры романа «Новь»

Отсутствие веры как идеологической основы, скрепы ведет и к деконструкции романной формы, в чем Тургенев предвосхищает писателей нового поколения – модернистов. Весь роман распадается на фрагментарно представленные портреты, с одной стороны, молодых участников революционного народнического движения, а с другой стороны, их оппонентов – консервативного и либерального дворянства в лице Сипягиных, Калломейцева. И те и другие изображены иронично, в некоторых случаях пародийно. Карикатурны зарисовки примкнувших к народникам купцов Галушкина и Кислякова. В последнем романе Тургенев гораздо более ясно и определенно выражает свое отношение к описываемым событиям и действующим лицам, вследствие чего роман злободневной тематики приобретает черты памфлета.

В романе «Новь», в отличие от всех предшествующих романов, ослаблена любовная история. Марианна, дочь попавшего под следствие дворянина, и Нежданов, незаконнорожденный сын князя, люди, ущемленные своим социальным происхождением, соединяются на основе схоластической идеи, стремления принести себя в жертву идеалу служения во имя счастья народа. Такие идейные браки были в духе времени. Но Тургенев показывает, что их вымученная любовь заведомо обречена.

В этом романе, что также отличает его от предыдущих, пейзажные картины лаконичны и эпизодичны. Сцена объяснения Марианны и Нежданова в парке имения Сипягиных в начале романа происходит весной. Скупыми красками нарисованный пейзаж аккомпанирует настроению зарождающихся надежд молодых людей: «Кругом в жидкой траве белели ландыши, и от всей поляны поднимался свежий запах молодой травы, приятно облегчавший грудь <…>» (Тургенев 1982: 211). Самоубийство героя происходит на фоне убогой серой пустынной обстановки во дворе гудящей и воняющей фабрики под старой с искривленными ветвями яблоней, с «низким, серым, безучастно-слепым и мокрым небом» над головой (Тургенев 1982: 376).

Роман жанрово неоднороден, в него включены письма, стихотворения, новеллы, напрямую не связанные с сюжетным развитием действия. Письма Нежданова к другу Владимиру Силину, который не

появляется в романе, углубляют психологическую характеристику героя. В этих, по сути, монологах-исповедях герой, оторванный от реальности, старается разобраться в себе, в своих душевных противоречиях. В повествование включены стихи Нежданова, которых молодой революционер стесняется, потому что они еще одно свидетельство его «плохой наследственности», и доверяет их лишь в минуту порыва откровенности своей возлюбленной Марианне и безмолвному конфиденту Владимиру. Кроме Владимира Силина, в романе есть и другой внесценический персонаж – Василий Николаевич – загадочная натура, от него ждут приказа к действию самоотверженно готовые отдать свою жизнь, идущие на заклание молодые люди. Этот законспирированный мистический «призрак революции» усиливает фантасмагоричность происходящего. Выпадает из общей структуры повествования и вставная новелла о Фимушке и Фомушке – тургеневских «старосветских помещиках», необъяснимо явившихся на страницах романа. Рыхлая композиция, расплывчатая структура романа создают ту удручающую, всепоглощающую серость, просасывающую все произведение, которое таким образом получает символическое значение.

Думается, что главным для Тургенева было отрезвить «хмельные головы», показать естественную и вечную склонность молодых людей к романтическим идеалам и трагический путь к опустошению, потере веры при столкновении с реальностью и осознанием беспочвенности умозрительных построений. В романе при всем упадническом настроении все-таки есть герой, которого можно считать положительным. Это Соломин, постепеновец, на которого возлагает свои надежды автор, однако этот персонаж выглядит несколько надуманным и ходульным.

Итак, Тургенев завершал свои размышления о молодом поколении, а также романное творчество романом «Новь», в то время как молодой шведский писатель из поколения «детей» начинал свой путь к социально-политическому роману в 1879 году романом «Красная комната».

«Красная комната» Стриндберга

Тургенев был одним из любимых писателей Стриндберга, одержимого в молодые годы идеями нигилизма, социализма. Россия виделась будущему писателю и драматургу как страна «бунтарей-нигилистов, ведущих, подобно шиллеровским разбойникам мужественную борьбу против тирании» (Шарыпкин 1975: 143). Под влиянием Парижской коммуны и идей шведских социалистов-утопистов Стриндберг в 1870-е годы выступал в радикальных газетах, писал острые статьи по вопросам социального и культурного развития Швеции. В романе «Красная комната» Стриндберг дает масштабную панорамную картину шведского буржуазного общества в период кризиса. В поле зрения писателя политика и государственная служба, акционерные общества и издательства, журналистика, театр, литература, живопись, медицина, благотворительность, семья, суд, верхушка элиты и нищие кварталы городских рабочих. Не случайно роман открывается главой с красноречивым названием «Стокгольм с птичьего полета».

Как и Тургенев, Стриндберг опирался в описании событий на фактический материал реальной действительности, заимствованный им из газетной хроники, из протоколов заседаний риксдага (Неустроев 1986:11). Подзаголовок – «Очерки из жизни художников и литераторов» – определяет жанровую основу романа. Роман состоит из отдельных картин – очерков,

его структура свободна и фрагментарна. Как и Тургенев, Стриндберг вплетает в повествование письма, документы, дневники героев и даже небольшие драматические вставки. Стилистическая неровность, композиционный хаос – отличительные черты романа «Красна комната».

При всей структурной неоднородности, сюжетной непоследовательности в основе композиции произведения – конфликт, условно говоря, «отцов» и «детей», что также типологически сближает «Красную комнату» с романами Тургенева. Действие в «Красной комнате», как и в последнем тургеневском романе, отнесено к концу 1860-х годов, т.е. на десятилетие назад, когда в Швеции в период либеральных реформ назревал общественный подъем. «Отцами» в романе можно считать стокгольмский истеблишмент. Официальному чиновничьему, деляческому миру «отцов» противостоит небольшая группа молодых людей. «Дети» – это отверженная обществом богема: художники, скульпторы, философы, журналисты, актеры, свободные, независимые, искренние. Они близки по духу Стриндбергу, разделяет со своими героями настроения бунтарства и нигилизма.

В центре романа – Арвид Фальк, молодой человек, вначале верящий в демократические идеалы и бросающий вызов обществу лжи и лицемерия. Он избирает для себя журналистскую карьеру, что во многом напоминает личный опыт самого писателя, его журналистской практики начала 1870-х годов. Профессия журналиста дает возможность провести героя по всем кругам стокгольмской жизни. Стриндберг подвергает своего героя испытаниям, столкновению с реальностью. Его путь – это типичный путь молодого человека от идеализма к сомнениям, разочарованиям и, в конце концов, к утраченным иллюзиям и конформизму.

Предположение о том, что прототипом Арвида Фалька послужил Нежданов, высказывалось шведскими исследователями (Шарыпкин 1975: 177). Стремление к опрощению, слиянию с природой свойственно молодому герою романа, что отвечало идеям самого Стриндберга, о чем он писал в статье «Равенство и тирания» (1884 – 1885), а также в автобиографии. Писатель указывал, от кого из русских авторов он впервые услышал слово опрощение: «Существует уже движение назад, возвращение к природе, именуемое словом, введенным впервые Тургеневым, – опрощение» (Шарыпкин 1975: 177). В романе Стриндберг иронично показывает безуспешные попытки своего героя опроститься, сблизиться с простыми людьми – рыбаками. Как и Нежданов, Фальк потерпел фиаско, взаимопонимания с рыбаками он не добился, о чем рассказывает его друг, циничный доктор Борг в письме другому цинику – журналисту Струве: «<…> обращаясь к рыбаку, он называл его «господином» и снимал шляпу. Кроме того, он заводил с местным населением задушевные беседы, желая узнать, видишь ли, “как они живут”. В результате рыбак заподозрил что-то неладное <…>. Через некоторое время он заговорил с рыбаками о всеобщем избирательном праве; после этого рыбак пришел ко мне и спросил, неужели Фальку совсем не на что жить» (Стриндберг 1986: 228). Эти сцены напоминают наивные и безуспешные попытки героев «Нови» найти общий язык с народом.

Центральной главой в романе «Красная комната» является глава с красноречивым названием «Нигилизм». В ней писатель сталкивает своего героя-идеалиста с журналистом, циником и приспособленцем, Струве, который рекомендует Фальку смотреть на все «с высоты птичьего полета» и «относиться к миру со спокойным и молчаливым презрением», потому что мир, по

его мнению, – «это помойка, люди – жалкие отбросы, яичная скорлупа, морковная ботва, капустные листья, грязное тряпье» (Стриндберг 1986: 166). Разговор со Струве заронил в душу Фалька сомнения, «он стал размышлять: уж не является ли дело, которому он решил посвятить свою жизнь – борьба за права угнетенных, чем-то совершенно нереальным, просто химерой» (Стриндберг 1986:168). Подобно тургеневскому Нежданову, Фальк подвергает рефлексии все свои поступки и понимает, что вести борьбу ему становится все труднее. Стриндберг психологически тонко показывает внутренние противоречия слабого героя, его раздвоенное сознание и то, как происходит постепенный переход от веры к сомнению, а затем к неверию и безразличию: «<…> он сумел настроить себя на полнейшее безразличие ко всему на свете, потом принялся выискивать у своего врага добрые намерения, побуждавшие его совершать те или иные поступки, постепенно убедился в своей неправоте, почувствовал примиренным с существующим миропорядком и в конце концов пришел к пониманию той высокой истины, что, в сущности, вообще не имеет значения, какого все цвета – черного или белого» (Стриндберг 1986: 169).

Симпатия Фалька к рабочим тоже подвергается испытанию, их необразованность «серость» отпугивают его. Перейдя в редакцию радикальной газеты «Рабочее знамя», Фальк сталкивается с ее редактором – полуграмотным мелким деспотом в черной шапке коммунара. Утраченные иллюзии и потерю идеалов молодости Стриндберг со свойственной ему экспрессией описывает как путь к ничто: «И Фальку казалось, что он тоже сидит в могиле и, вдыхая винные пары и кухонный чад, справляет поминки по своей ушедшей молодости, добрым намерениям и чести своего имени; он понюхал сирень, стоявшую на столе, но от нее исходил только запах гнили, и тогда он снова посмотрел в окно, пытаясь остановить свой взгляд хоть на каком-нибудь предмете, который не вызывал бы омерзения, но увидел лишь заново просмоленный мусорный ящик, который стоял, как гроб, наполненный всякими побрякушками и прочим ненужным хламом: его мысли устремились вверх, карабкаясь по пожарной лестнице, которая, казалось, вела из грязи, зловония и бесчестья на голубые небеса, но на ней не было ангелов, которые сновали бы вверх и вниз по ее ступенькам, а на самом верху он не увидел ни одного доброго лица – лишь пустое голубое небо» (Стриндберг 1986: 236). Это описание корреспондирует со сценой самоубийства Нежданова в грязном фабричном дворе с «безучастно-слепым» небом над головой.

В отличие от Нежданова, Фалька, пережившего душевный кризис, спасает доктор Борг, который увозит друга на остров и наблюдает за его «выздоровлением». Доктор сообщает в письме, что Фальк отказался от литературной и общественной деятельности, неожиданно занялся нумизматикой и также неожиданно принял решение жениться, то есть приспособился к общепринятым нормам. Последняя глава романа иронически названа «Выздоровление».

К “выздоровлению” приходят и другие молодые интеллектуалы. Постепенно они втягиваются в общий круговорот: их благие надежды развеиваются, они смиряются и поддаются пессимизму и цинизму. Лишь один из группы молодых протестантов Улле Монтанус после провала своей обличительной речи в риксдаге покончил жизнь самоубийством. С грустью и иронией Стриндберг показывает, что попытки порвать с обществом или бороться с ним заканчиваются капитуляцией. Можно рассматривать и финал в романе «Новь» как

утраченные иллюзии при столкновении с реальностью, правда, Тургенев, в отличие от Стриндберга, видит реальное выздоровление в отходе от нигилизма, он не приемлет радикального революционного решения социальных проблем для России. И если для Стриндберга женитьба Фалька – это путь к капитуляции, то для Тургенева замужество Марианны – это путь к возрождению. Тургенев приводит свою героиню Марианну к счастливому супружеству, она становится сподвижницей мужа – умного, делового, рационального предпринимателя нового типа, обучавшегося в Англии. Соединение с Соломиным, в котором воплощены черты трудолюбия, терпения, способствуют перевоспитанию Марианны. Эволюционный путь постепенных реформ снизу для Тургенева – это единственный путь, приводящий к отрезвлению «хмельных голов», истинному выздоровлению.

Рассматривая роман Стриндберга в контексте декаданса, Мария Горбачева прослеживает, как изменяется пейзаж на протяжении повествования: от яркой и солнечной картины вначале, когда герой еще способен восхищаться, до мрачной, соответствующей настроению увядающей осенней природы, которая аккомпанирует состоянию усталости, опустошенности, уныния разочаровавшегося героя: «В это лето жизнь казалась ему такой мерзкой, что он со скрытым злорадством приветствовал каждый дождливый день и испытывал какое-то странное удовольствие, глядя, как на аллеи, шурша, ложатся увядшие листья» (Стриндберг 1986: 153). И в романе «Новь», как было показано выше, пейзаж соответствует изменению психологического состояния героя, отражает его путь от надежд к полному крушению иллюзий.

Д.М. Шарыпкин отмечает, что роман Стриндберга «подчеркнуто, вызывающе публицистичен, и в этом сказалось воздействие Тургенева.

Изображая мир людей, обладающих властью, деньгами, влиянием, Стриндберг использует гротеск, и все общество с его бюрократией, прессой, издательствами, риксдагом, театром, церковью, сектантством, благотворительностью – предстает в романе как некий бессмысленный, абсурдный лабиринт. Здесь Стриндберг идет дальше Тургенева и предвосхищает Кафку[1]. Гротеск, карикатура – один из главных способов портретных характеристик, создающих фантастические образы. Вот один из портретов: «<…> широкоплечий мужчина лет тридцати с квадратной головой, передняя сторона которой обозначала лицо; кожа на лице напоминала полусгнившую половицу, в которой черви прогрызли бесчисленные лабиринты; широкий, словно вырезанный ножом рот был постоянно приоткрыт, и из него торчали четыре остро отточенных клыка; когда он смеялся, его лицо как бы раскалывалось пополам, и ему можно было посмотреть в пасть и увидеть все до четвертого коренного зуба; ни единого волоска не выросло на этой неплодородной земле; нос был приделан так неудачно, что не составляло большого труда заглянуть через ноздри в самый череп; макушка была покрыта какой-то жидкой растительностью, похожей на кокосовое волокно» (Стриндберг 1986: 175). К. Тиандер усматривал излишнюю детализацию в стилистической манере Стриндберга. Он считал, что в романе Тургенева есть мера, в то время как у Стриндберга наблюдается диспропорция частей и целого: «<…> из-за деревьев не видно леса» (Тиандер 1913: 274).

1 На сходство гротескно-фантастических картин Стриндберга с гротескно-абсурдным миром Кафки указывает и А.А. Мацевич.

Разумеется, Стриндберга, автора «Красной комнаты, нельзя считать абсолютным последователем Тургенева, он, бесспорно, испытал влияние французского натурализма и, конечно, утверждал свой собственный самобытный стиль повествования, двигаясь в направлении модернизма. Однако бесспорно то, что Тургенев дал мощный импульс развитию социально-политического романа в Европе и конкретно в скандинавских странах. А последний роман Тургенева по своей жанрово-стилистической структуре выпадает из общего строя романного творчества писателя, и его можно считать предвестником модернизма.

ЛИТЕРАТУРА

Брандес, Г. Русские впечатления. Перевод с датского Т. Чесноковой. М.:ОГИ, 2002.

Горбачева, М. Роман Августа Стриндберга «Красная комната» как метатекст эпохи декаданса // На рубеже веков. Российско-скандинавский литературный диалог. Под ред. М.М. Одесской, Т.А. Чесноковой. М.: РГГУ, 2001.

Лотман, Л.М. И.С. Тургенев // История русской литературы в четырех томах. Л.: «Наука», 1982.

Мацевич, А.А. Август Стриндберг. Жизнь и творчество (1849 – 1912). М.: ИМЛИ РАН, 2003.

*Неустроев, В.*П. Художественный мир Стриндберга / Август Стриндберг. Избранные произведения в двух томах. М.: Художественная литература, 1986. Т.1. С. 5 – 26.

Скабиевский, А.М. Литературные воспоминания. М. –Л.: «Земля и фабрика». Год не указан.

Стриндберг, А. Красная комната. Перевод со шведского Т. Телятникова / Август Стриндберг. Избранные произведения в двух томах. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1.

Тиандер, К.Ф. Датско-русские исследования. СПб, 1913. Вып. 2.

Тургенев, И.С. Полное собрание сочинений и писем в 30тт. М.: «Наука», 1978 – до настоящего. времени.

Шарыпкин, Д.М. Русская литература в Скандинавских странах. Л.: «Наука», 1975.

Ширинянц, А.А. О нигилизме и интеллигенции. [Электронный ресурс] // [Образовательный портал «Слово»]: https://portal-slovo.ru/history/35437.php (дата обращения: 25.01.2019).

ODESSKAYA M. M.
Russian State University for the Humanities, Russia
mar-1432998@yandex.ru

Turgenev and Strindberg: Social-Political Discourse in the Novels of the late XIX Century

Summary. The subject of this comparative typological research is the transformation of the social-political themes in Turgenev's novel in the work of August Strindberg - the Swedish modernist writer. The young generation of idealists-reformers of the late 1860s is at the center of Turgenev's last novel "Virgin Soil" (1877) and Strindberg's first novel "The Red Room"(1879). While Turgenev saw the salvation for Russia in a retreat from revolutionary radicalism, Strindberg was felt about the lost illusions of non-conformists

Keywords: Turgenev, Strindberg, social -political novel, young generation

ОРЛОВА НИНА АНАТОЛЬЕВНА
ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, РОССИЯ
onina@yandex.ru

Художественное своеобразие «таинственных повестей» И.С. Тургенева

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются причины обращения И.С. Тургенева к таинственным темам. Автором статьи проанализирован период поиска Тургеневым новых форм и тематических спектров, определена мотивация писателя к созданию повестей как реакция на актуальные проблемы современности. В статье дан анализ мировоззренческих универсалий И.С. Тургенева в период создания «таинственных повестей», раскрыты философско-эстетические взгляды Тургенева, повлиявшие на русскую и мировую литературу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мистическое, реальное, фантастическое, идиостиль автора

Фантастическое, магическое, сверхъестественное – едва ли не все выдающиеся писатели русской литературы обращались к данным темам. Как особый способ отображения действительности фантастическое явилось предметом изображения в произведениях русских романистов (А. А. Бестужев, В. Ф. Одоевский, Н. В. Гоголь), а также и в художественных текстах писателей, кто вышел за рамки романтизма (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов и др). Границы между реальным и нереальным в произведениях находятся в непосредственном взаимодействии, зависят друг от друга. Такой формат действительности задаётся существующей эпохой, культурой, властью, отдельной личностью или ситуацией. В свою очередь, понятие «фантастическое» отталкивается от реальности. В русской литературе принято считать родоначальником мистицизма Н.В.Гоголя, который умело соединил приемы фантастики с социально-бытовыми темами, раскрывающими не только загадки сверхествественного мира, но и указывающими на проблемы настоящего («Шинель», «Вий»). Известный критик Ольга Фрейденберг утверждала, что фантастика — «первое порождение реализма»: отличительным признаком вмешательства реализма в миф служит появление «фантастических существ» (божеств, сочетающих звериные и человеческие черты, кентавров и т. п.) (Топоров 98: 21).

Особенностью поэтики в фантастических произведениях является слияние двух миров – взаимодействие реального и фантастического. В связи с этим полным слиянием можно отметить и внедрение автора в судьбу главного героя (например, произведения средневековой литературы, литературы эпохи Возрождения, романтизма). Приемами фантастики считаются внедрение внесюжетных элементов в композиционный строй произведения (см. об этом Орлова 2011: 135). Такими приемами принято считать сон, слухи, галлюцинации, сумасшествие, сюжетное таинство. В то же время, основные элементы, присущие любому произведению - проблематика, литературные приемы, построение сюжета – у фантастических произведений существенно не отличаются от реалистических.

Творчество И. С. Тургенева сыграло значимую роль в становлении духовного развития русского общества, обогатило русскую и мировую литературу. Писатель противостоял крепостному праву, выступал на стороне любимого русского народа. Расцвет творчества И.С. Тургенева совпал с рождением и укреплением демократии в России. Ко всему новом в русской действительности писатель относился с интересом. В его произведениях, как правило, поднимались вопросы, волнующие общество. Вокруг его книг возникали жаркие литературные споры, писатели вступали в открытую полемику (Топоров 1998: 176).

Тургенев - реалист вынашивал необычную для его творчества идею – поработать с новыми формами, мотивами и жанровыми трансформациями (1850 – 1880). Таким образом, у писателя складывается новый стиль и новый способ изображения – тяга к мистическому, ирреальному, соотнесение с романистскими традициями. К воплощению этой идеи не все современники писателя, а позже и исследователи его творчества, отнеслись положительно. Более того, критика сразу достаточно резко отнеслась к его новому творческому этапу. П. И. Вейнберг, И. Виноградов и другие после выхода первого рассказа «фантастического содержания» никак не могли простить настоящему реалисту этого новаторства. Однако таинственность появляется в творчестве Тургенева все чаще и чаще: «Фауст» (1855), «Призраки» 1861, «Собака» (1864), «Довольно» (1864), «Странная история»

(1869), «Стук… Стук… Стук!..» (1870), «Часы» (1875), «Сон» (1876), «Песнь торжествующей любви» (1881), «После смерти» (1882) и некоторые другие, в частности незавершенный рассказ «Силаев», над которым писатель работал предположительно в конце 70-х годов.

Говоря о специфике тургеневских повестей, необходимо отметить эстетику романтизма, сложенную в единую систему ко времени написания произведений. С 1820 года в жанровом аспекте прежде всего динамично развивается фантастическая повесть. Объяснением этого явления можно назвать влияние идиостиля Ф.В.И. Шеллинга, а также знакомство с эстетикой мистического Э. Гофмана, Л. Тика, Э. По. Наряду с уникальным идиостилем каждого автора литературоведы выделяют художественно - типологическую соотнесенность произведений: создание потустороннего мира, влияющего на героя и обстоятельства, контраст между сверхъестественным и обыденным, зачастую обращение к фольклору. Но во влиянии и взаимодействии двух миров авторы находят периферийный пласт, некую «изюминку», которая определяет не только особенности языковой картины автора, но и помогает отразить тематический спектр, эмоциональный накал или освещает основную проблему произведения (об этом см. Костылева О.Б., Петренко А.Ф. 2018: 53). Так, например, повести Н.В. Гоголя основаны на украинском фольклоре, план - «периферия» у него - это сатирическое поле, у Ю.В. Манна – «завуалированная фантастика». Особенность же таинственных повестей Тургенева ближе к эстетике Ю. В. Манна.

Писатель трепетно относился к философским умозрениям через призму фантастического, осуществлял попытки достижения понимания непостижимости человека, а также выявил возможности эмоционально-эстетического воздействия таинственных повестей на читателя. Более того, на трансформацию романтических черт в фантастическом поле обратил внимание еще А.С. Пушкин. Он обратился к качественному изменению фантастического. В повестях «Гробовщик» и «Пиковая дама» А.С. Пушкин обращается к внутреннему миру героя с помощью фантастического, показывает психологическую мотивацию его поведения, что позволяет раскрыть разнообразные взаимоотношения человека с миром природы, обществом, государством, самим собой. Эти особенности Тургенев наследует в своем творчестве.

Отметим, что для тургеневских «таинственных повестей» характерно сочетание реалистического и романтического, однако правомерно отнести эти произведения к чистому романтизму можно едва ли. Более того, исследователь Чернышева отмечала, что «фантастика не противопоказана никакому литературному методу, она может «поступить на службу» и к романтизму, и к реализму» (Чернышева 84: 21).

Планом изображения в произведениях Тургенева является реальность и нереальность - изображение воображаемого мира, который существует в галлюцинациях, снах, мечтах. Идейно-тематическое содержание этих произведений все же заключается в изображении человека, понимание личности во всех ее появлениях.

Необходимо отметить, что интерес к мистике и фантастике у И.С. Тургенева определился через призму философских идей. Еще в юности он увлекался философией Гегеля, но был не склонен к логическому осмыслению мира. В дальнейшем появляется интерес к эстетическим взглядам и философским мыслям А. Шопенгауэра. Особенно это заметно в идейном содержании «Песни торжествующей любви»

(1881). Синкретизм фантастического и биографического проявляется в его «Призраках» и повестях «Довольно».

В «таинственных повестях» И.С. Тургенев также выражает неподдельный интерес к таким явлениям человеческой психики, как гипноз, сон, галлюцинации, генетическая память человека. С одной стороны, это фантастическое поле изображение (призма ирреального), с другой же – загадочное, но существующее явление психики человека. Необходимо также отметить, что ученые – физиологи изучают эти явления с научной точки зрения. Тургенев же как новатор своего времени вслед за ними берет на вооружение эти темы, изображая их в художественном пространстве. Доказательство этому являются письма Тургенева к друзьям, в которых часто упоминаются темы психики и психологии. Как правило, писатель не освещает труды ученых, но много говорит о тех достижениях, которые были сделаны в этом направлении, проявляя неподдельный интерес. Можно сделать вывод о том, что в его размышлениях и домыслах о таких физиологических явлениях прослеживается мотивация к созданию таинственных и мистических произведений. Мистика в этом ключе подразумевается, как истинное, но еще недоказанное с научной точки зрения явление. В своих произведениях о божественных дарах, таланте, генетической памяти он говорит, как правило, с позиции героя-повествователя.

Для доказательства вышеизложенного обратимся к «Песни торжествующей любви» более подробно. Во время создания этого произведения Тургенев увлекается культурой и историей Италии, поэтому и определяет жанровую поэтику этого произведения – «итальянское пастиччо». В основе сюжета - отношения между Валерией, главной героиней произведения, и ее друзьями, Муции и Фабии. Валерия выходит замуж за Фабия по воле своей матери, однако это желание совпадает с ее желанием тоже. Муций и Фабий – антиподы, они находятся в родственных связях, дружат, любят одну девушку. Но после выбора Валерии Муций покидает Италию, уезжает на Восток. Через несколько лет умирает мать Валерии, а также возвращается Муций. Теперь этот герой окутан сказкой и загадкой Востока. Его желание обладать Валерией становится неуправляемым. Семейная пара при первом же свидании не готова общаться с Муцием дальше. Они подмечают много странного в этом для них новом друге, предполагают, что он стал колдуном. Муций угощает восточным вином, дарит волшебное ожерелье Валерии, а также поражает красотой игры на скрипке. Валерия ощущает импульс от невероятной музыки Муция, словно змея крадется мысль об искушении. Муций же добивается тайного свидания с помощью оккультных способностей, соблазняя девушку. Финал этого произведения И.С. Тургенев переписывал два раза. В первом издании Фабий во время одного из тайных свиданий убивает Муция. В окончательном – втором – варианте произведения писатель меняет сюжет: Фабий ранит Муция, а от смерти его спасает слуга – малаец, который также советует Валерии выкинуть ожерелье. В результате такого сюжета писатель создает произведение о скрытых чувствах, которые становятся выше человека, проявляются не лучшим образом. Ведь желание Муция обладать Валерией было в реальном времени, а для возможности обладания этим чистым существом нужно было использовать ирреальное пространство. Таким образом, внутренний мир героя формируется им самим, фантастическое же или ирреальное способно подчеркнуть, выявить, обналичить проблемы и сущность человека. Конечно, также это произведение и о неизведанности за-

конов природы. Любопытен тот факт, что психотерапевт В. Чиж подтвердил с психопатологической научной точки зрения возможность существования любовного слияния в состоянии искусственного сомнамбулизма.

Также необходимо отметить следующую особенность повестей – автобиографичность. «Призраки», «Сон», «Поездка в Полесье» и др. раскрывают психологические черты И.С. Тургенева, а зачастую и созданы на основе реальной жизни писателя. В письме М.М.Стасюлевичу Тургенев писал: «Я сам раскаиваюсь в том, что напечатал этот отрывок… и не потому, что считаю его плохим, а потому, что в нем выражены такие личные воспоминания и впечатления, делиться которыми с публикой не было никакой нужды».

В «Фаусте» также отражены автобиографические сюжеты. Написанная в 1856 году повесть пропитана лиризмом, постижением сложности человеческого бытия. В реальном мире писатель находился на переломе жизни. «Фауст» - это вспышка молодых воспоминаний. Прототипом главной героини, Ельцовой, становится Мария Толстая. Вспышка любви, влечение и пагубная страсть – вновь тот тематический круг, который описывает нам писатель. «Отказывай себе, смиряя свои желания» - эта мысль Гете становится ключевой для героя. Конечно, этот мотив объединяет творчества двух великих писателей.

Итак, «таинственные повести» становятся новым и важным этапом в творчестве И.С. Тургенева. Они имеют как литературные, так и иные источники. И.С. Тургенев обращается к мистическому, загадочному, он указывает на особенности внутреннего мира героя с помощью внедрения ирреального плана изображения. Основные особенности «фантастических повестей», как правило, связывают с мировоззрением писателя. В общем понимании, Тургенев – писатель-реалист, что осложняет принятие фантастических произведений как нормы литературоведами и читателями. Персонажи таинственных повестей являются людьми «особыми», ментальное состояние которых является важнейшим приемом выражения фантастического.

ЛИТЕРАТУРА

Костылева, О.Б., Петренко, А.Ф. Образ разбойника и поэтика «странно-необычного» в прозе О.М. Сомова //Материалы X Международно-практической конференции. 2018. С. 54-59.

Орлова, Н.А. Метатекстовый комментарий и его роль в поэтике комического в творчестве С. Довлатова // Университетские чтения – 2011 Пятигорск: ПГЛУ, 2011 С. 131-136.

Топоров, В.Н. Странный Тургенев (Четыре главы) / В.Н. Топоров. - М.: Изд-во Российск. гуман. ун-та, 1998. — 192 с.

Чернышева, Т.А. Природа фантастики / Т.А. Чернышева. — Иркутск: Изд-во Иркутск, ун-та, 1984. — 331с.

ORLOVA N. A.
Pyatigorsk State University, Russia
onina@yandex.ru

The artistic originality of I. S. Turgenev's "mysterious novelets"

Summary: The article discusses the reasons for linking I. S. Turgenev themes of mystery. The author of the article analyzed the period in which Turgenev searched for new forms and themes, determined by a writer's motivation to create stories as a reaction to current problems. The article provides an analysis of the philosophical universals in I.S. Turgenev's work during the creation of his "mysterious stories", which reveals Turgenev's philosophical and aesthetic views which later influenced Russian and world literature.

Keywords: mystical, real, fantastic, author's idiostyle

ПОЛТАВЦЕВА НАТАЛЬЯ ГЕОРГИЕВНА
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ,
МОСКВА, РОССИЯ
natalypol2007@yandex.ru

Интеллигенция и война: динамика модели конфликта в русской прозе двадцатого века

АННОТАЦИЯ. В статье на материале русской прозы и публицистики двадцатого века рассматривается динамика модели конфликта как одной из форм социокультурного взаимодействия. Избранная для этого тема войны дает широкие возможности проследить, как изменяется интеллектуальный опыт русской интеллигенции в рамках Модерна как большого стиля культуры: от рефлексии по поводу коллективного переживания нового типа – опыта Первой мировой войны (публицистический сборник Вячеслава Иванова «Родное и вселенское») – к исследованию опыта Второй мировой (военные рассказы Андрея Платонова) и постмодернистскому анализу «странной» чеченской войны (рассказ В.Маканина «Кавказский пленный»).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: война, интеллигенция, конфликт, Вячеслав Иванов, Андрей Платонов, Владимир Маканин, культурный стиль Модерн

В статье на материале русской прозы и публицистики двадцатого века рассматривается динамика модели конфликта как одной из форм социокультурного взаимодействия. Избранная для этого тема войны дает широкие возможности проследить, как изменяется интеллектуальный опыт русской интеллигенции в рамках Модерна как большого стиля культуры: от рефлексии по поводу коллективного переживания нового типа – опыта Первой мировой войны эпохи раннего Модерна) к исследованию опыта Второй мировой в зрелом Модерне середины века и к постмодернистскому анализу «странной» чеченской войны, выполненному как бы «на краях» последней границы стиля Модерн – его постмодернистской фазы.

Подобное сравнение позволяет не только задуматься о типологичности конфликта как одной из форм социального взаимодействия, но и обратиться к вопросу о том, насколько эти формы антропологичны по своей сути и каковы возможности литературы как одного из способов символической коммуникации в их исследовании и фиксировании. Собственно говоря, это повод для нас говорить о «военной» публицистике и «военной» литературе как о культурных формах антропологического исследования проблемы, а также о границах и степени рефлексии интеллигентской мысли по поводу войны, динамика которых и рассматривается в статье.

Говоря о Модерне, мы будем иметь в виду 1) не искусствоведческий стиль, 2) не modernity Ю. Хабермаса, связанную с европейским Новым временем, а *Модерн как большой культурный стиль двадцатого века, чье возникновение связано с процессом модернизации, но им не ограничивается.* Прежде всего понятие *модерн относится к принципам образования и репрезентации культурных форм*, которые определяют и определяются этим процессом и связаны с этой социальной парадигмой. Несмотря на активную рефлективную критику, предпринятую в его же рамках постмодерном во второй половине века, исходные принципы построения и репрезентации культурных форм Модерна сохраняются до сих пор (см. Орлова 2012: 161-164; 20-22).

В качестве объекта исследования выбрана модель конфликта, его диагностика и прогностика, которые представлены в публицистическом сборнике статей «Родное и вселенское» (1918 г.) поэта-символиста и культурфилософа Вячеслава Иванова (сборник был собран им из собственных речей и статей периода 1914-1917 гг. и опубликован в Москве в издательстве Г.А. Лемана и С.И. Сахарова в 1918 г., уже после Октябрьской революции 1917 г.), а также реализация этой модели в военных рассказах известного советского писателя Андрея Платонова, относящихся к сороковым годам двадцатого столетия (часть этих рассказов была опубликована в газетах и журналах военного времени, часть вошла в сборники писателя военных и послевоенных лет). Рассказ Владимира Маканина «Кавказский пленный» представляет третью фазу и третью разновидность модели.

Подобное сравнение позволяет не только задуматься о типологичности конфликта как одной из форм социального взаимодействия, но и обратиться к вопросу о том, насколько эти формы антропологичны по своей сути и каковы возможности литературы как одного из способов символической коммуникации в их исследовании и фиксировании. Собственно говоря, это повод для нас говорить о «военной» публицистике и «военной» литературе как о культурных формах антропологического исследования проблемы.

Когда в 1945 году окончилась Вторая мировая война, мир достаточно долго – вплоть до шестидесятых – лелеял надежду на возможность бесконфликтного мирного сосуществования, пока не вступил в период признания наличия перманентного существования конфликтов. Так возникла конфликтология как социальная наука (Л. Козер, Р. Даррендорф и др.), которая, развивая идеи Георга Зиммеля, разбилась на два направления. Первое можно назвать эпифеноменальным, и оно рассматривало конфликт как некое извечное бинарное противостояние. Второе предлагало подход, где конфликт представал не как эпифеномен, но как самостоятельная социальная форма. В обоих случаях внимание обращалось на два момента: как предотвратить конфликт и как его уладить.

Вопрос о возможности иного рассмотрения, когда конфликт исследуется как одна из форм социального взаимодействия, обладающая, наряду с другими формами, различными плюсами и минусами, и которая не поддается логике рассмотрения в бинарных оппозициях, до сих пор предстает как проблемный.

В конечном счете наметилась проблема расхождения между рассмотрением конфликта в логике бинарных оппозиций и признанием подобной логики неэффективной, а ее диагностики и прогностики недостаточными (в сущности, известные идеи Николаса Лумана с его теорией аутопоезиса обращены к подобному же противоречию).

В свете этого следует признать, что мы, находясь на этапе, переходном от парадигмы Модерна (с входящим в него как его часть постмодерном) к новой парадигме, еще окончательно не сложившейся, оказываемся в ситуации культурной и методологической неопределенности. Именно поэтому столь актуальным для нашей проблемы является интеллектуальный опыт и рефлексия по этому поводу Модерна, его интеллектуалов, связанные с коллективным переживанием абсолютно нового типа – опытом Первой и Второй мировых войн как мирового конфликта.

Опираясь на позицию историков школы «Анналов» (Броделя, Блока и др.), повторим: мы изучаем историю, дабы понять современность.

На наш взгляд, Вячеслав Иванов исходил из того же. Его «историцизм» (Поппер 1992: 98), который он репрезентирует в этом сборнике, сложился в современной науке окончательно – как подход и позиция – гораздо позже, к концу 40-50-е годов XX века в школе «Анналов». Интересность Иванова как раз в том и состоит, что он в старых словах, на языке старого «классического» историософского дискурса, в метафорах и тропах лексики символистов выражал вполне актуальные и по сю пору новые идеи.

При этом – это впервые отмечается мною – сама композиция его сборника, его структура выстроены как единый текст. Образчиком для этого служит символистская книга стихов, которая строится на принципиально новых, не только содержательно-тематических основах символистская книга стихов и являет собой пример переходности от романтической «классики» к литературе модернизма (ср. А. Белый, Дж. Джойс, Г. Джеймс). Внутренний сюжет в ней собирается на основании развития основных тем и лейтмотивов, и место, которое занимают в этом тексте его фрагменты, существенно важно. Именно поэтому присутствие и развитие лейтмотива войны в структуре сборника помогут многое понять и в модели конфликта по Вячеславу Иванову.

Сама фигура Вячеслава Иванова, «Вячеслава Великолепного», теоретика, поэта, ученого – классика, историка, культурфилософа – идеальная «точка сборки» для анализа того, как происходит ревизия классической парадигмы в период культурной неопределенности. При этом его апелляция к романтической культурфилософской традиции, как русской, так и западноевропейской (Шеллинг, Ницше, славянофилы, Владимир Соловьев), позволяет увидеть определенные переклички с современными постмодернистскими подходами к истории и культуре (Анкерсмит 2007: 120-122), т.к. ранний Модерн вполне можно рассматривать как историческую почву для последующего развития этой проблематики уже в постмодерне.

При этом методологический подход Вячеслава Иванова демонстративно комплементарен, и это тоже – черты раннего Модерна.

Отслеживая развитие темы (культурного лейтмотива) войны в книге Вячеслава Иванова, можно выяснить предлагаемую им модель конфликта и ее диагностически-прогностические функции, а затем понять меру ее актуальности.

Из восемнадцати статей этого сборника («Вселенское дело» (1914), «Славянская мировщина» (1914), «Россия, Англия и Азия» (1915), «Байронизм как событие в жизни русского духа» (1916), «Легион и соборность» (1916), «Живое предание» (1915), «Польский мессианизм как живая сила» (1916), «Два лада русской души» (1916), «Мимо жизни» (1916), «К идеологии еврейского вопроса» (1915), «Вдохновение ужаса» (1916), «Шекспир и Сервантес» (1916), «Старая или новая вера» (1916), «Лик и личины России» (1916) (I. Пролегомены и демонах. II. Идея Алеши. III. Христос в преисподней и Ариман на месте света. IV. Семь праведников.) и данных в Приложении «Революции и народное самоопределение» (1917), «Макиавелизм и мазохизм» (1917), «Скрябин и дух революции» (1917), «Духовный лик славянства» (1917) некоторые (а именно четыре) были речами, произнесенными на торжественных заседаниях. «Вселенское дело» – на заседании московского Религиозно-философского общества имени Владимира Соловьева (позже опубликовано в «Русской Мысли» (1914), «Россия, Англия и мы» – на заседании московского общества сближения с Англией (позже опубликовано в «Биржевых ведомостях» (1915), «Байронизм» – на заседании петроградского Общества Английского Флага (позже опубликовано в «Русской Мысли» (1916), «Скрябин и дух революции» – на заседании московского скрябинского общества (публиковалось в сборнике впервые). Остальные статьи были напечатаны в ежемесячнике «Русская Мысль» («Лик и личины России»), в еженедельниках «Новое Звено» («Славянская мировщина») и «Народоправство» («Революция и народное самоопределение»), с сборнике «Щит» («К идеологии еврейского вопроса»), в газетах «Биржевые ведомости» («Живое предание», «Старая или новая вера»), «Утро России» («Легион и соборность», «Польский мессианизм», «Два лада русской души», «Мимо жизни», «Вдохновение ужаса», «Шекспир и Сервантес») и «Луч Правды» («Социал-маккиавеллизм и культур-мазохизм»).

Таким образом, сознательный перевод автором вполне современного ему публицистического материала речей и статей в газетах и еженедельниках почти сразу же (с ничтожной для исторического сознания дистанцией в несколько лет) в ранг исторического и типологического, модельного, делает возможным разговор не только о «историософности» и «историцизме»

источника, но и о теоретической установке автора.

Анализ темы (культурного лейтмотива) войны в сборнике Иванова как реконструкция его модели конфликта.

Посвященный «вечной памяти Федора Михайловича Достоевского», сборник Вячеслава Иванова открывается заглавной статьей «Вселенское дело», ключевой и ведущей для сборника и для нашей проблематики. В лексике историософии русского символизма Первая мировая война осознается как катализатор «вселенского смысла отечественного дела», как повод для появления и проявления «соборности». При этом вполне в духе символистской философии разводятся понятия «мировое – как дело мысли» и «вселенское – как дело духа», относящиеся к России. Предостерегая от «ложного синтеза», возникшего, по мнению Вячеслава Иванова, в Германии после уроков войны 1870 г., могущей стать ареной синтетических, а не разрушительных сил, Иванов задолго до Шпенглера («Закат Европы» опубликован в 1918 г., хотя начат в 1914-м) говорит о «превышении меры». Под этим понятием, аналогом античного hybris'а-«надмевания» кроется гордыня как основа метафизической концепции нравственной вины и феномена «вещего изображения последней судьбы Фауста, который задуман поэтом как синтетический тип немецкого духа в его исторических судьбах от эпохи реформации до новейших времен» (Вяч. Иванов 1918: 9).

Гордыня-Обида-слепота-нарушение меры при помощи Аримана-Мефистофеля приводят «фаустианскую душу» (Шпенглер) к краху, творческому бесплодию и слепоте. «Когда-то он все постигал и не мог ничего осуществить; теперь он ничего не знает, агностик и охлажденный ум» (Вяч. Иванов 1918: 10), утративший способность к романтическому синтезу, к поиску Вечной Женственности, Мировой Души. Место «соборности», «вселенского» занимает, по Вяч. Иванову, созидание внешней технологической культуры. Этот процесс неизбежно приводит к одичанию, «варварству», нарушению «меры».

«Так вырастала мировая и вселенская опасность. …В самом деле, за что ведут войну наши противники и каким высшим началом оправдывают свою, как сами говорят, «волю к победе над миром»? Ничем, или самою этою волей …Германия, как высшая ценность, «uber Alles», – как ценность крайняя и в трагически-безысходном смысле последняя, что это? …Крик ли это самоутверждающегося в наготе своей племенного себялюбия, биологический лозунг в борьбе за преобладание вида, или же, в человеческом, не зверином истолковании, отчаянное провозглашение гибели всех безусловных ценностей?» (Вяч. Иванов 1918: 11-12).

Подобная позиция в мировом масштабе ведет к приоритету дела, а не духа, вещей, а не духовных ценностей, Искушение дьявола, ведущее к духовному самоубийству, реализуется в немецких речах о культуре, являющих собой старые искушения Великого Инквизитора у Достоевского (силой, идеей, земными благами) и суть, по Вяч. Иванову, искушения Антихриста. Угаданные в своей философии соблазна, враги кричат: «Так знайте же: последнее слово того антропологического процесса, который мы называли культурой, – антропофагия» (Вяч. Иванов 1918: 15).

На фоне этого Вяч. Иванова волнует, поняли ли его соотечественники, что «война ведется за выбор основных путей человеческого духа». Следовательно, основной вопрос, ею решаемый – «Что восторжествует на земле – мир или меч, честный труд или

облекшееся в государственное всеоружие хищничество? Откроются ли обетованные дали нового, более счастливого и благостного века – или же, гонимые лютыми полчищами одержимых и сами заражаемые их одержимостью, мы ринемся с ними во тьму дохристианской дикости, в первобытные дебри духа, где царевать будет светловолосая Bestia? Мы видим, как вновь убивается Авель; навеки ли дьявольская магия оживит и в могиле не успокоенного, и Христовою Кровью не искупленного Каина» (Вяч. Иванов 1918: 17).

Исторический развилок, переживаемый человечеством, трактуется Вяч. Ивановым как выбор провиденциальных путей, сравниваемый им со страстным Таинством, одновременно искупительным и воскресительным, завершающим и начинающим. «…Поистине, теперешняя война творит новую историю», как говорит в своих «Письмах о современных событиях» Петр Кропоткин. …Мы еще не огляделись, где мы и что с нами; мы еще воображаем, будто все осталось на старых местах, а между тем уже перенесены в иную среду и несемся в новом пространстве, как бы увлеченные могучею кометой, вместе со всем, нас окружающим. На расстоянии трех месяцев легла пропасть и как бы раскрылся зев времени, отделяющий новую эпоху от старой. И то дело, что мы творим, есть еще только переход, или порог, к предстоящему нам положительному вселенскому делу. Но если не перейдем порога, то и окончательного назначения нашего не исполним» (Вяч. Иванов 1918: 18).

Переведя это на язык другого дискурса, мы можем выделить несколько впоследствии неоднократно повторяющихся составных начал ивановской модели конфликта.

Конфликт, – по Иванову, – всеобщ, имманентен человеческой природе, многосоставен, а не бинарен, предполагает несколько состояний системы, в зависимости от нарушения меры ее частей. Нарушение меры (как следствие обуяния гордыней, искушением силой, идеей, земными благами) выводит систему из состояния равновесия (или не приводит к новому синтезу).

Это ведет к победе деструктивных или деконструктивных сил («дьявольских» в своих различных ипостасях) над силами равновесия и синтеза. В выборе путей, перед которым поставила человечество война, и заключается смысл наступающего нового времени, в которое нужно перейти из ситуации культурной неопределенности, перебирая возможные варианты поведения человечества.

Вячеслав Иванов пользуется для конструирования своей модели и описания ситуации метафорами из «вечных текстов» культуры: Библии, «Фауста» Гете, романов Достоевского, т.к. они пластичны и «необязательны», однако, по стандартам символистского дискурса, создают мощное поле смысловой конвенции.

Заявленная схема и модель конфликта работают на всем пространстве книги, акцентируя различные стороны проблемной ситуации. Либо это – опасность отхода от начала синтеза в сторону «национальной феноменологии», деконструктивную во своей сути («Живое предание» – о русском славянофильстве), либо – пути к новому синтезу («Польский мессианизм, как живая сила», «Два лада русской души»), либо – предощущение опасности нарушения меры через синтез ложный («Легион и соборность»), либо – описание результатов перехода от деконструкции к деструкции, ощущаемый как переход Люциферова начала в начало Ариманово (статья «Вдохновение ужаса» о «Петербурге» Андрея Белого), либо – описание множественности вариаций этого переходя в его российской версии («Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского»).

В последней статье в главке «Пролегомены о демонах» подробно исследуются начала деконструктивное и деструктивное, выведенные под именами Люцифера (Денницы) и Аримана, «духа возмущения и духа растления». На путях синтеза человечество в результате конфликта приходит к «соборности», на путях деконструкции – к организации на основах научности и технологий, к «культуре». Везде при этом за темой трагизма, разрыва, конфликтного состояния присутствует лейтмотив войны как катализатор всего происходящего.

Завершает тему войны как одной из возможностей развития конфликта совокупность статей 1917 года, посвященных революции, закономерно понятой Вячеславом Ивановым как одной из вариаций конфликта (статьи «Революция и народное самоопределение», «Маккиавелизм и мазохизм» «Скрябин и дух революции», «Духовный лик славянства»).

«Россия стоит у порога своего инобытия, – и видит Бога, как его алчет. Страж порога, представший перед ней, в диком искажении – ее же собственный образ. Кто говорит: «Это не Россия», – бессознательно тянет ее в вниз в бездну. Кто говорит: «Отступим назад, вернемся к старому, сделаем случившееся не бывшим», – толкает ее в пропасть сознательно. Кто хочет пронзить и умертвить свое живое подобие, умерщвляет себя самого. …Самоопределение народа будет истинным лишь тогда, когда станет целостным» (Вяч. Иванов 1918: 178).

«Наши революционные деятели и властители наших политических дум, как стоящие у кормила, так и простирающие к кормилу руки, унаследовали все навыки старой бюрократической и полицейской власти, чуждой народу по духу, происхождению, выучке и приемам господствования» (Вяч. Иванов 1918: 181-182).

«Революционное действие, принужденное ограничиваться провозглашением отвлеченных схем общественной мысли и гражданской морали, как новых основ народного бытия, – бездейственно. Революционное состояние, при невозможности явить себя в творческом действии, принимает характер состояния болезненного, изобличаемого грозными симптомами все растущего безначалия и общей разрухи, развитием центробежных, в разделении и раздоре самоутверждающихся сил и распадением целостного духовного организма народного на мертвые части.

Революция или оставит на месте России «груду тлеющих костей», или будет ее действительным перерождением и как бы новым, впервые полным и сознательным воплощением народного духа. Для истинного свершения своего в указанном смысле она должна явить целостное и, следовательно, прежде всего религиозное самоопределение народа» (Вяч. Иванов 1918: 185-86) (от 6 октября 1917 г.).

В статье о Скрябине Иванов видит в стихии скрябинской музыки и в нем самом гения времени, воплощающего собой Дух революции как творческого начала конфликта. В символистской лексике Иванова – демон Скрябина – это Дионисий-Лисий, Вакх-эллинских Элевтерий, Разрешитель, Расторжитель, Высвободитель. И поэтому жанр Скрябина – мистерия.

«Если переживаемая революция есть воистину великая русская революция, – многострадальные и болезненные роды «самостоятельной русской идеи», – будущий

историк узнает в Скрябине одного из ее духовных виновников, а в ней самой, быть может, – первые такты его ненаписанной Мистерии. Но это – лишь в том случае если, озирая переживаемое нами из дали времен, он будет вправе сказать не только: «земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною», но и прибавить: «и Дух Божий носился над водами» – о том, что глядит на нас, современников, мутным взором безвидного хаоса» (Вяч. Иванов 1918: 196-197) (24 октября 1917 г.).

Так завершается, не названная впрямую, тема войны в символистском сборнике Иванова, где за явным публицистическим сюжетом сквозит главный, символистский: война как вечное состояние человечества, чреватое многими последствиями. И – в свете наших интересов – война как одно из проявлений конфликта, когда модель конфликта понимается как социальная форма организации жизни человека и человечества. Кроме того, это, по Вячеславу Иванову, проявление собственно человеческой сущности, и антропологическая основа конфликта для него ясна.

Вячеслав Иванов, находясь в своеобразном «культурном промежутке», связанном с высокой степенью культурной неопределенности, в «старом» классическом языке не только адекватно сформулировал новые проблемы времени – времени Первой мировой войны и наступающей русской революции.

Используя фундамент романтической и неоромантической философии и ревизуя вслед за ними основные принципы парадигмы Просвещения, он смог увидеть в Первой мировой войне тип и модель конфликта, который является имманентным антропологической природе человека. Поэтому, в духе Зиммеля, конфликт предстает у Вячеслава Иванова как не только социальная, но и культурная форма, наделенная способностью к вариативности, но всегда присущая человеческому обществу как одна из других себе подобных (ср. формы консенсуса, переговоров).

При этом несомненны по сравнению с современниками нестандартность и новаторство позиции Иванова, отвергшего традиционную бинарную модель конфликта (Я-Другой) и предложившего тринарную модель, гораздо более сложную и вариативную. Ее вариации строятся на схеме «Христос-Люцифер-Ариман», которую можно представить как взаимоотношения начала синтеза (в лексике Иванова «Христос», «соборность», «православие», всегда трактуемые неканонически), начала революционно-новаторского, инновативного и деконструирующего (в лексике Иванова – «Люцифер») и начала деструктивного (в лексике Иванова «Ариман-Мефистофель», но без гетевской диалектичности; «Легион»). Модель эта также гораздо более диагностична и прогностична, чем бинарная.

При преобладании начала синтеза конфликт как бы уходит в латентную фазу, сохраняя при этом такие свои качества, как мощность, напряжение, всеохватность.

При преобладании начала инновативно-деконструирующего конфликт переходит в стадию революции, ее первую фазу.

При преобладании начала деструктивного конфликт переходит из первой фазы революции (демократической) в фазу вторую – революцию классовую, а затем, возможно, и в гражданскую войну.

Итак:

Диагноз Иванова: Первая мировая война – это новый аффективный опыт, но отнюдь не новость как социальная и культурная форма. Эта форма- конфликт – постоянна, устойчива, многообразна, комплементарна, вариативна, свойственна (с антропологических позиций) человеческой природе как таковой.

Прогноз Иванова: одна из российских вариаций этой социокультурной формы есть революция как начало деконструирующее, преобразующее, которая в потенциале, тем не менее, несет в себе гражданскую войну как деструктивное, разрушительное начало.

Промежуточная фаза, Ивановым не названная, но как бы существующая в историческом подтексте – по дате публикации – есть переходная фаза от демократической революции («Люциферианское начало») к революции классовой («Ариманово начало»), и победа этого начала в гражданской войне как деструктивной вариации конфликта.

Это вполне структурно перекликается с младосимволистской теорией революции по Владимиру Соловьеву, где революция социальная – лишь подготовительный этап к подлинной революции – «революции сознания», ведущей в конечном счете к «революции духа» как конечной цели человечества. Только анализ Иванова фиксирует своеобразную трагическую инверсию фаз, связывая это с преобладанием деструктивного («нигилистического») начала в русской жизни этого времени. Вынесение метафизического духовного («соборного») начала за скобки, по мнению Иванова, выводит конфликт из латентной фазы сразу в область деструкции. И «война» из инструмента переделки человечества – и, в частности, российской жизни сообразно началам синтеза и творчества – из «вселенского» дела закономерно уходит в область личного и государственного эгоизма, чреватого смертью и разрушением.

Логика репрезентации войны как одной из социокультурных форм – конфликта, представленная в сборнике Иванова, послужила для нас поводом для реконструкции его модели и рассмотрения ее интересности и актуальности для нашего времени, когда мы снова находимся в ситуации смены культурных парадигм и в ситуации не меньшей культурной неопределенности.

Анализ военного конфликта в военных рассказах Андрея Платонова.

Обращение к военным рассказам Андрея Платонова сороковых годов – повод и возможность проследить дальнейшее существование войны как модели конфликта в Модерне, причем опыт этот для писателя все время соотносится с представлением о войне как таковой – независимо от хронологических рамок ее существования.

На первый взгляд в военных рассказах Андрея Платонова воспроизводится классическая модель конфликта до-модерной эпохи – бинарное противоречие «свой-чужой», чьи основы коренятся еще в архаике. Но при внешнем сходстве внимательный взгляд исследователя не может не заметить весьма существенные отступления и корректировки.

Так, у Андрея Платонова *«свой» – больше, чем человек*. Это – либо «одухотворенные люди», чьи подвиги превозмогают обычные представления о физических человеческих возможностях («Одухотворенные люди», рассказ, выросший из материалов военной хроники), либо эпические богатыри, генезис которых восходит к мифу и эпосу, также опровергающие наши представления о человеческой природе, либо – подвижники, чей путь прослеживается от обычной «земной жизни» через искушения к искусу («По небу полуночи»), либо – святые («Девушка Роза»).

«Чужой» при этом представлен как не-человек, недо-человек. (Наиболее характерный пример – рассказ «Неодушевленный враг») С одной стороны, это было как бы общим местом советской военной литературы и публицистики тех лет – расчеловечение врага, превращение его тем самым в объект ненависти и выведение его уничтожения за рамки норм человеческого общежития.

Однако Андрей Платонов и здесь оставался не похожим на остальных.

Война как таковая, как война с внешним врагом – это война не-людей, т.к. обе стороны конфликта представлены как преступающие человеческую природу сущности.

Война для Платонова – постоянная мифологема распада и разрушения, деструкция без намеков на деконструкцию, *нарушение человеческого в человеке, разрушение самой его антропологической природы.*

Когда-то Андрей Платонов написал в своих записных книжках: «Современная война как инстинктивное, стихийное, безумное по форме, искание выхода из невозможного своего положения. Искание не сознанием, но практикой, страданием, мукою etc…» (Платонов 2010: 225).

Его настоящий «военный конфликт» разворачивается как конфликт «души» человека и человеческого «тела». Для Платонова если сражаются только «тела» – конфликта нет, это внешний конфликт, неинтересный и непоказательный.

Другое дело, когда сражаются «души» – тогда главный герой видит конфликт как конфликт на уничтожение – как и положено! – и конфликт переходит из латентной фазы в активную – с уничтожением «противника» в собственной душе.

Собственно, война для Платонова становится средством обострения вечной экзистенциальной человеческой ситуации, и здесь мы видим перекличку не только с известной максимой Достоевского о «поле битвы – душах людей», но и с символистским пониманием вечного конфликта как «революции сознания».

Два рассказа, помогающие понять трактовку писателя, обрамляют «военную тему Андрея Платонова, выходя за хронологические рамки собственно военного времени- это рассказы «Река Потудань» и «Возвращение» («Семья Иванова»). «Река Потудань» – как бы преддверие «Возвращения». И там, и там люди, «переделанные» войной, ее «губительными страстями», немеют от невозможности жить человеческой жизнью, совершают обмен женскими и мужскими функциями, дети превращаются в стариков. …Ход естественной жизни, антропология человека нарушается.

В свое время в критических статьях о романе Хемингуэя «Прощай, оружие!» и романе Олдингтона «Все люди – враги» Андрей Платонов рассмотрел так называемую «робинзонаду любви» как яростную и обреченную попытку «тел» в любви-страсти отстоять свои естественные права на фоне мрачного военного конфликта «тел» как игры на уничтожение.

В отличие от Вячеслава Иванова конфликт, признаваемый как извечный для природы человека и тем самым являющийся одной из постоянных форм социокультурного взаимодействия, у Андрея Платонова существует как современный не за счет провиденья его сложной и тем самым вполне «модерной» формы. «Вечная современность» и актуальность конфликта для писателя коренятся в интериоризации человеком его дуальной архаики.

Вот почему литература как одна из символических культурных форм является для Платонова средством не только фиксации, но исследования и предупреждения. Оставаясь человеком Модерна, Платонов воспроизводил не только заложенные уже в самой ранней его фазе противоречия, развернувшиеся позже в постмодерне, но и вечную любовь Модерна к синтезу – вопреки всему, вопреки даже грустно осознаваемой несовершенной природе человека, для которой конфликт и война есть естественное состояние.

И в «Реке Потудани», в описании людей, возвращающихся с полей войны, есть эта извечная тяга преодоления.

«Трава опять отросла по набитым грунтовым дорогам гражданской войны, потому что война прекратилась. В мире, по губерниям, снова стало тихо и малолюдно, некоторые люди умерли в боях, многие лечились от ран и отдыхали у родных, забывая в долгих снах тяжелую работу войны, а кое-кто из демобилизованных еще не успел вернуться домой и шел теперь в старой шинели, с походной сумкой, в мягком шлеме или овечьей шапке, – шел он по густой, незнакомой траве, которую раньше не было времени видеть, а может быть – она просто была затоптана походами и не росла тогда. Они шли с обмершим, удивленным сердцем, снова узнавая поля и деревни, расположенные в окрестности по их дороге, душа их уже переменилась в мучении войны, в болезнях и в счастье победы, – они шли теперь жить точно впервые, смутно помня себя, какими они были три-четыре года назад, потому что они превратились совсем в других людей – *они выросли от возраста и поумнели, они стали терпеливей и почувствовали внутри себя великую всемирную надежду, которая сейчас стала идеей их пока еще не большой жизни, не имевшей ясной цели и начала до гражданской войны» (Курсив мой – Н.П.)* (Платонов 1972, II: 80).

И если первая часть этой фразы – рассказ о нарушенной войной человеческой природе и необходимости ее припоминания, вторая часть- воплощение противоречия и утопии проекта Модерна, оканчивающегося на наших глазах, заложенная в нем изначально.

На границах постмодерна: война и конфликт в рассказе В. Маканина «Кавказский пленный».

Рассказ В.Маканина, написанный в 1994 году, это обобщения опыта российского общества, пережившего чеченскую войну. Опыт, по меркам предыдущих моделей конфликта, странный и противоречивый, но перестающий казаться таковым, когда мы вновь обратимся к конфликту как форме социального взаимодействия, а к войне как одному из видов конфликта, отражающему антропологическую природу человека.

Во всяком случае, здесь разговор идет уже не о фиксации противоречий Модерна, а о финальной фазе «большого культурного стиля», о финале финала – жизни на последних границах, точнее, окраинах Постмодерна, круто изменившей не только лексику дискурса, но и саму логику мышления, если о ней еще можно говорить.

Рассказ о таинственной, коварной и опасной красоте чужого края и «врага-чужака», приводящей к изменениям и метаморфозам вторгшегося в эти пространства завоевателя, демонстрирует неминуемую гибель старых моделей и представлений, будь то бинарности архаики, противостояния и деструкции классического Модерна или его квазиромантические стремления к синтезу.

Фабула рассказа предельно проста. Группа российских солдат, везущих продоволь-

ствие своим, не может пройти своеобразный «пограничный кордон» чеченцев. Правила прохода известны: надо обменять право прохода на пленного. И тогда главный герой отправляется за «обменной монетой». Но молодой чеченец, взятый в заложники для обмена, красив губительной и тонкой, непонятной, андрогинной красотой, рождающей в самой природе его врага неожиданное смутное влечение. Поход через горы, который должен закончиться, ко всеобщему удовольствию, обменом и проходом отряда с продовольствием, заканчивается смертью заложника: главный герой задушит его, дабы юноша не выдал солдат идущим рядом по горной тропе отрядам боевиков. Коллизия с проникновением вглубь чужого пространства закончилась ничем. Но финал рассказа рифмуется с его началом: на фоне прекрасных гор убит российский солдат, который пьяненьким заснул на поляне, убаюканный мнимым спокойствием и волшебной красотой чужих мест. «Солдаты, скорее всего, не знали про то, что красота спасет мир, но что такое красота, оба они, в общем, знали. Среди гор они чувствовали красоту (красоту местности) слишком хорошо – она пугала» (Маканин: http://bookz.ru/authors/makanin-vladimir/makanin/1-makanin.html).

Для сравнения – из рукописи рассказа Андрея Платонова «Майская роза», где мы видим гораздо большую ригористичность и определенность при фиксации того же самого опыта: «Вообще-то уже давно Гвоздарев во всякой видимой красоте подозревал затаенную хитрость, – может быть даже и подлость; он допускал, что красота лишь маскирует собою глубокое безобразие нравственного или умственного строя человека, неисправимое нарушение либо другое порочное нарушение души» (Цит. по: Материалы 2004: 497).

«Тела», вопреки всем правилам классической модели конфликта, тянутся друг к другу. Здесь нет противостояния «тел» и «сущностей», как у Андрея Платонова, нет жесткой оппозиции «свой-чужой», нет деконструкции и деструкции. (Воина идет на бывшей «общей» территории, которая на самом деле никогда «общей не была, это «странная» война, не объявленная как война официально). Но война как лакмус проявляет состояния человека, вытаскивает его бессознательные влечения, вводит его на поверхности неизведанных пространств и в пограничье, размывает ригидность и определенность субъекта Модерна, являет его промежуточность и номадность как антропологическую данность. Поэтому мы видим сменяющиеся состояния, наплывающие друг на друга, как рябь по воде, Влечения тел в одну минуту сменяются взаимным уничтожением. Точнее, влечение не отменяет уничтожение, а, скорее, усугубляет его в стремлении избавиться от неизведанного и опасного в собственной природе. При этом конфликт как бы «плывет», перемещаясь от полюса «врага» внутрь, в природу самого субъекта.

Здесь впору вспомнить об отсылке к романтизму и к предыдущим трактовкам темы, заданным самим названием, слегка измененным. Романтические поэмы Пушкина и Лермонтова давали в свое время твердые каноны стилевого романтизма, где любовь как залог высшего, метафизического синтеза на небесах, в горних высях преодолевала бинарную оппозицию своего и чужого, уничтожая на земле героиню – носительницу конфликта.

«Кавказский пленник» Льва Толстого почти пародийно сознательно снижал ситуацию, заменяя пару романтических героев бывалым солдатом и девочкой, чья естественная человеческая приязнь помогала преодолеть оковы и конфликты социальных и культурных установлений. Очень

толстовский ход дал развитие всему его «военному кавказскому тексту», включая «Набег» и «Хаджи Мурата», замечательно совместив сентименталистские традиции Руссо и Стерна с толстовской диалектикой «живой жизни».

Но в тексте Маканина, существующем на крайних границах постмодерна, присутствует дух другого романтического творения, тоже через Пушкина пришедшего в плоть и кровь русской прозы – «Сказок Альгамбры» Вашингтона Ирвинга с его «Легендой об арабском звездочете», легшей в основу пушкинской «Сказки о Золотом петушке». Проницательная Анна Ахматова, дитя Серебряного века, в свое время очень точно почувствовала этот мотив опасной и влекущей красоты, пробуждающей в человеке «губительные страсти» (Андрей Платонов). Правда, метаморфозы предстают теперь в прозе Маканина – одном из образчиков современной русской прозы – не как романтическая чреда сменяющих друг друга масок, а как средство для фиксации и описания человеческих состояний, по-новому заставляющих говорить о конфликте как вечной форме социального и культурного взаимодействия и войне как вечной возможности его проявления. При этом мои предположения – тоже лишь одна из форм репрезентации ситуации, данная с позиций культурно-антропологических.

ЛИТЕРАТУРА

Анкерсмит, Ф.Р. Возвышенный исторический опыт / Ф.Р. Анкерсмит; [пер. с англ.: Олейников А.А. и др.; науч. ред. – А А. Олейников]. – М.: Европа, 2007. – 609 с.

Ахматова, А. Последняя сказка Пушкина // *Ахматова А.* Собр. соч. в шести томах. – М.: Эллис Лак, 2000-2002. – Т. 6.- Данте. Пушкинские штудии. Из дневников. С. 13-43.

Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / Марк Блок; Пер. Е.М. Лысенко; Примеч. и ст. А.Я. Гуревича; [АН СССР.]. – 2-е изд., доп. – М.: Наука, 1986. – 254 с.

Бродель, Ф. Динамика капитализма: [Пер. с фр.] / Фернан Бродель. – Смоленск: ТОО «Полиграмма», 1993. – 123 с.

Иванов, Вяч. Родное и вселенское: Статьи. (1914-1916): [Прил. (1917 г.)] /. – М.: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1917. – 205 с.

Даррендорф, Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Ральф Дарендорф; Пер. с нем. Л.Ю. Пантиной. – М.: РОССПЭН, 2002 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). – 284 с.

Зиммель, Г. Конфликт современной культуры // Зиммель Г. Избранное: в 2 т. / Георг Зиммель; отв. ред. Л.Т. Мильская. – М.: Юрист, 1996. – С. 61 – 79.

Козер, Л.А. Функции социального конфликта / пер. с англ. О.А. Назаровой. – М.: Идея- Пресс; Дом интеллектуальной книги, 2000. – 208 с.

Колесникова, Е.И. «Мастерская победы» Андрея Платонова. Рукописи военных лет в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Вестник СПГУТД. – 2014 – Серия 2. – 2014. – № 4. – С. 50 – 60.

Луман, Н. Общество общества. Часть II. Медиа коммуникации. – М.: Логос, 2005. – 280 с.

Луман, Н. Эволюция / Никлас Луман; [пер. с нем. – А. Антоновский]. – М.: Логос, 2005. – 254 с. – (Socium. Общество общества III = Socium. Gesellschaft der Gesellschaft III).

Луман, Н. Дифференциация / Никлас Луман; пер. с нем. Б. Скуратова. – М.: Логос, 2006. – 317 с. – (Библиотека философского журнала Логос) (Socium. Общество общества. IV = Socium. Gesellschaft der Gesellschaft. IV).

Луман, Н. Самоописания: общество общества, книга 5 / Никлас Луман; [пер. с нем. под ред. О. Никифорова и А. Антоновского]. – М.: Логос: Гнозис, 2009. – 318 с.

Маканин, В. Кавказский пленный. [Электронный ресурс] // URL: http: // bookz.ru/authors/ makanin-vladimir/makanin/1-makanin.html (дата обращения: 27.01.2019).

Материалы из Рукописного Отдела ИРЛИ (Публикация и примечания Е. И. Колесниковой) // Творчество Андрея Платонова. Исследования и материалы. – СПб.: Наука, Институт русской литературы (Пушкинский Дом). 2004. – Кн. 3.

Орлова, Э.А. Социология культуры] / Э.А. Орлова. – Киров : Константа ; Москва : Академический проект, 2012. – 574 с.

Платонов, А. Записные книжки: Материалы к биогр. / Андрей Платонов. – М.: ИМЛИ РАН : Наследие, 2000. – 418 с.

Платонов, А. Избранные произведения: В 2 т. / Андрей Платонов; [Составитель М.А. Платонова; Вступ. статья Е. Краснощековой]. – М.: Худож. лит., 1978.

Поппер, К. Нищета историцизма // Вопросы философии. 1992. – № 10. – С. 29 – 58.

Пушкин, А.С. Сказка о золотом петушке // *Пушкин А.С.* Собр. соч. в десяти томах / Под общей редакцией Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. – М.: ГИХЛ, 1960. – Т. 3. – С. 359 – 364.

Пушкин, А.С. Кавказский пленник // *Пушкин А.С.* Собр. соч. в десяти томах / Под общей редакцией Д.Д. Благого, С.М. Бонди, В.В. Виноградова, Ю.Г. Оксмана. – М.: ГИХЛ, 1960. – Т. 2. – С. 87 – 115.

Уайт, Л. Избранное: эволюция культуры / Лесли Уайт; [сост.: Л.А. Мостова]; [пер. с англ.: О.Р. Газизова, И. Ж. Кожановская]. – М. : РОССПЭН, 2004 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). – 1062 с. – (Культурология. XX век).

Уайт, Л. Избранное: Наука о культуре / Лесли Уайт; [пер. с англ. О.Р. Газизова, П. В. Резвых]. – М.: РОССПЭН, 2004. – 959 с. – (Культурология. XX век).

POLTAVTSEVA N. G.
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
natalypol2007@yandex.ru

War and the Intellectuals: Dynamics of the Conflict Patterns in the Russian Prose of the twentieth century

Summary. The focus in this article is the intellectual experience and reflection on the conflict of the early Modern period, associated with the collective experience of an entirely new type of experience of the First World War as a global conflict. A diagnosis and prognosis has been made on the basis of what is represented in the collection of articles “Native and Universal” (1918) by the famous poet and philosopher of culture Vyacheslav Ivanov, who belonged to the circle of Russian symbolists. A model of another type was represented by the great Soviet writer Andrey Platonov in his war stories. The third one was represented by Vladimir Makanin in his postmodernist story about the Chechen War. These three models of conflict were the object of our research. The article attempts to review conflict as one of the forms of social interaction.

Keywords: war, intelligentsia, conflict, Vyacheslav Ivanov, Andrey Platonov, Vladimir Makanin, war, Modern as a style of culture

ПОПОВА ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВНА
РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ТРАНСПОРТА, КАФЕДРА «ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ -5», РОССИЯ
tatyana_27@mail.ru

АНИКЕЕВА ИРИНА ГОДЕРЗОВНА
ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ, МОСКОВСКИЙ АВИАЦИОННЫЙ ИНСТИТУТ, РОССИЯ
anikeeva27@mail.ru

Концепт «запах» в семиотическом пространстве в творчестве Бориса Пастернака

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию концепта «запах» в семантическом пространстве Бориса Пастернака. Данный концепт в поэтическом пространстве творчества мастера слова выполняет доминантную роль, представляя собой катализатор ассоциативного фона индивидуального стиля Бориса Пастернака. Автор статьи рассматривает как позитивную, так и негативную коннотацию концепта «запах». На основе проведенного анализа автор статьи приходит к выводу, что как поэтический, так и прозаический тексты Бориса Пастернака представляет собой яркий способ актуализации языковой личности автора произведений и его перцептосферы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Борис Пастернак, дискурс, язык, концепт, семантика, метафора

Важным исследовательским принципом на современном этапе развития лингвистики, как в России, так и за рубежом, выступает антропоцентрический подход в русле когнитивной науки. Статья посвящена анализу базовых элементов индивидуального тезауруса Бориса Леонидовича Пастернака, одного из немногих мастеров слова, удостоенных Нобелевской премии. Его стихи и переводы вошли в золотой фонд русской и зарубежной литературы.

Приступая к описанию концепта «запах», прежде всего, необходимо остановиться на ключевых терминах, используемых в этой статье. Поскольку в творчестве Бориса Пастернак широко представлены метафорические модели самых различных концептов, и в том числе, и концепта «запах», важно описать такие термины, как метафора, индивидуально-авторская метафора и концепт.

Человеческая концептуальная система по своей природе метафорична. Говоря иными словами, метафора представляет собой языковое явление, которому соответствует та или иная модель действительности, определяемая мышлением человека и влияющая на выбор альтернатив в процессе принятия решений.

Об индивидуально-авторской метафоре мы говорим тогда, когда метафора представляет собой ассоциативную семиляцию по субъективным семам. Антропоморфная метафора приписывает те или иные свойства, которые характерны человеку, неодушевленным предметам или животным. Например, «море смеется и волнуется».

Индивидуально-авторская метафора возникает на основе авторского восприятия действительности, но при этом выдерживаются рамки базовых и типовых значений, что является важным условием для понимания метафорического значения, поскольку вновь созданная субъективно-авторская метафора должна адекватно восприниматься читателем на основе наглядно-чувственных образов, которые хранятся в его памяти (Попова 2010: 10 -12).

Что касается термина «концепт», который используется в статье, то необходимо отметить, что в русском языкознании представлен широкий круг понимания концепта. Небезынтересно привести, к примеру, два из них. Так, с точки зрения Е.С. Кубряковой (Краткий словарь когнитивных терминов 1997: 90-92), концепт определяется как оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания.

В.И. Карасик приводит такие дефиниции концепта, как: «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта»; «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны»; «фрагмент жизненного опыта человека»; «Переживаемая информация»; «Квант переживаемого знания» (Карасик 2004 (а): 37; 53; 64; Карасик 2004 (б): 11; 27).

Итак, рассмотрев вкратце базовые термины, применяемые в статье, еще раз подчеркнем, что в творчестве Б.Л. Пастернака широко представлены метафорические модели самых различных концептов и, в том числе, и концепта «запах.

К общехудожественным признакам пастернаковского дискурса можно отнести явление, которое академик Д.С. Лихачёв определяет как «экспрессионистичность», подчеркивая, что «поэзия Пастернака стремится к тому, чтобы усилить все формы поэтического воздействия – усилить их гиперболизацией чувств, ассоциаций,

метафоричностью языка, образной системы… его поэтическая система экспрессионистична» (Лихачёв 1997: 28).

Важным элементом обонятельной лексики языкового пространства Б. Пастернака выступает лингвокультурный компонент. Концептуальные параметры и смыслы обонятельных значений закреплены в значениях языковых единиц, а все способы выражения имеют единую ментальную основу. К ним можно отнести переносы, метафорические и метонимические явления, сравнение и взаимодействие метафоры и метонимии.

Для языковых репрезентантов «запах» не характерна жёсткая семантическая систематизация, поэтому предпочтительно распределить ольфакторные репрезентанты по тройственному принципу нейтральной / позитивной / негативной аксиологии. В качестве примера можно привести распределение ольфакторных номинант на позитивные (*душистый, благоухание, благоухающий, пахучий, свежий*) и негативные (*дурманящий, угар, гарь, тянуть*).

В стихотворении «Лето» есть такие строчки:

«Скорей со сна, чем с крыш; скорей // Забывчивый, чем робкий//
Топтался дождик у дверей //И ***пахло винной пробкой*** *//*
Так ***пахла пыль****. Так* ***пах бурьян*** *//И, если разобраться //*
Так ***пахли прописи дворян*** *// О равенстве и братстве»* (Борис Пастернак, «*Лето»,* 1917» - *http://www.b-pasternak.ru*).

Концепт «запах» широко «присутствует» в пастернаковских образных конструкциях многих произведений, как поэтических, так и прозаических его трудах: так, например, в стихотворении «На страстной», 1946 г.) читаем:

«И воздух с ***привкусом просфор*** *// И* ***вешнего угара*** *(*Борис Пастернак, «На страстной», 1946 - *http://www.b-pasternak.ru).*

Приведу еще строчки из двух стихотворений Бориса Пастернака, где присутствует концепт «запах»:

«И сад слепит, как плёс // Обрызганный, закапанный//Мильоном синих слёз // Моей тоскою вынянчен // И от тебя в шипах // Он ожил ночью нынешней // ***Забормотал, запах»*** *(*Борис Пастернак, ***«****Светает»,* 1919» - http://www.livelib.ru/author/1009/quotes/~7).

Авторская концептосфера Б.Л. Пастернака может рассматриваться как ментальная база идиостиля мастера слова. Идиостиль является важным инструментом для изучения языковой личности писателя. Индивидуальный стиль можно охарактеризовать как систему содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведениям конкретного автора, что и создает уникальным воплощение в этих произведениях авторского способа языкового выражения.

«Свист паровоза, хруст арбузной корки // В ***душистой лайке*** *робкая рука»* (Борис Пастернак, «*Поэт»,* 1936 -http://www.livelib.ru/author/1009/quotes/~7).

Как видно на основе этих примеров, номинанты запахов (***дурманящий угар, душистая лайка***) и появления запаха (***сад забормотал, запах***) понимаются читателем как разновидность состояния одной и той же сущности – «жизни» как череды быстро пролетающих и вновь уже неповторяемых мгновений. Использование именно этих специфических *ольфактивных* номинативных единиц Борисом Пастернаком указывает на весьма важную роль запаха в семиотической структуре в рассматриваемых стихах.

В следующем фрагменте метафорическое построение отличается относительной парадоксальностью семантических конфигураций:

***«Как обещало, не обманывая**// Проникло солнце утром рано // Косою **полосой шафрановою** // От занавески до дивана»* (Борис Пастернак, «Доктор Живаго» - http://citaty.info/book/boris-pasternak-doktor-zhivago)

Исследование ключевых концептов в поэзии Бориса Пастернака показывает то, что во многом они формируют идиолектные параметры художественного дискурса. Благодаря коннотативному макрокомпоненту концепты не только является ярким выразительным средством авторского языка, но и, функционируя в поэзии Бориса Пастернака, отражают идеологические компоненты структуры личности самого автора произведений. К ним можно отнести приоритет восхищения природой, родной стороной и чувственного начала, которые являются основой лингвистического импрессионизма.

*«По деревянным антресолям // Стоят цветочные горшки // С **левкоем и желтофиолем**// И дышат комнаты привольем // И **пахнут пылью чердаки»*** (Борис Пастернак, «Доктор Живаго» - http://citaty.info/book/boris-pasternak-doktor-zhivago)

Приведу пример ольфактонимов позитивной аксиологии (*духи*). В качестве катализатора перцептивного фона здесь выступает аккумулятивная структура *запах духов → воспоминание о любимой женщине.*

*«В прозрачность заплаканных дней целиком // Губами и глаз полыханьем // Впиваешься, как в помутненный флакон // С **невыдохшимися духами»*** ((Борис Пастернак, «*Осень».* 1917 - *http://www.b-pasternak.ru)*

*«Но вот приходят дни цветенья // И **липы в поясе оград**// Разбрасывают вместе с тенью // **Неотразимый аромат**// Гуляющие в летних шляпах // Вдыхают, кто бы ни прошел // **Непостижимый этот запах // Доступный пониманью пчел** // Он составляет в эти миги// Когда он **за сердце берет** // **Предмет и содержанье книги** // **А парк и клумбы переплет** (*Борис Пастернак, *«Липовая аллея»,* 1957 - http://www.livelib.ru/author/1009/quotes/~7).

*«Разрывая кусты на себе, как силок // Маргаритиных стиснутых губ лиловей // Горячей, чем глазной Маргаритин белок // **Бился, щелкал, царил и сиял соловей** // **Он как запах от трав исходил**. Он как ртуть // Очумелых дождей **меж черемух висел** // **Он кору одурял**. Задыхаясь, ко рту // Подступал// **Оставался висеть на косе»** (*Борис Пастернак, *«Маргарита»* 1919 - *http://www.b-pasternak.ru).*

Нужно отметить, что подобная группа ольфактонимов не столь многочисленна, поскольку пастернаковские запахи в большинстве своём конкретны и ясно воспринимаемы. Именно метафоро-метонимический контекст формирует следующие смыслы: *телеграмма как благоухание*; *запах* липы как *предмет и содержание книги*; *пение* соловья *как запах*, который *висит, подступает, одуряет*.

Концепт «запах» репрезентирует обонятельные восприятия в качестве того или иного образа, который выступает, с одной стороны, средством выразительного изображения эфемерной сущности запаха, с другой – логического осмысления благодаря анализу и синтезу ольфакторных впечатлений. Автор художественного слова и, в частности, Борис Пастернак, показывает малейшие оттенки положительных и отрицательных ценностных характеристик «запаха», передавая при этом не только со-

циокультурный опыт русской лингвокультуры, но и ярко передавая свое личностное чувственное восприятие окружающей реальности. Именно поэтому комплексное исследование концепта «запах» будет способствовать осмыслению замысла поэтического / художественного произведения, а, следовательно, и пониманию языковой личности автора.

В качестве демонстрации позитивной аксиологии из прозаических произведений Бориса Пастернака можно привести такие примеры, как «***пахнуть** липовым цветом*» – приятно пахнуть цветущим деревом, «***запах** табака и гелиотропа*» – приятный сладкий аромат, «***тянуть** свеженадкушенной французской булкой*» – приятно пахнуть выпечкой, «***веяло чем-то пахучим***» – приятный аромат, «***пахло** теплым ржаным хлебом*» – приятно пахнуть выпечкой, «*травянистый **запах** земли и молодой зелени*» – приятный запах свежести, «***запах** разгоряченной Тониной ладони*» – приятный запах дома, «*землей **пахнувшие** ливни*» – пахнуть влажной свежестью, «***полоса шафрановая***» – приятный пряный аромат.

В качестве демонстрации метафорических моделей концепта «запах» с отрицательной коннотацией можно привести такие примеры, как «запах ***рыбы и керосина***» – смешанный неприятный запах, «*пахнуть **формалином и карболкой***» – удушливый запах, «*пахнуть **краской и клеем***» – едкий запах, «*запах **нафталина***» – удушливый запах, «*запах **аптекарской ромашки и йодоформа***» – неприятный терпкий запах, «*запах **падали***» – запах гниения, «***трущобно-пыльное благоуханье***» – затхлый запах, «*пахнуть **керосином***» – неприятный смоляной запах, «***нагажено махоркой и лучинной гарью***» – неприятный горелый запах, «*запах **рухляди***» – неприятный запах пыли.

Таким образом, концепты, используемые автором произведения, отражают языковую личность самого мастера слова и, следовательно, они могут быть рассмотрены как лингвокультурный аттрактор. Это понятие соотносится с таким понятием, как архетип, но в большей степени обладает идеокультурной трактовкой. Говоря другими словами, речь здесь идет непосредственно об основных семиотических узлах культуры, которые располагаются на концептуальных осях, образующих характерную для национального языка амплитуду семантических колебаний и использующих языковые средства, употребляемые в той или иной определенной лингвокультуре. Таким семиотическим узлом национальной культуры выступает мастер слова и, в частности, Б.Л. Пастернак, для творчества которого характерны концептуальные метафоры.

Это можно объяснить тем, что метафора выполняет роль конструктивного элемента художественного текста. При этом она направлена на создание общего фона повествования. Метафора понимается нами не как некоторое образное средство, которое находится на периферии языка и лишь в случае утраты своей метафоричности проникает в его структуру, формируя переносное значение слова. Метафора определяется как скрытое сравнение, осуществляемое путем применения названия одного предмета к другому и выявляющее ту или иную важную черту второго.

В процессе образной метафоризации человек получает новые знания. Особенно ярко это выражается в тех случаях, когда образность обоснована какими-либо зафиксированными культурными или прочими фактами, когда происхождение образно-ассоциативного комплекса метафоры обусловлено культурно-историческими сведениями.

Таким образом, концепт «запах» в поэтическом пространстве творчества Бориса Пастернака выполняет доминантную роль, представляя собой катализатор ассоциативного фона индивидуального стиля поэта. Концепт «запах» относится к перцептивным лингвокультурным концептам. Люди, в том числе и мастера слова, живут в мире своего собственного восприятия, следовательно, весь воспринимаемый нами мир представляет собой своего рода объемное изображение, основывающимся на его знаниях, предыдущем опыте, уровне сознания и образующимся в сознании человека на базе информации, полученной от органов восприятия и пережитых эмоций.

ЛИТЕРАТУРА

Борис Пастернак, 2008-2015 [Электронный ресурс] // http://www.b-pasternak.ru/ (дата обращения: 08.12.2018).

Карасик, В.И. Языковый круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. - 2-е изд. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.

Карасик, В.И. Этноспецифические концепты / В.И. Карасик // Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. − Кемерово: Графика, 2004. – Вып. 4. – 206 с.

Краткий словарь когнитивных терминов / сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. − М., 1997. – С. 92-93.

Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность: Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 28-37.

Пастернак Борис – цитаты, 2006-2014 [Электронный ресурс] // http://www.livelib.ru/author/1009/quotes/~7 (дата обращения: 20.12.2018).

Попова, Т.Г. Художественная картина мира как концептуализированное художественное пространство / Т.Г. Попова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – Серия «Лингвистика», 2010. – Вып.10. – N. 1 (177). – С. 10-15.

Попова, Т.Г., Курочкина, Е.В. Концепт как оперативная единица памяти / Т.Г. Попова, Е.В. Курочкина // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Серия «Филологические науки». № 1, 2015. – С. 53 – 57. (Электронная версия журнала www.mggu-sh.ru).

Цитаты и афоризмы. Борис Пастернак. Доктор Живаго [Электронный ресурс] // http://citaty.info/book/boris-pasternak-doktor-zhivago (дата обращения: 20.12.2018).

POPOVA T. G.
Russian Transport University, Russia
tatyana_27@mail.ru

ANIKEEVA I. G.
Institute of Foreign languages
Moscow Aviation Institute, Russia
anikeeva27@mail.ru

The Concept of Smell in the Semantic Field of Boris Pasternak's Works

Summary. The paper is devoted to the research of the concept of smell in Boris Pasternak's works. This concept plays a great role in Pasternak's prose and poetry as the concept is also an associative contextual catalyzer of Boris Pasternak's individual style. The author of this paper reviews both the positive and negative connotations of the concept of smell. On the basis of this analysis, the author of the paper comes to the conclusion that both poetic and prose texts by Boris Pasternak are brilliant in helping one to recognize linguistic identity and the actualization of a perceptive field.

Keywords: Boris Pasternak, discourse, language, concept, semantics, metaphor

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Кемеровской области, проект 18-412-420001

ПУШКАРЕВА ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА
НОВОКУЗНЕЦКИЙ ФИЛИАЛ (ИНСТИТУТ) КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА, РОССИЯ
Irina_Pushkareva2016@mail.ru

Образ представителя интеллигенции в краеведческом медиатексте

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается образ представителя интеллигенции, созданный в текстах городской газеты «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк, Россия). В сибирской городской газете в связи с краеведческими доминантами эксплицирована система образов представителей интеллигенции конца XIX – начала XX вв., чьи фигуры становятся знаковыми в информационно-оценочном пространстве современного медиатекста (Ф.М. Достоевский, В.Ф. Булгаков, Г.Н. Потанин, В.В. Радлов, Э. Говард и др.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: медиадискурс, краеведческая доминанта, антропоним, образ представителя интеллигенции

Специфика ценностной картины мира не только отражается в медиадискурсе, но и во многом формируется под его влиянием. Региональные медиатексты позволяют исследовать взаимодействие надрегиональной и собственно региональной составляющих аксиосферы, в том числе значимый в ней образ интеллигентного человека.

Ю.С. Степанов возводит «дальнюю историю» концепта «Интеллигенция» к греческому понятию «ноэсис» в значении ‘сознание, понимание в их высшей степени’, противопоставленному «двум более низким степеням сознания» – ‘образ мыслей, размышление’ (diánoia) и ‘научное знание’ (epistēmē) – и в то же время объединяющему их на более высокой ступени (Степанов 2000: 17). М.Л. Гаспаров делает экскурс в историю слова и понятия *интеллигенция*: «Слово *intelligentia* принадлежит ещё классической, цицероновской латыни; оно значило в ней “понимание”, “способность к пониманию”. За две тысячи лет оно поменяло в европейской латыни много оттенков, но сохранило общий смысл: В. Тредиаковский предлагает для него термин “разумность”. В русский язык оно вошло именно в этом своём этимологическом смысле. В. Виноградов в “Истории слов” <…> напоминает примеры из второй половины XVIII – первой половины XIX в.: у масонов это высшее, бессмертное состояние человека как умственного существа, у А. Галича интеллигенция – “разумный дух”, у Н. Огарева иронически упоминается «какой-то субъект с гигантской интеллигенцией”, и даже “собака стала… интеллигентнее, впечатлительнее и сообразительнее, её кругозор расширился” (Тургенев, 1871)» (Гаспаров 2000: 7).

Слово *интеллигенция* зафиксировано в словаре В.И. Даля, в статье с заголовочным словом *интеллектуальный*, с указанием на латинское происхождение: «ИНТЕЛЕКТУАЛЬНЫЙ лат. духовный, умственый, разумный, пртвпл. *вещественый, плотской, тѣлесный, чувственый.* ***Интелигенція,*** въ знчн. собрт. разумная, образованная, умствено развитая часть жителей» (Даль 1994: 46). В «Толковом словаре русского языка» 1935–1940 гг. под редакцией Д. Н. Ушакова представлено лексическое значение слов *интеллигент (интеллигентка)*, *интеллигентность, интеллигентный, интеллигентский*, *интеллигентство, интеллигентщина, интеллигенция*: «ИНТЕЛЛИГЕНТ, -а, м. [от латин. intelligens – понимающий]. 1. Лицо, принадлежащее к интеллигенции. 2. То же, как человек, социальное поведение которого характеризуется безволием, колебаниями, сомнениями (презрит.). *Вот она, психология российского интеллигента: на словах он храбрый радикал, на деле он подленький чиновник. Ленин*»; «ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ <…> 1. Образованный, культурный, присущий интеллигенции. *Он оказался вполне интеллигентным человеком. Интеллигентный вид.* 2. *Прил.* к интеллигенция (книжн.). *Интеллигентные профессии. Интеллигентный труд*»; «ИНТЕЛЛИГЕНТСКИЙ, интеллигентская, интеллигентское (презрит.). Свойственный интеллигенту (во 2 знач.). Интеллигентские взгляды и привычки. *По моему мнению, отрицательное отношение к интеллигенции есть именно чисто “интеллигентское” отношение. Максим Горький*»; «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, интеллигенции, мн. нет, ж. [от лат. intelligentia – понимание]. Общественный слой работников умственного труда, образованных людей (книжн.). *Советская интеллигенция. – Ни один господствующий класс не обходится без своей собственной интеллигенции… Рабочий класс СССР также не может обойтись без своей собственной производственно-технической интеллигенции. Сталин.* 2. *собир*. *Люди этого слоя. На собрании присутствовала только интеллигенция*» (Толковый словарь русского языка 1935: 1214–1215).

Как видим, в словаре В.И. Даля охарактеризовано собирательное значение слова *интеллигенция*, с акцентами на семантике интеллектуального развития, в словаре под редакцией Д. Н. Ушакова представлен широкий круг родственных слов, звучат идеологические акценты «классового» толкования лексического значения, в том числе приводится пейоративная семантика с соответствующей стилистической пометой. Но в толковании лексического значения слов *интеллигентный*, *интеллигентность* эксплицирована мелиоративная семантика, а в иллюстративной части статьи к слову *интеллигентский* мы встречаем выходящее за рамки доминирующего идеологического подхода высказывание М. Горького, в котором выражено неоднозначное отношение к интеллигенции, сделан акцент та таком её важнейшем качестве, как саморефлексия.

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова (первое издание – 1949 год, в 1972 г. исправленное и дополненное издание вышло под редакцией Н.Ю. Шведовой, в 1990-е гг. словарь публиковался уже с именами двух соавторов – С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой), в отличие от словаря под ред. Д.Н. Ушакова, в словарной статье уже нет идеологических советских акцентов: представлено толкование лексического значения слов *интеллигент* («Человек, принадлежащий к интеллигенции»), *интеллигенция* («Работники умственного труда, обладающие образованием и специальными знаниями в различных отраслях науки, техники и культуры. *Передовая русская и. Советская народная и. Сельская и. Буржуазная и.*»), *интеллигентный* («Образованный, культурный; свойственный интеллигенту. *И. человек. И. вид*») (Ожегов 1973: 231). В более поздних изданиях в толковании лексического значения слова *интеллигентный* конкретизирована мелиоративная семантика, связанная с характеристикой внутренней культуры человека, – понятие интеллигентности представлено не как социальное, а как общечеловеческое, духовно-нравственное: «1. Принадлежащий к интеллигенции, а также вообще обладающий большой внутренней культурой. *И. человек. Интеллигентное поведение.* 2. Свойственный интеллигенту. *И. вид*. || сущ. *интеллигентность*, -и, ж.» (Ожегов, Шведова 2010: 231).

В «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой представлено толкование слов *интеллигент, интеллигентка, интеллигентно, интеллигентность, интеллигентный, интеллигентский, интеллигентщина, интеллигенция*: *интеллигенция* – «1. Социальная группа, состоящая из людей, обладающих образованием и специальными знаниями в области науки, техники, культуры и профессионально занимающихся умственным трудом»; «2. *собир.* Люди, принадлежащие к этому общественному слою, интеллигенты» (Словарь русского языка 1985: 671). Если говорить об исторической маркированности понятия, то она в словаре представлена широко и определяется как на основе дефиниций, так и на основе иллюстративного материала. Толкование слов *интеллигентский* и *интеллигентщина* включают характеристику «обычно о старой, буржуазной интеллигенции», при этом в иллюстративном материале звучат как неодобрительные высказывания В.И. Ленина об *«интеллигентщине»*, так и располагающие к неоднозначной интерпретации контексты: *Кажется, вы занимаетесь интеллигентской вознёй с самим собой* (Горький М. Жизнь Клима Самгина); *Это, я скажу, у неё интеллигентская мягкотелость* (Островский Н. Как закалялась сталь); *Та старая интеллигентщина, порождавшая то колебания, то слабость при решении острых вопросов, иногда проявлялась ещё в нём самом, и он больше всего не любил это в*

себе (Лидин В. Г. Две жизни). Другие контексты из иллюстративного материала к словам *интеллигент, интеллигентность, интеллигентный, интеллигенция* связаны с классическими произведениями русской литературы (А.П. Чехов), с эпистолярием XIX в. (С.В. Ковалевская), произведениями раннего советского периода (М. Горький, А. В. Луначарский) и середины XX в.; эксплицируются понятия *советский интеллигент, советская интеллигенция* (Словарь русского языка 1985: 671) (см. также: Кириченко 2017). М.Л. Гаспаров рассматривает 3 этапа эволюции понятия «интеллигенция» в русском языке, в русском сознании: «сперва это “служба ума”, потом “служба совести” и <…> “служба воспитанности”» (Гаспаров 2000: 9).

В настоящее время «интеллигентоведение» рассматривается как область междисциплинарных исследований (Рыженко 2003; 16–103). Обобщая подходы В.Р. Веселова, В.С. Волкова, М.Е. Главацкого, В.Т. Ермакова и др. к интеллигенции как социокультурному феномену, омский исследователь В.Г. Рыженко подчёркивает, что в изучении интеллигенции в 1990-е гг. «наметился выход за пределы социального подхода» к культурно-деятельностному: «усилилось внимание к рассмотрению понятия “интеллигенция” в её истории в контексте внутреннего мира культуры» (Рыженко 2003: 56). Опираясь на работу П.Н. Милюкова 1910 г., В.Г. Рыженко развивает мысль о «естественной связи интеллигенции как некоего цельного феномена с основанием, из которого он появляется, – с культурой»: «сам феномен как таковой универсален, а вот специфика почвы, её состояния – то есть местное (национально-государственное) своеобразие порождает уникальность интеллигенции как отдельной группы/страты в структуре населения той или иной страны» (Рыженко 2003: 94–95). Естественным продолжением этого умозаключения является мысль о перспективности локальных исследований феномена интеллигенции, в частности роли интеллигенции в культуре сибирского города.

Частотный словарь позволяет говорить о публицистической маркированности слов *интеллигенция* и *интеллигент*: их показатели частоты в публицистике разных лет (см. график) выше средних (*интеллигенция* – 35,6, *интеллигент* – 18,1), показатели слов *интеллигентный* и *интеллигентность* по-разному соотносятся со средними (*интеллигентный* – 22,1, *интеллигентность* – 3,5) в публицистике 1950–1960-х, 1970–1980-х и 1990–2000-х гг., их употребительность возрастает в публицистике 1970–2000-е гг. и превышает средний показатель частоты (Ляшевская, Шаров 2009). Несомненным лидером и по среднему показателю частоты, и по показателям употребительности в публицистике разных лет является слово *интеллигенция*.

В сибирской городской газете «Кузнецкий рабочий» (Новокузнецк) конца XX – начала XXI века в связи с краеведческими доминантами эксплицирована система образов представителей интеллигенции конца XIX – начала XX вв., чьи фигуры становятся знаковыми в информационно-оценочном пространстве современного медиатекста (Ф.М. Достоевский, В.Ф. Булгаков, Г.Н. Потанин, В.В. Радлов, Э. Говард и др.). Краеведческие доминанты – формирующиеся в региональном медиадискурсе и связанные с осознанием и выражением региональной идентичности темы, которые воплощают своеобразие, колорит региона, города, села и актуализированы системой стилистических средств и приёмов. В ходе исследования были рассмотрены контексты с указанными антропонимами, в том числе выявлены случаи употребления слов *интеллигенция* (встречается чаще остальных), *интеллигент*, *интеллигентный*, *интеллигентность.*

В городской газете имя существительное *интеллигенция* сопровождается определениями *творческая, русская, молодая, сибирская*, а также определениями-местоимениями (*наша, своя*). Неоднократно встречается определение *творческая*. Газетные материалы показывают, что одна из важнейших характеристик человека, позволяющих отнести его к интеллигенции как социальной группе, – творческое начало (семантика духовного богатства, способности к саморазвитию, созиданию). Определения *русская* и *сибирская* подчёркивают национальное и региональное своеобразие. А вот определение *молодая* характеризует специфику сибирской интеллигенции, которая в XIX веке ещё только формируется. Рассмотрим подробнее контексты употребления слова *интеллигенция*, позволяющие выявить семантико-стилистические характеристики медиатекстов.

Материалы городской газеты позволяют оценить социальный состав интеллигенции как разнородный. Например: *«Писатели-современники Ф.М. Достоевского в Сибири» – это цикл очерков о литературной деятельности 9* ***представителей русской интеллигенции*** *– от знаменитых до малоизвестных. Среди них: писатель-христианин Федор Достоевский, революционер-утопист Михаил Буташевич-Петрашевский, крестьянин-философ Тимофей Бондарев, прозаик и публицист Иван Белоконский, литературный и театральный критик Александр Амфитеатров, исследователь этнографии и археологии князь Николай Костров, поэт и мемуарист Александр Кузьмин, братья-декабристы Александр и Петр Беляевы. Разные по степени яркости литературного таланта, но искренне влюбленные в литературу, они внесли свой посильный вклад в развитие и культурное освоение Сибири* (Е. Трухан, 14.02.2014). Наряду с разнородностью социального состава (от крестьянина до князя) в тексте отражаются различие интересов и воззрений представителей интеллигенции (литература, христианство, философия, этнография, археология) и разная степень известности персоналий (использована амфитеза: *от знаменитых до малоизвестных*). Что же объединяет этих людей?

Во-первых, в данном случае названы именно писатели. Как важнейшее занятие интеллигентного человека представлена литература как та сфера творчества, которая позволяет выразить духовные искания в слове. Писатель – думающий человек. На примере девяти названных представителей интеллигенции мы видим сочетание писательской деятельности с различными сферами размышлений, в том числе с философией как предельной формой обобщения результатов рефлексии. Во-вторых, интеллигентного человека характеризует глубокая увлечённость определённым творческим занятием. В приведённом контексте используется эпитет: ***искренне влюбленные*** *в литературу*. В-третьих, как следует из газетной публикации, интеллигенция играет особую роль в обществе – развивает и облагораживает его, приобщая к культуре, см.: *внесли свой посильный вклад в развитие и культурное освоение Сибири.*

Ключевая тема, связанная с развитием культуры, – преемственность. В анализи-

руемой статье композиционно актуализирована тема преемственности: после абзаца об интеллигенции прошлого следует абзац, создающий образ интеллигенции нашего времени, при этом используется реприза слова *интеллигенция*: *На открытии выставки выступили представители* ***творческой интеллигенции города****: член СП* [Союза писателей. – И.П.] *России прозаик Владимир Неунывахин, поэтесса и руководитель литературного объединения «Творческая шкатулка» Наталья Палаткина, библиотекарь Кузбасской православной духовной семинарии Ольга Голикова. Они подчеркнули значимость подобных мероприятий в культурно-просветительской жизни Новокузнецка, расширении межрегиональных контактов, популяризации деятельности писателей прошлых лет* (Е. Трухан, 14.02.2014). В данном абзаце усилено звучание темы культурно-просветительской роли интеллигенции в обществе. Отметим, что данная тема сопряжена с темой культурных контактов. Подчеркнём, что появление образа интеллигенции современного Новокузнецка в связи с темой сохранения культурной памяти характерно для газетных публикаций. Так, в статье В. Валиулина «Достойные есть» (09.09.2010) в связи с темой сохранения памяти о пребывании в Кузнецке Ф.М. Достоевского встречаются слова *интеллигенты* и *интеллигенция*: *Уверен, что* ***наши интеллигенты****, творческие и культурные работники не менее санкт-петербуржцев ценят и почитают талант Федора Михайловича Достоевского, гордятся тем, что не откуда-нибудь, а из Кузнецка вывез он свою страдающую музу - Марию Дмитриевну Исаеву. И они,* ***наши интеллигенты****, с великой радостью приняли бы участие в подобном празднестве, будь оно организовано в Новокузнецке, а точнее - на улице Достоевского, в том месте, которое давно уже просится стать музейным кварталом, освященным именем великого писателя. Повод для организации такого праздника появится в Новокузнецке (и не только) в будущем году, когда 11 ноября будет отмечаться 190-летие со дня рождения Федора Михайловича. Если объединить усилия так, как это было сделано в Санкт-Петербурге,* ***творческой интеллигенции****, актеров, художников, музейных работников и администраций (городской и областной), можно развернуть такое торжество культуры, что уже от нас поедут его восторженные гости, рассказывая о том, как в Новокузнецке чтут память великого писателя.* Образ интеллигенции в городской газете, безусловно, имеет региональный колорит, наиболее полно воплощаемый, например, в информационных ресурсах сайта Центральной городской библиотеки им. Н.В. Гоголя (Проект «400 знаменитых новокузнечан»).

В представлении различных сибирских и близлежащих городов XIX века в городской газете используются приёмы семантического контраста (в том числе противопоставляются ошибочные представления и реальность) и фокусирования, благодаря которому от общего фона отделяется «фигура» – образ интеллигенции или интеллигентного человека.

Например, образ уездного сибирского городка Кузнецка: *Для углублённого понимания личности священника Тюменцева и характеристики духовной жизни Кузнецка второй половины XIX века обратимся ещё раз к письму: «В то время литературная деятельность Фёдора Михайловича только ещё начиналась, и я в это время был знаком только с его «Бедными людьми», затем вскоре с «Записками из Мёртвого дома». Прочие его произведения в Кузнецкой училищной библиотеке были почти все и* ***нашей интеллигенцией*** *читались с большой охотой. Богослужение в воскресенье и праздничные дни Ф.М. Достоевский посещал всякий раз»* (А. Шадрина, 07.06.1990); *В середине XIX века город был не захолустным местечком, это была русская провинция, здесь имелись* ***своя интеллигенция****, свое общество* (Н. Каменева, 22.03.2007).

Значим в текстах городской газеты образ Марии Дмитриевны Исаевой, например: *Еще ожидая приговора в Петропавловской крепости, Федор Михайлович писал родственникам, что в его судьбе грядет некий перелом, который в корне изменит его жизнь и мировоззрение.*

Предчувствие не обмануло Достоевского. Именно таким чудом для него стало ***вхождение в круг семипалатинской интеллигенции****, в частности – знакомство с супругами Исаевыми (Марией Дмитриевной и Александром Ивановичем) и их сыном Пашей.*

В то время Мария Исаева, являясь одной из наиболее образованных дам небольшого городка (по одной версии, она окончила гимназию в Таганроге, по другой – обучалась в астраханском пансионате благородных девиц), была уже знакома с ранним творчеством Федора Михайловича, и интеллектуальное общение с опальным писателем быстро переросло в дружбу с ним (Е. Казьмина, 01.03.2008). Отметим такие характеристики Марии Дмитриевны, подчёркнутые газетой, как образованность, начитанность, способность к интеллектуальному общению.

Далее журналист актуализирует антитезы образов интеллигентной М.Д. Исаевой, с одной стороны, и провинциального кузнецкого общества, включая Н. Б. Вергунова (*кузнецкие кумушки, гимназист-недоучка*), с другой: *Это происходило летом 1856 года. Достоевский пробыл в Кузнецке всего два дня, остановившись по соседству с домом Исаевой у семейства Вагиных. К слову, поползшие впоследствии слухи о ночевке писателя у самой Марии Дмитриевны не имеют под собой оснований. Подобное действие неизбежно скомпрометировало бы женщину в глазах кузнецких кумушек, чего Достоевский, естественно, никак не мог допустить. Познакомившись с поклонником своей возлюбленной, Федор Михайлович пришел в недоумение от этого гимназиста-недоучки, казавшегося абсолютно бесцветной личностью на фоне* ***интеллигентной*** *Марии Дмитриевны. Уже по возвращении в Семипалатинск Достоевский написал письмо, раскрывшее его чувства и говорившее о невозможности брака Исаевой и Вергунова* (Е. Казьмина, 01.03.2008).

С образом молодой сибирской интеллигенции (городская газета называет писателей, врачей, учителей) связан образ Томска – университетского города, думающие люди которого не только погружены в специальные сферы образования и науки, но и занимаются общественной деятельностью, в частности изданием газеты «Сибирская жизнь»: *Для того чтобы сделать газету актуальной, увлекательной и популярной, издатель привлек к ее формированию солидные творческие силы: депутатов Государственной думы, профессоров Императорского Томского университета, чиновников, некоторых политических ссыльных, а также* ***представителей молодой сибирской интеллигенции – писателей, врачей, учителей****. Сотрудниками и корреспондентами в редакции трудились: Потанин, Волховский, Наумов, Клеменец, Голубев, Синегуб, Кон, Арефьев, Ленгник, Лепешинский, Сильвин и многие другие. По данным 1913 года, в списке работающих в «Сибирской жизни» значилось 59 человек* (Е. Трухан, 13.02.2014). Сфера интересов, к которой приобщала творческая интеллигенция читателей газеты, широка и разнообразна: *Со*

всех уголков Сибири в газету направлялись статьи, посвященные проблемам российской и зарубежной жизни, известия научного и практического содержания по разным отраслям, хроника текущих событий Томска и близлежащих городов, тематические научные публикации – исторические, бытовые, этнографические и географические очерки, а также беллетристика, повести, рассказы, стихотворения. Наряду с разнообразием информации отметим значимую мысль об активном отклике интеллигенции на происходящее в регионе, стране и мире, о воспитании такого социального неравнодушия у горожан. Особая миссия местной интеллигенции – осмыслить и гармонизировать столкновение региональных идентичностей: *На страницах нового издания он* [Григорий Николаевич Потанин. – И.П.] *будет регулярно помещать «портреты известных сибиряков и посторонних лиц, послуживших Сибири, их биографии, снимки с картин художников, сюжеты которых взяты из сибирской природы или сибирской жизни, виды Сибири, типы сибирского населения, образцы внешнего быта в Сибири, а также картины и сцены из жизни города Томска, так как это умственная столица Сибири»* (Е. Трухан, 13.02.2014).

В городской газете «Кузнецкий рабочий» в связи с краеведческой доминантой «Ф. М. Достоевский в Кузнецке» неоднократно появляется образ Валентина Фёдоровича Булгакова – уроженца Кузнецка, который впервые обозначил тему «Ф. М. Достоевский в Кузнецке», опубликовав в 1904 г. одноимённую статью на страницах томской газеты «Сибирская жизнь» (Кузнецк в XIX веке входил в Томскую губернию).

Так, В. Валиулин (20.11.2010) актуализирует изотопическую цепочку антропонимов со связью пересечения *В. Ф. Булгаков – М.Д. Исаева*, *Ф.М. Достоевский – Л.Н. Толстой*: *Имя Валентина Фёдоровича так же* ***свято для интеллигенции*** *нашего города, как и имя Марии Дмитриевны Исаевой. М.Д. Исаева была первой женой Фёдора Михайловича Достоевского, В.Ф. Булгаков – последним секретарем Льва Николаевича Толстого. Через них драгоценные для мировой культуры образы притянулись к Кузнецку, стали нашим культурным, а ещё более того – духовным достоянием. Есть в этом, думается, некий Высший Промысел. Когда-нибудь мы, возможно, поймём, какой именно*.

В. Ф. Булгаков характеризуется в публикациях как представитель творческой интеллигенции. Так, в контексте о содержании газеты «Сибирская жизнь» читаем: *Словом, все то, что так* ***живо интересовало молодую творческую интеллигенцию****, к числу которой принадлежал и кузнечанин Валентин Федорович Булгаков* (Е. Трухан, 13.02.2014).

Рассмотрим характеристики, данные городской газетой В. Ф. Булгакову. Как важнейшая часть формирования интеллигентного человека представлены образование, расширение кругозора и сфер деятельности: *Учился Валентин Булгаков в Томской классической гимназии* (В. Валиулин, 20.11.2010); *Булгаков познакомился с Потаниным в Томске, во времена своей гимназической юности <…>*; *И это не случайно, ведь роль Потанина в расширении кругозора молодого Булгакова, повышении его профессионализма, приобщении к корреспондентской, научно-исследовательской, писательской деятельности неоспорима* (Е. Трухан, 13.02.2014).

Благодаря самохарактеристике Валентина Фёдоровича мы узнаём о его искренности, когда он даёт объективную оценку недостаточной глубине своего увлечения определёнными занятиями: *«Знакомство это мое продолжалось года три и связано с увлечением моим, кажется, не совсем сознательным и искренним, этнографией. Я записывал в деревнях сказки, песни, читал литературу по фольклору, которой снабжал меня Потанин. Сказки, записанные мною, очень хорошие и большие, всего 28, напечатаны были в «Известиях" Географического общества под редакцией Потанина. Были еще заметки по этнографии в других изданиях. В Томске вообще я делаюсь причастным к газетной работе»*.

Газетные публикации подчёркивают значимость для творческого человека увлечения какой-либо идеей, служения избранному делу: *Но не Достоевский должен был стать его кумиром и учителем жизни. В 1907 году Валентин Булгаков (ему был тогда 21 год), будучи студентом Московского университета и председателем Сибирского землячества московских студентов, познакомился с мыслителем и писателем Львом Николаевичем Толстым. С тех пор вся его жизнь была связана с этим великим именем* (В. Валиулин, 20.11.2010). Это служение нередко осуществляется благодаря смелому шагу, экстраординарному поступку, приближающему мечту: *В 1909 году Булгаков решился на шаг, осуществивший его самые смелые мечтания: он принес Толстому рукопись, в которой сделал попытку провести анализ и систематизировать мировоззрение великого писателя* (В. Валиулин, 20.11.2010). Экспрессивная актуализация в контексте создаётся благодаря форме превосходной степени и семантическому контрасту (*осуществивший – мечтания*). Описывая дело жизни В. Ф. Булгакова, журналист Владимир Валиулин включает экспрессивные средства, усиливающие прагматический эффект:

Пытливый, ясный и светлый Булгаков пришелся по душе великому старцу. Причем до такой степени, что ему было позволено отвечать на некоторые письма от имени писателя. Они всегда рядом. Булгаков все видит, все понимает, все чувствует, и когда день заканчивается и он возвращается на хутор в Телятинках, где жил у Владимира Григорьевича Черткова, то старательно переносит увиденное и услышанное на бумагу. Позже его воспоминания «Л.Н. Толстой в последний год его жизни» были изданы во многих странах мира. После смерти писателя выполнил работу огромной важности – составил научное описание личной библиотеки Толстого, состоящей из более чем 22-х тысяч томов.

При кончине Льва Николаевича в Астапово Булгаков не присутствовал. Владимир Григорьевич Чертков упросил его остаться дома, чтобы присматривать за его близкими. Но Валентин Федорович и здесь оказал бесценную услугу семье Толстого и, можно утверждать, всей культурной России: он спас от смерти Софью Андреевну Толстую – вытащил ее вместе с Александрой Львовной Толстой из пруда, где после ухода мужа пыталась утопиться Софья Андреевна (В. Валиулин, 20.11.2010). Мелиоративы сопровождают характеристику интеллигентного человека В.Ф. Булгакова: *пытливый, ясный, светлый* (ряд эпитетов с асиндетоном); *все видит, все понимает, все чувствует* (синтаксическая анафора, синтаксический параллелизм); *выполнил работу огромной важности*; *оказал бесценную услугу* (актуализаторы оценки).

Имя существительное с семантикой собирательности *интеллигенция* в публицистических текстах употребляется чаще остальных слов с корнем - *интеллигент-,* в том числе чаще самого слова *интеллигент*, что соответствует данным словаря частотности (Ляшевская, Шаров 2009). Вероятно, данная особенность связана с характером массовой коммуникации, которому соответствует в большей степени образ

социальной группы. Имя прилагательное *интеллигентный* и производное от него имя существительное *интеллигентность* выполняют в контекстах оценочно-характеризующую функцию. Уже было отмечено употребление подобного мелиоратива в связи с образом М.Д. Исаевой. Приведём другие примеры: *На новое место службы он прибыл вместе с женой. Его первая и единственная супруга и верная спутница жизни София Матвеевна Лисовская была женщиной далеко не ординарной - будущие трагические события в полной мере проявили присущую ей твёрдость характера, смелость и вместе с тем* ***врождённую интеллигентность истинной дворянки*** (о супруге последнего кузнецкого уездного воинского начальника Мечислава-Ивана Бедло-Зволинского, погибшего в послереволюционные годы; П. Лизогуб, 12.12.2014; в контексте интеллигентность сопрягается читателем с семантикой мягкости, тактичности); *Академик Д.С. Лихачев отмечал, что интерес молодежи к окружающим культурным ценностям содействует ее нравственной самодисциплине и социальности, «духовной оседлости» и привязанности к родным местам,* ***воспитывает интеллигентность****. И все, кто выступал в библиотеке во время Недели культуры, преподнес молодым живой пример неравнодушного отношения к родному городу и искренней любви к нему* (о Неделе культуры; Е. Кулакова, 13.10.2013). В последнем контексте в словосочетании со связью управления подчёркивается значимая для социума возможность формировать интеллигентность у человека, и ведущим инструментом при этом выступает приобщение к истории и культуре родного города.

Семантико-стилистические особенности воплощения образа интеллигентного человека связаны, как видим, не только с употреблением слов с корнем *-интеллигент-*, с характером их лексической сочетаемости, с включённостью в конструкции с экспрессивами и оценочными средствами, но и с системой имён собственных (прежде всего антропонимов), соотносимых с определёнными краеведческими доминантами городской газеты. Так, в рамках краеведческой доминанты «Ф.М. Достоевский в Кузнецке» в связи с темой интеллигенции значимы антропонимы *Ф.М. Достоевский, М.Д. Исаева, А.Е. Врангель* (предстаёт в городской газете как корреспондент Ф.М. Достоевского), *В.Ф. Булгаков, Е.И. Тюменцев* (священник, венчавший Достоевского и Исаеву в Одигитриевской церкви), *Г.Н. Потанин*, астионимы *Кузнецк, Томск, Семипалатинск*, гемероним *«Сибирская жизнь»*, множество библионимов.

Ономастические системы соотносятся и с другими краеведческими доминантами, при этом создаются образы интеллигентных людей второй половины XIX – начала XX века, занимающихся различными видами деятельности.

В связи с темой города-сада (образ актуализирован в стихотворении В.В. Маяковского 1929 года «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка») читатели городской газеты узнают о концепции городов-садов Э. Говарда: *Мы уже говорили, что понятие «город-сад» ввел социолог Эбенизер Говард <...>* (С. Михайлов, 17.06.2010); *Иными словами, в этом проекте было много от популярных в дореволюционной России идей английского архитектора Эдварда Говарда, автора интересной градостроительной концепции «города-сада»* (П. Лизогуб, 30.06.2016). В связи с темой судьбы шорского народа – коренного населения юга Кузбасса – о тюркологе-востоковеде В.В. Радлове (И. Басалаева, 26.07.2011), о миссионере Кузнецкого отделения Алтайской духовной миссии священнике Василии Вербицком (А. Немов, 13.11.2008). Собирательный образ интеллигентного человека

для читателя городской газеты соединяет интеллектуальную и этическую составляющие. Так, о В. Вербицком мы узнаём следующее: *Просветитель, вместе со Словом Божиим приобщавший алтайские народы и к новому знанию, изменявшему порой сам образ их жизни, прививая основы новой культуры (пчеловодство, огородничество, медицину и т.д.). Ученый (лингвист, этнограф, фольклорист, географ, ботаник), член Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества, очень много сделавший для изучения природы Алтая, Горной Шории, описания культуры коренных сибирских народов. Путь его миссионерской деятельности был очень непрост: 37 лет многочисленных, порой весьма опасных поездок по Горному Алтаю и Кузнецкому округу, участие в делах и заботах местных жителей, активная работа по изучению края, составлению «Краткой грамматики алтайского языка» (до сих пор не вышедшей из научного поля зрения), подготовка книги «Алтайские инородцы», выпущенной учениками уже после смерти миссионера* (А. Немов, 13.11.2008). Этическая составляющая, в высшем смысле, связана с духовностью интеллигентного человека, с его служением идеалам Добра, Истины и Красоты.

Таким образом, ключевые антропонимы становятся частью семантико-стилистической системы краеведческого медиатекста, выражающего ценностные ориентиры и искания современника, связанные с формированием региональной идентичности. Круг имён представителей интеллигенции второй половины XIX – начала XX вв. в краеведческих медиатекстах «Кузнецкого рабочего» не является широким, поскольку сибирская интеллигенция в указанный хронологический интервал только формируется. Антропонимом-кодом включения уездного Кузнецка в культурное пространство становится имя Ф.М. Достоевского, который в региональных медиатекстах предстаёт не столько как автор всемирно известных произведений, исследующий вечные нравственные вопросы, сколько как писатель, духовно преобразившийся в сибирский период, испытавший «грозное чувство» и обретший свою возлюбленную, свою страдающую музу – М.Д. Исаеву. В создании образа великого писателя значимы темы творческого начала, напряжённой духовной жизни, тонкой эмоциональной сферы. Как первооткрыватель темы «Ф.М. Достоевский в Кузнецке» предстаёт в городской газете В.Ф. Булгаков, кузнечанин, получивший хорошее образование в Томске, сотрудничавший с газетой «Сибирская жизнь», ставший последним секретарём Л.Н. Толстого. В воплощении образа Г.Н. Потанина важны акценты на интеллектуальной деятельности и активной гражданской позиции: идеолог «областничества» предстаёт как мыслитель, исследующий проблему столкновения идентичностей, и одновременно как подвижник, верно служащий своим идеям и мужественно воплощающий их в жизнь. В связи с краеведческой доминантой «Судьба шорского народа» значимы образы учёного-тюрколога В.В. Радлова и миссионера-просветителя В.И. Вербицкого. В связи с ключевым для дискурса городской газеты образом города-сада упоминаются Э. Говард, создатель идеи городов-садов, развивающий концепции своих предшественников. Краеведческие медиатексты эксплицируют такие связанные с образом представителя интеллигенции качества, как включённость в культурный интеллектуально-духовный контекст, способность к творческой деятельности, социальное неравнодушие, способность к участию в диалоге культур.

ЛИТЕРАТУРА

Гаспаров, М.Л. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность / М.Л. Гаспаров // Русская интеллигенция. История и судьба / сост. Т. Б. Князевская. – М.: Наука, 2000. – С. 5–14.

Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах / В.И. Даль. – М.: «Терра», 1994. – Т. 2. – 784 с.

Кириченко, С.В. Интеллигентный / интеллигентский: оценочная амбивалентность в современном русском языковом сознании / С.В. Кириченко // Актуальные проблемы гуманитарного знания в техническом вузе: материалы VI Международной научно-методической конференции (26–27 октября 2017) / отв. ред. Д.А. Щукина. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского горного университета, 2017. – С. 155–158.

Ляшевская, О.Н. Новый частотный словарь русской лексики / О.Н. Ляшевская, С.А. Шаров. – М.: Азбуковник, 2009. [Электронный ресурс] // Словари на основе национального корпуса русского языка. – URL: http://dict.ruslang.ru/freq.php (дата обращения: 05.01.2019).

Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Сов. энциклопедия, 1973. – 846 с.

Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ООО «А ТЕМП», 2010. – 874 с.

Проект «400 знаменитых новокузнечан» [Электронный ресерс] // Библиотека им. Н.В. Гоголя. – URL: http://новокузнецк400.рф (дата обращения: 05.01.2019).

Рыженко, В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования: монография / В.Г. Рыженко. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета; Омск: Издательство Омского госуниверситета, 2003. –370 с.

Словарь русского языка: в 4 томах / гл. ред. А.П. Евгеньева. – М.: «Русский язык», 1985. – Т. 1. – 696 с.

Степанов, Ю.С. «Жрец» нарекись, и знаменуйся: «Жертва» (к понятию «интеллигенция» в истории российского менталитета) / Ю.С. Степанов // Русская интеллигенция. История и судьба / сост. Т.Б. Князевская. – М.: Наука, 2000. – С. 14–44.

Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: ОГИЗ, 1935. – Т. 1. – 1562 стб.

PUSHKAREVA I. A.
Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University, Russia
Irina_Pushkareva2016@mail.ru

The Image of an Intellectual in a Local Historical Media Text

Summary. The article examines the image of an intelligent person in the texts of the city newspaper "Kuznetsky rabochy" (Novokuznetsk, Russia). Due to local historical dominants, the Siberian city newspaper explicates a system of the images of intellectuals of the late 19th and early 20th centuries; their figures become significant in the informative and evaluative space of the modern media text (F. M. Dostoevsky, V. F. Bulgakov, G. N. Potanin, V. V. Radlov, E. Govard, etc.).

Keywords: media discourse, local historical dominant, anthroponym, image of an intellectual

РАЗИНА ЛИДИЯ СЕРГЕЕВНА
СМОЛЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, РОССИЯ
Lidia722@yandex.ru

Вклад Н.А. Рубакина в развитие народного просвещения в дореволюционной России

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается просветительская и социально-исследовательская деятельность талантливого русского ученого Н.А. Рубакина. Как и многие представители русской интеллигенции, он принял происходящие в начале 20 века в России изменения как историческую необходимость, хотя и не разделял до конца марксистских взглядов. И в 1907 году Н.А. Рубакин был вынужден эмигрировать в Швейцарию, где продолжал свои исследования. Не оставили равнодушными современников и последователей его идеи самообразования личности, интеграции знаний, пробуждения социальной активности. В дореволюционной России школьное обучение охватывало малую часть детей и взрослых. Преподавание в народных школах было организовано не достаточно хорошо, чтобы пробудить любовь к книге. Во многом именно это побудило ученого обратить внимание на внешкольное образование, в котором главная роль принадлежит самообразованию. Однако и самообразование требует определенной программы, а ученик нуждается в помощи в ее составлении. В своих работах исследователь показывает роль книги в формировании образованного человека и раскрывает подходы к выбору литературы. Сам Н.А. Рубакин как активный деятель всячески способствовал развитию самообразования народа. Современники (не только в России, но и за рубежом) знали его еще и как замечательного писателя, автора художественных и научно-популярных книг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: народное просвещение, Н.А. Рубакин, интеллигентный человек, самообразование, литература

Конец X1X – начало XX вв. занимает особое место в истории России. Современники этого периода стали свидетелями бурных, но неравномерных социально-экономических изменений. Быстрыми темпами развивались отдельные отрасли промышленности (текстильная, машиностроительная, химическая, связь и транспорт), появлялись новые (банковская система). При этом значительно отставало в развитии сельское хозяйство. Быстрое увеличение рабочего класса, преобразования в структуре крестьянства и дворянства способствовали изменению системы общественных отношений. Противоречия и столкновение интересов проявлялись и в области образования. Понимание роли русских просветителей, огромного вклада Н.А. Рубакина в развитие отечественного образования невозможно вне исторического контекста.

Особенности образования рубежа веков удачно проанализированы в монографии Е.В. Чмелевой «Педагогика дошкольного детства в России конца X1X – начала XX веков». Различия в материальных возможностях, быте, нравственных, религиозных и эстетических представлениях разных сословий определяли и особенности образования в разных кругах, и, как следствие, приводили к обострению социальных противоречий. (Чмелева 2008)

Многочисленные воспоминания и художественные произведения рубежа веков показывают сложную, разнообразную картину воспитания детей в разных слоях населения. Мемуары П.А. Бурышкина, М.В. Сабашниква, Е.А. Андреевой-Бальмонт и других дают представление об особенностях воспитания в купеческих семьях. Типичным здесь было первоначальное воспитание детей в семье под присмотром русской няни или иностранных гувернеров. Родители обычно были внимательны и добры к детям. Выписывали много журналов и книг, приобщали к театру, музыке, искусству, путешествовали по Европе. Дети получали отличное домашнее образование, поступали в гимназии и лицеи, учились в университетах. Соблюдались многие народные традиции (Рождество, Пасха, масленица), но в целом они отходили от патриархальных традиций. «Когда нам стали давать уроки закона Божьего, мы уже были убежденные маленькие атеисты… никакая победоносовская реакция, наступившая в те годы, уже не могла вернуть наше поколение к религии». (Острогорский 1900: 76)

И.А. Бунин, А.П. Чехов описывают в своих произведениях дворян как не готовых к переменам и даже растерянных. Воспитание в дворянских семьях было нацелено на подготовку к новым условиям жизни.

Автобиографические повести А.М. Горького, воспоминания А.П. Чехова дают представление о воспитании в мещанских семьях. Здесь было много жестокости, подозрительности, предрассудков, грубости. Взрослые много работали, труд был чаще всего однообразным и тяжелым, редко приносил удовлетворение. Образование детей зависело от материального положения. Такая же картина наблюдалась и в рабочей среде. Работающие родители не могли должным образом заботиться об образовании детей.

Крестьянские дети (из воспоминаний Г.К. Жукова, С.Т. Коненкова) рано включались в трудовую деятельность, помогали родителям. Трудолюбие было основной линией воспитания. Вместе с известной долей невежества родителей, в образовании крестьян было много здорового и нравственного: православные и народные праздники, рыбалка и прочее. Здесь появляется запрос на образование: стихийно возникают дошкольные учреждения в деревнях и селах в летнюю пору, земские начальные школы. Одним из мотивов образования в крестьянской среде становятся льготы по воинской повинности для грамотных и учащихся.

В воспоминаниях А.И. Цветаевой, В. Шверубович представлены принципы воспитания в русской интеллигентной семье начала XX века. Здесь ценились бескорыстие, щедрость, помощь товарищам, внимание друг к другу, уважение к детям. Именно здесь формировались основные педагогические идеи, которые станут основой будущих исканий.

Однако правительство всячески препятствовало бурному развитию просвещения. Страх разрушения традиций, раскола не позволял политическим деятелям видеть необходимость образования для дальнейшего социально-экономического развития. В то же время усложнение экономических и общественный связей требовало квалифицированных работников, грамотных, образованных людей, умеющих быстро адаптироваться в новой ситуации.

Эпоха, в которую жил и трудился Н.А. Рубакин (1862-1946 гг.), во многом определила его взгляды, повлияла на творчество. С другой стороны вклад талантливого мыслителя, литератора в народное просвещение своего времени невозможно переоценить.

Николай Александрович Рубакин родился в г. Ораниенбауме (теперь Ломоносове, Ленинградская область) в старинной купеческой семье. В 1873 году семья переехала в Петербург. А в 1874 году Николай и его брат Михаил поступили во 2 петербургское реальное училище. Опыт обучения в училище оказал значительное влияние на становление идей самообразования мыслителя. Во многих работах Н.А. Рубакина прослеживается критика системы образования, ее формализма, негибкости и стремления к унификации.

Реальное училище Н.А. Рубакин не любил, начиная со второго класса, много занятий пропускал. В пятом за пропуски и слабые успехи в обучении остался на второй год. Этот опыт заставил переосмыслить подход к обучению. В следующем году Н.А. Рубакин стал первым учеником. Затем перешел на самообучение.

Он поставил перед собой цель поступить в университет, для чего требовалось сдать экзамен по латинскому и греческому языкам и некоторым другим предметам. Уговорив родителей взять его из шестого класса реального училища, стал готовиться к экзаменам дома. За 13 месяцев изучил все требуемые дисциплины, успешно сдал экзамен и в 1880 году поступил в Петербургский университет.

В университете, продолжая прокладывать свой собственный образовательный маршрут, решил учиться сразу на всех трех факультетах. Основным стал естественный факультет, так как там изучали «точные науки», основу всех наук, одновременно посещал лекции двух других факультетов. Н.А. Рубакин знакомился и с лекциями известных ученых – профессоров других университетов (А.И. Чупрова, Ф.И. Буслаева, А.Н. Веселовского и т.д.). По его воспоминаниям, так же по три факультета окончили и товарищи по университету, впоследствии известные ученые, – химик В.И. Вернадский, ботаник и географ А.Н. Краснов, физик И.П. Лебедев, историк И.М. Гревс. (Рубакин 1979)

В студенческие годы, увлекшись социалистическими взглядами и благодаря знакомству с Александром Ульяновым, Н.А.

Рубакин вступает в нелегальную «корпорацию». Не смотря на то, что активным революционером он не был, арест в 1886 году повлиял на выбор будущего пути. Остаться в университете теперь он не мог.

С этого момента началась его активная просветительская деятельность. Известный библиограф Н.А. Рубакина Лев Разгон находит интересную заметку самого мыслителя о своих юношеских годах: «Я решил посвятить свою жизнь борьбе за человека, против гнуснейшего вида неравенства – неравенства образования» (Разгон 1964). Появляются знакомства и возникают дружеские связи в кругах писателей, педагогов, издателей, литературоведов. Достаточно назвать такие имена как Н.В. Чехов, И.И. Горбунов-Посадов, П.И. Бирюков, А.М. Калмыкова, О.Н. Попов, И.Д. Сытин, Н.К. Михайловский, Л. Толстой, П.В. Струве, Г.В. Плеханов. Активно публикуются статьи и книги.

Связь с революционным движением, угроза ареста вынудила в 1907 году Н.А. Рубакина эмигрировать в Швейцарию. В Лозанне он создает Международный институт библиопсихологии – уникальный центр научного исследования книги и читателя. Создает поистине грандиозный, многогранный труд «Среди книг» (1905 г., 1911-1915 гг.), который не оставил равнодушными ни сторонников марксизма, ни противников, ни ученых. Уникальность этого исследования подчеркивается в рецензии, написанной В.И. Лениным (в то время еще не вождем мирового пролетариата, они встретились в Швейцарии в 1907 г.; рецензия написана в 1914 г.): «Автором и его многочисленными сотрудниками, названными в предисловии, затрачен огромный труд и начато чрезвычайно ценное предприятие, которому от души надо пожелать расти и развиваться вширь и вглубь. Особенно ценно, между прочим, то, что автор не исключает ни зарубежных, ни подвергшихся преследованиям изданий. Ни одной солидной библиотеке без сочинения г-на Рубакина нельзя будет обойтись» (Ленин 1969: 111-112). Далее В.И. Ленин отмечает ряд недостатков сочинения, главным из которых считает эклектизм. Действительно, на страницах его книги прекрасно уживаются идеи Г. Спенсера и К. Маркса, И.П. Павлова и Э. Маха, В. Гумбольдта и И. Тэна. То же относится и к рекомендуемым им спискам книг для самообразования личности, в которые, не смотря на критику, он включает труды мыслителей противоположных взглядов.

Для того чтобы понять эклектичность списка книг, составленного ученым-просветителем, нужно знать, каким было отношение к народной литературе к началу XX века. Разрыв между интеллигенцией и народом был большим. Образование и чтение являлись достоянием сравнительно небольшого круга людей. Такое положение привело к формированию у многих русских писателей довольно странного мнения о том, что следует читать народу. Даже такие мыслители, как Н.А. Добролюбов и Д.И.Писарев отзывались скептично о читательских возможностях простых людей.

В 80-х годах и начале 90-х XIX в. стала издаваться в России специальная «литература для народа». Издатели отбирали классические произведения русской и мировой литературы, переделывали их, сокращали.

Известные просветители конца XIX – начала XX вв. Л.Н. Толстой, Н.К. Михайловский, В.Г. Чертков, П.И. Бирюков, Ф.Ф. Ольденбург и многие другие так же придерживались мнения о том, что общая литература для народа не пригодна и делали попытку создать особую «народную» литературу. С этой целью создавались поучительные, «духовно-нравственные» повествования на евангельские темы, написанные либо в форме притчи, либо в форме сказки, сами названия говорят об их характере: «Где любовь, там и бог», «Бог правду видит», «Ходите в свете, пока есть свет». Литература, которая оказывалась доступна простым людям, была либо лубочного типа, либо упрощенным пересказом классики на нравственные или религиозные темы. Научную литературу вообще тогда считали чем-то недосягаемым для народа.

Н.А. Рубакин же поставил для себя цель создать научно-популярную литературу для всех. Главным принципом его работы стало следующее положение: «Нет самой сложной научной истины, которую нельзя было бы объяснить, сделать понятной для самого малограмотного, самого неподготовленного читателя» (Рубакин 1979: 36). Это было новым подходом к читателю из народа. Н.А. Рубакин отрицал надобность особых книг для народа с особым содержанием. Он заявлял: «Нет, народу нужны не народные книги, а дешевые, потому что он бедняк, а не дурак» (Рубакин 1979: 36). Для достижения своих целей исследователю пришлось просмотреть, проанализировать более чем 200 тысяч книг по всем отраслям науки и художественной литературы. Книги были распределены по степени трудности изложения и доступности для понимания разными типами читателей. Им были созданы тысячи программ по самообразованию. Велась активная переписка с читателями.

Не оставляли равнодушным Н.А. Рубакина и проблемы в системе образования. Школьное обучение в дореволюционной России охватывало лишь малую часть детей и взрослых. Преподавание в народных школах было организовано не достаточно хорошо, чтобы пробудить любовь к книге. Н.А. Рубакин открыто пишет об этом в своих «Этюдах о русской читающей публике» (Рубакин 1910). Во многом именно это побудило ученого обратить внимание на внешкольное образование, в котором главная роль принадлежит самообразованию. Однако и самообразование требует определенной программы, а ученик нуждается в помощи в ее составлении. За эту грандиозную работу – за помощь в организации самообразования и взялся Н.А. Рубакин.

Для современной педагогики так же интересно рассмотреть идеи Н.А. Рубакина о подходе к образованию и самообразованию. Изучение отдельных наук он видит лишь как первую, самую простую ступень. Главная задача заключается в интеграции знаний. Исследователь критикует аналитический подход в обучении, рассматривая его лишь как средство к синтезу. «Нас натаскивают иногда даже по многим наукам, каждый преподаватель старается сделать каждого из нас вроде как специалиста по своей науке, уча подходить к жизни по-своему: химик – со стороны химической, физик – со стороны физической, историк – со стороны исторической, «батюшка» – со стороны духовной и т.д.» - отмечает он в своей работе (Рубакин 2006: 515). Но никто не учит пониманию жизни, где одновременно происходят явления и химические, и физические, и исторические, и духовные. Это предоставляется самому ученику. Хотя именно это самая трудная задача, от разрешения которой зависит жизнь и деятельность человека.

Ученый предлагает способ, который поможет педагогам и ученикам в решении этой наисложнейшей задачи: вести свою работу по вопросам, а не по наукам. Использовать достижения многих наук для освещения того или иного вопроса. Н.А. Рубакин предостерегает от ориентации лишь на одну науку в познании мира, ведь такой «прием хоть и удобный, но опасный, так как приучает к односторонности мышления, од-

носторонности понимания, иначе говоря, к методическому искажению действительности» (Рубакин 2006: 515).

Глубоко интересуясь психологией личности, Н.А. Рубакин отмечает, что не существует «человека вообще», а есть лишь отдельные личности. Таким образом, он выступает противником унификации образования, ведь никакая программа не сможет стать универсальной, подходящей для всех. Хорошая образовательная программа должна учитывать личные особенности, интересы, настроения и т.п. Принципа индивидуализации он предлагает придерживаться и при выборе книг для чтения. Одним из фактов, который приводит в защиту этого тезиса ученый, является то, что Л.Н. Толстому был не по вкусу В. Шекспир. Ссылаясь на концепцию Э. Геннекена, исследователь говорит о том, что психологические качества читателя должны быть аналогичны качествам автора. При таком условии книга окажет большее впечатление, будет легче понята. Тогда читатель сможет быстрее, субъективно проще изучить волнующий его вопрос. Поиском таких книг А.Н. Рубакин занимается всю жизнь, создавая теорию библиопсихологию, типологию авторов, книг и читателей, теорию «книги-приманки».

Большую роль в пробуждении желания обучаться ученый отводит вере в себя и свои возможности. Здесь он указывает на важную роль педагогов и библиотекарей. Их основная задача помочь выбрать книги по типу ума, помочь поверить в свои способности. Кроме того, при обучении необходимо учитывать психологические закономерности усвоения. Педагогов призывает обсуждать прочитанное с учениками, применять полученные знания на практике (например, в форме сочинений, преподавания, экспериментирования).

Вместе с тем, исследователь предлагает учащимся подробный обзор областей знаний необходимых для всестороннего осмысления действительности и самого себя. Ведь программа необходима для того, чтобы приводить знания в систему. Выделено 24 рубрики программы общего образования. Вот некоторые из них: язык, литература, нравственность, религия, семейный строй, воспитание, политика и право, общество, психика, племена и расы, человеческое тело, биология, география, химия и физика, Вселенная, математика и логика, философия. Причем главной задачей является сравнительно-историческое ознакомление с чужими мнениями. Поэтому в каждом из разделов дополнительно автор выделяет «историю мнений и теорий».

Прогрессивно для своего времени и удивительно современно звучит его мнение об истинно образованном человеке: «Образованный человек – непременно разносторонний, а значит терпимый человек. Он должен быть совершенно чуждым духу нетерпимости и идейной исключительности, и на каждое с ним несогласное мнение он не может не смотреть прежде всего как на факт, который нужно узнать и признать как таковой» (Рубакин 2006: 505). Такую способность к децентрации, диалогичности, эвристичности мышления исследователь провозглашает целью и достоянием образованного человека. В его трудах звучит и еще одна важная мысль: образование заключается не только в развитии ума. Не менее важным является воспитание и развитие чувств.

Основной принцип обучения Н.А. Рубакин видит в движении от общего к частному. Вначале познакомиться с определенной областью знания в общем, а затем разбираться в деталях. Ученый всячески способствовал решению этой задачи. Издавался «Народный календарь», в сотрудничестве с И.Д. Сытиным была организована публикация «Библиотеки для самообразования». Писательский талант и глубокое уважение к личности читателя позволили книгам Н.А. Рубакина обрести невероятную для своего времени популярность среди широкой аудитории.

Работы Н.А. Рубакина расходились огромными тиражами. Крестьяне, рабочие, гимназисты, студенты с увлечением читали его сочинения. К.И. Чуковский писал в 1911 году Н.А. Рубакину: «Еще мальчишкой (помню), как я собирал копейку за копейкой – складывал, чтобы купить Рубакина «Рассказы о делах в царстве животных», «Чудо на море», а позднее в «Новом слове», в «Северном вестнике» - я строчки Вашей не пропускал» (Рубакин 1979: 39).

Не только в России, но и за рубежом книги Н.А. Рубакина пользовались огромным спросом. Научно-популярные книжки были изданы на 28 языках (иностранных и народов нашей страны). В США, в Нью-Йорке с 1921 по 1926 годы издавались его работы под общим названием «Научно-популярные лекции для самообразования и публичных чтений». Переведены были книги «Как устроена Вселенная», «Начало всех начал», «Что есть на небе», «Вещество и его тайна», «Вечное движение», «Как живут камни», «Великие слова жизни», «Новые меры длины и весов, введенные в России в 1918 году» и другие (Рубакин 1979).

В отличие от начала XX века, современный мир предлагает огромное множество книг. Тем не менее, избыток и разнообразие не решает проблемы приобщения детей к чтению. Но и этот вопрос находит решение в трудах исследователя. Н.А. Рубакин жестко критикует педагогов за неумелый подход к обучению детей, используя позицию диктаторов. Просветитель был уверен, что любого ребенка можно превратить в самостоятельного, увлеченного читателя. Для этого нужно изменить свою позицию, стать помощником, советчиком, соавтором образовательного пути ребенка. Отстаивает право ребенка на самоопределение. Доказывает, что интерес к книгам приходит из жизни, связан с развитием психических функций, а не наоборот.

Обращает внимание исследователь и на требования к детской литературе. Доступность книги ребенку «это вопрос формы, а не содержания», пишет Н.А. Рубакин (Рубакин 2006). Призывает не принижать возможности ребенка в понимании мыслей, предупреждает о неэффективности упрощенного пересказа книг детям, написанных для взрослых. Писателей ориентирует на сочинение историй именно для детей с учетом особенностей детской психики. Предлагает следующие рубрики, которые, по мнению автора, наиболее полезны для детского чтения: сказки, рассказы, повести и стихотворения, книги исторического содержания, книги географического содержания, книги о природе (Рубакин 2006).

Стоит вспомнить и опасения Н.А. Рубакина относительно цензуры, которая может ограничивать свободу и право на самоопределение в выборе книг. К сожалению, критерии оценивания не всегда включают возрастные особенности, а часто отражают субъективные мнения экспертов о полезности/вредности книги, политические или иные предпочтения. Так, в 1920-е годы шла интенсивная борьба со сказкой, которая была объявлена патриархальной, чуждой советскому сознанию и совершенно не нужной в воспитании пролетарского ребенка (Яновская 1926).

Нам представляется важным вслед за Н.А. Рубакиным подойти к рекомендациям книг для детского чтения со всей научной серьезностью, чтобы избежать, с одной стороны, беспринципности, а с другой, пе-

дагогической узости. Тогда нам в педагогической практике удастся избежать многих трудностей, связанных с навязыванием детям книг не понятных, не соответствующих их уровню развития, с другой - сохранить от влияния низкокачественной книжной продукции. Сам ученый высоко ценил творчество А.П. Чехова, В.Г. Короленко, М. Твена, Ч. Диккенса и других авторов, рекомендовал их для детского чтения. Отстаивал широкий круг чтения.

Удивительно как Н.А. Рубакину удалось тонко подметить, ясно выразить основные образовательные потребности и самым активным образом повлиять на развитие народного просвещения в России в конце X1X – начале XX веков. Многие идеи ученого значительно опередили время и до сих пор требуют осмысления, развития и применения в практике современного образования.

ЛИТЕРАТУРА

Ленин, В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 25. – М., 1969. – С. 111-112.

Острогорский, А.Н. Об отношении семьи к школе //Энциклопедия семейного воспитания и обучения. – СПб., 1900. - Вып. 22.

Разгон, Л.Э. Последний энциклопедист // Пути в незнаемое: Сб.4. – М., 1964. – С. 472-512.

Рубакин, Н.А. Этюды по психологии чтения // Русская школа. – 1910. - № 11. – С. 172-175.

Рубакин, А.Н. Рубакин (Лоцман книжного моря) / Изд. 2-е., доп. – М.: Молодая гвардия, 1979. – 204 с.

Рубакин, Н.А. Библиологическая психология. – М.: Академический проект, 2006. – 800 с.

Чмелева, Е.В. Педагогика дошкольного детства в России конца X1X – начала XX веков: историко-педагогический очерк. – Смоленск, 2008. – 220 с.

Яновская, Э.В. Нужна ли сказка пролетарскому ребенку?// Из опыта работы по детской книге. – М.: ГИЗ, 1926. – 67 с.

RAZINA L. S.
Smolensk State University, Russia
Lidia722@yandex.ru

The Contribution of N. A. Rubakin to the Development of Public Education in Pre-Revolutionary Russia

Summary: The article deals with the educational and social research activities of the talented Russian scientist N.A. Rubakin. Like many representatives of the Russian intelligentsia, he accepted the changes taking place in Russia at the beginning of the 20th century as a historical necessity, although he did not fully share Marxist views. In 1907 N.A. Rubakin was forced to immigrate to Switzerland, where he continued his work. His ideas of the self-education of the individual, the integration of knowledge, the awakening of social activity did not leave his contemporaries and followers indifferent. In pre-revolutionary Russia, schooling covered a small part of the life of children and adults. Teaching in public schools was not organized well enough to awaken the love of the book. In many ways, this prompted this scientist to pay attention to education outside of the school, in which the main role belongs to self-education. However, self-education requires a certain program, and the student needs help in its construction. In his works, the researcher shows the role of the book in the formation of an educated person and reveals approaches to the choice of literature. N. Rubakin himself as an active person in every possible way, promoted the development of the people's self-education. Contemporaries (not only in Russia, but also abroad) knew him as a remarkable writer and author of scientific and fiction books.

Keywords: public education, N. A. Rubakin, intelligent person, self-education of personality, literature

РАЗУМОВСКАЯ ВЕРОНИКА АДОЛЬФОВНА
СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, РОССИЯ
veronica_raz@hotmail.com

Переводческая деятельность И. С. Тургенева в контексте диалога культур второй половины XIX века

АННОТАЦИЯ. Межкультурная коммуникация имеет различные виды и формы, среди которых особое место принадлежит диалогу культур, который обеспечивают выдающиеся представители культур и, прежде всего, писатели, обладающие мультикультурными личностями и сочетающие литературное творчество с переводческой деятельностью. Такой личности является Тургенев, ставший признанным «посредником» между культурами Европы и России. Тургеневское «переводоведение» еще ждет своего глубокого изучения и осмысления, что важно для диалога европейских культур как в ретроспективе, так и перспективе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: межкультурная и межлитературная коммуникация, художественный перевод, «сильный» текст культуры, мультикультурный писатель

9 ноября 2018 года исполнилось 200 лет со дня рождения И.С. Тургенева – всемирно признанного классика русской литературы. В силу жизненных обстоятельств, поместивших писателя на границу двух культур, особенностей его творчества (как автора уникальной художественной системы), а также «судьбы» его художественных произведений в России и за рубежом, предопределенной их высоким эстетическим потенциалом, Тургенев был не только непосредственным участником диалога культур в Европе второй половины XIX века, но и его активным «организатором». Писатель определяется в литературоведении как «многолетний “представитель” и неутомимый пропагандист русской литературы в странах Западной Европы и Америки, посредник между Россией и Западом» (Измайлов 1974: 186), как «“проводник” русской культуры на Запад и западной культуры в Россию» (Карантеева 2008: 243). Известная работа академика М.П. Алексеева, озаглавленная «И.С. Тургенев – пропагандист русской литературы на Западе», посвящена именно культурно-просветительской деятельности русского классика (Алексеев 1989). Исследователи Тургенева считают, что он занимал уникальное место в истории русско-европейских культурных связей в силу его блестящей образованности, доброжелательности, а также лирического обаяния его личности и таланта (Генералова 2001). Несмотря на то, что писатель является ярким представителем западнического направления русской общественной мысли, он традиционно характеризуется как западник с русской душой, что, бесспорно, нашло отражение в проводимом им культурном диалоге между Россией и Западом.

Важнейшее место в сложном и многомерном пространстве взаимодействия и взаимовлияния культур в различные эпохи, несомненно, принадлежало и принадлежит художественному переводу и, прежде всего, переводческой деятельности выдающихся творческих личностей (знаковых имен мировой и национальных культур), которые очень часто совмещали перевод с критикой, комментированием и редактированием переводных и переведенных ими текстов, а в ещё более широком культурном контексте – с просветительством. Такой личностью был и И.С. Тургенев, представляющий собой как переводчик особое явление в истории художественного перевода России и Европы. Уникальность творческой личности писателя и переводчика обусловлена, прежде всего, его мультикультурализмом (Amoia & Knapp 2001), сформировавшимся в результате жизни в различных странах и, прежде всего, в России и Франции.

Обращаясь к творчеству Тургенева в аспекте художественного перевода, нельзя не отметить, что именно у него наметился переход от свободного обращения с переводимым оригиналом, что напрямую соответствовало французской переводческой традиции, основанной на принципе «plaire au lecteur et perfectionner son auteur» («чтобы угодить читателю и усовершенствовать его автора»), к переводу, направленному на сохранение в наиболее полном объеме смысла оригинала, что в дальнейшем нашло отражение в художественном переводоведении.

С тургеневской точки зрения, художественный перевод представляет собой процесс переработки оригинального текста переводчиком, который вкладывает в него собственные впечатления, проявляет свою творческую личность и сохраняет ее в тексте перевода: «<…> всякий хороший перевод проникнут любовью переводчика к своему образцу, понятной, разумной любовью, то есть читатель чувствует, что между этими двумя натурами существует действительная, непосредственная связь …» (Тургенев 1978: 228). При этом неоднократно подчеркивается, что текст перевода должен содержать в себе дух оригинального произведения, доносить до читателя смысл, вложенный в него автором.

Переводческое наследие представлено в тургеневедении переводами на русский и ряд европейских языков, а также теоретическими воззрениями писателя на природу и роль перевода в контексте межкультурных литературных процессов, что представлено в его статьях, комментариях и письмах. Несмотря на то, что у Тургенева отсутствуют специальные работы, посвященных исключительно переводоведческим вопросам, имеющиеся тургеневские тексты позволяют создать достаточно полное представление об авторской концепции художественного перевода.

И.С. Тургенев переводил с английского (Дж. Байрон, У. Уитмен), французского (А. де Мюссе, Г. Флобер, Ш. Перро, Вольтер), немецкого (И.-В. Гёте), а также украинского (М. Вовчок). Известны многочисленные полнотекстовые и фрагментарные переводы Тургенева, которые были опубликованы или сохранились в виде черновиков. Его теоретические взгляды на особенности художественного перевода формировались и эволюционировали по мере накопления собственного опыта перевода, переводческой критики, знакомства с чужими переводами и, конечно, писательской деятельности, что традиционно отмечается в тургеневском «переводоведении». Примечательно, что писатель выбирал для перевода произведения, которые интересны с точки зрения языка и текстовой организации и принадлежали близким ему по духу авторам, творчество которых было созвучно с его эстетической концепцией.

Взгляды Тургенева на художественный перевод остаются актуальными и в наши дни, хотя теоретические воззрения писателя-переводчика и его роль как культурного посредника практически не известны в современном переводоведческом дискурсе и не получили достойного осмысления у последующих поколений теоретиков и историков перевода. Многие тургеневские переводы (нередко очень высокого качества) еще ждут своей публикации; на настоящий момент отсутствует полный список переводов, выполненных писателем (Žekulin 2008). Тем не менее, уже сделаны и опубликованы некоторые интересные обзоры и наблюдения, касающиеся различных сторон переводческой деятельности писателя, что представлено в работах М.П. Алексеева, М.Д. Эйхенгольца, М. Кадо, Н.В. Измайлова, а также исследована рецепция текстов писателя (преимущественно в виде вторичных текстов переводов) за рубежом при жизни автора и после его смерти (Климентьева 2007). Необходимо отметить, что анализ переводческого наследия Тургенева позволил сделать важный вывод о том, что художественная специфика переводов Тургенева обусловлена особенностями эстетики, поэтики и стилистики Тургенева-писателя (Климентьева 2007: 6).

Особое место в тургеневском «переводоведении» занимает критика переводов. Так, в статье, вышедшей в свет в «Отечественных записках» в феврале 1845 года и посвященной анализу русского перевода «Фауста», выполненного М. Вронченко и опубликованного в 1844 году, Тургенев впервые достаточно развернуто сформулировал свои переводческие принципы и обозначил свое понимание идеального переводчика (Тургенев 1978). Интересно, что в указанной статье, характеризуемой как «ценный научный этюд», сталкиваются мнения двух интерпретаторов великого

гётевского текста: Вронченко как переводчика «Фауста» и Тургенева как критика перевода Вронченко (Клеман 1932). В статьях, письмах, а также рецензиях и комментариях своих и чужих переводов Тургенев в течении всего творчества регулярно обращался к важному для него понятию хорошего (верного) перевода, который с его точки зрения должен восприниматься читателями как оригинальный художественный текст и в дальнейшем обязательно стать самостоятельным явлением культуры и литературы. Писатель образно называл хороший (верный) перевод переводом-«метаморфозой» или переводом-«портретом» и писал: «Чем более перевод нам кажется не переводом, а непосредственным, самобытным произведением, тем он превосходнее; читатель не должен чувствовать ни малейшего следа той ассимиляции, того процесса, которому подвергается подлинник в душе переводчика; такой перевод есть полное превращение, метаморфоза. Такой перевод не может быть неверным, точно так же, как хорошая копия Рафаэлевой Мадонны не может быть относительно шире, или длиннее, или уже оригинала <…>» (Тургенев 1978: 228–229). В свою очередь, перевод-«метаморфозу» Тургенев противопоставляет буквальному переводу, получившему в статье название перевода-«дагерротипа»: «Что может быть рабски добросовестнее дагерротипа? А между тем хороший портрет не в тысячу ли раз прекраснее и вернее всякого дагерротипа? Заслуга переводчика чрезвычайно велика, но только тогда, когда её действительно нельзя не признать заслугой» (Тургенев 1978: 227). Исследователи переводческого наследия Тургенева считают, что концепция перевода в начале его переводческой деятельности непосредственно связана с взглядами В.Г. Белинского. «Позиция Белинского определялась представлением о том, что перевод, адекватно передающий всю полноту содержания и формы оригинала, создать можно. Отрицая буквальный и вольный переводы, Белинский считал необходимым стремиться в переводе к гармонии формы и содержания, а ключевую задачу переводчика видел в сохранении духа подлинника» (Климентьева 2007: 8). Отметим, что в дальнейшие периоды творческой деятельности Тургенев в размышлениях о переводе поэтического оригинала пошел дальше Белинского, выдвинув идею о том, что поэт или писатель может создать идеальный перевод в только том случае, если он обладает необходимым талантом, который созвучен с талантом автора переводимого поэтического оригинала. Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что Тургенев стал предвестником идеи конгениальности автора оригинала и его переводчика, получившей дальнейшее развитие в переводческой концепции другого выдающегося мастера художественного слова – И. Бродского, который, как и Тургенев, обладал мультикультурной творческой личностью. Очевидные параллели обнаруживаются также между пониманием перевода двумя писателями как сложного творческого процесса, созвучного с процессом создания художественного оригинала.

Тургенев регулярно следил за переводами своих произведений, понимая их особую важность для дальнейшей «судьбы» текстов. Так, писатель вошел в мировую литературу, прежде всего, благодаря циклу рассказов «Записки охотника», впервые опубликованному в журнале «Современник» в 1847-1851 годах и вышедшему отдельным изданием в 1852 году. Уже в 1854 году появляется первый французский перевод указанного цикла, выполненный Ж. Шарьером («Mémoiresd'un Seigneur Russe ou tableau de la situation actuelles des nobles et des paisans dans les provinces russes»). Знакомство с данным переводом вызвало у автора русского оригинала отрицательную реакцию, что было обусловлено значительными расхождениями версии Шарьера с первоисточником. Автором второго французского перевода «Записок» стал И. Делаво (1857 год). Данная версия, напротив, получила личное одобрение автора. Более того, Тургенев познакомился с корректурой перевода Делаво и внес правки, которые были учтены в финальной версии перевода. Интересно, что второй французский перевод «Записок», несмотря на его большую точность, пользовался у читателей меньшей популярностью по сравнению с вольной (но более выразительной) версией Шарьера. Ситуация, сложившаяся с первыми французскими переводами «Записок», не могла не отразиться на переводческих взглядах писателя (который был её непосредственным наблюдателем и даже участником) и, прежде всего, на его понимании того, что можно считать хорошим переводов. В дальнейшем «Записки» переводились во Франции еще восемь раз (Воскресенская 2014). На основе первого французского перевода был выполнен и первый английский перевод нескольких рассказов цикла, которые также были опубликованы в 1854 году. Первой полной публикацией «Записок охотника» на английском языке стал перевод Дж. Майкладжона 1855 года под названием «Russian Life in the Interior, or the Experiences of a Sportsman» (Куликова 2017). Таким образом, с помощью переводов европейские читатели получили возможность познакомиться с русской культурой и с особенностями русского национального характера практически одновременно с выходом русского оригинала «Записок».

Писатель регулярно выступал редактором и корректором переводов своих текстов, выполненных другими переводчиками, что перемещало такие переводы в статус авторизованных. Так, Тургенев принимал активное участие в подготовке немецких переводов, которые вошли в двенадцатитомное издание «Ausgewählte Werke» («Избранные сочинения»), выпущенное в Митаве в1869–1884 годах издательской фирмой Б. Э. Бере и ставшее первым авторизованным собранием сочинений писателя на иностранном языке (Лукина 2016: 171). Непосредственное знакомство автора с переводчиками и их деятельностью в итоге позволило писателю выделить два типа переводчиков: хорошие переводчики, стремящиеся сохранить смысл и стилистику текста оригинала путем стилистической трансформации и другим переводческими приемами, и способами, и плохие переводчики, ограничивающиеся только передачей основного смысла («приспособители»).

Важное значение для знакомства европейских читателей с русской литературой и культурой сыграли переводы Тургеневым произведений русских писателей (Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина, А.А. Фета). Писатель понимал огромное значение текстов мастеров художественного слова для знакомства жителей Европы с культурой России. «Живя во Франции, Тургенев вел огромную и разнообразную общественную деятельность, направленную на преодоление вековых предубеждений, какие существовали в "культурном слое" Западной Европы по отношению к России» (Карантеева 2008: 243–244). Своей главной задачей Тургенев считал знакомство французов и других европейцев с творчеством Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.Н. Островского. И если писатель сам не переводил произведения русских писателей, то он прилагал большие усилия для того, чтобы такие переводы состоялись и были опубликованы. Для успешности диалога культур, осуществляемого писателем, большое значение имел тот факт, что для

переводов он преимущественно выбирал «сильные» тексты русской культуры, поскольку в силу известного литературоцентризма русской культуры выдающиеся литературные произведения традиционно содержали русскую культурную информацию и память, что позволяло «чужим» читателям знакомиться с русской культурой, историей и постигать загадочную русскую душу. Особое место в переводческом наследии Тургенева и, прежде всего, в русско-французском культурном диалоге занимает перевод (совместно с Л. Виардо) пушкинских текстов и, прежде всего, «Капитанской дочки», «Евгения Онегина», а также драматических произведений («Борис Годунов», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Русалка» и «Каменный гость»). В контексте проблем передачи текстов Пушкина средствами французского языка писатель вновь вернулся к важному и «вечному» для переводчиков вопросу о том, кто может и должен переводить поэзию. При этом он считал, что сущность оригинала представляет собой «тайную гармонию стиха» и эта гармония должна быть доступна переводчику (Тургенев 1978: 228). «Тургенев не раз заявлял о том, что переводить стихи Пушкина на французский язык стихами возможно только для переводчика-поэта, одинаково знающего оба языка и обладающего поэтическим даром …» (Измайлов 1974: 194). Результатом данной позиции Тургенева стал перевод пушкинской поэзии (включая роман в стихах «Евгений Онегин») прозой, что не позволило передать в переводе уникальную пушкинскую стилистику, эстетику и язык, но, тем не менее, способствовало знакомству французских читателей с Пушкиным – выдающимся представителем русской культуры – и его текстами как «сильными» текстами русской культуры. «Роль Тургенева (с помощью Луи Виардо) в ознакомлении французского читателя с творчеством Пушкина весьма значительна. Для своих переводов он брал основные произведения в разных родах: “Капитанскую дочку” (которую он и Виардо впервые “открыли” французскому читателю), “Бориса Годунова” и другие стихотворные трагедии, “Евгения Онегина”, некоторые значительные лирические стихотворения. Это – фрагменты целой программы, далеко, видимо, не осуществленной, но широко и глубоко задуманной» (Измайлов 1974: 203). Примечательно, что не только Л. Виардо был соавтором Тургенева в переводах текстов Пушкина. Четыре стихотворения («Поэту», «Пророк», «Анчар», «Опричник») стали плодом совместного творчества И.С. Тургенева и Г. Флобера.

В свою очередь, неоценимый вклад в диалог культур внесли переводы Тургенева на русский язык произведений европейских авторов. Особое место в переводческом наследии писателя занимают переводы Г. Флобера. О переводе одной из флоберовских легенд Тургенев писал: «Это был tour de force – заставить русский язык схватиться с французским – и не остаться побежденным» (Тургенев 1960: 276). Обращение к переводоведческому дискурсу Тургенева, представленного в его комментариях и письмах, а также непосредственно к тургеневским переводам Флобера, позволило исследователям утверждать следующее: «Для Тургенева русский читатель должен был получить, насколько это возможно, такое же ощущение, какое получал французский читатель от оригинала» (Жекулин 2012: 68). «Тургенев, посредник между русской и европейской литературами, целью своей считал переводимое произведение донести до публики максимально эффективно. Новое иноязычное произведение становится частью русского литературного процесса, осмысливается читательской аудиторией и критикой, но для этого оно должно предстать в уже обработанной форме, быть верно переданным содержательно, должно быть организовано привычными и характерными для принимающей литературы жанровыми элементами и единицами стиля. Переводы Тургенева из Флобера явились вершиной его деятельности как переводчика-практика и воплотили в себе совокупность переводческих стратегий Тургенева, выработанных им на протяжении всей его деятельности как корректора, редактора переводов и собственно переводчика» (Климентьева 2007: 20).

Таким образом, диалог культур, начавшийся с появлением полилингвальности и мультикультурализма, в каждую историческую эпоху имел особенности и своих ярких представителей. Во второй половине XIX века одним из выдающихся посредников в культурном пространстве Европы стал русский классик И.С. Тургенев. Культурное посредничество Тургенева было двунаправленным («в Россию» и «из России») и имело различные формы. Одной из традиционных форм диалога культур, бесспорно, является художественный перевод, занимающий в творческом наследии писателя значительное место и представленный его собственными переводами на русский и ряд европейских языков, переводческой критикой и редактированием. В силу обстоятельств жизни и творчества Тургенев сформировался как мультикультурная творческая личность, что напрямую обеспечивало техническую и содержательную уникальность проводимого им диалога культур. Примечательно, что важность Тургенева не только как выдающегося писателя, но и культурного посредника имеет место и в наши дни. При этом ещё ждёт своего глубокого изучения переводческое наследие писателя, представляющее большой интерес как в практическом, так и теоретическом планах. Можно с уверенностью предположить, что ретроспективное обращение к тургеневскому «переводоведению» позволит по-новому осмыслить диалог культур второй половины XIX века, а также понять особенности художественного перевода данного исторического периода. В перспективном плане нельзя не согласиться с современного исследователя наследия Тургенева в том, что изучение тургеневских переводов и создание новых переводов его произведений бесспорно способствует продвижению русского литературного наследия в мире с целью улучшения имиджа России за рубежом (Годар 2018), что положительно скажется на диалоге русской и европейских культур уже в XXI веке. Перевод тургеневских текстов приобретает в наше время новые формы, что связано, прежде всего, с усилением позиций и расширением сфер применения межсемиотического перевода. Так, многочисленные случаи интерпретации произведений И.С. Тургенева «языками» нескольких семиотических систем (вербальных, невербальных и креолизованных) дают возможность предположить, что тургеневские оригиналы и их вторичные тексты образуют определенную полисистему, представляющую собой разнородный и иерархически упорядоченный конгломерат систем (первичных и вторичных текстов), взаимодействие которых порождает непрерывный процесс их развития в рамках полисистемы в целом (Разумовская & Тарасенко 2018). Перенос «сильных» художественных текстов в межсемиотическое культурное пространство качественно изменяет перспективу их восприятия. При этом важно подчеркнуть, что роль Тургенева как культурного посредника и «судьба» его текстов и переводов претерпела определенные изменения: «Посмертная популярность писателя зависит от множества факторов, например, от рекламы, над которой хорошо поработали потомки или близкие писателя, или само же издательство. Известность того или иного произведения объясняется не

одним лишь его художественным достоинством. Парадокс Тургенева как раз заключается в том, что именно благодаря ему во Франции впервые опубликовали Толстого (и не только). Но, по-видимому, услуги, оказанные коллегам по перу, не всегда возвращались ему равной мерой» (Годар 2018). При этом Тургенев остаётся «русским европейцем», совместившим в своей личности, литературе и переводах культурные ценности России и Европы и продолжающим проводимый им диалог культур.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев, М.П. И.С. Тургенев – пропагандист русской литературы на Западе / М. П. Алексеев // Русская литература и ее мировое значение. – Л.: Наука. Ленингр. отделение, 1989. – С. 268–307.

Воскресенская, Н.А. Русский национальный характер в «Записках охотника» И.С. Тургенева и его восприятие во французской литературной критике и переводах XIX-XX веков: дисс. … доктор. филол. наук / Н.А. Воскресенская. – Нижний Новгород, 2014. – 205 с.

Генералова, Н.П. И.С. Тургенев в контексте русско-европейских литературных связей: проблемы биографии и творчества: автореф. дис. … канд. филол. наук / Н.П. Генералова. – Санкт-Петербург: ИРЛИ (Пушкинский дом), 2001. – 29 с.

Годар, А. Тургенева хорошо «дегустировать» понемногу [Электронный ресурс] / Русский мир. – URL: https://www.russkiymir.ru/publications/238313/. (дата обращения: 10.01.2019).

Жекулин, Н. Тургенев – переводчик Флобера: «Легенда о Св. Юлиане Милостивом» / Н. Жекулин // SLAVICA LITTERARIA. – 2012. – № 1. – С. 57–70.

Измайлов, Н.В. Тургенев – переводчик Пушкина на французский язык / Н.В. Измайлов // Пушкин: Исследования и материалы. АН СССР. ИРЛИ (Пушкинский дом). Т.7. Пушкин и мировая литература. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1974. – С. 185–203.

Карантеева, И.Л. И.С. Тургенев в диалоге русской и французской культур / И.Л. Карантеева // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – № 1. – 2008. – С. 243– 247.

Клеман, М.К. Пометки И.С. Тургенева на переводе «Фауста» М. Вронченко / М.К. Клеман // Литературное наследство. – Т. 4-6. – 1932. – С. 943–957.

Климентьева, А.С. И.С. Тургенев – переводчик: автореф. дис. … канд. филол. наук / А.С. Климентьева. – Томск: Томский государственный университет, 2007. – 23 с.

Куликова, А.Ю. «Записки охотника» И.С. Тургенева: первая критика и первые английские переводы / А.Ю. Куликова // Новая наука: стратегии и векторы развития. – Т. 3. – № 4. –2017. – С. 81–84.

Лукина, А.В. Тургенев – редактор и переводчик: об участии писателя в редактировании переводов собственных произведений (на примере митавского собрания сочинений) / В.А. Лукина // И.С. Тургенев. Новые исследования и материалы. – Вып. 4. – М.: СПб.: Альянс-Архео, 2016. – С. 166–202.

Разумовская, В.А., Тарасенко, Т.В. Творческое наследие И.С. Тургенева в пространстве перевода / В.А. Разумовская, Т.В. Тарасенко // Русский язык и культура в зеркале перевода: VIII Международная научная конференция; 27.04 – 02.05.2018 г., Салоники, Греция: Материалы конференции. – М.: Издательство Московского университета, 2018. – С. 156–164.

Тургенев, И.С. Фауст, трагедия. Соч. Гёте. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко (Статья) / И.С. Тургенев // Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в двенадцати томах. –Т. 1. – М.: Наука, 1978. – С. 195–235.

Тургенев, И.С. Письмо к М.М. Стасюлевичу, 29 марта (10 апреля) / И.С. Тургенев // Русские писатели о переводе: XVIII – XX вв. – Л.: Советский писатель, 1960. – С. 276.

Amoia, A & Knapp, B. Multicultural Writers from Antiquity to 1945: A Bio-Bibliographical Sourcebook. – Westport: Greenwood, 2001. – 512 p.

Žekulin, N. Turgenev as Translator / N. Žekulin // Canadian Slavonic Papers. Revue Canadienne Des Slavistes. – 50(1/2). – 2008. – 155–176. Retrieved from http://www.jstor.org/stable/40871254

RAZUMOVSKAYA V. A.
Siberian Federal University, Russia
veronica_raz@hotmail.com

I. S. Turgenev's Translation Activity in the Context of the Dialogue of Cultures in the second half of the 19th century

Summary. Cross-cultural communication has various types and forms, among which a peculiar place is occupied by the dialogue of cultures enacted by the outstanding representatives of cultures and primarily by writers with multicultural interests, who combine creative activity with translation. I. S. Turgenev was such a personality and he became an acknowledged "mediator" between the cultures of Europe and Russia. Turgenev's "translation studies" are still await a thorough analysis, which is of great importance for the dialogue of European cultures in a retrospective and prospective sense.

Keywords: cross-cultural and inter-literature communication, literary translation, "strong" text of culture, multicultural writer

РОМАНОВА ГАЛИНА ИВАНОВНА
МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, РОССИЯ
galinroma@mail.ru

Перевод сочинений Ф.М. Достоевского как пример межкультурной коммуникации

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены причины, побудившие в конце XIX–начале XX в. широкий круг интеллигенции из разных стран участвовать в проекте по переводу и изданию сочинений Достоевского и материалов о его жизни и творчестве на немецком языке. Это сотрудничество является важным фактом истории русско-немецких литературных связей, представляет важнейшую форму межкультурной коммуникации начала XX века.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интеллигенция, перевод, Ф.М. Достоевский, межкультурная коммуникация

История переводов произведений Достоевского на европейские языки не раз становилась предметом исследований[1]. При этом рассматривались преимущественно результаты этой деятельности: качество переводов, их функционирование. Однако не менее важным представляется вопрос о предпосылках их появления, т.е. осмысление социальных и литературных ситуаций, в которых они возникали, в частности, выявление мотивов, двигавших организаторами этих изданий: переводчиками, редакторами, книготорговцами. Факты биографий исторических лиц, осуществивших многостороннюю и сложную деятельность по отбору, переводу, изданию, распространению произведений русской литературы за рубежом и, в конечном счете, способствовавших взаимообмену культурными ценностями, заслуживают не меньшего внимания. Один из наиболее показательных эпизодов межкультурной коммуникации – издания переводов произведений Ф.М. Достоевского на немецкий язык. Анализ и обобщение фактов, связанных с изданиями, предпринятыми в начальный период бытования переводов произведений русского писателя, т.е. в конце XIX – начале XX в., в Германии и является задачей данного исследования.

После кончины Ф.М. Достоевского (1881 г.) и издания посмертного полного собрания сочинений его творчество было заново переосмыслено в России как единое и завершенное целое. К нему обратились не только литературоведы и критики, но и философы, психологи, историки. Художественные произведения способствовали пониманию психологии личности, решению вопросов философского, религиозного, морально-нравственного плана, пониманию общества и других культур. Другими словами, произведения Достоевского оказались востребованы в разных областях гуманитарного знания.

На переиздания откликнулись, в первую очередь, представители литературной критики разных направлений: народническая (Н.К. Михайловский «Жестокий талант, 1882), религиозно-философская (К. Леонтьев «Наши новые христиане. Ф.М. Достоевский и гр. Л. Толстой», 1882; В.С. Соловьев «Три речи в память Достоевского, 1881-1883), символистская (Вяч. Иванов), «импрессионистическая», социологическая. На примере сочинений Достоевского решались специальные, профессиональные вопросы. Сложными, болезненными характерами, нестандартным поведением персонажей в его романах заинтересовались медики. В 1885 г. вышла книга психиатра В.Ф. Чижа «Достоевский как психопатолог: очерк» (впервые: Русский вестник, 1884). Дискуссии, в ходе которых осмыслялось значение творчества Достоевского, способствовали формированию представлений о нем как о выдающемся факте русской культуры в целом. В этом качестве в последней трети XIX в. творчество Достоевского стало изучаться и в мировом гуманитарном пространстве.

В истории зарубежного функционирования произведений Достоевского есть особенность, которая отличает ее от истории переводов и изучения за рубежом произведений других русских классиков, например, И.С. Тургенева или Л.Н. Толстого, которые лично принимали участие в переводе своих произведений, давали разрешение на публикацию, в некоторых случаях адаптировали тексты для иноязычных читателей, с ними согласовыва-

1 Дудкин В.В., Азадовский К.М. Достоевский в Германии // Ф.М.Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973. (Лит. наследство. Т. 86.); Достоевский в зарубежных литературах. Л., 1978; Романова Г.И. Судьба первого немецкоязычного собрания сочинений Ф.М. Достоевского// Вестник ННГУ. Нижний Новгород, 2015. № 2. С. 190–193; Россия – Германия: литературные встречи (1880–1945). М.: ИМЛИ РАН, 2017. 768 с. и др.

ли переводы заглавий, стиль и т.д. Иначе обстояло дело с произведениями Достоевского, которые перелагались и переводились на европейские языки при жизни писателя фрагментарно, без согласия или участия автора. Так, на немецкий язык роман «Бедные люди» (1846) при жизни писателя переводился частично, а полностью только в 1880–1890-е гг. Не было прижизненных переводов романов «Униженные и оскорбленные» (1861), «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1868) (впервые переведен на немецкий язык в 1889), «Бесы» (1871–1872), «Подросток» (1875) и, конечно, последнего произведения – «Братья Карамазовы» (1879), первый перевод которого на немецкий язык осуществлен в 1884 г. Большинство современных исследователей отмечают, что в конце XIX в. в Европе Достоевский был практически не известен.

Творчество Ф.М. Достоевского приобретает популярность в литературном пространстве Европы на рубеже XIX–XX веков, что объясняется глобальными процессами, связанными с политической международной обстановкой, культурно-историческими сдвигами, расширением литературных связей. Однако не менее значимы и субъективные причины, связанные с биографическими фактами и особенностями личностей переводчиков – широкого круга интеллигенции из разных стран. Для начального этапа бытования произведений Достоевского на европейских языках характерна одна особенность – переводчики, чьи переводы оказались успешными, так или иначе были связаны с Россией. Необходимо признать, что рост популярности творчества Достоевского в мире в значительной мере является следствием личных контактов интеллигенции из разных стран. Интерес к творчеству Достоевского в Европе возник благодаря посредникам: иностранцам, знавшим русский язык и побывавшим в России и россиянам, которые выезжали на временное проживание за границу. Именно они становятся тем звеном, которое связывает две культуры. Это были люди разных уровней известности и одаренности. Не только владение языком, но и знание традиций, обычаев русского народа, навыки общения, знание немецкой литературы (в переводах и в оригинале), позволяют им стать литературными посредниками.

Одним из первых достойных переводов романа «Преступление и наказание» Достоевского на немецкий язык явилось издание Вильгельма Генкеля (Wilhelm Henckel, 1825–1910). Родившийся в Пруссии, он с детства жил в России, в 1850–1870-е гг. вел дела в Петербурге, издавая книги русских писателей. Когда предприятие закрылось, он вернулся в Германию, где продолжил издание русской литературы. Ряд сочинений он перевел сам. В 1882 г. Генкель перевел роман Достоевского Преступление и наказание», положив начало длительной традиции называть роман по имени главного героя [2]. Хотя в XX в. к качеству перевода предъявлялись претензии, он выдержал четыре издания. Таким образом, предпринимательский опыт, знание не только русского языка, но и историко-культурных реалий, необходимых для адекватного понимания романа, позволило интеллектуалу, т.е. интеллигенту в буквальном значении немецкого слова *Intellektuelle* (работник умственного труда), выполнить роль посредника между двумя культурами[3].

Цели россиян, приезжавших в Европу на ограниченный срок, были самые разные.

2 Henckel W. Raskolnikow. Leipzig: Verlag v. W. Friedrich, 1882.

3 Loew R. Wilhelm Henckel: Buchhändler — Übersetzer — Publizist. Aus der Geschichte der deutsch-russischen Kulturbeziehungen des 19. Jahrhunderts. Frankfurt/Main: Lang, 1995.

Это уже не был гранд-тур, характерный для XVIII в. и эпохи романтизма. Мало сходства и с эмиграцией XX в., вызванной социально-политическими процессами. Характерная особенность эмиграции XIX в. заключалась в том, что ее представляли выходцы из состоятельных слоев российского общества, которые за границей жили легально и были экономически обеспеченными. Русские эмигранты в своем большинстве не состояли в конфликтных отношениях ни с властью, ни с какими-либо другими инстанциями и имели возможность вернуться домой по своей воле. Это обосновывалось международными отношениями. Так, например, в 1893 г. был заключен русско-французский военно-политический союз, в 1894 г. – торговый договор между Россией и Германией, позволявший частным лицам ненадолго выезжать за рубеж и возвращаться. «Причины их эмиграции самые различные. Часто это поиск более благоприятных условий для творчества и научной работы, личные причины. Эти разнообразные мотивы часто переплетались. Переход российских граждан в другое гражданство запрещался, а срок пребывания за границей ограничивался пятью годами, после чего надо было ходатайствовать о продлении срока, в противном случае человек считался потерявшим гражданство, и его имущество переходило в опекунское правление, а сам он, вернувшись в Россию, подлежал вечной ссылке»[4]. Таким образом, личные, субъективные причины, среди которых не последнюю роль играло желание повышение образовательного и общего культурного роста, обусловливали проживание в Европе.

Эмигранты объединялись в различные общества и кружки, чему способствовало ослабление сословных границ, которые становились менее значимыми, чем на родине. Русские образованные люди вливались в тот слой заграничного общества, который на современном языке можно определить как интеллигенцию. Приобретая знания о культуре страны пребывания, представители этого слоя в то же время делились (иногда очень настойчиво) своей культурой. Это был один из действенных способов популяризации русской литературы за рубежом.

В этом контексте в уточнении нуждается понятие «интеллигенция», которое, хотя и происходит от общего латинского корня, но в европейских языках имеет значительные расхождения в оттенках значения. По мнению М.Л. Гаспарова, в русском языке «у слова интеллигенция и смежных с ним есть своя история. Очень упрощенно говоря, его значение прошло три этапа. Сперва оно означало “люди с умом” (этимологически), потом “люди с совестью” (их-то мы обычно и подразумеваем в дискуссиях), потом просто “очень хорошие люди”»[5]. Соответственно, можно назвать интеллигентами людей самого разного уровня образования, одаренности, чьи действия, в частности, направлены на распространение в мире литературных достижений, а также на развитие международных культурных связей.

Личные контакты представителей разных культур оказывались не менее важными, чем международные отношения. Яркий пример тому – история издания первого полного собрания сочинений Достоевского (F.M. Dostojewski: Sämtliche Werke. 1906–1919) в Германии, к которому оказались причастны и граждане Российской

4 Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окороков А. В. Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. С.41.

5 Гаспаров М. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Российская интеллигенция: история и судьба. М.: Наука, 1999. С. 6.

империи: столичный писатель, критик, публицист Д.С. Мережковский, сестры Люси и Лэсс (Элизабет) Керрик из Лифляндской губернии, предприниматель-издатель Р. Пипер из Мюнхена, немецкий свободный художник Меллер ван дер Брук. Благодаря им было осуществлено одно из самых известных изданий Достоевского на немецком языке. Участники этого предприятия (с российской и с немецкой стороны) – неординарные личности, носители европейской культуры рубежа веков, примечательна роль каждого из них.

Д.С. Мережковский к этому времени приобрел российскую и европейскую известность: вышли его книги «Вечные спутники» (1897), роман «Смерть богов. Юлиан Отступник» (1900), исследование «Л. Толстой и Достоевский» (1900, отдельное издание – 1902). Он неоднократно выезжал за границу, много путешествовал, продолжая работать над своими произведениями. В 1903–1904 гг., которые биографы писателя называют кризисными в его жизни, он даже намеревался эмигрировать, но остановили финансовые трудности. А.Г. Достоевская (вдова писателя) заключила с Мережковским договор на вступительную статью к юбилейному изданию сочинений Ф.М. Достоевского в России. Но в начале 1906 г. после лекции «Пророк русской революции» из-за несогласия с таким определением творчества, которое прозвучало уже в заглавии, она расторгла этот договор. Хотя доклад под тем же заголовком был опубликован позже и в журнале (Весы, 1906, № 2, 3), и отдельным изданием, Мережковский был расстроен разрывом отношений. Вместе с женой З. Гиппиус и Д. Философовым он уехал в Париж, который в последней трети XIX в. и начале XX в. был одним из важнейших центров европейской культуры, и прожил там с 1906 г. по 1908 г.

Основные участники проекта – сестры Люси и Лесс (Элизабет) Кэррик, по происхождению из прибалтийских немцев (г. Пернов Лифляндской губернии Российской империи; ныне Пярну, Эстония). Старшая сестра была музыкантшей, два года училась в Санкт-Петербургской консерватории в России, после чего отправилась завершать образование в Париж. Вскоре к ней приехала младшая сестра. У девушек был широкий круг общения, в частности, в числе их знакомых был такой интеллектуал, как Артур Мёллер ван ден Брук – немецкий историк, критик, литератор, подписывающий свои статьи двойной немецко-голландской фамилией (отца и матери). Молодые люди оказались близки не только интеллектуально, но и духовно – старшая сестра, Люси, стала его женой (1908). Меллер ван дер Брук увлекся творчеством Достоевского, ему было близко понимание Достоевского, выраженное Мережковским в книге «Толстой и Достоевский как люди и художники. Критическая оценка их жизни и творчества»[6]. Возникла идея издать собрание сочинений Достоевского на немецком языке, нашелся и издатель – Рейнхард Пипер, в 1904 г. основавший свое издательство в Мюнхене. Его убедили в перспективности проекта, который вполне соответствовал специфике нового издательства – это книги по искусству, философии, элитарная художественная литература, собрания сочинений современных писателей (известно, что Пипером были приобретены права на издание сочинений Пруста, Селина и т.д.).

В 1906 году издательство Пипер выпустило первую книгу Достоевского. Это роман «Бесы» (Die “Damonen”) – наиболее актуальный, по мнению редакторов. На обложке первого тома под портретом Достоевского подпись: «Под редакцией Д. Мережковского и А. Мёллера ван ден Брука». В кратком предисловии Мёллер ван ден Брук писал, что Достоевский в каждом из своих романов «открыл и осветил особую область русской душевной жизни». «Бесы» же – «его революционный эпос» («Die Dämonen sind sein Revolutionsepos»[7]).

6 Mereschkovski D. *Tolstoj und Dostojewskij als Menschen und Künstler. Eine kritische Würdigung ihres Lebens und Schaffens* /Übersetzung von Carl von Gütschow, 1903.

Как переводчик текста указан «E.K. Rahsin» (Разин) – псевдоним, который издательство и все участники первого издания не раскрывали. О том, что «Разин» – псевдоним Лесс (Элизабет Кэррик), стало известно только после смерти переводчицы (1886–1966). Тот факт, что сложнейший (и объемный) роман «Бесы» всего за несколько месяцев перевела девятнадцатилетняя девушка, вызывает вопросы (возможно, и недоверие). Как мы предполагаем, непосредственное отношение к изданию имел широкий круг русских эмигрантов. Об этом вскользь сказано Э. Циглер, историком издательства Пипер, в книге, посвященной его столетнему юбилею: перевод начинался как совместная работа, подстрочный перевод «был поддержан сотрудниками из круга русских эмигрантов в Париже» («anfang unterstützt von einem Kollektiv aus dem Umkreis der russischen Emigranten in Paris»)[8]. Ссылка на безымянных эмигрантов представляется очень важной. Кто же составлял этот круг эмигрантов? Очевидно, что это были российские интеллигенты – не только знавшие немецкий язык, но и хорошо понимавшие текст оригинала, разбиравшиеся в современной им русской литературе в целом. Вряд ли можно установить их имена, но как дань уважения необходима память об этой коллективной работе. Ведь, по словам того же историка, издание первого полного собрания сочинений произведений Достоевского на немецком языке оценивается как издательский подвиг[9].

Не меньшее значение имела и публикация в том же издательстве материалов о жизни и творчестве русского классика. Наиболее значительным представляется сборник «Неизвестный Достоевский»[10], участники которого – неординарные явления европейской культуры XX в. Главные редакторы и организаторы книги – театральный критик, знаток России, историк литературы и культуры, Рене Фюлоп-Миллер (René Fülöp-Miller, 1891–1963) и Фридерик Экштейн (Friedrich Eckstein, 1861–1939). Р. Фюлоп-Миллер, получив образование в европейских университетах (Вена, Париж. Лозанна), совершил путешествие по миру, в частности, побывал в России, интерес к которой сохранил на всю жизнь. Он известен как автор книг о русской культуре и истории, среди которых «Достоевский у рулетки» (1925, в соавторстве с Ф. Экштейном), «Ленин и Ганди» (1927), «Русский театр» (1928), «Меж тремя царями. Воспоминания Е. Нарышкиной-Куракиной» (1930) и др. Ф. Экштейн – австрийский теософ, меценат, ученый, интересы которого были очень разносторонни, в кругу его общения были, помимо австрийских и немецких писателей, З. Фрейд, Е. Блаватская, он встречался с Л. Троцким. Помимо совместно написанного Предисловия (всего 9 страниц), в книге помещена статья Р. Фюлоп-Миллера «Рукописи Достоевского» (с. 3–16). Перевод русских текстов выполнен Верой Митрофановой-Демелич (Vera Mitrofanoff-Demelič), переводившей многие книги о русских классиках на не-

7 Möller van den Bruck A. Zur Einführung. Bemerkungen über Dostojewski // F.M. Dostojewskis sämtliche Werke. Bd. 5. München; Leipzig, 1906. S. XIV.

8 Ziegler E.100 Jahre Piper. Die Geschichte eines Verlags. München: Piper, 2004. S. 32.

9 Ibid. S. 31.

10 Der unbekannte Dostojevski. München: Piper, 1926. 580 s.

мецкий язык и в дальнейшем (например, о жизни и уходе Л. Толстого и проч.), не скрывавшейся за псевдонимом (в отличие от переводчика первого немецкоязычного Собрания сочинений Достоевского).

Таким образом, совместные усилия интеллигенции разных стран по изданию переводов сочинений Достоевского и нескольких книг о его жизни и творчестве стали важным фактом истории русско-немецких литературных связей, представляют важнейшую форму межкультурной коммуникации начала XX века.

ЛИТЕРАТУРА

Гаспаров М. Интеллектуалы, интеллигенты, интеллигентность // Российская интеллигенция: история и судьба. М.: Наука, 1999. – 424 с.

Достоевский в зарубежных литературах. Л.: Наука, 1978. – 240 с.

Дудкин В.В., Азадовский К.М. Достоевский в Германии // Ф.М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М.: Наука, 1973.– С. 659-740. (Литературное наследство. Т. 86).

Кэррик Л. Достоевский и «другая Европа»: Афоризмы, статьи, эссе, дневники, путевая проза, письма / Сост., пер. с нем., предисловие и коммент. Г.Е. Потаповой. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2017.– 700 с.

Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окороков А. В. Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 1999. – 490 с.

Либрович Ф. Апостол русской литературы среди немцев// Либрович Ф. На книжном посту. П.; М.: Издательство Товарищества М.О. Вольф, 1916.– 496 с.

Романова Г.И. Судьба первого немецкоязычного собрания сочинений Ф.М. Достоевского// Вестник ННГУ. Нижний Новгород, 2015. № 2.– С. 190–193. Россия – Германия: литературные встречи (1880–1945). М.: ИМЛИ РАН, 2017.– 768 с.

Der unbekannte Dostojewski: [Reprint der Originalausgabe von 1926] (German Edition) / Hrsg.Rene Fülöp-Miller, F. Ekstein. – Innsbruck, 2007. – 580 s.

Dostojewski F.M. Sämtliche Werke: Unter Mitarbeiterschaft von Dmitri Mereschkovski, Dmitri Philosophoff und Anderen / herausgegeben von A. Moeller van den Bruck. Bd.1-22. München und Leipzig, 1906—1919.

Loew R. Wilhelm Henckel: Buchhändler —Übersetzer — Publizist. Aus der Geschichte der deutsch-russischen Kulturbeziehungen des 19. Jahrhunderts. Frankfurt/Main: Lang, 1995.–193 s.

Möller van den Bruck A. Zur Einführung. Bemerkungen über Dostojewski // F.M. Dostojewskis sämtliche Werke. Bd. 5. München; Leipzig, 1906. S. X-XIV.

*Ziegler E.*100 Jahre Piper. Die Geschichte eines Verlags. München: Piper, 2004. 400 s.

ROMANOVA G. I.
Moscow city University, Russia
galinroma@mail.ru

The translation of the Works of F. M. Dostoevsky as an Example of Intercultural Communication

Summary. The article considers the reasons why a wide range of intellectuals from different countries participated in the translation and publication of books by Dostoevsky and materials about his life and work into the German language in the late XIX – early XX century. This cooperation is important in the history of Russian-German literary relations and represents the most important form of intercultural communication in the early twentieth century.

Keywords: intelligentsia, translation, Dostoevsky, intercultural communication

СТЕПАНОВ СЕРГЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ
ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, Г. МОСКВА, РОССИЯ
sas68@mail.ru

ПОЛУБОЯРОВА МАРИНА ВЛАДИМИРОВНА
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, РОССИЯ
marina22@yandex.ru

Музыкальная терминология в творчестве Бориса Пастернака

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию музыкальной терминологии в творчестве Бориса Пастернака. Для лучшего понимания терминологического использовании Борисом Пастернаком, авторы в своей статье подробно рассматривают особенности терминологических единиц. На основе проведенного анализа авторы статьи приходит к выводу, что художественные тексты Бориса Пастернака представляет собой яркий способ актуализации внутреннего мира как самого автора произведений, так и его индивидуальной картины мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: терминология, Борис Пастернак, язык, картина мира, европейская культура, творчество

Для творчества Бориса Пастернака характерно использование музыкальных терминов.

Борис Пастернак родился в 1890 году. Семья часто путешествовала. Воспоминания о своих путешествиях, Борис Пастернак делится, например, в «Охранной грамоте». С большим восхищением поэт впитывал искусство Венеции и Флоренции, что позднее нашло отражение в его поэзии и автобиографических произведениях.

Для творчества Бориса Пастернака характерны общекультурные, музыкальные, живописные и литературные ценности человечества. В них художник слова столь отчетливо обращается к собственным переживаниям. К своим впечатлениям от посещений Италии и Германии весной и летом 1913 года Борис Пастернак возвращается в таких стихах, как «Марбург», «Последний день Помпеи», «Венеция», «Piazza San Marco». Таким образом, мы можем сказать, что живописные впечатления поэта, несомненно, связывали с Венецией.

Борис Пастернак был многогранно развитой личностью. Имел очень хороший музыкальный вкус. Родители будущего поэта – Леонид Осипович Пастернак и Розалия Исидоровна Кауфман дали будущему поэту очень хорошее образование. Розалия Исидоровна работала в Одесском отделении Императорского русского музыкального общества, где она была профессором, но до рождения сына она ушла со службы, а далее – посвятила себя семье и воспитанию детей.

Когда мы читаем стихотворение «Бетховен мостовых», мы можем почувствовать, что на улице и площади слышны звуки сонаты Бетховена, доносящиеся из окон филармонии. В стихотворении «Скрипка Паганини» доминирует музыкальная терминология. Мы можем провести в этих стихах ассоциацию музыки с любовным переживанием: «Я люблю тебя черной от сажи // сожиганья пассажей // в золе Отпылавших андант и адажий // С белым пеплом баллад на челе // С загрубевшей от музыки коркой. (Пастернак 1990: 164).

Приведем еще строчки из стихотворения «Годами когда-нибудь в зале концертной…» (1931), где мы находим непосредственную ввязь музыки со сложными личными переживаниями, в котором личный семейный кризис ассоциируется для поэта со слушанием музыки Брамса во время отдыха в Ирпене под Киевом летом 1931 года: «Годами когда-нибудь в зале концертной Мне Брамса сыграют// тоской изойду // И станут кружком на лужке интермеццо // Руками, как дерево// песнь охватив// Как тени, вертеться четыре семейства// Под чистый// как детство// немецкий мотив» (Пастернак 1990: 353 -354).

Для нашего исследования методологически важной отправной точкой является мнение Т.Г. Поповой (Попова 2006: 166), что «язык по сферам своего использования обладает столь же большой динамичностью, сколь динамична и разнообразна сама жизнь. Практическое освоение окружающего мира человеком непосредственно связано с его осмыслением и закреплением результатов мыслительной деятельности в форме естественного язык». Таким образом, язык является главным способом формирования и существования знаний о мире.

Итак, сознание человека является формой отражения материального мира, что определяет «объективную значимость содержания и структуру человеческого мышления и, как следствие, его материализованной формы - языка» (Колшанский 2005: 7).

Термин является объектом изучения целого ряда наук. Соответственно, каждая наука ставит своей целью сформулировать определение, стараясь учитывать характерные для данной области знания те или иные особенности. Отдавая дань таким стараниям, вместе с тем, справедливости ради, необходимо заметить, что создание единого для множества наук определения такого многоаспектного понятия не представляется возможным и было бы «логически неправомерно» (Лейчик 2007: 20).

Терминоведение связано с различными разделами языкознания: с лексикологией, грамматикой, историей языка, социолингвистикой. Терминоведение связано также с такими нелингвистическими дисциплинами, как математика, информатика, логика, социология и т.д. Данные математических дисциплин, например, теории вероятностей, математической статистики, теории множеств, математической логики и др., широко используются для описания терминологических систем.

В.П. Даниленко (Даниленко 1977: 14 -19) в своем труде, посвященном свойствам и функциям термина, особо подчеркивает, что «термины составляют главную специфику лексики языка науки. Это наиболее информативная часть лексики языка науки. Они делают лексический состав языка науки принципиально отличным от лексики общелитературного языка».

Если говорить о специфике термина, то необходимо отметить, что на современном этапе развития лингвистики многие лингвисты (см., например, Суперанская, Подольская, Васильева, 1989: 108) отмечают существование двух больших группы терминов. В первую группу ученые относят термины, которые можно встретить во многих научных дисциплинах. Это - так называемые общенаучные термины. Ко второй группе принадлежат термины узкоспециализированные, которые относятся к какой-либо конкретной области.

Сама природа гуманитарных дисциплин, борьба научных школ и направлений, авторитет ведущих ученых в какой-либо области в определенный период времени, а затем смена авторитетов, создает предпосылки к существованию конкурирующих научных концепций и подходов и, соответственно, многозначности терминов. Во-вторых, интересен тот факт, что для терминов существует «принципиальная возможность наполняться разным содержанием, которая отличает термин от общеупотребительного слова, значение которого ограничено узусом и реализуется в определенных моделях контекстов, определенной сочетаемости. Для термина узуальна именно концептуальная многозначность» (Куликова, Салмина 2002: 34).

Как подчеркивает в своем исследовании В.П.Даниленко (Даниленко: 1977 14), «терминология анализируется нами в пределах той системы, в которую она естественным образом входит, т.е. в составе лексики языка науки. Никакой другой лексической системе терминология в своей прямой функции не принадлежит, и принадлежать не может. У терминологии свое, особое назначение, реализация которого возможна только в языке науки».

Термин представляет собой результат длительного процесса познания сущности предметов и явлений объективной действительности и внутренней жизни человека. Как показывает наше исследование, термин является вербализацией специального концепта, который первоначально может быть не просто мысленным объектом, но даже проявлением чувственного познания.

А.А.Реформатский (Реформатский 2008: 115) в своем исследовании предложил следующее определение термина: «термины - это слова специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и называние вещей».

В Философском словаре (Философский словарь под ред. И.Т.Фролова 1987: 481) мы находим следующее определение термина: «термин - это однозначное слово, фиксирующее определенное понятие науки, техники, искусства и т.п. Термин является элементом языка науки, введение которого обусловлено необходимостью точного и однозначного обозначения данных науки, особенно тех, для которых в обыденном языке нет соответствующих названий. В отличие от слов обыденного языка, термины лишены эмоциональной окраски».

Под термином мы понимаем слово, которое является точным обозначением определенного понятия какой-либо специальной области науки, техники, искусства, общественной жизни и т.п. В данном контексте нам видится важным раскрыть наше понимание термина «понятие», под которым мы имеем в виду мысль об общих существенных свойствах, связях и отношениях предметов или явлений объективной действительности.

Поскольку многозначные термины по-прежнему являются источником дискомфорта терминоведов и концепция многозначности терминов разделяется безоговорочно далеко не всеми исследователями, в современных работах ученые уделяют внимание именно полисемии терминов.

Как в своей работе подчеркивает С.В.Гринев – Гриневич (Гринев – Гриневич 2008: 101), «одной из наиболее сложных проблем в области автоматизации работы с текстами является распознавание значений многозначных слов и омонимов. Следовательно, важным является тот факт, что «конкретные значения многозначного слова или омонимы часто могут быть идентифицированы по типичным для них определениям», что имеет важное значение для машинной обработки текста».

Современные лингвисты справедливо считают, что явление полисемии тесно связано с концептуальной организацией в целом, а структура многозначного слова представляет собой категорию прототипического характера. Отношения между производными значениями многозначного слова основаны на существовании структурированных когнитивных связей (Заботкина, Боярская 2010: 61).

При анализе специфики термина в языке, мы будем опираться на исследования С.В. Гринева, в том числе, на его учебное пособие «Введение в терминоведение», (Гринев 1993: 29). В этой работе ученым выделяются наиболее значимые свойства термина. Речь в этом пособии идет, во-первых, об отнесенности к специальной области употребления (Гринев, 1993: 29) для фиксации «его принадлежности к специальной области знания», в рамках которой в полной мере проявляется понятие, им обозначаемое.

Учеными (см., например, Гринев 1993: 63) также выделяются базовые, заимствованные термины «при зарождении данной терминологии из той терминологии или области лексики, которая лежала в ее основе, являлась базой для ее образования», собственные и привлеченные (из смежных областей). В группу последних включают «основные термины (обозначающие главные понятия), производные (образовавшиеся от основных), ядерные (составляющие

ядро терминологии), а также периферийные (относящиеся к терминологической периферии)» (Гринев 1993: 63).

Л.Л. Нелюбин (Нелюбин 2009: 124) отмечает, что «термины образуют особый, отдельный пласт лексики, наиболее легко поддающийся регулированию и упорядочению. Приведем определение термина ученым, где отмечается, что «термин представляет собой слово, свойства которого выделяют его в особую категорию языковых знаков, способных соотноситься только с одним объектом реальной действительности: либо с понятием, либо с денотатом, либо с группой одинаковых объектов, т.е. термин не может соотноситься с различными семантическими уровнями; в пределах одной области знания термин всегда однозначен, а в другой области этот же знак может обозначать и совершенно другое понятие или совершенно иной объект действительности».

Согласно канонам классического терминоведения, полисемия является недостатком отраслевых терминологий, который подлежит устранению в ходе терминологической работы по унификации терминов. Большинство ученых склонны считать, что называние одной лексической формой нескольких специальных понятий, в особенности принадлежащих к одной предметной области, приводя к многозначности и неточности значения термина, затрудняет профессиональное общение специалистов. При этом случаи, когда одной лексической единицей называются несколько понятий, могут квалифицироваться как полисемия (многозначность) или омонимия (Гринев-Гриневич 2008: 96).

Как показывает проведенное нами исследование многозначного термина, среди основных идентифицирующих элементов термина «brand» предлагается сема mark (identifying mark), а также различные по форме выражения идеи функционального назначения бренда как идентификации и доказательства права собственности. В этой связи в качестве примера мы приведем следующие сочетания; to show ownership, to show who owns, show who it belongs to, a proof of ownership. Следующей характерной особенностью является то, что проанализированные нами словари представляют также детали нанесения тавро (made on cattle by burning, on the skin of animals, (formerly) slaves or criminals, burnt on a farm animal's skin).

К случаям многозначности относят целый ряд явлений. Это, прежде всего, использование одного и того же термина в широком и узком значениях. Во-вторых, это - наличие у однозначного термина в языке двух и более близких по значению, но, при этом, разных терминов в другом языке (такое явление называют скрытой многозначностью термина). Сюда же, как отмечает С.В.Гринев-Гриневич (Гринев – Гриневич 2008: 96 – 97), необходимо отнести «процесс образования новых терминов путем метонимического переноса, что сопровождается сохранением обоих терминов (старого и образованного от него терминов) в одном языке. Это неизбежно приводит к наличию связи между ними».

Значение термина brand согласно толковому терминологическому словарю делового английского языка Лонгман представлено следующим образом: (com & ind) originally an owner's mark, made by burning, on cattle, etc. but now a maker's name, trade mark, or sign, usually officially registered and protected, put on goods to make it easy for buyers to recognize the make or quality (LDCE: 66).

Этимологический анализ позволяет реконструировать наиболее древнюю сло-

вообразовательную структуру слова и элементы его значения, которые в результате действия различных внутриязыковых, культурно-социальных, межъязыковых и территориально-временных процессов оказались нарушенными, смещенными, утраченными или контаминированными.

С.В. Гринев (Гринев 1993: 76) подчеркивает, что «два противоположных параметра – абстрактность и конкретность, а также параметр «категориального соотношения (соотношение терминов, называющих понятия различных категорий)» свидетельствуют о «характере понятийной системы, отражаемой в значениях терминов данной терминологии».

Таким образом, рассмотрев специфику термина в языке, мы можем сделать заключение, что ведущая тенденция в терминологии - это тяготение к однозначности, и доля моносемантичных терминов выше по сравнению с долей многозначных терминов в обычном языке.

Следующий вывод сводится к тому, что термины имеют довольно самостоятельный характер, и, следовательно, можно признать мнение о необходимости вынести термины за рамки литературного языка. А с другой стороны, процесс образования терминов на базе естественного языка и применение их в различных областях знания, не позволяют нам считать термин искусственной единицей. Таким образом, важно найти некую третью точку зрения для решения этой проблемы.

Таким образом, рассмотрев особенности терминологических единиц и использование музыкальных терминов Борисом Пастернаком, мы приходим к выводу, что все произведения художника слова вдохновлены великой европейской культурой. Все это, несомненно, свидетельствуют о том, что Борис Пастернак в совершенстве был знаком с ее наследием. В то же время следует отметить, что, поэт не просто использовал в качестве вдохновения первоисточники, но, в первую очередь, относился к оригиналу как к непосредственному импульсу для собственных переживаний, рефлексий, представлений. Сокровищницы музыки, литературы и живописи выступали в роли поэтического воображения и, попадая в художественное творчество поэта, подчинялись поэтической концепции и эстетическим принципам всемирно известного русского художника слова, принадлежащего всему миру.

ЛИТЕРАТУРА

Гринев, С.В. Введение в терминоведение. – М.: Москов. Лицей, 1993. – 309 с.

Гринев-Гриневич, С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. выш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр (Академия), 2008. – 304 с.

Даниленко, В.П. Русская терминология: Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. – 245 с.

Заботкина, В.И., Боярская Е.Л. Явление полисемии и категоризующая деятельность сознания // Когнитивные исследования языка. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова. Министерство образования и науки РФ, Рос. акад. наук, Учреждение Рос. акад. наук Ин-т языкознания РАН, ГОУВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина», Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 60-69.

Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. - Издательство 2-е, стреотипное. - М.: КомКнига, 2005. -(Лингвистическое наследие XX века). - 232 с.

Нелюбин, Л.Л. Введение в технику перевода (когнитивный теоретико-прагматический аспект): учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 216 с.

Пастернак, Б.Л. Стихотворения и поэмы: В 2 т. Л., 1990. - 798 с.

Попова, Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков). Монография. – М.: Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003. – 179 с.

Попова, Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков). Монография. – М.: Изд-во МГОУ «Народный у Попова Т.Г. Язык, мышление, культура. Взаимосвязь понятий // Материалы международной конференции. - М.: МГУ им. МВ. Ломоносова, 2006. - С. 166-173.

Попова, Т.Г. К проблеме когнитивной основы переводческой компетенции // Третьи Всероссийские Державинские чтения (14-15 декабря 2007 г.).: Сб. статей в 8 кн. – Кн.8: Иностранный язык юридической специальности. Проблемы перевода и межкультурной коммуникации. – М.: РПА МЮ РФ, 2008. – С. 160-165.

Попова, Т.Г. Национально-культурные факторы и элементы языкового кода // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Материалы Международной школы-семинара (V Березинские чтения). – Вып.15. – М., 2009. – С.201-209.

Попова, Т.Г. Когнитивно-семантические аспекты переводоведения // Изменяющийся славянский мир: новое в лингвистике: сборник статей [Текст]; отв. Ред. М.В. Пименова. – Севастополь: Рибэст, 2009. – С. 353-361.

Попова, Т.Г. Культурологический аспект межъязыковой коммуникации // Язык, культура, речевое общение: Сборник материалов Международной конференции к 85-летию профессора М.Я. Блоха. В 2-х частях. Ч.2. – М.: Изд-во «Прометей» МПГУ, 2010. – С. 47-480.

Попова, Т.Г. Интеграция языка и культуры как культурологическая реальность в процессе перевода // Пространства и метасферы языка: Структура, дискурс, метатекст: Материалы III Межвузовской научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации (26 июня 2009 года - Военный университет. Факультет иностранных языков). – М.: Военный университет, 2010. – С. 361-372.

Попова, Т.Г. Функциональное единение лингвистики и правоведения // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе: Материалы международной конференции (10-11 апреля 2009 года). – М.: РУДН, 2011. – С. 269-272.

Попова, Т.Г. Слово как способ языкового закрепления концептуальных объединений // Профессионально ориентированное обучение иностранному языку и переводу в вузе: Материалы международной конференции (10-11 апреля 2009 года). – М.: РУДН, 2011. – С. 276-280.

Реформатский, А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов. – 5-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2014. - 536 с.

Суперанская, А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. – М.: Наука, 1989. – 246 с.

Лейчик, В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.

Куликова, И.С., Салмина Д.В. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии). – СПб.: «САГА», 2002. – 352 с.

Философский словарь. - М.: Изд-во политической литературы, 1987. – 481 с..

LDCE - Longman Dictionary of Contemporary English, New Edition. – London: Longman Group Ltd., 2004. – 1949 с.

Popova, Tat'jana G. Kulturnye i kognitivno-semantičeskie zakonomernosti perevoda // Riječ (časopis za filologiju), Rijeka, 2009., god. 15., sv. 1. – 3. – Str. 86-96.

STEPANOV S. A.
Faculty of Foreign Languages, The Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
sas68@mail.ru

POLUBOJAROVA M. V.
Moscow State Linguistic University, Russian Federation
marina22@yandex.ru

Musical Terminology in Boris Pasternak's Works

Summary. The paper is devoted to the research of the concept of smell in Boris Pasternak's works. For a better understanding of the reasons and ways the poet uses musical terminology, the authors of this paper research the peculiarities of his terminological units in detail. On the basis of this analysis, the authors of this paper come to the conclusion that the texts written by Boris Pasternak brilliantly aid one in understanding both the identity of Boris Pasternak and his individual point of view.

Keywords: terminology, Boris Pasternak, language, picture of view, European culture, creative work

СТРЕЛЬНИКОВА НАТАЛИЯ ДАНИИЛОВНА
ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, РОССИЯ
tashastrel@mail.ru

Н.Г. Писаревский: личность и деятельность

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена личности выдающегося представителя технической интеллигенции Н.Г. Писаревского. Рассматривается его разносторонняя научная, просветительская, общественная, педагогическая, патриотическая деятельность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Писаревский, Россия, электротехника, педагог, инженер

Н.Г. Писаревский – талантливый инженер в сфере электрических средств связи, фотографии и топографии, организатор и первый директор Электротехнического института, первого в России специального электротехнического высшего учебного заведения. Многообразие научных интересов, сочетание теоретических и практических знаний, эрудиция, поражающая работоспособность, любовь к преподавательской деятельности и одержимость наукой – далеко не все черты, присущие Н. Писаревскому. К сожалению, имя его недостаточно известно, между тем вклад в развитие отечественной науки, электротехники и образования трудно переоценить.

Родившийся в семье мелкопоместного дворянина в Подольской губернии 1 ноября 1821 года, Николай Григорьевич Писаревский решил связать свою жизнь с военным поприщем. Так сложилось согласно традиции, существующей в семье, он был отдан учиться в Полоцкий кадетский корпус, который окончил с отличием и начал военную службу в Дворянском полку в чине прапорщика. Природная любознательность и врождённая интеллигентность не позволили Н.Г. Писаревскому долго оставаться на одном месте. Ему посчастливилось вовремя родиться. Период становления и определения сферы деятельности молодого военного совпал со временем ярких открытий в области физики и началом освоения электричества на практике. Врождённая тяга к знаниям и интерес к физическим наукам привели Писаревского к решению продолжить образование. Он совершенствуется на отделении геодезии и связи в Николаевской академии Генерального штаба в Санкт-Петербурге (1843 – 1847). В 1843 году Писаревский отличился в крымской и венгерской кампаниях. Получив после блестящего окончания академии назначение в Генеральный штаб, будучи уже в чине полковника, Писаревский становится помощником начальника геодезического отделения военно-топографического дела.

В середине XIX века военно-топографические съёмки являлись недостаточно освоенным ремеслом, только-только начали использовать эту новую технику на практике.

Благодаря деятельности Н.Г. Писаревского и возглавляемого им отделения впервые в истории русской армии были произведены топографические съёмки местности важных стратегических военных объектов на западе России и под его руководством составлены топографические карты.

В середине XIX века в России фотографический метод съёмки в топографии ещё не применялся: не было специалистов. Между тем, именно в середине века стремительно развивается фотодело и искусство фотографии. Н.Г. Писаревский, отличающийся неуёмной энергией и жаждой полезной деятельности, не остался в стороне. Он страстно увлёкся фотографией и даже написал статью [журнал «Современник», 1862].

В 1855 году Н.Г. Писаревского назначают начальником фотографического отдела Генерального штаба армии; он должен осуществить подготовку специалистов по фотоделу. В 1858 году Н.Г. Писаревский отправляется за границу (Лондон, Париж Берлин) учиться. Целью его продолжительной командировки было знакомство с искусством фотографии и овладение этим непростым ремеслом. Помимо изучения этой новой области физики, он слушает курс лекций по физике в Сорбонне, а в Лондоне встречается с известным писателем и общественным деятелем А.И. Герценом.

Основательность, доскональность, педантичность, необходимые глубокие и разносторонние технические знания и

прекрасное превосходное знание иностранных языков позволили дали возможность Н. Писаревскому не только глубоко досконально изучить новую область физики – фотографию, но и использовать приобретённые знания на практике, внедрить фотографию в военное дело. За эти заслуги его отмечают наградами и присваивают в 1862 году чин полковника. Однако уже в 1865 году Писаревский уволен со службы. Лекции, прослушанные в Сорбонне, знакомство с последними европейскими достижениями в физике заставили Писаревского поделиться полученными в Европе знаниями и познакомить с ними учащихся и учёных России. Писаревский отрывает для себя новую область приложения своего недюжинного интеллекта – российское образование. Так достаточно рано проявилась педагогическая и просветительская направленность натуры. Составляющая особенность характера способность П. В 1859 году совместно с профессором Н.Н. Тыртовым Н.Г. Писаревский издал учебник физики для гимназий. В 1862 году в журнале «Современник» вышла статья Писаревского, посвящённая фотографии.

Не может не удивлять и не восхищать разносторонняя неутомимая деятельность, стремление к знаниям и желание освоение новых областей знания, и при этом практическое воплощение полученных знаний, их конкретная реализация. Писаревский известен как автор интересных учебников по физике, ярко проявивший себя как незаурядный педагог. В 1852 году вышло первое издание оригинального учебника «Общепонятная физика» (Писаревский, 1852). Само название свидетельствует о просветительской задаче, поставленной его автором – Н.Г. Писаревским. Учебник имел успех, оказался востребованным. Существенно дополненный до трёх частей и превратившийся в фундаментальный труд, учебник с тем же названием был переиздан. В 1854 году вышла первая часть объёмом 611 страниц, в 1856 году – часть вторая объёмом в 584 страницы и в 1858 году – часть третья, составившая 334 страницы (Писаревский, 2-е изд.). Одновременно, в 1854 году, Писаревский пишет и выпускает пособие в двух частях «Общепонятная механика, применяемая к сельскому хозяйству, промышленности и домоводству» (Писаревский, 1854).

С 1868 года начинается новый этап в жизни Писаревского. Развитие связи, особенно для такой огромной страны, как Россия, всегда было важным. Новые и большие перспективы открывало применение электромагнитного телеграфа. Строительство телеграфных линий в России с 1852 года практически полностью осуществлялось зарубежными фирмами, в основном германской «Сименс и Гальске».

29 марта 1868 года Н.Г. Писаревский назначается инспектором Телеграфного департамента. Именно в этой области оказались востребованы его глубокие познания в физике, эрудиция, широта взглядов и управленческий опыт, приобретённый во время службы.. Как инспектор Писаревский много ездил по стране с целью обследования телеграфных округов, исколесил почти все губернии России, включая Сибирь. Возглавляя Технический комитет Телеграфного ведомства, Николай Григорьевич занимался вопросами производства отечественного кабеля. Писаревский руководил строительством линий связи, прокладкой телеграфного кабеля по дну Каспийского моря (Дело: РГИА). Знания в области электротехники, телефонии и накопленный почти за 10 лет инженерный опыт работы в Телеграфном департаменте дали возможность Писаревскому, начиная с 1877 года, регулярно печатать свои статьи и практические руководства по телеграфному и телефонному делу в

«Сборниках распоряжений по телеграфному ведомству», издании телеграфного департамента, а также подготовить целый ряд книг и статей по физике и её роли в телеграфии. Так, с 1879 (№ 19, 21 – 24) по 1880 (№ 1 – 4) гг. в Отделе неофициальном «Сборника распоряжений по телеграфному ведомству» Писаревский печатает «Обзор устройств гальванических элементов в различных государствах», детально рассматривая элементы, начиная с элемента Кало, применяемого во Франции. Затем он последовательно описывает различные элементы в Бельгии, Италии, Северной Германии, Южной Германии, Австрии, Швейцарии, Англии, останавливаясь на особенностях сборки, достоинствах и недостатках. Труд сопровождается большим количеством схем, планов, рисунков, чертежей. Например, Писаревский пишет: «В Италии употребляются два рода элементов: элемент Убичини – на железных дорогах и элемент Амико – на правительственных линиях, отличающиеся между собою только устройством медного полюса. Элементы эти < … > представляют видоизменение элемента Кало» (Писаревский, 1879, № 23: 397). В 1880 году эта статья выходит в виде отдельной книги (Писаревский, 1880). А в 1881 году Писаревский публикует статью «Телефоны и практическое их применение» (1881, № 16) с чертежами, «Различные системы железных столбов» (№ 19); 1882 № 9 «Металлические столбы (расчёты, на которых основано их устройство)» (82 № 9) и т. д. В трёх первых номарах 1883 года Писаревский размещает «Основные законы электричества и гальванизма, имеющие соотношение к электрическим измерениям». Это практически учебник (1883, № 1 – 3). «В последнее время учение об электричестве приняло такой рациональный характер, что получилась возможность установить более правильный взгляд на электрические явления и способствовать тем к достижению весьма важных результатов не только на поприще телеграфного дела, но и в многоразличных других практических применениях электричества. Мы постараемся изложить в возможно доступной форме те из этих взглядов, которые достаточно установились уже в современной науке и для этого будем придерживаться позднейших руководств об электричестве и преимущественно английских» (Писаревский 1883, № 1: 11).

В 1884 году Почтовый и Телеграфный департаменты были объединены в Главное управление почт и телеграфов (ГУПиТ) при МВД. «Сборник распоряжений…» превращается в «Почтово-телеграфный журнал» Особое внимание он уделял электрическим измерениям. Труд Н.Г. Писаревского «Руководство по электрическим измерениям» стал первой книгой по электрическим измерениям, написанной на русском языке.

В мае 1879 года Н.Г. Писаревский едет в Лондон в командировку, где лично присутствует на «испытаниях заказанного кабеля для Каспийского моря от Баку до Красноводска» и придирчиво тщательно проверяет его проведение, вызывая при этом изумление и восхищение английских инженеров своими глубокими познаниями в области электротехники. Вернувшись в Петербург, Николай Григорьевич с большим знанием дела взялся за реорганизацию средств связи в России на основе новейших достижений науки и техники. В 70 – 80-х годах под непосредственным руководством Писаревского впервые в России осуществляется в больших масштабах строительство телеграфных, и затем и телефонных линий связи. Писаревским впервые в России осуществлена прокладка подземных телеграфных линий. В 1879 году Писаревский руководит прокладкой и испытаниями первого в России подводного кабеля от Баку до Красноводска. Под его руководством успешно поведена прокладка и испытание кабеля между Петербургом и Кронштадтом.

Организационная и научно-практическая деятельность Н.Г. Писаревского на посту инспектора Телеграфного ведомства в течение 20 лет (с 29 марта 1868 года по 11 июня 1886 года) была чрезвычайно результативна и масштабна. Писаревским написано 19 книг, опубликовано более 20 статей. Среди них «Руководство к устройству воздушных телеграфных линий» (1878), которое в то время являлось единственным пособием для телеграфных работников. Книга «Телефоны и практическое их применение» выдержала 8 изданий.

И всё-таки … может быть, главным делом жизни Николая Григорьевича Писаревского стало создание специального электротехнического института и подготовка собственных специалистов – профессионалов. В начале 80-ых годов Писаревский возглавил комиссию по выработке проекта системы электротехнического образования в России для подготовки собственных кадров в области связи. Он сам разработал проект Телеграфного института в Санкт-Петербурге, понимая насущность и жгучую необходимость создания специальной школы. Кроме того, Писаревским двигало стремление избавить российскую телеграфную службу от зависимости иностранцев, которые трудно усваивая русский язык, были малополезны для пополнения и усвоения технических знаний отечественными служащими.

Прежде всего, в связи со стремительным развитием техники связи, применением более сложных аппаратов в телеграфии возникла проблемы нехватки специалистов. Последние 12 лет жизни Писаревский посвятил осуществлению электротехнического образования в России, это была поистине подвижническая деятельность.

Комиссия под руководством Писаревского выработала проекты программ, положения и уставы высшей, центральной, средней и местной телеграфных школ. В 1883 году была открыта первая в России телеграфная школа. Более трёх лет Николай Григорьевич занимался подготовительными работами, предшествовавшими учреждению в 1886 году Технического училища Главного управления почтово-телеграфного ведомства, затем Электротехнического института. Н. Г. Писаревский является основоположником гражданского (что тоже важно для военного человека!) электротехнического образования в России. К сожалению, Государственный совет отклонил проект организации Телеграфного института, но постановил в 1886 году открыть сроком на пять лет Техническое училище Почтово-телеграфного ведомства. «Положение о новом училище было утверждено 15 июня 1886 г., создание его имело целью "… поставить нашу телеграфную службу на прочных основаниях и избавить её от зависимости иностранцев, которые, трудно усваивая русский язык, были малополезны для увеличения технических знаний нашими служащими"» (Магический: 234). Это решение Совета о создании училища, которое по сути занимало промежуточное положение между средним и высшим учебным заведением, очень огорчило Н.Г. Писаревского. Тем не менее, комиссия под его председательством разработала проект, утверждённый 11 июня 1886 года, положения об организации в Петербурге Технического училища. Директором училища был назначен, конечно, Николай Григорьевич Писаревский. Открытие Технического училища 16 (4) сентября 1886 года стало настоящим праздником научного электротехнического сообщества. Первоначально училище разместилось на Новоисааки-

евской улице в доме 18. Помимо общих предметов студенты изучали специальные дисциплины: телеграфию, телеграфостроение, электрические измерения, почтовую службу. Бесспорно, что заслуга появления учебного заведения такого рода принадлежит его первому директору. К сожалению, мечты Писаревского осуществились не в полной мере: он хотел организовать в столице высшее электротехническое учебное заведение. Расстроенный, но не отчаявшийся, неугомонный и последовательный в достижении цели и осуществлении идеи, Писаревский добивается заграничной командировки для изучения опыта постановки электротехнического образования в Европе. 2 июня 1889 года он уезжает на два месяца в Берлин, Лондон и другие европейские города. Вернувшись с богатым материалом для преобразования Технического училища (в соответствии с современным состоянием электротехники), Писаревский с особой любовью и энергией принялся за составление проекта высшего электротехнического учебного заведения. 11 июня 1891 года Техническое училище почтово-телеграфного ведомства было преобразовано в Электротехнический институт (ЭТИ) с четырёхлетним обучением, а директором стал естественно Николай Григорьевич. Считается, что он был довольно жёстким администратором, но всегда заботился о воспитанниках института, особенно если это были талантливые, одарённые ученики. Лучшие выпускники Технического училища и ЭТИ, среди которых были впоследствии его директора П.Д. Войнаровский (1906 – 1912) и П.С. Осадчий (1918 – 1924) и ряд других, были оставлены Писаревским для преподавательской деятельности. Практически все они стажировались в европейских вузах.

Ко времени образования училища не было ни учебников, ни специалистов – электротехников. Писаревскому, благодаря неординарным организаторским способностям, настойчивости и беззаветному служению российской науке и просвещению, удалось очень быстро организовать учебный процесс, собрать вокруг профессиональный преподавательский коллектив. В училище, а затем в ЭТИ были приглашены профессора Петербургского университета. профессора физики О.Д. Хвольсон и И.И. Боргман, выпускники физико-математического факультета петербургского университета В.В. Скобельцын и М.А. Шателен, выпускник химического факультета А.А. Кракау, профессор Технологического института И.А. Евневич (механическая теория тепла, прикладная механика), профессор Николаевской инженерной академии. Генерал-майор Н.Л. Кирпичёв (теоретическая механика), сам Н.Г. Писаревский (электрические измерения в телеграфии). Есть сведения, что Н.Г. Писаревский приглашал на работу в ЭТИ и А.С. Попова, молодого, но уже уважаемого в среде электротехников преподавателя Минного офицерского класса (Северинова, Северинов, 2002: 97). Техническая литература на русском языке отсутствовала. Первые пособия и руководства по телеграфии написал Н.Г. Писаревский: «Руководство к устройству воздушных телеграфных линий» (Писаревский, 1878), «Электрические измерения» (Писаревский, 1889), «Гальванические элементы, употребляемые в телеграфной практике» (Писаревский, 1880).

Став директором, Писаревский, по его выражению, стремился «довести Электротехнический институт до желаемой цели» (Золотинкина, 2011: 119). Для этого, с точки зрения Писаревского, «необходимо новое просторное помещение с перспективой развития института, <…> постановка учебного и научного дела, <…> открытие 5-го курса института, дабы молодые люди могли окончить курс наук со званием инженера, как это установлено во всех других специальных высших учебных заведениях» (Золотинкина, 2011: 119). Николаю Григорьевичу Писаревскому самому не удалось «довести Электротехнический институт до желаемой цели»: он умер 20 июня 1895 года. Начатое Писаревским было продолжено инспектором Технического училища Н.Н. Качаловым (1886 – 1889), назначенным исполняющим обязанности директора ЭТИ после кончины первого директора, и талантливым учеником Писаревского П.Д. Войнаровским, возглавившим институт в 1906 г. после преждевременной смерти первого выборного директора, известного профессора физики, изобретателя радио А.С. Попова (Северинова, Северинов, 2002: 103).

Деятельность Н.Г. Писаревского как организатора Электротехнического института, значение появления специального высшего учебного заведения в деле развития электротехники и электротехнического образования в России были отмечены и по достоинству оценены в 1895 году IIСъездом русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в Москве (Электротехнический институт на II съезде, 1896).

Основанный Н.Г. Писаревским Электротехнический институт становится центром электротехнической науки и образования в России уже в начале XX века.

Память о Николае Григорьевиче Писаревском живёт в Санкт-Петербургском Электротехническом университете «ЛЭТИ». 15 июня 2011 года – в день подписания указа императора Александра III об открытии Технического училища почтово-телеграфного ведомства – в 3 корпусе университета был установлен бронзовый бюст Н.Г. Писаревского (скульптор А.Г. Дема, архитектор З.Т. Степанова). В этот же день было «проведено гашение конверта с портретом Н.Г. Писаревского в честь 125-летия Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета “ЛЭТИ”» (Золотинкина, 2011: 120).

Прекрасная личность представителя русской интеллигенции

Впервые применил фотографию в топографических работах и картографии, участвовал в международной комиссии по определению нулевого меридиана, инициировал организацию товарищества «Общественная польза», издававшего книгипо естествознанию, истории, русскую и мировую классику, руководил прокладкой телеграфного кабеля по дну Каспийского моря

Награды представителю русской технической интеллигенции рубежа веков.

ЛИТЕРАТУРА

Дело Директора училища д. ст. сов. Н.Г. Писаревского. Формулярный список о службе. – РГИА, ф. 990, оп. 2, св.168, д. 2743, л. 33 – 44.

Золотинкина, Л.И. Гражданин, инженер, патриот // Петербургский журнал электроники, 2011, № 2. С. 107-120.

Магический электротехнический. СПб: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), 2011. – 250 с.

Писаревский, Н. Обзор устройств гальванических элементов в различных государствах // Сборник распоряжений по телеграфному ведомству 1879, № 23. Издание телеграфного департамента. СПб: тип. Министерства внутренних дел. С. 397-399.

Писаревский, Н. Гальванические элементы, употребляемые в телеграфной практике / Сост. Н. Писаревский. СПб: тип. М-ва вн. Дел. 1880. – 68 с.

Писаревский, Н. Телефоны и практическое их применение // Сборник распоряжений по телеграфному ведомству 1881, № 16. Издание телеграфного департамента. СПб: тип. Министерства внутренних дел.

Писаревский, Н. Металлические столбы (расчёты, на которых основано их устройство) // Сборник распоряжений по телеграфному ведомству 1882, № 9. Издание телеграфного департамента. СПб: тип. Министерства внутренних дел. С. 97-108.

Писаревский, Н. Основные законы электричества и гальванизма имеющие соотношение к электрическим измерениям // Сборник распоряжений по телеграфному ведомству 1883, № 1 - 3. Издание телеграфного департамента. СПб: тип. Министерства внутренних дел. 1 С. 11-32.

Писаревский, Н. Общепонятная физика. СПб, 1852. – 458 с.

Писаревский, Н. Общепонятная физика. 2-е изд., испр. И доп. в 3-х ч.: Ч. 1. СПб, 1854 – 611 с., Ч. 2, 1856. – 584 с., Ч. 3. СП., 1858. – 334 с.

Писаревский, Н. Общепонятная механика, применяемая к сельскому хозяйству, промышленности и домоводству, составленная по курсу Делона с изменениями, дополнениями и примечаниями. Ч. 1, 2. Брауншвейг – СПб, 1854. – 740 с.

Писаревский, Н.Г., Тыртов, Н.Н. Начальные основания физики. Учебное пособие для гимназий и др. средних учебных заведений. В 2-х вып. – СПб, 1859. – 608 с.

Писаревский, Н. Руководство к устройству воздушных телеграфных линий. СПб, 1878. – 295 с.

Писаревский, Н. Электрические измерения. Лекции. Литогр. Изд. СПб. – 1889.

Северинова, В.П., Северинов, К.М. Учитель и ученик //Петербургский журнал электроники, 2002, № 1. - С. 96-103.

Электротехнический институт на II съезде русских деятелей по техническому профессиональному образованию // Почтово-телеграфный журнал, февраль 1896. – С. 345-349.

STRELNIKOVA N. D.
Saint-Petersburg State Electrotecnical University "LETI", Russia
tashastrel@mail.ru

N. G. Pisarevsky: His Personality and Activities

Summary. The article is dedicated to the personality of the prominent / notable representative of intellectuals involved in technology. It provides an overview of the scientific, educational, social, pedagogic and patriotic activities of N.G.Pisarevsky.

Keywords: Pisarevsky, Russia, electrical engineering, pedagogue, engineer

СУМСКАЯ МАРИНА ЮРЬЕВНА
ФИЛИАЛ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Г.В. ПЛЕХАНОВА В Г. ПЯТИГОРСКЕ, РОССИЯ
sumskaya-m@yandex.ru

Политическая эмиграция в Европе рубежа XIX-XX веков: конфликт идентичностей (по книге Л. Данилкина «Ленин. Пантократор солнечных пылинок»)

АННОТАЦИЯ. В статье сделан анализ книги известного критика Л. Данилкина, вызвавшей в России немалый резонанс и признанной главным литературным событием в связи со столетием революций 1917 года. Внимание автора сконцентрировано на тех главах книги, где описан эмигрантский период жизни Ленина, совершившего беспримерный конспиративный, по сути, объезд почти всей Европы. Автору удалось органично показать Ленина в контексте эпохи, колоритно описать многие яркие фигуры, столкнуть своего героя в жарких схватках с очень сильными противниками. В этом смысле Париж как раз и рассмотрен как главная арена становления Ленина в качестве главы революционной партии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая эмиграция, Франция марксизм, партийная борьба

«Большую книгу» - самую престижную в России литературную премию в 2017 году получил Л. Данилкин за книгу «Ленин. Пантократор солнечных пылинок». И это несмотря на данные читательского опроса, в котором лучшей называлась навязываемая официальными СМИ совершенно другая книга. Впервые за весь постсоветский период в жанре non-fiction написано внушительное повествование, рассказывающее не только о повседневной жизни «вождя мирового пролетариата». В нем представлена одна из сторон жизни «русского сегмента» европейской интеллигенции, причем «в самых разных аспектах: антропологическом, социологическом, юридическом, культурологическом и, естественно, политическом» (Сумская 2006: 37). Последний и интересует Данилкина в первую очередь, оставляя за пределами книги другие группы: трудовую, научную, религиозную (представленную в основном иезуитами), еврейскую, а также тонкую прослойку постоянно живших за пределами отечества россиян, сформированную представителями элитарных слоев общества.

Основы политической эмиграции были заложены декабристом Н.И. Тургеневым, народовольцем П.Л. Лавровым, анархистами Л.И. Мечниковым и П.А. Кропоткиным. Впоследствии исторической науке политическая эмиграция была разделена на два периода – «народнический», начало которому положил отъезд А.И. Герцена в 1847 году и «пролетарский», возникновение которого связывают с организацией марксистами-эмигрантами группы «Освобождение труда», с ее лидерами - Г.В. Плехановым, П.Б. Аксельродом, В.Н. Игнатовым, В. Засулич, создавшими затем в 1903 году самую мощную из российских партий за рубежом – РСДРП» (Сумская 2007: 9).

Кстати, почти все они займут свое место в данилкинской книге о Ленине, далеко превосходящей роман Л. Толстого «Война и мир» сложной композицией персонажей.

Наряду с Парижем, русская политическая эмиграция была благодаря Герцену и Огареву особенно заметна в Лондоне, а также в весьма притягательной для чужестранцев Швейцарии, куда Ленин в последний раз бежал из ставшей опасной для него Польши. Ни один исследователь политической эмиграции не станет говорить о ней как о явлении целостном, строго структурированном, связанном железной дисциплиной. Распри и скандалы, сопровождавшие внутреннюю жизнь эмигрантских сообществ, дадут о себе знать даже через много лет в репрессивной политике Сталина. Достаточно в связи с этим вспомнить о более двухсот периодических изданий, выходивших в различных странах Европы, бывшие рупором более ста пятидесяти политических партий, созданных преследуемыми у себя на родине гражданами России.

Как бы ни относились к русским эмигрантам в Старом Свете тогда и сегодня, ни один здравомыслящий человек не станет отрицать огромного вклада, внесенными ими в бытовавшие представления европейцев о русских, их культуре, истории и традициях. Тот же, к примеру, русский писатель И.С. Тургенев был признан французскими литераторами законодателем новых принципов европейского романа, а его произведения являют собой достоверную летопись жизнь прогрессивно мыслящих русских людей в эмиграции. Об этом с удивительной художественной убедительностью говорится в повести «Дым», действие которой происходит в самом расцвете «народнического» периода русской эмиграции в Европе.

Для более глубокого понимания личности своего героя Данилкин объездил все места в европейских странах, где в свое время

побывал Ленин, начиная с Польши и кончая Швейцарией, заехав даже в Лондоне на могилу К. Маркса, чей двухсотлетний юбилей как-то странно отметили недавно мировые интеллектуалы. Из книги становится понятной версия Данилкина о социально-психологических предпосылках появления Ленина в Европе, которая в корне отрицает столь ныне «распространенную в России беллетристикой Б. Акунина и Л. Юзефовича точку зрения о «русском викторианстве» 1880-х годов» (Сумская, Головченко 2013: 168). В действительности, Россия тогда – после убийства Александра II - находилась в состоянии невроза, полученного в результате психотравмы 1861 года. Во многом благодаря этому получился не привычный для нашего представления образ русского эмигранта – не грезящего провести остаток жизни в дешевых пансионах и экскурсиях по горам Швейцарии, а страстно проникнутого идеей любой ценой использовать тот шанс, который дает судьба. И здесь же возникает конфликт идентичностей: «Ленин выглядел человеком, который стал переходить улицу на красный сигнал светофора – пока все стояли и ждали зеленого: «ведь в Европе все ждут», «это и есть европейская цивилизация – соблюдать правила, о которых договорились» (Данилкин 2016: 84).

Световая семиотика чрезвычайно символична: Европа в конце 1890-х переживает настоящий велосипедный бум; езду на велосипеде рекомендовали как средство физиологического и социального оздоровления, во что одновременно с Лениным поверил даже 67-летний Толстой. Вообще маниакальная любовь Ленина к велосипеду роднит его с европейцами очень зримо. Хотя в книге сообщается, что «…он постоянно попадал в аварии, и судя по отчетам тех, кто встречал его на улицах разных европейских городов, представлял собой на велосипеде что-то вроде колесницы Джагернаута — готовый продемонстрировать всякому, кто не разделяет его взгляды, свои преимущества в скорости, ну или, в худшем случае, преподать самому себе урок диалектики: садишься на велосипед, а слезаешь с кучи металлолома» (Данилкин 2016: 115).

Европа в пору пребывания там Ленина была наводнёна русскими людьми, это были по большей части представители партий, оппозиционных царскому режиму. Их пребывание в той или иной стране не было тихим существованием, что вряд ли могло импонировать местным жителям. Та или иная квартира, где жили эмигранты, становилась конспиративной, там собиралась масса народу, с удручающими окружающих бесконечными бурными дискуссиями.

Оказавшийся в Европе Ленин Данилкина «прежде всего экономист и журналист, вооруженный философским методом. Как экономист он находит главные болевые точки режима, его наиболее болезненные противоречия; как журналист — увлекательно и доступно рассказывает об этом. Его главные черты — способность стремительно ориентироваться в ситуации, великолепная память, азарт. Как у всякого человека модерна, эмоциональная его сфера бедна, а гуманизм для него скорее абстракция. Он первоклассный менеджер, оратор, юрист» (Данилкин 2016: 118).

В России к книге совершенное разное отношение – от восторженных оценок до гневного неприятия в ней абсолютно всего. Но в любом случае автора трудно обвинить в дилетантстве – он, как говорили прежде, «перелопатил» огромное количество источников - от исторических и философских до биографических и газетно-журнальных. Он и Ленина всего прочел иначе, чем наше поколение читало его в

молодости. Похоже на то, как прочитали в конце 50- начале 60-х годов Маркса тогда восходящие звезды отечественной гуманитаристики: Щедровицкий, Грушин, Зиновьев, Мамардашвили, Ильенков. Такое отношение к тексту «другого», едва ли не имитирующее деконструкцию Деррида, способствовало формированию особого стиля, включившего все модусы художественности – трагическое, комическое, сатирическое и возвышенное, введенные в текст с помощью инъекции здравомыслия, справедливости и здоровой злости, уже давно присутствующие в авторской манере Данилкина-критика. Все это придало стилю книги «стремительный, без экивоков, выход на тему, лаконизм, жесткий юмор, отсутствие почтения к авторитетам, ненависть к любому фразерству и кокетству». Многими читателями, даже положительно оценившими книгу, негативно было воспринято слово «пантократор» («властитель», «повелитель»). Возникали разные версии: то ли оно обозначает «вседержитель несбыточного», то ли «создатель непонятного», то ли «мыслитель всеобъемлющего» … Наша же трактовка основывается на текстовом анализе книги, позволяющем утверждать, что речь идет о пылинке, атоме, о душе, которая и есть солнечные пылинки.

Гегель, читая которого Ленин сделал пометки в своем конспекте, совершенно недвусмысленно возникает и в конце книги, где описывается последний приезд Ленина в кремлевский кабинет, где он внезапно ощущает созданную ближайшим окружением вокруг него полную изоляцию. Он забирает с собой только три тома немецкого философа, согласившись, видимо, тем самым с образом души как солнечными пылинками.

Современного читателя не может не заинтересовать мир эмиграции, показанный Данилкиным, с его бесконечными политическими склоки и партийными расколами, апофеоз которых достигается на съездах РСДРП, на которых схватывается друг с другом когорта колоритных персонажей, наделенных массой психологических подробностей. И все это на фоне приобретающих едва ли не тотальный характер отсылок из культовых книг и фильмов уже нашей эпохи, что нередко очевидно «окарикатуривает участников действия» (Шульженко 2011: 273). Этому в немалой степени способствует и избранная автором жанровая стратегия, напоминающая роуд-муви, с посещением им памятных, связанных с Лениным, мест, с вживанием в их пространства. Собственно, конфликт идентичностей, непременный в такого рода повествованиях, у Данилкина не носит сколько-нибудь скандальный характер. Это касается и взаимоотношений Ленина и Арманд, и давно муссируемой версии о шпионстве Ленина в пользу Германии, и обстоятельств семейной жизни с Надеждой Константиновной, которая в интерпретации Данилкина, была ближе всех к нему и роль которой, полагает автор, в судьбе Ленина и его теоретического наследия несколько выше, чем принято считать. В статье уделяется особое внимание отношениям Ленина с Крупской, которые есть опыт перенесения этического алгоритма, сформированного имен в среде европейских интеллектуалов В книге много внимания уделено соратнице и другу Ленина - Крупской, союз с которой был не формальный, а очень личный и т.д. Правда, встречаются и курьезы, как в беседе с одним чешским марксистом, когда Ленин интересуется приверженностью чехов к «кнедликам со сливами». Трудно в этом распознать какую-либо идеологическую дилемму.

Благодаря незаурядным организационным способностям Ленин решал очень многие проблемы с имевшимися у него кадрами на уровне личностных отношений. Так было, например, с организацией газеты «Искра», которую по-современному вне всякого сомнения можно называть стартапом —маленькую компанию, рентабельность которой довольно быстро подтвердилась благодаря умению «сколотить из любителей-энтузиастов, коротающих время в ссылке за дружеским сексом и склоками, команду профессионалов, способных выполнять самые сложные задания в сложнейших условиях» (Данилкин 2016: 119).

Во всех показанных в книге случаях «конфликтов идентичностей» Ленина интересует прежде всего вопрос о власти, так как прочитанная им литература утверждала тезис об истории как непрерывной и обязательной борьбе за сферы влияния. В теме «Ленин и Запад», которую иные читатели посчитали совершенно у Данилкина не разработанной, явно витает западный дух, и главный герой не рассматривает Россию как противопоставленную англосаксам альтернативу, в чем нам видятся причины столь неблагосклонного к памяти «вождя мирового пролетариата» нынешнего руководства России. Об этом косвенно свидетельствует страсть писателя ко всякого рода сравнениям с явным «западным» подтекстом, типа: «Ленин был похож на Мойше Ицковича, как Стэплтон на Гуго Баскервиля», «у него (Плеханова) словно был для Ленина чемодан с кнопкой, как у Урри для Электроника», «(Ленин) Абу Назир из Хоумленда». Поэтому не стоит забывать, что Даинилкин, а не Ленин смотрит из окна паба на нетуристический Мюнхен и так далее, да и сам Данилкин, заметила Н. Ломыкина, носится по ленинским местам «с азартом ДэнБрауновского профессора Лэнгдона в попытке разгадать код вождя революции». Более того, совсем не случайно, что именно в главе, рассказывающей о Ленине в Женеве, дается его самая подробная характеристика, вот с такими, к примеру, взаимоисключающими свойствами: «Смешливый, истеричный, сентиментальный, расчётливый, надёжный, бессовестный, заботливый, деспотичный, остроумный, харизматичный...» (Данилкин 2016: 120).

Ленин благодаря своему заграничному «турне» и самим условиям проживания во время оного, узнал Европу в тысячу раз лучше, чем нынешние туристы. Он, что крайне важно, в, по сути, конспиралогической обстановке вел бескомпромиссную борьбу со своими серьезными врагами: Богдановым, Струве, Даном и многими другими. Иные из читателей, будем справедливы, испытали немало трудностей, постигая перипетии этой борьбы, а также многостраничные писания истории создания самых значимых работ Ленина, таких, как «Материализм и эмпириокритицизм» и «Государство и революция». Но, видимо, без таких фактов понять значение для истории этой личности невозможно. Целая галерея исторических личностей открывается перед читателем. Мартов и Плеханов, Бауман и Бабушкин, Парвус и Троцкий, Богданов и Горький, Каменев и Зиновьев, Радек и Арманд, Бонч-Бруевич и Сталин… Десятки, сотни социал-демократов, революционеров, властителей дум той эпохи, среди которых как горячие сторонники, так и убежденные противники Ленина.

Несколько подробнее остановимся на анализе «парижского» периода эмигрантской жизни Ленина. Острый на язык Данилкин пишет о сильнейшей тяге советских деятелей культуры совершить паломническую поездку именно во Францию, «будто потеревшись штанами о скамейку в парке Монсури можно было вызвать дух Ленина» (Данилкин 2016: 108). Прошелся биограф и по Катаеву, Казакевичу и Вознесенскому, дописавшемуся в порыве романтической

любви к вождю в поэме «Лонжюмо» до того, что признал за подлинную Россию, тех большевиков, кто ковал победу революции на Елисейских полях, а не их огибавших на сибирской каторге товарищей.

Сам Ленин считал пребывание в «толкотливом» Париже вынужденным, он был слишком «эмигрантским». Кроме того, здесь после поражения революции 1905-1907 гг. резко ухудшились отношения аборигенов к русским политическим эмигрантам. Хотя Ленин с юности испытывал к этой стране самые искренние чувства: и за вклад французского утопического социализма в марксистскую теорию, и за память о Парижской коммуне, которую он до конца жизни называл первым в мире пролетарским государством, что, кстати, порождало резкое неприятие между ним и немецкими социал-демократами, считавшими Парижскую коммуну неправильным опытом. Однако именно здесь формируются главные претензии Ленина к местному пролетариату и его лидерам, почивавшим на благах колониализма и прочной спайке с буржуазией, и в чей лексикон даже не входило понятии «вооруженное восстании».

Здесь лидер РСДРП впервые почувствовал ксенофобию французов и даже будучи практически аутсайдером, совсем не хотел в здешнем обществе адаптироваться. Видимо, именно из-за своей независимости среди местных правых он быстро приобретает статус «крестного отца» русской политической мафии. Надо сказать, что для этого были немалые основания, ибо он имел много преданных людей, готовых по его приказу выполнить любое партийное задание. В этот период окончательно формируется свойство Ленина, отличающее его от других, оказавшихся в эмиграции социалистов: он принципиально отказывался гадать сбудутся ли его мечты или не сбудутся, он верил в законы истории, гарантирующие в будущем коренное преобразование.

Однако и в этом автор книги остается верен выбранной манере повествования. Он пишет, что в Париже Ленин по-прежнему охвачен приступами застарелого «бонапартизма», сильно комплексует, когда возникают сомнения в его лидерском статусе, все время претендует на монополию истины. Он также презрительно-снисходителен во время выступлений товарищей, часто и вообще не слушает, демонстративно играя в это время в шахматы или попивая с отсутствующим видом пиво.

Совсем по-иному проходили «бенефисы» - так в ту эпоху называли публичные лекции. Ленин знал, что «быстрое остроумие» не его конек, как, скажем у Троцкого или Плеханова. Но его главным козырем была железная логика конструкций, под воздействие которой мало кто мог избежать. При этом с филологической точки зрения он демонстрировал потрясающую «стратегию чтения чужих текстов, могущих соперничать с «уроками» чтения Ю.М. Лотмана или Умберто Эко» (Шульженко, Головченко 2013: 158). Это было чтение и анализ «с классовой точки зрения», до сих пор вызывающей у бывших советских людей кошмарные воспоминания.

Подводя итоги, нам бы хотелось объяснить свой выбор литературного источника для, в общем-то, исторического исследования. Должны констатировать, что сегодня чистой художественной литературе не в силах структурировать общество, что было еще в относительно недавнее время. Она стала занятием людей в сфере досуга, отдыха, атрибутом «движения». Данилкин еще раз убедительно доказал, что ныне автор нон-фикшена не поденщик-компилятор, работающий с широко известными

фактами из-за отсутствия художественного воображения как раз и способствующего созданию своей собственной картины мира и объясняющей его таким образом. Им-то, воображением, наш автор ничуть не обделен, о чем, в принципе, и свидетельствует его книга, которую можно без преувеличения назвать памятником политической мысли Европы рубежа веков, а, вернее, эпох.

Поэтому как бы мы ни относились к Ленину, книга о нем Данилкина есть попытка создания нормальной биографии, которую не следует признавать неудачной, пусть даже кто-то и видит в ней мощное присутствие автора, не скрывающего своих идеологических пристрастий и своего в целом положительного отношения к герою. Пусть даже если ради этого он оказался безразличным к целым событийным пластам, которые не соответствовали его концепции, выстроенную им в конце концов столь изощренно, что практически стер границу между общеизвестным и принципиально недоказуемым, что и не позволяет заподозрить его в какой-либо манипуляции. Он сумел сделать главное, чего так не хватало молодым гражданам России: показал Ленина «абсолютно закономерным продуктом всей русской истории» (Шульженко 2003: 360) и рассказал о судьбе человека, признанного сначала великим гением, а затем переименованного в преступника. Кто же он на самом деле? Пусть выбирают сами.

Как бы мы ни относились к Ленину, книга о нем Данилкина есть попытка создания нормальной биографии, которую не следует признавать неудачной, пусть даже кто-то и видит в ней мощное присутствие автора, не скрывающего своих идеологических пристрастий и своего в целом положительного отношения к герою. Он сумел сделать главное, чего так не хватало молодым гражданам России: рассказал о судьбе человека, признанного сначала великим гением, а затем переименованного в преступника. Кто же он на самом деле? Пусть выбирают сами.

ЛИТЕРАТУРА

Данилкин, Л.А. Ленин. Пантократор солнечных пылинок / Л.А. Данилкин. – М.: Молодая гвардия, 2017. – 784 с.

Данилкин, Л.А. Владимир Ленин. Глава из книги // Новый мир, 2016. – №8. С. 82-129.

Сумская М.Ю. Русская эмиграция 20-30-х годов XX века: способы описания // Культурная жизнь Юга России. – 2006. – № 4. – С. 36-38.

Сумская М.Ю. Российская эмиграция в Европе: проблемы правовой, социально-экономической и культурной адаптации в 20-30-х гг. XX века: автореферат дис. кандидата исторических наук / Пятигор. гос. технол. ун-т. Пятигорск, 2007. – 21 с.

Сумская М.Ю., Головченко И.Ф. «Записки сумасшедшего» Н.В. Гоголя как источник медийных и геокультурных проектов // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 4 – С. 167-170.

Шульженко В.И. Буденновск-95: опыт деконструкции коллективного бессознательного // Язык и текст в пространстве культуры. – Ставрополь. – 2003. – С. 357-361.

Шульженко В.И. Поэтика теракта в «кавказском тексте» русской литературы // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – №4. – С. 271-276.

Шульженко В.И., Головченко И.Ф. Современный «террористический» нарратив как палимсест (художественный и медийный дискурсы). // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 3. – С. 156-159.

SUMSKAYA M. Y.
Branch of the Russian state university of G.V. Plekhanov in Pyatigorsk, Russia
sumskaya-m@yandex.ru

Emigration in Europe at the Turn of the 19th-20th Centuries: Conflicting Identities (According to L. Danilkin's book "Lenin. Pantokrator of Solar Motes")

Summary. In this article we will analyze a book by the famous critic L. Danilkin, which caused a considerable resonance in Russia and was recognized as the main literary event in connection with century of the revolutions in 1917. The attention of the author is focused on those chapters of the book where the emigrant period of the life of Lenin, an unprecedented secret, in fact, travelled through Europe almost in its entirety. The author managed organically to show Lenin in the context of an era, to vividly describe many bright figures, and portray his hero in definite conflict with very strong opponents. In this sense Paris is also regarded as the main arena of the formation of Lenin as the head of revolutionary party.

Keywords: émigrés, France Marxism, party fights

ФЕДОТОВА ИРИНА БОРИСОВНА
ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, РОССИЯ
fedotova@pgu.ru

«Философский элемент» историко-педагогического учения русского мыслителя П.А. Соколова

АННОТАЦИЯ. В статье представлен анализ педагогических трудов русского педагога-исследователя Петра Андреевича Соколова, философски осмыслившего историю педагогической теории. Подчеркнуто, что П.А.Соколов дал развернутое изложение истории западноевропейских педагогических систем и педагогических идей, его история педагогики есть история педагогических систем. Показано, что в раскрытии педагогических теорий различных мыслителей П.А.Соколов основывался на их философских воззрениях, подчеркивая при этом особую важность именно философского миросозерцания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история педагогики, философское обоснование, воспитательно-образовательные системы

Русский педагог и мыслитель Петр Андреевич Соколов совершил благородное дело для российской педагогической науки и системы подготовки учительских кадров: он дал полное изложение истории западноевропейских педагогических систем и педагогических идей с философских позиций. Этот писатель, педагог-исследователь, воспитанник Московской духовной академии, родившийся в 1876 г. (дата смерти неизвестна), создал интересные историко-педагогические и философские труды, главные из которых «Чтения по педагогической психологии» (1904); «Война с религиозно-нравственной точки зрения» (1906); «В поисках правды жизни» (1906); «Религиозно-философское жизнепонимание А.П.Чехова» (1905), «История педагогических систем» (1916). В поисках корней многих современных проблем и путей их решения к историко-педагогическому наследию П.А.Соколова обращаются исследователи, изучая:

- развитие идеи воспитывающего обучения в педагогике дореволюционной России второй половины XIX-начала XX вв. (Панькова 2005),

- основные направления развития социальной педагогики в России конца XIX-начала XX вв. (Самсонова 1997),

- развитие идеи трудовой школы в отечественной педагогике в конце XIX - первой трети XX вв. (Салтанов 2002),

- становление методологических основ педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава в российской педагогике высшей школы (Низиков 2008),

- социальность современного образования (Ромм 2010).

В «Российской педагогической энциклопедии» главный труд П.А.Соколова по истории педагогики «История педагогических систем» (1916) назван в числе основных трудов этого периода с точки зрения осмысления истории педагогической теории (Российская педагогическая энциклопедия: 1993). Однако в современных исследованиях в полной мере не раскрыта специфика вклада П.А. Соколова в развитие истории педагогики как науки, «философский элемент» его историко-педагогического учения.

Суть этого вклада заключается в том, что П.А.Соколов решил большую научную задачу, дав развернутое изложение истории западноевропейских педагогических систем и педагогических идей, утверждая, что его «история педагогики есть история педагогических систем». Характеризуя свой основной замысел, автор пояснял: «Я даю здесь не историю воспитания, как учебно-воспитательской практики, а историю педагогических идей, и если касаюсь где практики, то лишь там, где еще не было определенной, выработанной теории и где педагогические идеи можно извлечь только из практики. При изложении педагогической теории, для упрощения исторического обзора, я беру ее в более цельных, законченных формированиях или системах» (Соколов 1916: из предисловия).

Предмет истории педагогики П.А. Соколов характеризовал так: «История педагогики излагает воспитательно-образовательные системы в их историческом развитии» (Соколов 1916: 1). При этом он подчеркивал, что история педагогики не должна касаться разнообразных человеческих суждений по отдельным вопросам воспитания и образования. Эти вопросы должны составлять предмет частных историко-педагогических монографий. Задача истории педагогики, с точки зрения П.А.Соколова, – не

только *передать идейное содержание* воспитательно-образовательных идей, но и *выяснить условия и влияния*, под которыми оно складывалось, а также философские корни эпохи и педагогических мыслителей, с которыми оно связано. П.А.Соколов подчеркнул *значение изучения истории педагогики* для воспитателей и учителей: знакомство с педагогическими системами способствует выработке целостного педагогического взгляда, цельной педагогической системы.

В структурном отношении труд П.А. Соколова состоит из 53 глав и содержит анализ педагогических воззрений и идеалов в различные эпохи: от классической древности до реалистической системы воспитания Г.Спенсера. Значительное место отведено характеристике педагогических взглядов греческих мыслителей: Пифагора, Сократа, Платона, Аристотеля. Отвечая на вопрос, что оставила в педагогическом отношении классическая древность, П.А. Соколов выделяет два основных момента: идею гуманитарного образования и идею цельности образования. Далее автор анализирует влияние христианства на обучение и воспитание, состояние педагогии в первые века христианства, в средние века, в эпоху гуманизма и реформации. В разделе «Гуманистическая педагогия с реалистическим оттенком» П.А. Соколов характеризует педагогические взгляды Т. Мора, Л. Вивеса, П. Рамуса, Ф. Рабле, М. Монтеня. Под общим заголовком «Педагогия под влиянием философских идей» дана оценка значения идей Бэкона, Декарта, Ратихия, Ф. Фенелона, Ш. Роллена для общей педагогики и истории педагогики. Придавая особое значение педагогическому наследию Я.А. Коменского, П.А. Соколов посвятил ему три главы. В разделе «Педагогия эпохи просвещения» П.А. Соколов проанализировал взгляды Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо, И. Базедова, Г. Зальцмана. Выделяя новые тенденции в общественном и философском сознании, автор выделяет новое направление в педагогике – «Педагогию социальных интересов» – и характеризует здесь взгляды Э. Канта, И.Г. Фихте, Г. Песталоцци. «Научно-психологическое направление в педагогике» в труде П.А. Соколова представлено взглядами Ф. Гербарта и «гербартианцев» – Ф. Стоя и Л. Штрюмпеля. Анализ взглядов Г. Спенсера раскрывает содержание «реалистической системы воспитания».

Труд П.А. Соколова имеет ряд особенностей. Во-первых, автор стремился давать *буквальные выдержки* из произведений педагогических мыслителей, чтобы приблизить современного ему читателя к мыслителям прошлого, чтобы сохранить суть мысли в авторском ее выражении, а не в пересказе. Это, с точки зрения автора, устраняло необходимость пользоваться хрестоматиями по общей истории педагогики, так как в его научном произведении педагогические классики были приведены не «в отрывочных извлечениях, а в системе их педагогических идей». Кроме того, П.А.Соколов дает точные ссылки на источники и пособия с тем, чтобы читатели при необходимости могли найти и прочитать их. Каждая глава его книги содержит вопросы для повторения, цель которых – облегчение понимания излагаемых педагогических систем. Во-вторых, в раскрытии педагогических систем и педагогических теорий различных мыслителей П.А. Соколов основывался на их философских, этических и психологических воззрениях, подчеркивая при этом особую важность именно философского миросозерцания. Для автора в этом смысле представлялась значительной мысль Гербарта о том, что «в педагогике, где будничная работа и индивидуальный опыт сильно суживают горизонт воспитателя, особенно нужны широкие философские взгляды, основанные на

общих идеях». П.А. Соколов полагал, что и учителям, и воспитателям необходимо учиться философски мыслить. В качестве аргумента в защиту своего тезиса автор привел пример широкого плодотворного изучения произведений Платона, Канта, Шопенгауэра, Гегеля, Спенсера и других философов студентами педагогического отделения Кларкского университета штата Массачусетс в Америке. Сам П.А. Соколов в своей практической деятельности также руководствовался философскими идеями: при чтении лекций по истории педагогики народным учителям на Саратовских земских курсах он включал в них «философские экскурсы» с целью развития в слушателях философской пытливости, вдумчивости, способности к размышлению. По убеждению ученого, «учителям не мысли надо бояться, а безмыслия». Основываясь на этом положительном опыте, П.А. Соколов в своей научной работе отвел значительное место философским обоснованиям и отношениям педагогических идей. Ученый подчеркивал, что педагогика родственна философии: «почти нет великого философа, который не повлиял бы на педагогику, на устройство и на дух школ в родной стране». Это продолжалось от Платона до Фихте, а разъединение педагогики и философии, обращение педагогики в самодовлеющее и самодовольное ремесло «быстрой и универсальной выучки детей чему попало» отражается отрицательно если не на «педагогических системах» и самих педагогах, то на учениках. Эту привлекательную особенность историко-педагогического труда П.А. Соколова – присутствие «философского элемента» – подчеркивал еще в 1914 г. В.В. Розанов (1856 - 1919), русский религиозный философ, литературный критик и публицист. В.В. Розанов приветствовал с большой радостью громадный труд П.А. Соколова, т.к. видел в нем решение одной из больших и ясных задач русской научной литературы того времени – дать по возможности полные изложения для «родных» читателей всевозможных отделов науки в разных направлениях, в разных разветвлениях. Чтобы педагогика не превращалась в «зазубриваемый предмет» и не порождала бездумных учителей, как раз и нужна философия, призванная учить мыслить.

Именно философские системы служат, по выражению исследователя, тем «гнездом», в котором зарождаются новые педагогические идеи. Характеризуя же современное ему состояние преподавания, В.В. Розанов рисовал образную картину: «Количество фраз в отечестве возросло, количество лентяев в отечестве не уменьшилось, но не дали ничего «специалисты педагогического дела», обремененные непосильным ежедневным трудом, выправляющие букву «[ять]», просматривающие кипы тетрадок с алгебраическими задачами и не видящие, что, сколько они ни наливают воды в бочку, она никак не может наполниться, потому что у нее вообще не достает дна. Бедная наша школа. Бедные наши дети. Бедная философия педагогики. Едва ли и она не обратилась в «зазубриваемый предмет»; и так сказать, сапожник с шилом прокрался к философу и проколол ему череп своим техническим шилом (Розанов). Заключение историко-педагогического труда П.А. Соколова – «Отражение педагогических идей прошлого в педагогической мысли настоящего» – содержит квинтэссенцию проведенного им анализа, раскрывает возможности и пути использования исторического опыта в современной образовательной практике и свидетельствует о философском подходе автора к исследованию истории педагогических идей.

ЛИТЕРАТУРА

Низиков, М.А. Становление методологических основ педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава в российской педагогике высшей школы. [Электронный ресурс] // Мир образования - образование в мире №3/2008. – URL: http://psyjournals.ru/mpsi_worldeducation/2008/n3/28003.shtml/ (дата обращения 31.01.2019).

Панькова, Л.И. Развитие идеи воспитывающего обучения в педагогике дореволюционной России: Вторая половина XIX - начало XX вв.: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Л. И. Панькова. – Ставрополь, 2005. – 150 с.

Розанов, В.В. П. Соколов. История педагогических систем [Электронный ресурс] / Название сайта: [Литература и жизнь]. – URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_p_sokolov.html (дата обращения 31.01.2019).

Ромм, Т.А. Социальность современного образования [Электронный ресурс] // Название сайта: [Идеи и идеалы]. №1(3).Т.1. 2010. — URL: http://ideaidealy.ru/wp-content/uploads/2011/06/Romm - T.A. - №13_т_1_2010.pdf (дата обращения 31.01.2019).

Российская педагогическая энциклопедия. В 2-х т. - Т.1; гл.ред. В.В. Давыдов. – М.: изд-во БРЭ, 1993. – 608 с.

Салтанов, Е.Н. Развитие идеи трудовой школы в отечественной педагогике в конце XIX - первой трети XX вв.: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Е.Н. Салтанов. – Магадан, 2002. – 155 с.

Самсонова, Т.В. Основные направления развития социальной педагогики в России конца XIX - начала XX вв.: дис. ...канд. пед. наук: 13.00.01 / Т.В. Самсонова. – Нижний Новгород, 1997. – 179 с.

Соколов, П.А. История педагогических систем / П.А. Соколов. – Пг: В. С. Клестов, 1916. – 708 с.

FEDOTOVA I. B.
Pyatigorsk State University, Russia
fedotova@pgu.ru

The “Philosophical Element” of the Historical and Pedagogical Doctrine of the Russian Thinker P. A. Sokolov

Summary. The article presents an analysis of the pedagogical works of the Russian teacher and researcher Peter Andreevich Sokolov, who philosophically interpreted the history of Pedagogical Theory. The author emphasizes that P. A. Sokolov provided a detailed exposition of the history of pedagogical systems and the pedagogical ideas of Western Europe and considers Sokolov’s History of Pedagogy to be the history of pedagogical systems. The article shows that P. A. Sokolov’s disclosure of the pedagogical theories of various thinkers was based on their philosophical views, and he emphasized the particular importance of their philosophical outlook.

Keywords: History of Pedagogy, philosophical justification, educational systems.

ХОХОБАШВИЛИ ТАМАРА ШАЛВОВНА,
КИЛАДЗЕ ТИНАТИН ЗУРАБОВНА,
ГРУЗИНСКИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, ТБИЛИСИ, ГРУЗИЯ
tamar.xoxobashvili@list.ru
tkiladze@gmail.com

Система ценностной ориентации грузинской культуры с точки зрения Артура Лейста

АННОТАЦИЯ. В силу своего геополитического расположения – на перекрестке Запада и Востока – Грузия на протяжении веков впитывала лучшие традиции мировой культуры, сохраняя при этом свою уникальную самобытность. Она являлась объектом интереса многих зарубежных путешественников, меценатов, писателей и прочих деятелей культуры. Никто из побывавших в Грузии иностранных гостей не мог не проникнуться огромной любовью к этой стране и ее народу. Одним из таких горячо влюбленных в Грузию деятелей был известный немецкий лингвист Артур Лейст, переведший поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» на немецкий язык и навсегда поселившийся в Тифлисе (он почетно похоронен в Дидубийском пантеоне общественных деятелей).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Артур Лейст, Илья Чавчавадзе, европейская Грузия, культура, цивилизация

Среди дружественно настроенных к грузинскому народу иностранцев особое место занимает **Артур Лейст** (1852-1927). Немало работ он посвятил истории, культуре и этнографии Грузии (Leist 1885; 1903). Большим теплом проникнуто воспоминание об Артуре Лейсте грузинского поэта Тициана Табидзе: «Первый, кто по немецкой системе и с редкой выносливостью до старости донес любовь к грузинской культуре и истории, был Артур Лейст... В течение сорока лет господин Артур Лейст был неизменным послом германской нации в Грузии. Он немало посеял для любви к его народу в нашем крае за 40 лет. Артур Лейст был неразлучным другом Ильи Чавчавадзе, кроме того, он был знаком и дружил со многими выдающимися грузинами той эпохи и у всех заслужил чувство редкого доверия...» (Табидзе 1966: 102; Канделаки 2009: 22).

Грузия, ее гостеприимный народ, красота ее гор и равнин, рек и озер настолько пленили душу, сердце и взор Артура Лейста, что после очередного прибытия в этот сказочный уголок земли, в 1892 году, он навсегда обосновался в Грузии. Лейст принимал активное участие в общественной жизни страны. С 1918 года его пригласили в Тбилисский университет в качестве преподавателя немецкого языка. В 1922 году грузинская общественность отметила 40-летний юбилей его деятельности в Грузии. В 1923 и 1927 годах был издан сборник сочинений Артура Лейста в двух книгах – «Сакартвелос гули» («Сердце Грузии»). Артур Лейст скончался 22 марта 1927 года. Прах его почетно покоится в Тбилиси, в Дидубийском пантеоне общественных деятелей (Kandelaki 1990-1991: 104-105).

Заслуживает внимания тот факт, что Артур Лейст основал еженедельную газету немецкой общины в Тифлисе «Kaukasische Post», издаваемую в 1906-1922 годах и пользовавшуюся большой популярностью как среди немцев, так и грузин. Благодаря этой газете, немецкоязычный мир постоянно был в курсе событий, происходивших в Грузии и на Кавказе в целом. Статьи, публикуемые в газете, отличались тематическим многообразием. В них неоднократно подчеркивалось, что Грузия стала второй родиной для проживавших там немцев. В 1906 году, кроме указанной газеты, Артур Лейст вместе с другими образованными тифлисскими немцами основал «Немецко-грузинское культурное общество». Лейст учреждал для грузин курсы мастерства по разным ремеслам, для чего специально приглашал опытных немецких мастеров из Германии. Заботясь о качественном образовании одарённых грузинских студентов, он неустанно искал пути их финансирования, в частности, неоднократно писал письма в Германию к своим друзьям-ориенталистам (Шошиашвили 1991: 45).

Одной из выдающихся заслуг А, Лейста перед грузинским народом по праву можно считать его перевод на немецкий язык (при активном содействии Ильи Чавчавадзе) неувядающей поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» (1899), что в значительной мере способствовало культурному сближению грузинского и немецкого народов (Ревишвили 1987: 63).

Артур Лейст был, пожалуй, единственным зарубежным деятелем, избравшим Грузию своей второй родиной в самом прямом смысле этого слова: он «огрузинился», навсегда поселился в этой стране, и после смерти его прах был навечно предан грузинской земле. Он был активным публицистом, общественным деятелем, пропагандистом грузинского менталитета, традиций и быта, воодушевленным популяризатором и проводником грузинской

культуры в европейскую культуру. «Огрузинивание», естественно, дало Артуру Лейсту возможность глубже проникнуть в суть грузинской культуры, осознать и принять ее как свою собственную (Киладзе 2016: 94). Теперь, чтобы приблизиться к грузинской культуре, к великому миру ее ценностной ориентации он уже не нуждался в посредниках. Поданная кем-либо другим экспертная, достоверная информация для него уже не представляла собой ни бесспорную компетентность, ни необходимость. Таким образом, культурологическое сознание А. Лейста естественно претерпело процесс переоценки ценностей. Он изнутри, а не фасадно, постиг грузинскую культуру, что повлекло за собой изменения в его системе ценностной ориентации грузинской культуры, и эти изменения отразились в структурировании лейстовской системы, выявлении новых ценностных элементов (концептов), детализации их описания и характеристики. Кроме того, изменились принцип и направление структурирования системы этой ценностной ориентации. Центральным концептом системы Лейста стала фигура великого **Ильи Чавчавадзе** (1837-1907; после смерти Грузинской Православной Апостольской Церковью причислен к лику святых), и не потому, что именно благодаря его усилиям Артур Лейст приехал в Грузию и обрел здесь душевное пристанище, а скорее потому, что с именем Ильи Чавчавадзе в корне переплетена Грузия 2-й половины XIX века и, вообще, ассоциируется весь XIX век и рубеж XIX- XX столетий этой маленькой страны, едва видимой на политической карте мира, но имеющей довольно прогрессивно мыслящую общественность, ориентированную на передовые ценности европейской интеллигенции и твердой, уверенной поступью идущей по пути европеизации. С самого же начала А. Лейст интуитивно «вычитал» великую задачу грузинской действительности, неразрывно связанную с личностью, которую вместе с ее окружением, направлениями деятельности и видением поставил в центр своего культурологического мировоззрения. А. Лейст вошел в ближайший круг друзей и знакомых Ильи Чавчавадзе, фактически на протяжении 40 лет оставаясь его надежным и верным соратником, у которого и благодаря которому он многому учился – как в теоретическом плане, так и практически приобщался через него к грузинскому быту, нравам и обычаям, впитывая всей своей плотью и сознанием «грузинство». Он смотрел на окружающую грузинскую среду глазами Ильи Чавчавадзе и воспринимал ее по-чавчавадзевски, точнее сказать, «грузинствовал» по примеру своего кумира. Об этом свидетельствует и тот факт, что, осев в Грузии, Лейст с присущим ему немецким прилежанием и трудолюбием очень много писал обо всем и обо всех, особенно об Илье Чавчавадзе. Может быть, это даже звучит несколько странно, но именно Лейст раскрыл всей Грузии и грузинам величие личности Ильи Чавчавадзе, значимость его деятельности и передовых взглядов для грядущих поколений грузинского народа. Сам А. Лейст всем своим существом показал грузинскому обществу пример безграничной истинной преданности личности, творческому наследию и политическим заслугам Ильи Чавчавадзе. Это проявилось и в том, что заметки и статьи о жизни и деятельности Ильи немецкий публицист начал печатать в то время, когда даже простое упоминание имени Ильи грозило ему серьезными неприятностями. Общеизвестно, что коварное убийство Чавчавадзе не только до глубины души потрясло Лейста, но он прибег к крайней интеллектуальной форме протеста – отложил в сторону перо и бумагу, отказался от публицистической деятельности и более десяти лет как частное лицо провел в полном молчании. Вернулся же он в публицистику опять-таки с темой

Ильи Чавчавадзе, представ со своими блестящими очерками перед уже совершенно новым, качественно другим грузинским обществом (Имнаишвили 2015: 25).

А. Лейст неосознанно, но каким-то особым чутьем с самого же начала ощутил, что во 2-й половине XIX века Илья Чавчавадзе **создавал европейскую Грузию. С и**сторией строительства этой новой Грузии, его непосредственными участниками и концептами ценностной ориентации Лейст прежде всего ознакомил грузинское общество, которому помог обрести себя и увидеть себя в эпицентре созидательных процессов. Поэтому во главу угла он поставил грандиозную личность Ильи Чавчавадзе с его единомышленниками и их дела на благо родины. Для А. Лейста Илья Чавчавадзе был личностью, «стремящейся освободить грузинскую литературу от восточного влияния и направить ее на путь европеизации, чему и сам способствовал тем, что всю свою жизнь тянулся к европейским взглядам. В ранней молодости он стремился стать совершенным европейцем, хотя позднее он отказался от этого стремления, пытаясь стать ***европейски образованным грузином***» (Лейст 1923: 34-35).

А. Лейст главнейшим концептом европейской Грузии прежде всего выделил фигуру Ильи и его окружение, поскольку именно эти люди своей деятельностью создавали новую Грузию, которой предстояло стать полноценным членом цивилизации будущего.

Печатая свои актуальные очерки на грузинском языке, А. Лейст не столько играл роль медиатора грузин перед европейцами (тем самым содействуя популяризации грузинской культуры в Европе), сколько (преимущественно и прежде всего) был медиатором европейцев перед грузинами. Описывая жизнь и деятельность Ильи Чавчавадзе и его соратников и анализируя осуществленные ими продукты общенационального значения, он создавал историю новой общественной жизни Грузии, основанной на европейских ценностях. Лейсту удалось масштабно, целостно, концептуально, с учетом причинно-следственных связей воссоздать и зафиксировать главнейший концепт грузинской культуры 2-й половины XIX – начала XX века – нарисовать совершенный портрет грузинского общества и его ценностных приоритетов.

Новое грузинское общество в очерках Лейста представлено следующими людьми: список возглавляет Ольга Гурамишвили, супруга Ильи Чавчавадзе, проявлявшая в те времена большую активность в общественных делах; далее следуют: Нико Цхведадзе, Яков Гогебашвили, Вано Мачабели, Давид Эристави, Васо Туманишвили, Александрэ Казбеги, Гиго Габашвили; сотрудники газеты «Иверия»: Гиго Кипшидзе, Илья Бахтадзе, Давид Эристави, Нико Хизанишвили, Важа-Пшавела, Бачана, Александрэ Нанеишвили; Григол Вольский, Рафиэл Эристави, Давид Микеладзе, Максимэ Шарадзе; Экатеринэ Габашвили, Анастасия Туманишвили-Церетели, Петрэ Умикашвили, Стефанэ Чрелашвили, Антон Пурцеладзе, Георгий Церетели, Леван Джандиэри, Давид Бараташвили, Давид Сараджишвили, Нино Гогоберидзе, Петрэ Мирианашвили, Валериан Гуниа, Акакий Церетели, Иона Меунаргия, Аквсентий Цагарели, Андриа Гуладзе, Александрэ Кипшидзе, Владимир Микеладзе и многие другие. Каждый из них представлял собой значительную фигуру, оставившую след своего таланта в разных сферах грузинской культуры: в литературе, музыке, живописи, публицистике, издательском деле и т. д. К чести Артура Лейста следует сказать, что он смог, к удивлению многих из перечисленных деятелей, создать с одной стороны, безупречно точный портрет

своих современников, а с другой стороны – **выявить типы грузинских деятелей** (Гозалишвили 1973: 67). Благодаря продолжительной близкой дружбе и личным контактам с этими деятелями, немецкому публицисту и лингвисту удалось зафиксировать и сохранить для истории грузинской культуры уникальные, дотоле неизвестные факты, которые так и остались бы в тени, если бы не его острый и пытливый взор. Для примера можно привести созданный им словесный портрет писателя А. Казбеги, являющийся замечательным образцом лаконичности и в то же время полноты описания.

По сведению Артура Лейста, он познакомился с уже надломленным Александром Казбеги в семье Иванэ Мачабели: «…тогда он уже напоминал сумасшедшего… плохо видел и выглядел глубоким старцем, хотя по возрасту ему было чуть-чуть за сорок. Тогда я уже был знаком с некоторыми его повестями, и, естественно, весьма интересно было бы беседовать с ним о его сочинениях и литературных взглядах вообще; но его физическое состояние было таково, что он вряд ли охотно включился бы в разговор на такие предметы, которые требовали дополнительных усилий ума и мышления… Так ушел из жизни раньше времени этот одаренный человек, не успев полностью раскрыть свой талант» (Лейст 1923: 5). Эта пространная цитата свидетельствует о тяжелом душевном состоянии писателя, признанного классиком грузинской литературы, о котором, в силу понятных причин, умалчивает официальное (каноническое) грузинское литературоведение, ограничиваясь лишь скользкими намеками по поводу здоровья писателя, тогда как аргументированная подача данного факта внесла бы своеобразную ясность в осмысление отдельных аспектов творчества этого гениального писателя.

Кроме вышесказанного, наблюдение Лейста интересно и с той точки зрения, что здесь факт А. Казбеги обобщен и используется для создания типичного образа некоторых представителей грузинского общества XIX века. И с высоты сегодняшнего дня данное наблюдение Лейста не лишено значения и с точки зрения фиксирования факта существования конкретного типа грузинского деятеля XIX века. По наблюдению А. Лейста, «подобно А. Казбеги, множество представителей грузинского дворянства погибло по собственной глупости, из-за лени, из-за пустого времяпрепровождения и бесконечного растранжиривания денег. Молодость их протекала в буйных страстях… Они мало заботились о самообразовании, духовной пище, не использовав в должной мере свои возможности и преждевременно истратив жизненные и умственные силы ради сомнительного удовольствия» (Лейст 1923: 5).. Если глубоко вникнуть в данную оценку Лейста, становится очевидным, что конкретный типаж грузинского деятеля и облик грузинского общества в целом определяют такие свойства, как ***неуемная жажда наслаждения, ленивость*** и не только ***бесцельная трата времени***, но и ***жизни*** – в самом прямом смысле этого слова. Перечисленные свойства грузинского национального характера обретают статус концептов грузинской ментальности и предстают в качестве элементов системы ценностной ориентации грузин. Здесь же заметим, что подобные тенденции («потерянное поколение», не находившее правильного применения для своих умственных способностей и сил, с головой пускалось в круговорот празднолюбия) в большей или меньшей степени имели место в аристократических кругах многих стран тогдашней Европы, поскольку указанная эпоха – рубеж XIX-XX столетий – была отмечена мощными катаклизмами во всех сферах (политической, экономической, культурной) жизни

человечества. Это была во всех смыслах переломная веха в истории цивилизации, которая, несомненно, не могла не оставить своего следа в общественной жизни народов и наций мира .

Вообще, определителем культурного сознания народа, нации Артур Лейст считает культурную ментальность его общества, поскольку, по мнению публициста, общество – это не конкретная социальная группа, уходящая корнями в глубь нации, а элитарная часть нации, тот слой, в котором сосредоточены обширные знания национального сознания и культуры, более того: это социальный слой, определяющий суть, направление и тенденции развития национального сознания, культурные традиции. Именно поэтому при описании и характеристике национальной ментальности А. Лейст всегда опирается на соображения относительно общества этой нации и его конкретных представителей, а, исходя из своеобразия характера отдельных деятелей, создает целостную картину общества и культуры данной нации. Этот же прием немецкий публицист использует при описании и характеристике поляков и польской культуры, равно как и в случае демонстрации европейцам грузинской культуры. Вместе с тем, на основе представления тенденций и традиций общественной деятельности нации Лейсту удается выявить и сущность её интеллектуальной жизни.

Как отмечалось, А. Лейст безошибочно «вычитал» философию строительства современной ему Грузии, путь и направление формирования нового, европейского видения грузинского общества сквозь призму видения и интеллектуальную определенность Ильи, находившегося в центре указанных процессов. Таким образом, Лейст поставил незаурядную личность Ильи Чавчавадзе, направления его жизни и деятельности в центр инновационного движения, в которое включилось грузинское общество.

Окружение Ильи Чавчавадзе, по наблюдению Артура Лейста, составляли: ***Нико Цхведадзе***, ведавший школьными делами «честный и неустанный деятель», мечтавший о развитии Грузинской дворянской школы и сотрудничавший с «Обществом по распространению грамотности среди грузин» (кстати, «детищем» Ильи Чавчавадзе, основанным им вместе с Дмитрием Кипиани и Яковом Гогебашвили в 1879 году) (Лейст 1923: 1); ***Яков Гогебашвили*** – согласно характеристике Ильи, «создатель в Грузии детской литературы»; ***Вано Мачабели***, с которым «он сблизился на литературном поприще, а затем и по работе в Дворянском земельном банке»; ***Давид Эристави*** – автор «Самшобло»; ***Васо Туманишвили*** – театральный режиссер; ***Александрэ Казбеги*** (***Мочхубаридзе***) – писатель, который «тогда уже напоминал сумасшедшего»; ***Гиго Габашвили*** – «только что вернувшийся из Петербургской художественной академии» (Лейст 1923: 8). Таким виделся Артуру Лейсту круг ближайших друзей Ильи Чавчавадзе, с которыми он «часто встречался» на квартире Ильи. Второй круг составляли сотрудники редакции издаваемой Ильей газеты «Иверия» или имеющие деловые связи с её редколлегией, главными представителями которой были: ***Гиго Кипшидзе, Давид Бахтадзе, Давид Эристави, Нико Хизанишвили, Важа-Пшавела, Бачана*** и ***Ал. Нанеишвили*** (Лейст 1923: 9). Членами писательско-литературного центра «Иверия» являлись: ***Григол Вольский***, поэт, «по отцу – поляк, а по материнской линии – грузин»; поэт ***Рафиэл Эристави***, «стихи которого особенно нравились Илье потому, что они воспевали сельскую жизнь, в которой Илья ощущал подлинно национальный дух своего народа» (Лейст 1923: 11); князь ***Давид Микеладзе*** – «всем своим

обликом олицетворявший тип настоящего имеретинца»; ***Максимэ Шарадзе*** – «лакей Ильи», корректор типографии газеты «Иверия»; ***Экатеринэ Габашвили***, «рассказам которой Илья давал высокую оценку»; ***Анастасия Туманишвили***, «приглашавшая время от времени людей, имевших отношение к литературе» (Лейст 1923: 16); ***Петрэ Мирианашвили***, который «с большим усердием работал над вопросами грузинской грамматики и выяснением некоторых литературных аспектов»; ***Георгий Церетели, Антон Пурцеладзе, Нико Хизанишвили, Давид Сараджишвили*** – «известный предприниматель и меценат, основатель сети просветительских учреждений» (Лейст 1923: 20).

Естественно, кроме перечисленных деятелей, А. Лейст был знаком и со многими другими. Вместе с тем, по многим вопросам у Ильи были с ними и разногласия. Например, с Иванэ Мачабели они расходились в вопросах по банковским делам, с Давидом Сараджишвили спорили из-за акцентирования отрицательных качеств грузин. Несмотря на это, по наблюдению Лейста, именно вместе с этими соотечественниками Илья создавал новую Грузию. Справедливость наблюдений Лейста доказало время. Своей деятельностью эти люди оставили глубокий след в истории грузинской культуры. Изучению личности и деятельности каждого из них Лейст посвятил отдельную монографию.

Совершенно осознанно и целенаправленно большое внимание уделил А. Лейст **Сагурамо** – местечку в нескольких километрах от Тифлиса, где находилась резиденция и уютное семейное пристанище Ильи. Сагурамо воспринимается Лейстом как неотъемлемый элемент ценностной ориентации грузинской культуры, поскольку, по его словам, «для характеристики человека, ознакомления с его вкусовыми предпочтениями, привычками, способами развлечения большое значение имеет его жилище» (Лейст 1923: 21). В этом плане Лейст проводит аналогию с дачей Цицерона в Тускулуме, близ Рима, и домиком с небольшим садом Гёте в Веймаре, которые «по сей день не обделены вниманием посетителей» и которые «дают много интересной информации об их обитателях и их пристрастиях» (Лейст 1923: 21). Постольку для Лейста поместье Сагурамо и его окрестности приобретают особую значимость с точки зрения постижения внутреннего естества, характера, мировоззрения, гражданской позиции его хозяина. А вот отцовское поместье Ильи Чавчавадзе в Кварели (Кахети) для Лейста менее информативно: сам дом некрасив, но «неповторима природа села Кварели, окруженного с северной стороны густыми лесами, вместе с простирающейся от самого Телави до Сигнахи и еще дальше – до Кизики – прекраснейшей Алазанской долиной» (Лейст 1923: 23).

Илья восторгался красотой кахетинской природы… Этот край дал писателю обширный материал для его произведений. Все персонажи «Рассказа нищего» и повести «Человек ли он?!» родом из Кахети, однако к родному отцовскому очагу Илью тянуло ненадолго. Зато его сильно тянуло в Сагурамо, где он построил свою летнюю резиденцию. А. Лейст описал её в мельчайших деталях, тем самым зафиксировав значительные концепты и традиции грузинской бытовой культуры и сохранив их для потомков.

Неоценим вклад А. Лейста в грузинскую культуру: с одной стороны, он собрал интересные сведения в сфере хозяйственной культуры с точки зрения обустройства двора, сада, господского дома и флигеля для челяди; с другой стороны – оставил нам описание семейных традиций, обычаев

гостеприимства, проведения выходных дней.

В центре всех этих описаний и характеристик стоит грузинское общество с его интересами, устремлениями, порой даже с неразрешимыми проблемами. Наблюдая за гостившими в Сагурамо у Ильи представителями грузинской интеллигенции 80-х годов XIX века, А. Лейст видел формирование элитарной ее части, которое определенным образом происходило под влиянием Ильи Чавчавадзе, задававшим «тон» содержанию передовых процессов. Чаще всего темами сагурамовских бесед являлись литература и издательское дело, хотя, по замечанию Лейста, «во время многолюдных собраний трудно было сказать, что беседа имела конкретную цель» (Лейст 1923: 25).

Кроме того, на «сагурамовских уик-эндах» активно рассматривались насущные вопросы грузинского общества, волновавшие как представителей дворянства, так и простых людей – рабочих и крестьян. Одной из главнейших тем являлась тема Дворянского земельного банка, председателем которого был Илья Чавчавадзе. Лейст выделяет одну значительную тенденцию жизни и деятельности грузинской интеллигенции, в частности, изменение социального статуса её представителей: если раньше большинство интеллигенции составляли выходцы из знатных дворянских родов, то в 80-х годах XIX века появилось «новое поколение – «***кмацвилеби***» (букв.: молодые люди, юноши), идущее «из низов», из крестьянства. Появление молодых образованных крестьян горячо приветствовалось и поощрялось Ильей, считавшим это настоящим прогрессом для грузинского общества, несмотря на многие разногласия между новообразовавшимся слоем и прочно стоявшим на ногах дворянством.

Символом единения грузинского общества являлось ежегодное празднование в Сагурамо **Илиаоба** (именин в честь святого Ильи Праведного), отмечаемое 20 июля (стар. стиль; нов. – 2 августа). На праздник съезжались друзья и знакомые Ильи из Тифлиса, крестьяне и помещики из окрестных деревень, почитатели Ильи из Кахети и Имерети. Как писал А. Лейст, «это было уникальное, грандиозное празднество, как в былые времена» (Лейст 1923: 26). Эта традиция была своего рода «перекличкой» поколений, отголоском старого, патриархального быта, в котором соединились и веселье, и грусть, и размеренные застольные беседы. Лейст чуть ли не с фотографической точностью отобразил весь процесс празднования Илиаоба: «стол накрывался в тени развесистого орехового дерева, крестьяне располагались тут же, на траве. Кроме здравицы в честь Ильи, произносились и другие пространные тосты, вперемешку сопровождавшиеся народными песнями в исполнении ***Нато Габуниа***, шутками и каламбурами острослова ***Котэ Месхи***, декламацией стихотворений ***Гандегили*** (***Доминика Эристави***), зажигательными танцами «лекури» (лезгинка). Застолье продолжалось до глубокой ночи. В этот день Илья был веселее обычного» (Лейст 1923: 27). Так наблюдательный глаз европейца донес до нас один конкретный концепт грузинской бытовой культуры как элемент системы ценностной ориентации. В центре этого концепта, безусловно, находился Илья Чавчавадзе, но не только и не столько как радушный хозяин, принимающий и вкусно потчующий гостей, а как личность, объединяющая всех и вся вокруг, к которой тянулись и стар и млад.

А. Лейст много и в мельчайших деталях писал об Илье, с одной стороны, на фоне актуальных процессов грузинской общественной жизни, а с другой – в контексте

его личной жизни, о которой не принято было говорить вслух (например, об увлечении Ильи карточными играми).

Когда началась целенаправленная клеветническая кампания против Ильи, Лейст одним из первых выступил в числе его яростных защитников. Передовые, национально-освободительные идеи пламенного патриота – «***Отца Отечества***» (как его называли в народе) пришлись «не по нутру» набиравшему силу большевистскому движению, которому нужна была темная, отсталая, непросвещенная толпа, которой легко было бы управлять и которая, не задумываясь, готова была бы перегрызть горло всякому, кто встанет поперек его пути. Как в центральных областях, так и во всех окраинах царской России, особенно в Закавказье, в Грузии, которая в любой момент готова была поднять свой голос в защиту справедливости и свободы слова, свирепствовал красный террор. Надо сказать, что этот регион, вследствие своего врожденного бунтарского естества и непокорности, всегда был неутихающей головной болью для всех правительств – будь то царское или большевистское, одним своим существованием доставляющий им множество проблем и хлопот. Поэтому малейшее неповиновение местного населения вызывало незамедлительную реакцию со стороны имперского правительства (а теперь еще и строителей «светлого будущего» - большевиков со своими «великими идеалами коммунизма») в форме жесточайших карательных мер. В лице Ильи всем реакционным силам Российской империи виделся враг №1 – его смерть была на руку и большевикам, и социал-демократам, и царской охранке. На сегодняшний день существует множество версий убийства Ильи, и почти каждая из них может быть близка к истине. Придет время, и история, наверное, расставит все точки над «i».

Так или иначе, Илья пал жертвой коварного заговора, который с полным правом можно было бы назвать «заговором века».

Символическим видится Лейсту и место гибели Ильи – у села **Цицамури**, на пути из Тифлиса в свое любимое поместье Сагурамо, когда он ехал в открытой коляске вместе со своей бессменной спутницей и соратницей, супругой Ольгой Гурамишвили.

Весть об убийстве Ильи с молниеносной быстротой распространилась по всем уголкам Грузии и вообще по всей Российской империи. Над родиной великого Ильи, стоявшей на пороге прогрессивных перемен, свершений и надежд, нависла мгла. Страна погрузилась в глубокий траур.

По замыслу убийц Чавчавадзе, **вместе с Ильей должны были умереть его Грузия, и Сагурамо как центр политической и идеологической философии, символ и метафора свободолюбия грузинского народа. И врагам Ильи, фактически, это удалось: они в колыбели же задушили взращенную на идеалах Сагурамо новую, европейскую Грузию, только-только собиравшуюся сделать первые шаги на этом поприще, и открыли, в ущерб национальным интересам, путь косному, лишенному духовности социальному прагматизму**…

Лейст ставил целью на примере Ильи Чавчавадзе показать борьбу сильной личности, лидера нации за создание новой эпохи в жизни своей страны, ориентированной на европейские ценности.

В воспоминаниях об Илье Артур Лейст сам же отмечал, что «его воспоминания хронологически не последовательны» (Лейст 1923: 38), поскольку он ставил целью только фиксирование «отдельных страниц жизни Ильи» в ожидании того «художника и поэта», которые смогли бы воссоздать масштабную картину жизни и деятельности этого поистине великого сына своего народа. Свою скромную миссию Лейст ограничивал «передачей читателю накопленного за годы (более 20 лет!) собственного общения с Ильей материала».

На этом фоне весьма интересно, посредством каких концептов создавал немецкий писатель физический и интеллектуальный портрет выдающегося грузинского общественного деятеля, писателя и поэта Ильи Чавчавадзе, насколько он отвечает ценностной ориентации, на основе которой, еще находясь в Европе, Лейст создал портрет своего знаменитого соотечественника ***Генриха Гейне*** как писателя и деятеля. С этой точки зрения заслуживают внимания такие очерки и статьи Лейста, посвященные Илье, как: «Илья в Сагурамо» (Лейст 1923: 21-32), «Интимная жизнь Ильи» (Лейст 1923: 32-38), «Внешность и свойства характера Ильи» (Лейст 1923: 38-40), «Беседа с Ильей» (Лейст 1923: 40-50), «История написания Ильей повести «Отарова вдова» (Лейст 1923: 50-52) и «Первая крупная грузинская газета» (Лейст 1923: 52-53).

Суммируя все вышесказанное, скажем, что такие личности-«глыбы», как **Илья Чавчавадзе**, рождаются раз в столетие (а может, и реже), и благословен тот народ, который может гордиться таким соотечественником.

ЛИТЕРАТУРА

Гозалишвили, Ш. Илья Чавчавадзе и друзья грузинской культуры за рубежом. – Тб.: Сабчота Сакартвело, 1973. – 103 с. (на груз. яз.).

Имнаишвили, В. Артур Лейст и Грузия // Картвелология (научн. журн.) – Тб., 2015. №5. С. 21-28 (на груз. яз.).

Канделаки, Д. Европейцы о Кавказе. – Тб.: Универсали, 2009. – 105 с. (на груз. яз.).

Киладзе, Т. Артур Лейст как межкультурный посредник. – Тб.: ИП «Гоча Далакишвили», 2016. – 264 с. (на груз. яз.).

Лейст, А. Сакартвелос гули (Сердце Грузии) / Сб. – Тифлис, 1923 (на груз. яз.).

Ревишвили, Ш. Очерки из истории немецко-грузинских литературных взаимоотношений. – Тб., 1987 (на груз. яз.).

Табидзе, Т. Сочинения в 3-х томах. Т. II. Письма о литературе и искусстве / Книгу составил Ш. Деметрадзе. – Тб.: Литература да хеловнеба, 1966. – 320 с. (на груз. яз.).

Шошиашвили, М. Тбилисская немецкая газета «Kaukasische Post» (1906-1921) // Грузия и европейские страны / М. Шошиашвили // Тб.: Мецниереба, 1991. № 5. С. 43-52 (на груз. яз.).

Kandelaki, D. Einige ungeneuigkeiten in den deutschsprachigen wissenschaftlichen Literatur // Georgica. Konstanz. 1990/91, N 13/14. S. 103-106.

Kandelaki, D., Reissner, E. Ilia and his German friends // The International Scientific Conference “Ilia Chavchavadze and his Epoch” (Proceedings). Tbilisi, 2008. P. 350 - 356. (In Georgian).

Leist, A. Georgien: Natur, Sitten und Bewohner. W. Friedrich, Leipzig, 1885.132 S.

Leist, A. Das Georgische Volk. E. Pierson, Dresden, 1903. 328 S.

KHOKHOBASHVILI T.
KILADZE T.
Georgian Technical University, Tbilisi, Georgia
tamar.xoxobashvili@list.ru
tkiladze@gmail.com

The System Oriented on the Value of Georgian Culture from the Point of View of Arthur Leist

Summary. Due to its geopolitical location - at the crossroads East and West - Georgia has for centuries absorbed the best traditions of world culture, while maintaining its unique identity. It was the object of interest of many foreign travelers, patrons of art, writers and other cultural figures. Everyone, who ever visited Georgia, felt great love for this country and its people.

One of those foreigners who greatly fell in love with Georgia was the famous German linguist Arthur Leist, who translated a poem by Shota Rustaveli “The Knight in Panther’s Skin” into German and settled in Tbilisi for life (he was buried with public figures in the pantheon of Didube).

Keywords: Arthur Leist, Ilia Chavchavadze, European Georgia, civilization

ЧАПАЕВА ЛЮБОВЬ ГЕОРГИЕВНА
МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, РОССИЯ
lyuchap@gmail.com

Славянофил и западник: два типа русского интеллигента (лингвистический аспект)

АННОТАЦИЯ. Интеллигенция по внутренней форме заимствованного из латинского языка слова означает ‘высшую степень сознания, самосознание’, и первыми выразителями самосознания русской нации были славянофилы и западники. Слово *интеллигенция* впервые зафиксировано в 1836 г. в значении ‘дворянское, европейски образованное общество’. К этому обществу относилась и большая часть славянофилов и западников, людей образованных и критически мыслящих.

Научный интерес представляет не только проблема семантической трансформации понятий *славянофил, западник, интеллигент, интеллигенция* в их взаимосвязи, но и их использование как неких символов с противоположной коннотацией у одного и того же слова в зависимости от тех или иных идеологических установок.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: славянофил, западник, интеллигент, интеллигенция

Слово *интеллигенция* в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова объясняется следующим образом: «Социальная группа, состоящая из образованных людей, обладающий большой внутренней культурой и профессионально занимающихся умственным трудом» (БТС: 395); *славянофильство*: «Одно из направлений общественной и философской мысли России в середине 19 в., выдвинувшее идею самобытного пути исторического развития России, отличного от пути развития западноевропейских стран» (БТС: 1206); *западничество*: «Общественное течение в России в 40-50-х годах 19 в., представители которого, в отличие от славянофилов, выступали за западноевропейский путь развития России» (БТС: 336).

Судя по дефинициям в современных словарях, слова *интеллигенция* (*интеллигент*) с одной стороны, и *славянофильство* (*славянофил* – ‘сторонник направления’), *западничество* (*западник*) - с другой, пересечений в значениях не имеют, хотя очевидно, что вторая группа слов как относящаяся к идеологическому дискурсу должна входить в «рамку» концепта *интеллигенция*. Если обратиться к истории как самих лексем, так и смыслов, ими обозначаемых, корреляция окажется вполне очевидной и актуальной до настоящего времени.

История формирования концепта *интеллигенция* представлена, в частности, в фундаментальном исследовании Ю.С. Степанова (1997), кроме того, о слове *интеллигенция* писал еще в 1964 г. В.В. Виноградов (см.: Виноградов 1994); *русский интеллигент* как лингвокультурный типаж описан В.И. Карасиком (2009); современное политологическое толкование дано в словаре А.С. Ахиезера (1998); история слов *славянофил* (*славянофильство*) и *западник* (*западничество*) предложена в работах автора статьи (см. Чапаева 2014; 2015; 2018).

Несмотря на то, что, по мнению Ю.С. Степанова, в русском языке и в русской культуре *интеллигенция* как лексема и концепт утверждается лишь в начале 60-х гг. XIX в., о более ранней его истории говорят новые сведения, опубликованные, в частности, в сборнике статей В.В. Виноградова «История слов» (1994). Первоначальное значение заимствованного слова вытекает из его внутренней формы от *лат*. intelligentsia – ‘высшая степень сознания, самосознание’. Именно о таком значении свидетельствует первая текстовая фиксация слова в дневнике В.А. Жуковского от 2 февраля 1836 г.: «В Петербурге, около Адмиралтейства, в балагане случился страшный пожар, погибло много народа, а «через три часа, — с возмущением продолжает Жуковский, — после этого общего бедствия, почти рядом (...) осветился великолепный Энгельгардтов дом, и к нему потянулись кареты, все наполненные *лучшим петербургским дворянством*, тем, которое у нас представляет всю *русскую европейскую интеллигенцию* (выделено мной. – Л.Ч.); никому не пришло в голову (есть исключения), что случившееся несчастье есть общее» (Степанов 1997: 678). Под «русской интеллигенцией» подразумевается «лучшее дворянство» того времени. Это еще не социологическое представление об интеллигенции как классе или прослойке людей, профессионально занимающихся умственным трудом, образованное высшее дворянское общество, скорее, социокультурная группа. Связь понятий *интеллигенция* и *дворянство* сохраняется и во второй половине XIX в. В.В. Виноградов приводит слова В. Храневича о Достоевском: «Нужно иметь в виду, что слова *интеллигенция*, *интеллигент*, *интеллигентный* еще не вошли тогда в обиход русской литературы (50-60-е гг. XIX в. – Л.Ч.), и поэтому Достоевский (в «Записках из Мертвого дома». – прим. ВВВ.) по необходимости пользовался общеупотребительным, всем понятным словом

дворянин, тем более что в то время слова *дворянин* и *человек образованный* были почти синонимы» (Виноградов 1994: 228). Ср. также: «Не должно ли было или, лучше сказать, могло ли дворянское общество <>, представлявшее собою лучшую русскую интеллигенцию, не показать Скарятину, что у него нет ничего общего ни с русским обществом, ни с русским дворянством» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Литераторы на обеде (1868)); «Он знал, что тут собрана вся интеллигенция Петербурга, и у него, как у ребенка в игрушечной лавке, разбегались глаза» (Л.Н. Толстой. Война и мир. Том первый (1867-1869); «И что всего важнее, все эти картины и рассказы живописуют именно высшее русское общество, в котором, по всем данным, должна была сосредоточиться наша интеллигенция» (М.Е. Салтыков-Щедрин. Записки Е.А. Хвостовой. 1812-1841. Материалы для биографии М.Ю. Лермонтова (1870)) (примеры из НКРЯ). *Дворянство* и *интеллигенция* действительно оказываются синонимичны в культурно-этическом, нравственном смысле, что совпадает и с современным обыденным сознанием, если, например, слово *интеллигент* имеет положительную коннотацию (см. цитату из современного автора, которую приводит В. Карасик: «Дворянин, интеллигент, умнейший человек, горячо любящий свою многострадальную Родину» (Карасик 2009: 205).

Именно «любовь к многострадальной Родине» вызвала к жизни те споры о судьбе России, которые получили название «споры славянофилов и западников» в 40-х годах XIX в. Это были узкие группы критически мыслящих, неравнодушных людей, в основном дворян, но пополняющиеся представителями той прослойки, которую позднее назовут разночинцами. Они были носителями самосознания нации, русские интеллигенты, не имевшие еще такого названия, но выполнявшие те задачи, которые стоят перед интеллигенцией: осмыслять действительность, порождать социально и культурно значимые идеи, искать решения проблем, стоящих на пути развития общества и страны. Позднее, уже в 60-х гг., когда слово *интеллигенция* утвердилось в русском узусе, их и называют первыми интеллигентами. Виноградов цитирует высказывание о 40-х гг. XIX в. Б. Маркевича: «Но умственное движение… сказывалось уже весьма заметно в мыслящих центрах России, особенно в Москве, где духовная жизнь, благодаря… благотворному влиянию тогдашнего университета и той дворянской, образованной и независимой по средствам и духу среде, в которой слагалась тогда ее *интеллигенция*…» (Виноградов 1994: 228). К.Д. Кавелин в воспоминаниях об А.П. Елагиной отмечал, что ее салон «был средоточием и сборным местом всей русской интеллигенции, всего, что было у нас самого просвещенного, литературно- и научно-образованного» (Кавелин 1989: 138). Это было собрание «лучших умственных и культурных сил», это были «люди, проникнутые идеями правды и гуманности» (Кавелин 1989: 145). Нравственные качества, «чистоту помыслов, гордую независимость духа» и у славянофилов, и у западников отмечал известный русский филолог XIX в. Ф.И. Буслаев (см. Буслаев 2003: 291).

Надо сказать, в середине 30-х гг. будущие противники обладают скорее общими взглядами, идеями и устремлениями, общим увлечением, например, философией, их отличает обостренное чувство ответственности за русскую литературу и культуру в целом. К.С. Аксаков, в будущем один из убежденных славянофилов, имея в виду статью Белинского «Литературные мечтания» 1834 г., писал: «Недавно читал я статью Белинского, где он высказал все мнения нашего юного поколения, которые я разделяю, и часто говорил прежде» (Ак-

саков 1995: 17). Разногласия и категоричность в спорах проявилась позднее, в середине 40-х гг.

Дискуссия славянофилов и западников явилась новой ступенью в развитии русского миросозерцания и отразила раскол не только в русской философской мысли, в идеологии, но и раскол русского сознания в целом; каждое из направлений оказалось поддержано определенными традициями, системой нравственных убеждений. Т.е. изначально *интеллигенция* в оппозиции славянофилов и западников отражала свою противоречивость и амбивалентность, что и заложено в русской культуре в целом.

При таком подходе оппозиция славянофилов и западников оказывается проявлением одного из устойчивых «архетипов» российского культурного самосознания, реализующегося в постоянном столкновении двух противоположных взглядов на развитие России: стремлении организовать жизнь на европейский лад и желании оградить традиционные формы национальной жизни от иностранного влияния.

Эта оппозиция должна рассматриваться не как одномоментное явление в истории русской культуры, а как частное проявление ее генетического свойства – дуализма, поскольку две линии в истории русской культуры XIX в. и сегодня живы.

Основные положения славянофильства можно кратко свести к следующим положениям: положительная характеристика древней Руси, которая представляется образцом частной жизни, быта, судопроизводства, отношений между людьми; неоднозначная оценка петровских преобразований, которые, по их мнению, «разорвали связь времен»; констатация противоречий между Востоком и Западом и провозглашение особого пути России, возникающего из борьбы двух враждующих начал; необходимость ориентации на восточное христианство, т.е. православие в поисках путей будущего развития как одно из средств восстановления древних форм русской жизни. «Мы признавали первою, самою существенною нашею задачею – изучение себя в истории и в настоящем быте; и как мы находили себя и окружающих нас цивилизованных лет утратившими много свойств русского человека, то мы считали долгом изучать его преимущественно в допетровской его истории и в крестьянском быте. <…> В этом первобытном русском человеке (крестьянине. – Л.Ч.) мы искали, что именно соответственно русскому человеку, в чем он нуждается, и что следует ему развивать», - писал один из славянофилов (Кошелев 1991: 90).

Основой философской концепции западничества была идея цивилизованной просвещенной личности, умеющей отстаивать свое достоинство и разумно использовать общественную и личную свободу. Западники провозглашали приоритет сознательной личности, развивающейся и устремленной в будущее; для них важно было понимание развития как прогресса, а не восстановление прерванных связей; они высоко оценивали роль петровских преобразований в русской истории, которые ускорили этот прогресс, приблизили Россию к общему миру, который в тот момент, безусловно, представлял собой Западную Европу. Несмотря на то, что многие из них были верующими людьми, религия не была для них стержнем исторического развития, наоборот, они полагали, что ее место в жизни определено и ограничено частной жизнью (о спорах славянофилов и западников см. подробнее: Чапаева 2014).

Споры славянофилов и западников стали явлением культуры и получили отражение во всех ее сферах, а общие закономерно-

сти и противоречия развития русской культуры, заложенные в ней ранее, проявились в этом идейном противостоянии: «Во временных границах прошлого века противостояние славянофильства и западничества было оправдано всей связью составляющих специфической для этого века ситуации: с одной стороны – непосредственное наследование культурной, жизненной и попросту бытовой традиции, все в нерасторжимом единстве; с другой – всемирная широта идеи» (Аверинцев 1988: 22-23).

Одной из важных причин расхождения во взглядах двух направлений было отношение к народу и его роли в истории общества. Для интеллигенции и в истории, и в современности главной задачей провозглашается служение народу, и она «постоянно и неизбежно колеблется между двумя крайностями - народопоклонничества и духовного аристократизма» (Степанов 1997: 681). Стремление говорить от имени народа характерно и для славянофилов, и для западников. Но вот что любопытно: если для революционеров-демократов, вышедших из стана западников, было характерно именно поклонение народу, вера в его силы и возможности, для развития которых надо лишь его «образовать», то ранние западники относились к народу довольно скептически, а народопоклонниками, правда, с позиций аристократов, т.е. по-отечески, немного свысока, были, скорее, славянофилы: они идеализировали русский народ, полагая, что в нем сохраняется то национально своеобразное, исконное и русское, которое надо распространить на все общество. А.С. Ахиезер писал, что интеллигенцию «необходимо рассматривать через дуальные оппозиции «Духовная элита - Почва», «Правящая элита - почва». Рассмотрение И. вне взаимопроникновения полюсов этих оппозиций не имеет смысла. В своих крайних формах И. сливается с этими полюсами оппозиции <…> или распадается на группы, которые тяготеют к этим полюсам» (Ахиезер 1998: 205), что и отражает оппозиция славянофилов и западников.

Концепт интеллигенция приобретает социологический смысл в России в России 1860-х гг., когда появляется новая социально оформленная часть общества - прослойка образованных людей из разночинцев. Образование разночинной интеллигенции – во многом заслуга западников, выполнение ими так называемой социально-генеративной функции. Пробуждая в представителях широких демократических кругов критическое мышление и способствуя развитию индивидуального сознания, западники ускорили объективные общественные процессы формирования интеллигенции и демократизации российского общества. Разночинцы берут на себя функцию выражения общественного самосознания от имени и во имя народа. «Собственно, это и есть основное содержание концепта “Интеллигенция”, и, вопреки мнениям о будто бы необычайной запутанности его дальнейшей истории, мы полагаем, что она ясна и проста: концепт остается одним и тем же, как бы «рамкой» для кадра, но он лишь как бы «примеривается», а затем и передвигается с одной социальной группы на другую, в поисках ответа на вопрос: какая же социальная группа является субъектом самосознания нации? В «кадре» оказываются разные социальные группы» (Степанов 1997: 672). Остается лишь добавить, что в 30-50-е гг. XIX в. такой социальной группой была образованная часть дворянства в двух ипостасях - славянофилы и западники. Западничество и славянофильство в несколько преобразованном виде продолжали существовать и в начале XX в., и в современном российском обществе. «Западничество сходило на нет как утверждение нашей вторичности, однако продолжало жить как отрицание изоляци-

онизма; славянофильство превращалось в неоспоримость как утверждение нашей самобытности, однако изживалось как утверждение наших превосходств. Это уже были не столько антагонистические идейные лагери, сколько дополняющие друг друга подходы, которые все яснее сознавали себя как выражение разных — но равно реальных, невыдуманных и даже взаимно необходимых — сторон «русской идеи» (Степанов 1997: 651).

Это противопоставление, пронизывает всю нашу жизнь, и сторонники происходивших в России начала XXI в. подчас отождествляются с западниками, а их противники со славянофилами, но и те и другие образуют социальный кластер *интеллигенция*. Изменения в семантике именований оппонентов демонстрируют не только генетическую связь современных западников и славянофилов с их историческими предшественниками, но и подтверждают актуальность их идей в современном обществе, правда, подчас в выхолощенном и упрощенном виде.

История лексемы *западник* – и в словарных дефинициях, и в узусе на протяжении более полутора веков ее существования в русском языке сохраняет первоначальное значение, постепенно становясь историзмом, и наполняется новыми смыслами, развивает многозначность и лексическую омонимию. «Опираясь на словари современного русского языка, можно вывести общую и повторяющуюся дефиницию *западника*: ‘сторонник западничества’, при этом *западничество* определяется только как ‘общественное течение в России в 40—50-х годах XIX в., сторонники которого выступали за развитие России по западноевропейскому пути’. Совершенно очевидно, что в данном значении слово является историзмом, несмотря на отсутствие словарной пометы. Актуальное для современности значение зафиксировано лишь в *Толковом словаре русского языка (Языковые изменения конца XX столетия)* под ред. Г.Н. Скляревской с пометой *публ*. (публицистическое): ‘политик-реформатор, выступающий за сближение России с Западом и перестройку российской экономики по западному образцу’ (Чапаева 2018: 481-482).

Что касается слов *славянофил* и *славянофильство*, то «в словарях советского периода при сохранении общего смысла подчеркивается консерватизм направления и патриархальность идеалов сторонников славянофильства. Кроме того, понятие получает негативную идеологическую оценку (см., например, в Толковом словаре под ред. Д.Н. Ушакова: (книжн., истор.). 1. ‘Приверженец славянофильства; *противоп*. Западник’. *Славянофильство*: (книжн., истор.). ‘Националистическое течение русской общественной мысли середины 19 века, выражавшее интересы крепостнического дворянства и утверждавшее, в противовес западничеству, что Россия самобытна в своем историческом развитии и что патриархальная славянская культура должна прийти на смену культуре Запада с его капиталистическими отношениями и классовой борьбой’» (Чапаева 2015: 222).

В конце XX века изменившаяся социально-историческая и политическая ситуация в нашей стране, которая вызвала переоценку многих идеологических и исторических установок, устойчивых представлений, привела к тому, что и оценка понятий *славянофил* и *славянофильство*, можно сказать, смягчилась и стала коннотативно более нейтральной, сохраняя историческую привязанность к эпохе середины XIX в. Но в бытовом значении слова *славянофил* на первом месте оказывается одна из присущих ему сем: приверженность традиции, репрезентирующей истину, правильность

поведения; а традиция – это прошлое, старинное и потому верное. Вторая сема – приверженность своему, родному, национальному, которое априори не может быть плохим. Т.е. социально-политический, идеологический и даже исторический смысл понятия размывается, остается лишь поверхностное, унаследованное в толковании советского времени. Тем не менее, «привязанность» понятий славянофил и западник к интеллигенции сохраняется. В.И. Карасик, описывая лингвокультурный типаж «русский интеллигент», приводит рассуждения одного из пользователей интернет-сайта «Полемика и дискуссии»: «По совершенно естественным причинам, по своему генезису («классовый» признак интеллигенции – высшее образование – приобщение к западной культуре) интеллигенция тяготеет к Западу, который для интеллигенции является обобщённой almamater, эталоном, образцом для подражания. <…> факт инаковости России, по сравнению с Западом, воспринимается как НЕдостаток России, который нужно исправить <…>. Но это только часть интеллигенции (хоть и большая часть) – “западники”. Есть и другая часть – «славянофилы». Это тоже западники, только с приставкой “анти-”. В чертах сходства России с Западом они видят зло, а автохтонные черты (отсутствующие на Западе) выпячивают как “национальное достояние” (какими бы ничтожными и случайными они не были). Понятно, что эта категория интеллигенции всегда будет в меньшинстве, в оппозиции к западникам» (Карасик 2009: 214).

Очевидно, что отношение к интеллигенции, как и к ее отдельным группам, в России всегда оказывается эмоционально маркированным, о чем свидетельствует и трансформация значений у лексем *интеллигенция*, *западник*, *славянофил* от нейтрального или положительного к негативному и пренебрежительному. В современном обществе оппозиция славянофильских и западнических взглядов сохраняется, отражая исторический дуализм русской культуры, проявлявшийся на всех исторических этапах ее развития.

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев, С.С. Попытки объясниться: Беседы о культуре / С.С. Аверинцев. – М.: Правда, 1988. – 46 с.

Аксаков, К.С. Эстетика и литературная критика / Сост. и коммент. В.А. Кошелева / К.С. Аксаков. - М.: Искусство, 1995. - 526 с.

Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) / А.С. Ахиезер. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. - Т. II. Теория и методология. Словарь. – 600 с.

БТС - Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2002. – 1536 с.

Буслаев, Ф.И. Мои Досуги. Воспоминания. Статьи. Размышления (Текст) / Сост., примеч. Т.Ф. Прокопова / Ф.И. Буслаев. – М.: Русская книга, 2003. – 608 с. (Русские мемуары. Москва и москвичи).

Виноградов, В.В. История слов / Российская академия наук. Отделение литературы и языка: Научный совет «Русский язык: история и современное состояние». Институт русского языка РАН / Отв. ред. чл.-корр. РАН Н.Ю. Шведова. – М.: Толк, 1994. – 1138 с.

Кавелин, К.Д. Авдотья Петровна Елагина / К.Д. Кавелин // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи: (Мемуары современников). – М.: Изд-во МГУ, 1989. – С. 135-147.

Карасик В.И. Языковые ключи / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2009. – 406 с.

Кошелев, А.И. Мои записки / А.И. Кошелев // Русское общество 40-50-х годов XIX в.: в 2 частях. – Ч.1. Записки А.И. Кошелева. – М., 1991. – 237 с.

НКРЯ - Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru/ (дата обращения 20.11.2018).

Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

Чапаева, Л.Г. Западник: словарные значения и узус в диахроническом аспекте /Л.Г. Чапаева // Studia Russica XXVI «Русская лексика: история и современность»: Материалы конференции. – Будапешт, 2018. – С. 479-485.

Чапаева, Л.Г. Культурно-языковая ситуация в России 1830-1840-х гг. в контексте споров славянофилов и западников / Л.Г. Чапаева. - Saarbrucken, Deutschland: Palmarium academic publishing, 2014. – 256 с.

Чапаева, Л.Г. Лингвоидеологема *славянофил:* словарная эволюция понятия / Л.Г. Чапаева // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: Материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ в 15 т. – СПб., МАПРЯЛ, 2015. – Т.5. – С. 220-224.

CHAPAEVA L. G.
Moscow state university of education, Россия
lyuchap@gmail.com

Slavophil and Westerner: Two Types of the Russian Intelligentsia (Linguistic Aspects)

Summary. The word *intelligentsia* was borrowed from Latin and in its internal form means ‘the highest degree of consciousness, self-consciousness’. Slavophiles and Westerners were the first exponents of self-consciousness in the Russian nation. The word intelligentsia was first recorded in 1836 meaning ‘noble, European educated society’. Most of the Slavophiles and Westerners, people educated with critical thinking, belonged to this society.

Scientific interest here not only concerns the problem of the semantic transformation of the concepts of *Slavophiles*, *Westerners*, *intellectuals*, *intelligentsia*, but the use of these terms as symbols with an antonymous connotation, depending on other ideological attitudes.

Keywords: Slavophil, Westerner, intellectual, intelligentsia

ЧМЕЛЁВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА
СМОЛЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, РОССИЯ
elenaviktoria@yandex.ru

Авторы сборника «Вехи» о духовных поисках русской интеллигенции начала XX века

Аннотация. В статье анализируются взгляды авторов сборника «Вехи» (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О.Гершензон, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк, А.С. Изгоев) о выборе пути преобразования России, о воспитании нового человека. Издание сборника в Москве весной 1909 года стало значительным событием в России. В нем подвергались критике господствующие среди образованной молодежи и интеллигенции материалистическое мировоззрение и политический радикализм. Его авторы - Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, А.С.Изгоев, М.О. Гершензон исследовали такие темы: интеллигенция и религия, интеллигенция и правосознание, интеллигенция и нравственность. В той или иной форме философы касались и актуальных педагогических проблем - формирования творческого самосознания учащейся молодежи, ее самоусовершенствования и нравственного состояния. Обращение к проблематике «Вех» в данном контексте связано с тем, что известные русские философы начала XX века (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, М.О. Гершензон, Б.А. Кистяковский, П.Б. Струве, С.Л. Франк, А.С. Изгоев) поставили точный диагноз социальных и нравственных болезней радикальной интеллигенции и образованной молодежи и обозначили направления духовных поисков в определении созидательных целей жизни. Несмотря на всё различие мировоззрения этих мыслителей, их поиски строились на одной основе - на фундаменте духовного преобразования развивающейся личности. Результаты выхода из духовного кризиса в России ученые связывали с влиянием семьи, школы, Церкви, окружающей среды, всех социальных институтов. До сих пор идеи, высказанные ими, актуальны для российского общества. Это объясняется прежде всего нерешенностью многих экономических, политических и воспитательных задач.

Ключевые слова: сборник «Вехи», начало XX века, русская интеллигенция, духовный поиск

Революция 1905 года заставила по-новому посмотреть на те духовные ценности, которые исповедовала русская интеллигенция. Хотя процесс переосмысления начался задолго до этих событий. В обществе ясно осознавался надвигающийся социальный и религиозный кризис. Пересмотр взглядов интеллигенции на развитие России, направленных на революционную ломку существующего строя, ревизия мировоззрения молодежи, в котором ведущее начало занимали общественные формы жизни, а индивидуальные интересы отбрасывались во имя светлого будущего, - все это стало насущной потребностью многих русских философов, литераторов, социологов, педагогов.

После революции 1905 года в русском обществе появились новые веяния.
Весной 1909 года произошло значительное событие в России - в Москве был издан сборник статей семи видных русских философов «Вехи». Он был посвящен проблемам развития русской интеллигенции, обсуждению вопросов коренных основ духовной жизни России. В нем подвергались критике господствующие среди интеллигенции материалистическое мировоззрение и политический радикализм. Его авторы - Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк, Б.А.Кистяковский, П.Б. Струве, А.С. Изгоев, М.О. Гершензон исследовали такие темы: интеллигенция и религия, интеллигенция и правосознание, интеллигенция и нравственность. В той или иной форме философы касались и актуальных педагогических проблем - формирования творческого самосознания учащейся молодежи, ее самоусовершенствования и нравственного состояния. Разочарованные итогами революции 1905-1907 гг., они утверждали своей книгой крамольную для того времени мысль - страна оказалась в хаосе, насилие стало способом разрешения экономических и политических конфликтов в обществе благодаря революционной интеллигенции.

Здесь следует обратить внимание на тот факт, что «Вехи» называются «сборником статей о русской интеллигенции», однако в действительности предметом их рассуждений служит не вся интеллигенция, а только та, которая активно участвовала в революции 1905 года и подготовила ее. Иными словами, речь идет об интеллигенции радикальной, ставшей на определённом этапе русской истории представлять этот феномен как бы уже и в целом - по причине господствующего в нем положения. Без уяснения того, какое именно содержательное наполнение термина «интеллигенция» устанавливалось «Вехами», невозможен процесс адекватного прочтения понятийной системы сборника. При этом мы опирались на исследование итальянской русистки Джованны Калебич Креацца, занимавшейся наблюдениями над историей самого понятия «интеллигенция» в изданиях, связанных с веховской традицией (Калебич Креацца 1993).

Главная задача, которую «веховцы» ставили перед российским обществом, состояла в переориентации процесса воспитания с целей революционных, разрушительных в своей основе, на цели духовные, созидательные. Они утверждали примат человеческой личности, ее духовной наполненности и способности к самостроительству над ее политической ангажированностью. Творческое самосознание, способность к созидательной деятельности, а не укоренившийся в сознании интеллигентной молодежи героизм и подвижничество - вот что должно определять внутреннюю жизнь новой личности.

Против авторов сборника «Вехи» выступили представители различных политических сил. Но интерес к книге был огромный. За половину 1909 года было

выпущено пять изданий. Их называли отступниками, предателями. Другие представители русской интеллигенции (явное меньшинство) приветствовали «Вехи», т.к. были искренне уверены, что сборник этот - предупреждение авторитетных людей о возможности государственной катастрофы и обозначение реальных путей выхода из духовного кризиса.

Один из таких путей был указан в статье Б.А. Кистяковского. Позиция ученого в ней выражена просто и ясно: «Русская интеллигенция состоит из людей, которые ни индивидуально, ни социально не дисциплинированы. И это находится в связи с тем, что русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне. При таких условиях у нашей интеллигенции не могло создаться и прочного правосознания, напротив, последнее стоит на крайне низком уровне развития» (Кистяковский 1991: 110, в: Вехи. Интеллигенция в России).

Так вот, путь выхода из кризиса - это прежде всего формирование правосознания у интеллигенции. Без этого невозможна никакая социальная дисциплина и нравственная самодостаточность. Как писал С.Н. Булгаков в статье «Героизм и подвижничество», «для русской интеллигенции предстоит медленный и трудный путь перевоспитания личности, на котором нет скачков, нет катаклизмов и побеждает лишь упорная самодисциплина» (Булгаков 1991: 74, в: Вехи. Интеллигенция в России).

Философ не приемлет ни радикализма, ни максимализма в общественной и политической жизни. Интеллигентский героизм, по его мнению, более всего присущ учащейся молодежи. Она же в силу своей молодости, недостаточного жизненного опыта и научных знаний выражает тип героического максимализма.

С.Н. Булгаков считал, что в русском обществе отчетливо обозначилась «духовная педократия», т.е. господство детей, являющееся величайшим злом. Дело в том, что мнение молодежи нередко представляется определяющим для старших по возрасту людей. Эти юноши и девушки не имеют ни достаточных знаний, ни опыта, но участвуют «с зарядом интеллигентного героизма» в опасных по своим последствиям социальных экспериментах, что усиливает реакцию в стране.

Иначе говоря, в обществе сложилась ситуация, когда взрослые люди попадали в рабскую духовную зависимость от своих детей. Выросшие в рабской обстановке дети, ставшие взрослыми, становятся рабами своих повзрослевших воспитанников, участвующих в насильственном переустройстве общества и исповедующих «героизм и подвижничество». «Духовная педократия» - это обратная сторона подавляющего и унижающего воспитания.

Впрочем так считал не один он. Профессор университета св. Владимира И.А. Сикорский (1842–1919) придерживался той же точки зрения. Выступая на втором съезде психиатров в Киеве 8 сентября 1905 года с докладом «Психологические основы воспитания», он говорил о болевых точках воспитания. Сообразно взглядам Министра просвещения Д.А. Толстого, задача гимназий была извращена: вместо учебно-воспитательных заведений они были превращены в средние учебные заведения, воспитанник превратился в ученика, а воспитание заменили *надзором и дисциплиной*, а само *умственное развитие* обращено в *гимнастику ума*, которую приверженцы системы превозносили и признавали панацеей (курсив - И.А. Сикорского). «Воспи-

тание исчезло и даже директор гимназии из главного руководителя педагогическим делом обращен в *начальника* заведения. Последствия не замедлили сказаться: на арену жизни, с аттестатом зрелости, выступило новоявленное существо с дрессированным схоластическим умом, но с недостаточным развитием чувства и с недостаточной волей. Жизнь, не без оснований, дала ему кличку *интеллигента*, создав для того новое слово и новое понятие, которого не знают культурные народы Европы» (Сикорский 1905: 6). Это было сказано ученым еще до выхода сборника «Вехи».

В своем выступлении И.А. Сикорский ссылался на психологическую характеристику воспитанников, выходящих из классических гимназий, сделанную двенадцатью московскими профессорами и представленную, в качестве документа, в Высочайше учрежденную комиссию о преобразовании средней школы. То, что наблюдается у абитуриентов, писали московские профессора, наводит на грустные размышления: самостоятельность мысли у них притуплена, не видно привычки ни наблюдать явления, ни анализировать их, ни производить обобщений, ни оценивать критически чужие мысли и слова, неумение выражать мысли ясно и правильно.

Независимо от этой тонкой психологической характеристики, И.А. Сикорский приводит и собственные наблюдения: «питомец такой школы бывал нередко хорошо обучен, и в то же время он оставался лишенным “здравого смысла”. В такой психологической карикатуре, до которой доводит средняя школа, юноша иной раз бывает хуже неученого простеца, который, будучи лишенным книжного знания, обладает здравым смыслом, т.е. *всеми силами своей души* в их надлежащей целости и гармонии, а не развитием одного только ума, как юноша - классик» (Сикорский 1905: 7).

Результаты воспитания С.Н. Булгаков и И.А. Сикорский, разные по своим мировоззренческим позициям, связывали с влиянием школы, окружающей среды, всех социальных институтов. Правда, Иван Алексеевич, размышляя на эти темы, не опирался на социологические данные. Его выводы базировались на реальных наблюдениях за учебно-воспитательным процессом и его анализе. Авторы «Вех» напротив, многие свои суждения о характере воспитания в семье и школе строили на основе фактов, полученных при массовых опросах студенческой молодежи и учащихся средних школ. Но выводы И.А. Сикорского совпадали с выводами этих авторов.

А.С. Изгоев, в статье «Об интеллигентной молодежи» писал, что в русских семьях нет настоящей, истинной связи между родителями и детьми, что «наблюдается более или менее скрытая враждебность: душа ребенка развивается “от противного”, отталкиваясь от души своих родителей» (Изгоев 1991: 186, в: Вехи. Интеллигенция в России). Для обоснования своего вывода он приводит результаты социологического опроса студентов Москвы. Половина из принявших участие в опросе, заявили, что у них полностью отсутствует духовная связь с семьей. Впрочем, юноши и девушки, считавшие, что такая близость с родителями существует, не объяснили, в чем она выражается. Например, на вопрос, имела ли семья влияние на выработку этических идеалов, эстетических вкусов, товарищества и т.д., из 2150 опрошенных ответ дали только 1706 студентов. Из них 56% отвергли влияние семьи и только 44 % признали его наличность. Из 1794 студентов, ответивших на вопрос - имела ли семья влияние на выработку определенного мировоззрения, 58% дали ответ отрицательный и 42% - положительный (Изгоев 1991: 187, в: Вехи. Интеллигенция в России).

Русская школа также оказывает отрицательное влияние на формирование учащейся молодежи. А.С. Изгоев подтверждает свое наблюдение данными из того же опроса. Из 2081 опрошенного студента - 1791 респондент (т.е. 86%) сообщил, что ни с кем из своих наставников у них не было в школе духовной близости (Изгоев 1991: 189, в: Вехи. Интеллигенция в России).

Эти факты говорят о многом - об отчуждении учащихся от школы и семьи, о подмене истинных ценностей ложными, об асоциальном поведении.

А.С. Изгоев пытается проследить путь формирования профессионального революционера. Он достаточно убедительно показал, как формируется бунтарь, протестующий против государства. Мироощущение такого человека особое - это любовь и тяга к смерти. Семья не оказывает действенного влияния на преодоление недостатков в воспитании юных граждан.

Школа устраняется от важной для будущего молодого человека деятельности по формированию мировоззрения. В учебном заведении, в гимназии или в каком-нибудь другом, учащийся чувствует себя, «как во вражеском лагере, где против него строят ковы, подсиживают его и готовят ему гибель. В представлении ребенка школа - это большое зло, но, к несчастью, неизбежное» (Изгоев 1991: 190, в: Вехи. Интеллигенция в России).

Такие учащиеся с презрением относятся к учителям, родителям, товарищам. Они лишены ощущения внутренней свободы, стремления к духовному самосовершенствованию и саморазвитию. Они нетерпимы, ортодоксальны, мало знают и мало думают, одержимы тягой к смерти. Им в высшей степени свойственны такие качества, как героизм и подвижничество, но молодые люди мало работают над тем, чтобы стать профессионалами своего дела и людьми, способными нести индивидуальную ответственность.

А.С. Изгоев обозначил два последствия этого ненормального положения. Во-первых, «средний массовый интеллигент в России большею частью не любит своего дела и не знает его». Он не может быть настоящим профессионалом в своем деле, а потому «он - плохой учитель, плохой инженер, плохой журналист, непрактичный техник...». Эти люди не обладают прочными специальными знаниями, а потому велико «антикультурное влияние отсутствия любви к своей профессии и революционного верхоглядства, при помощи которого решались все вопросы» (Изгоев 1991: 207, в: Вехи. Интеллигенция в России).

Во-вторых, А.С. Изгоев утверждает, что в кризисные ситуации люди радикальных взглядов быстро овладевают сознанием масс и не встречают никакого сопротивления со стороны умеренных сил. Интеллигенция становится на сторону этих крайних элементов, зачеркивая свою старую работу, отказываясь от нее во имя революции, т.к. никогда не любила свой повседневный труд.

Авторы «Вех», в частности, М.О. Гершензон, искали направления духовных поисков молодежи на обновление личности и выработку истинных целей в жизни. Ее смысл не может быть для всех одинаковым, он формируется в соответствии с индивидуальностью личности.

М.О. Гершензон доказательно рассуждает о том, что до 1905 года молодежь, вступая в самостоятельную жизнь, заставала уже готовые идеалы - жить для народа, для общества. «Это было первое большое удобство для толпы. Другое заключалось в сня-

тии всякой нравственной ответственности с отдельного человека» (Гершензон 1991: 105, в: Вехи. Интеллигенция в России).

Историческая ситуация сложившаяся после революции 1905 года, изменилась коренным образом. Теперь «настает время, когда юношу на пороге жизни уже не встретит готовый идеал, а каждому придется самому определять для себя смысл и направление своей жизни, когда каждый человек будет чувствовать себя ответственным за все, что он делает, и за все, чего не делает» (Гершензон 1991: 105, в: Вехи. Интеллигенция в России).

Другими словами, автор статьи «Творческое самосознание» ставит вопрос о самостоятельном поиске нравственного идеала, который станет жизненным ориентиром для личности, а ее индивидуальное сознание поможет сделать нравственно оправданный выбор своего жизненного пути, не связанного ни с какой внешней целью, какой бы она великой ни была, а опирающегося на сформированные потребности и интересы собственной духовной сущности. Юноша, «вырастая... будет собственной личностью отвечать за каждый свой шаг, и ничто ни разу в течение всей жизни не снимет с него этой свободно сознательной ответственности» (Гершензон 1991: 106, в: Вехи. Интеллигенция в России).

М.О. Гершензон очень точно определил значение душевной работы личности для выработки внутренней сосредоточенности и свободы. Он обозначил необходимость направленной деятельности сознания на саму личность, но при этом убежденно отстаивал мысль о том, что «индивидуальное сознание по самой своей природе не может замыкаться в себе, не может обособляться от общей жизни разума; поэтому каждое существенное движение общего разума неминуемо отдается в каждом отдельном сознании...» (Гершензон 1991: 91, в: Вехи. Интеллигенция в России).

Короче говоря, М.О. Гершензон отстаивает важную для своего времени мысль о том, что формирование творческой индивидуальности личности не противоречит задачам коллективного разума, а, напротив, способствует его движению и развитию. Человек с развитым индивидуальным сознанием, по Гершензону, во-первых, умеет «желать отчетливо и сильно», и, во-вторых, умеет «направлять свою сплоченную духовную силу на перестройку действительности» (Гершензон 1991: 91, в: Вехи. Интеллигенция в России).

Взаимосвязь личного и общественного, соотнесенность личных и общественных интересов, нравственное понимание индивидуального и социального - вот что в конечном счете характеризует развитую личность.

На этой же позиции стоял философ С.Н. Булгаков. Размышляя об интеллигенции и русской молодежи, он выражал общую тревогу авторов «Вех» о том, что среди них очень непопулярны понятия личной нравственности, личного самоусовершенствования; выработки личности. Он связывает историческую несостоятельность интеллигенции, ее слабость с тем, что она исповедует ложные идеалы, что она глуха ко всему тому, в чем заключена живая творческая энергия. В своей статье «Героизм и подвижничество» С.Н. Булгаков подробно анализировал суть атеистического мировоззрения интеллигенции и поставил вопрос о формировании устойчивого религиозного сознания.

Возможно ли оно в условиях, когда в сознании учащихся господствует атеизм?

Заметим, что эсхатологические настроения в рассматриваемый период переживали не только в России, но и на Западе. В частности, нобелевский лауреат А.Швейцер (1875-1965) в автобиографических записках указывал, что его жизнь омрачали два переживания. «Первое состоит в понимании того, что мир предстает необъяснимо таинственным и полным страдания; второе – в том, что я родился в период духовного упадка человечества» (Швейцер 1992: 23). Он отмечал, что современный человек не имеет доверия даже к самому себе, а его самоуверенность скрывает духовную неустойчивость. Человек не находит применения способности мышления и, достигнув многого в науке и технике, так пал духовно, что отказался от мысли. Мыслитель полагал, что духовный кризис европейцы переживали с середины XIX века. Он с горечью писал, что более не удается прийти к концепции универсализма, которая позволила бы познать смысл существования человека.

На эту же особенность рассматриваемого периода обращала внимание М.М.Манасеина (1842-1903) – врач, доктор медицины, педагог. Она внимательно следила за развитием образования в учебных заведениях России, Франции, Англии, Германии, Австрии, Италии, Дании, Швеции и других стран. Знание постановки современного европейского и российского образования позволило ей критически отозваться о системе подготовки подрастающего поколения. Объясняя происходящее, М.М. Манасеина обращала внимание на то обстоятельство, что жизнь европейских стран не является более той средой, в которой на первом плане стоят религиозные вопросы и интересы. Более того, молодежь, заканчивая учебное заведение, попадает в атмосферу полного неверия. С ее точки зрения, положение можно было бы исправить с помощью целесообразно организованного преподавания христианской религии с самого рождения. Преподавание религии должно снабдить молодежь живым религиозным чувством и твердыми этическими понятиями, на которые можно опереться во время жизненной борьбы и искушений (Чмелёва 2018).

Эти наблюдения необходимо учитывать, чтобы не впасть в крайность, подчеркивая несходство социально-психологического состояния России с общим настроением Европы конца XIX – начала XX вв.

Кризис духовности, переживавшийся на рубеже веков, настораживал представителей и прогрессивной, и «консервативной» мысли. Однако выход из тупика они видели по-разному. Если русские консерваторы желали остановить поток времени, даже наперекор здравому смыслу, то русские прогрессивные мыслители обозначали реальные пути выхода их духовного кризиса. В конце XIX столетия культурная элита открыла для себя ранее неизвестный ей мир русской святости, стала посещать известные православные обители – Оптину пустынь, Валаамский монастырь, Саров, Соловки. Интерес к православию, однако, не приводил к падению интереса к социально-педагогическим проблемам, даже стимулировал его.

В 1901-1903 гг. в Санкт-Петербурге активно действовали Религиозно-философские собрания, которые стали вехой в истории русской культуры. Учредителями общества были Д.С. Мережковский, Д.В. Философов, В.В. Розанов, В.С. Миролюбов, В.А. Тернавцев. Согласие на проведение собраний дал обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев. Он же их и запретил. Благодаря деятельности Религиозно-философских собраний впервые в России начался диалог между духовенством и интеллигенцией, которую традиционно почитали в церковной среде атеистами. И хотя соединения «клира с миром», по вы-

ражению Д.С. Мережковского, не получилось, был приобретен уникальный опыт, продемонстрирована обеспокоенность интеллигенции все усиливавшимися процессами падения нравственности и слабым, как им казалось, ответом Церкви на эти процессы (Фирсов 2002).

Пути выхода их духовного кризиса, предложенные прогрессивными мыслителями, во многом совпадали с идеями воспитания духовности нового человека, предложенными русскими философами. В частности, понимание духовности личности отражалось не только в констатации негативных фактов ее нравственного состояния, но и в возможности переориентации ее в положительном направлении. Под духовностью авторы «Вех» понимали моральные мотивы поведения человека, его включенность в интеллектуальную и религиозную жизнь общества, способность к компромиссу и ненасильственным действиям, приоритетное отношение к эволюционным формам переустройства экономических и политических начал жизни страны, стремление к нравственному самоусовершенствованию собственной личности и стремление обеспечить соответствие моральных средств поставленным целям.

«Веховцы» поставили точный диагноз социальных и нравственных болезней интеллигентной молодежи и обозначили направления духовных поисков в определении созидательных целей жизни.

О чем бы ни писали авторы «Вех» - о творческом самосознании или о героизме и подвижничестве, интеллигенции и революции или об этике нигилизма, об интеллигенции и религии, об интеллигентской правде - все они рассуждали о главных вопросах времени: о выборе пути преобразования России, о воспитании нового человека. Без этого никакие революции, героизм и подвижничество не дадут положительных результатов.

К сожалению, общество не прислушалось к предупреждениям и советам «веховцев». Россия пошла не эволюционным путем, а революционным. Книга «Вехи» была запрещена, а большинство ее авторов были высланы за границу. Но идеи, заложенные в этом сборнике, не умерли. Они конкретизировались, развивались в сборниках «Из глубины» (1918) и «Из-под глыб» (1974). Сегодня эти книги внимательно изучаются как в России, так и за рубежом.

До сих пор идеи, высказанные авторами «Вех», актуальны для российского общества и для педагогики. Это объясняется прежде всего нерешенностью многих экономических, политических и воспитательных задач. Ведь рыночная экономика не может быть эффективной до тех пор, пока сознание людей несет в себе отпечаток тоталитаризма, насилия, иждивенчества и нетворческого подхода к делу.

По сей день актуально звучат слова С.Н. Булгакова, сказанные более ста лет назад: «Россия нуждается в новых деятелях на всех поприщах жизни: государственной - для осуществления “реформ”, экономической - для поднятия народного хозяйства, культурной - для работы на пользу русского просвещения, церковной - для поднятия сил учащей церкви, ее клира и иерархии. Новые люди, если дождется их Россия, будут искать и новых практических путей для своего служения и помимо существующих программ, - и - я верю - они откроются их самоотверженному исканию» (Булгаков 1991: 74, в: Вехи. Интеллигенция в России).

Эта цитата, как и содержание других статей из сборника «Вехи», свидетельствуют об идеале человека, о котором они мечтали. Это должен быть человек с творческим

самосознанием, свободный в своих взглядах и действиях, умеющий делать свободный выбор в жизни. После трагических событий 1905 года в России они думали об эволюционном развитии страны, в строительстве которой активное участие примут свободные люди.

ЛИТЕРАТУРА

Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909-1910 / *Сост., коммент. Н. Казаковой; предисл. В.Шелохаева*. - М.: Мол. гвардия, 1991. - 462 с.

Калебич Креацца, Д. «Вехи» и проблема русской интеллигенции: К истории термина «интеллигенция» в русской общественной мысли / Д.Калебич Креацца. - М.: Издание журнала «Континент», 1993. - 125 с.

Манасеина, М.М. О религиозном воспитании с первых лет жизни и до полного окончания университетского образования: избранное / *сост.; вступт. ст. Е.В. Чмелёва*. - Смоленск: Свиток, 2018. - 36 с.

Сикорский, И.А. Психологические основы воспитания / Речь произнесенная в торжественном заседании второго съезда отечественных психиатров в Киеве, 8 сентября, 1905 г. Изд. 2-е, доп. / И.А. Сикорский. - Киев, 1906. -

Фирсов, С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918гг.) / С.Л. Фирсов. - М., 2002. - 624 с.

Швейцер, А. Благоговение перед жизнью / А. Швейцер. - М.: Прогресс, 1992.- 572с.

CHMELEVA E. V.
Smolensk state University, Russia
elenaviktoria@yandex.ru

The Authors of the Collection «Milestones» on the Spiritual Quest of the Russian Intelligentsia of the Early XX Century

Summary. The article analyzes the views of the authors of the collection «Milestones» (N.A. Berdyaev, S.N.Bulgakov, M.O. Gershenzon, B.O. Kistyakovsky, S.L. Frank, S.L. Struve, A.S. Izgoev) concerning the transformation of Russia, and the education of a new people. The publication of this collection in Moscow in the spring of 1909 was a significant event in Russia. It criticized the materialistic worldview and political radicalism prevalent among educated youth and intellectuals. The authors - N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, S.L. Frank, B.A. Kistyakovsky, P.B. Struve, A.S. Izgoev, M.O. Gershenzon explored the following topics: intellectuals and religion, the intelligentsia and legal consciousness, intelligence and morality. In one form or another, philosophers also touched upon the actual pedagogical problems concerning the formation of the creative self-consciousness of students, their self-improvement and moral state. A turn to the issues of «Milestones» in this context is due to the fact that the famous Russian philosophers of the early XX century (N.A. Berdyaev, S.N. Bulgakov, M.O. Gershenzon, B.A.Kistyakovsky, P.B. Struve, S.L. Frank, A.S. Izgoev) proposed an accurate diagnosis of the social and moral malaise of the radical intelligentsia and educated youth, and outlined the directions of the spiritual quest in determining the creative goals of life. Despite all the differences in the outlook of these thinkers, their search was based primarily on the foundation of the spiritual transformation of a developing personality, as well as the consequences of the spiritual crisis among Russia scientists associated with the influence of family, school, the Church, environment and all social institutions. So far, the ideas expressed by the aforementioned are relevant for Russian society. This is primarily due to the unresolved nature of many economic, political and educational challenges.

Keywords: collection «Milestones», the beginning of XX century, Russian intelligentsia, spiritual search

ШУЛЬЖЕНКО ВЯЧЕСЛАВ ИВАНОВИЧ
ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, РОССИЯ
slawick.shulzhenko@yandex.ru

СУМСКАЯ МАРИНА ЮРЬЕВНА
ФИЛИАЛ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Г.В. ПЛЕХАНОВА В Г. ПЯТИГОРСКЕ, РОССИЯ
sumskaya-m@yandex.ru

Европейское путешествие на Кавказ как просветительский проект

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена интереснейшему явлению геопоэтике – поездкам на Кавказ представителей европейской науки, культуры, искусства, начавшегося с путешествия Я. Потоцкого и заканчивая в интересующий нас период блиц-визитом в Баку и Тифлис Агаты Кристи. Благодаря оставленным ими травелогам Европа гораздо лучше стала себе представлять самый отдаленную материковую часть, «свой Восток. Европейское Культурное сознание европейского человека обогатилось новым представлением о Красоте, формирование которого слито воедино с удивительным ландшафтом. Само же нахождение в пространстве Кавказе европейцев становится для аборигенов своеобразной просветительской миссией, повлиявшей не только на здешние повседневные трудовые и культурны практики, но и на русскую литературу путешествий того времени, а также на деятельность мусульманских просветителей, находившихся в эмиграции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Кавказ, геопоэтика, литература путешествий, просветительский проект, журнал «Мусульманин»

Все нараставшие с конца XYIII века поездки иностранцев на Кавказ сделали с тех пор этот самый мрачный и загадочный уголок Старого Света значительно ближе и понятливее многим европейцам и обрели, в отличие от прежде существовавших других путешествий «на Восток», совершенно иную коммуникативную интонацию, иной прагматико-культурный результат, ставящие под серьезное сомнение универсальность важнейших постулатов постколониальной теории Э. Саида и Х. Баба.

Более того, можно без особого преувеличения сказать, что Европа своим главным открытием Кавказа обязана путешественникам, вернее, оставленным ими путевым запискам, всякого рода дневникам и заметкам, дорожным зарисовкам, которые есть в высшей степени полезное чтение, способствующее не только формированию полноценных географических образов далеких земель, но и обнаружению цитат, удивительно созвучных тому, что происходит в мире в век глобалистики.

Честь открытия для образованного европейского читателя далекого, экзотического и малоизведанного Кавказа принадлежит ярчайшему представителю французского Просвещения, почетному члену Российской императорской академии наук, этнографу, историку, археологу и прекрасному литератору графу Яну Потоцкому. Его путешествие, осуществленное на собственные средства, не было вояжем в погоне за экзотикой, скорее его можно приравнять к научному подвигу. Благодаря незаурядным литературным способностям его записки предстают не столько научными сведениями, сколько литературным фактом, о чем свидетельствует высокая оценка его произведений Пушкиным. В своей поездке Потоцкий, словно с Библией, никогда не расставался с трудами Геродота, которого считал своим главным собеседником во время кавказского путешествия, ведя с ним насыщенный диалог и комментируя важнейшие его мысли. Он впервые столь активно апеллирует к документальным историческим сведениям о тогдашнем Кавказе, проявляя лишь косвенный интерес к многочисленным сказочным сюжетам и легендарным преданиям, которыми столь богата здешняя земля (хотя иногда, признаемся, увиденное он и называл «чудовищным краем»). В его записках есть описание знакового события, произошедшего в Константиногорской крепости, расположенной в конце XYIII – начале XIX века на месте нынешнего Пятигорска. Потоцкий рассказывает, как вместе с русским генералом И. Морковым он как представитель Европы принимал в ней посланников всех проживающих здесь народов. Это был словно сегмент будущего Европейского Совета, уже тогда поражавший своей многонациональностью, сложной иерархичностью и разнообразием экономических укладов.

В связи с национальной принадлежностью Потоцкого только упомянем, что он положил начало столь очевидной в истории Кавказа XIX-XX вв., весьма существенной «польской компоненте», спорной и крайне противоречиво оцениваемой до сих пор учеными разных стран. Не стоит, правда, в связи с этим забывать о вкладе его соотечественников, ранее побывавших здесь – иезуите и миссионере Тадеуше Крушиньском, «ученом-ориенталисте и путешественнике» (Казбекова 2008: 179) С. М. Броневском, о котором в одной очень популярной книге почему-то не сообщается как о правителе канцелярии при кавказском главнокомандующем князе П. Д. Цинианове и основателе Музея древностей в Феодосии, что и позволило, в конечном счете, издать в 1823 году вначале первую часть, а чуть позже и вторую книги «Новейшие Географические и Исторические Известия о

Кавказе, Собранные и пополненные Семеном Броневским». Но и после Потоцкого, уже образовавшаяся в результате различных исторических обстоятельств польская диаспора, состоявшая из учителей, студентов, ученых и военных, сыграла в культурном развитии этого края немалую роль, изучая «географию, геологию, историю, литературу, языки фольклор народов Кавказа, их быт, обычаи, психологию, национальный характер и т.д.» (Казбекова 2008: 184).

Поделимся здесь же о недавно нами обнаруженном и мало кому известном факте, рассказывающем о том, что в свое время в тогда еще советском Куйбышеве (ныне Самара) П. Нуйкин «открыл» так и не оцененную по достоинству в своей стране И. Корженевскую - автора романа «Дубовой листок». Такое название текст получил по аллюзии со знаменитым стихотворением Лермонтова «Листок», которое поэт посвятил сосланным на Кавказ полякам. В ней изложена история одного древнего польского рода, одна из ветвей которого была связана с классиком английской литературы Дж. Конрадом, а другая - русская ветвь рода - возникла не без «участия» Николая I, сославшего на Кавказ после подавления Польского восстания прадеда автора, выбившегося там в офицеры и ставшего первым в ряду потомственных офицеров, служивших России вплоть до первой мировой войны (в романе он получил фамилию Наленч). В этом сюжете не видится никакого преувеличения: например, потомок великого коронного гетмана и генерал-аншефа русской службы графа Франца-Ксаверия Корчак-Браницкого, друг Лермонтова и участник «кружка шестнадцати» будет развивать мысли о том, что историческая миссия России, объединившей славян, лежит на Кавказе и – шире на Восток.

Еще один интересный факт, требующий отдельного исследования. Первое в XX столетии истребление по этнической и религиозной причинам одной трети армянского народа в тогдашней Османской империи эхом откликнулось в польской литературе – в романе Стефана Жеромского «Канун весны». Главный герой этого романа – сын польского инженера, работающего на нефтепромыслах в Баку – стал среди прочего свидетелем революционных событий и погромов армян на Кавказе. В 40-е годы XIX века на Кавказе жил и работал польский поэт Тадеуш Лада-Заблоцкий, среди стихотворений которого есть одно с символичным названием «Растёт берёза средь Кавказских гор».

Не случайно, о поляках столь подробно и заинтересованно пишет в своем незаурядном романе «Хоровод» А. Уткин. Сам Ю.М. Лотман в своих работах приводил немало примеров соединения в русской литературе польской и кавказской тематики. Ученый подчеркивал, что типологический треугольник «Россия - Запад – Восток» имел для того же Лермонтова специфический оборот: он неизбежно вовлекал в себя острые в 1830-е гг. проблемы Польши и Кавказа. В каждодневной жизни лермонтовской эпохи один из углов этого треугольника выступал как «конкретный Запад», а другой как «конкретный Восток». Как тут не вспомнить и Льва Толстого, в повести которого «Хаджи-Мурат» один из героев, барон Ливен, произносит слова, не потерявшие до сих пор своей актуальности: «La Pologne et le Caucase, ce sont les deux cauteres de la Russie» - «Польша и Кавказ - это две болячки России» (Толстой 1987: 353).

В 1829 г. по Северному Кавказу путешествовал венгерский ученый-этнограф Янош Карой Беш. Он описал такое вот событие, которое не раз еще повторится во многих книгах о Кавказе: персидский

принц Хосров–Мирза, поднявшись на гору Машук и увидев Эльбрус и вечные снега, которые выделялись на фоне чистого сияющего неба, пожелал оставить память о своем восхождении, начертав на скале своею собственною рукой одно из знаменитых высказываний великого перса Фирдоуси: «О смертные! После нас остается только память о добрых делах, которые мы сделали. Старайтесь творить добро, и ваш покой будет безмятежным Хосров–Мирза».

Однако требуется уточнение: первыми европейскими просветителями на Кавказе все-таки следует считать членов Эдинбургского миссионерского общества Генри Брунтон и Александр Патерсон, вознамерившиеся в 1802 году «путем христианского просвещения и обучению земледелию искоренять дикие обычаи и улучшать благосостояние варварских народов» (Богачев 2016: 26), в чем им должны были всячески содействовать, согласно открытому предписанию, выданному на основании Высочайшего решения императора Александра I, все гражданские власти. Рядом с горой Бештау, на землях Султанского аула, и была основана первая европейская колония Каррас, поставившая целью путем просвещения избавить местные народы от нищеты, рабства и болезней.

Вскоре Шотландскую колонию признали самой привилегированной из всех существовавших на тот момент в России, и, по утверждению немецкого путешественника Юлиуса фон Клапрота, многие другие колонисты, прежде всего – немецкие, были готовы переехать на Кавказ. Не удивительно, что путешествующий по Кавказу в 1874 году шотландец Д.М. Уоллес встретил в Карасе всего лишь одного своего соотечественника, всеми же остальными его жителями оказались многочисленные немцы. Однако это не отменяет главного - во многом именно европейским миссионерам и начатому ими в XIX–начале XX века геоэкономическому и культурно-просветительскому освоению этих мест стало возможным появление Кавказских Минеральных Вод – самого элитарного курорта России, до сих пор достойно конкурирующего и с Карловыми Варами, и Баден-Баденом, оставаясь при этом последним европейским курортом на кавказском фронтире.

Приблизительно с того самого времени, «как А.И. Герцен стал представлять в Европе русскую политическую эмиграцию, а И.С. Тургенев - отечественную словесность» (Сумская 2007: 8), Кавказ начали посещать крупнейшие европейские писатели, деятели науки и культуры. Это стало результатом резко возросшего интереса к культуре кавказских народов, реальные знания о которых существенно возросли в начале XVIII-первой половине XIX века в связи с посещением этого края франкоязычными путешественниками. Надо отдать им должное: они не просто стали «чужими наблюдателями», они сумели убедительно написать о лично увиденном и оказались способны создать более или менее точную, хотя бы в фактографическом отношении, картину кавказских нравов. Эти произведения ценны в первую очередь искренностью восприятия, своим документальной основательностью, педантичным описанием фактов во всей их весомости и многозначности.

Кавказ стал в записках путешествующих во многом тем же, чем фронтир для американских писателей: художественным пространством, в котором человек поминутно встречается лицом к лицу с опасностью и имеет полноту свободы выбора и ответственности принятия решений.

Особо надо оговорить вклад французских женщин–путешественниц (Адель Оммер де Гекль, Лиз Кристиани, Фредирика

Фрейганг), которые совершают настоящий прорыв в прежде практически закрытую для них жанровую сферу, всецело контролируемую еще в совсем недавнем прошлом только мужчинами, Целью созданных путешественницами произведений было не только стремление поразить читателей экзотикой туземной жизни, но и сбор важнейшей научной информации для более глубокого понимания европейского мира и одновременно создание предпосылок для оказания помощи живущим здесь народам.

Созданную ими путевую литературу, указывали мы в одной из своих книг, - «вполне можно считать плодом «интеллектуального кочевничества», получившего уже в XX веке достаточно широкое распространение во Франции благодаря публикациям книг К. Уайта и основанному им же Институту геопоэтики. Важнейший для классического травелога принцип геопоэтики в самых общих чертах – увиденное путешественником сопровождается не только историко-культурным комментарием, но и его же литературными медитациями. Собственно, литература в геопоэтике понимается как вписанная в пространство, как отражение действительности, которая оказывается привязана к определенному политизированному хронотопу».

Погружается в мир кавказской жизни, чтобы всесторонне изучить ее, француженка Адель Оммер де Гекль - писательница, молодая и красивая женщина, жена геолога, сопровождавшая его в научных путешествиях и опубликовавшая свои путевые заметки, на страницах которых рассказала о своей бродячей жизни на Кавказе. Она привезла с собой на Кавказ груз современных ей эстетических и морально-философских представлений и искала их признаки в мире чуждом и опасном: «в одном из уголков Кавказа мы нашли ум, вежливость, желание нравиться, вкус к изящным искусствам – одним словом, все, что составляет очарование самых цивилизованных стран» (Соснина 2015: 70) и «удобства здесь доведены до такого совершенства, что прекрасные дамы из Москвы и Санкт-Петербурга, обычно очень томные, могут прибыть к различным источникам, не выходя из повозок». Со свойственной женскому характеру эмоциональностью она восторгается красотами природы этого «настоящего земного рая»: «скалы, нагроможденные одна на другую, как окаменевшие волны…прекрасные горы, покрытые лесами – терраса за террасой, – так до величественных вершин Казбека… Ничто из того, что я описывала до сих пор, не могло соперничать с дикими и живописными местами этой части Кавказа. Со всех сторон виднелся лишь океан пиков, конусов, холмов, пирамид, гигантские пропорции которых живо будили воображение. Кавказские Альпы с их громадными вершинами, блистающими снегами величественно вырисовывались перед глазами, и, казалось, смешивались с облаками». Знакомство с местным населением: это сторожа стад коз «одетые в бараньи шкуры и вместо посоха носящие длинные ружья на перевязи, с двумя или тремя пороховницами на поясе, придавали пейзажу особый колорит…» (Соснина 2015: 58).

«Французскую компоненту» сделала главной темой своей книги «Французы на Кавказе. Исторические и живописные путешествия XIII – XIX вв.» пятигорская исследовательница Е. Л. Соснина. Написанный ею при участии К. Лиле – профессора Каннского университета (Нормандия) – труд следует считать огромным вкладом в изучение российско-французских взаимоотношений в области культуры и искусства. Именно в ней практически впервые говориться о путешественнике Шарле Рабуле, много сделавшего для изучения кавказских крепостей. Он оставил уникальные записи об истории этого края, нравах живущих здесь народов и удивительные рисунки, ценность которых еще, к сожалению, не оценена по достоинству российскими историками.

Вслед за ними пришел черед писателей-соотечественников, самый знаменитый из которых Александр Дюма, еще до приезда стремившийся передать французским читателям свою любовь к русским гениям - Пушкину и Лермонтову. Он напишет впоследствии книгу «Кавказ», начинающуюся интригующим и многообещающим эпиграфом: «Кавказ есть история богов и людей».

Дюма прибыл в Россию в июле 1858 года вскоре после смерти императора Николая I, который не мог простить свободолюбивому французу доброго отношения к декабристам. И уже вначале ноября Дюма уже оказался на Кавказе, в легендарном Кизляре. После Кизляра и Буйнакска, он побывал в станице Шелковской, памятной наездами сюда маленького Лермонтова с бабушкой, любовался знаменитыми воротами Дербента, нефтяными огнями Баку, сакральными постройками Шамахи, живописными улочками древнего Тифлиса. Его пребывание в последнем было расценено местными интеллигентами как выдающееся событие для грузинской культуры, ибо тем самым он совершил прежде непредставимое: вписал своего культового героя графа Монте-Кристо в реалии кавказского культурного ландшафта, Не обязана ли этим грузинская литература впоследствии доминированием в ней героя, весьма напоминающего в еще недавние времена литературного кумира молодежи самых разных стран? Уже в советский период знаменитый грузинский режиссер Резо Габриадзе написал сценарий комедийного фильма «Дюма на Кавказе» - веселую фантазию об удивительном созвучии культурных ценностей наших народов.

Напоминание об этом представляется особенно важным, ибо сегодня насущную необходимость приобретает наличие и поиск общих элементов в культурах, что является фактором сближения частей этого мира. В последние десятилетия века в условиях обострившейся конкуренции культур на первое место выходит объективная оценка реформаторского потенциала той или иной культуры, ее способность к самообновлению как единственному пути достойного сосуществования людей. Если такой потенциал имеется – значит, есть предмет для диалога культур; если его нет – значит, культура или культуры обречены на столкновения. «Мощь и жизнеспособность культуры, – совершенно справедливо отмечает Г. Нижарадзе, – определяются ее динамизмом, то есть тем, в какой степени и как быстро она умеет выработать новые ценности в соответствии с изменившимися условиями» (Нижирадзе 1999: 191–192).

Возможно, поэтому Дюма, захваченному карнавальным круговоротом кавказской повседневности с ее кровным мщением, похищением невест, набегами, многочасовыми застольями, не столь интересуют собственно архитектурные памятники, в частности, религиозные сооружения, к которым, столь неравнодушен, скажем, тот же Теофиль Готье, путешествовавший почти в то же самое время по России и пришедший в неописуемый восторг от «волшебно-невероятного» Василия Блаженного: «Глядя на него, вы перестаете верить собственным глазам. Вы смотрите как будто на внешне реальную вещь и спрашиваете себя, не фантастический ли это мираж, не причудливо ли расцвеченный солнцем воздушный замок, который вот-вот от движения воздуха изменит свой вид или вовсе исчезнет».

Готье, надо сказать, вообще отправился в Россию с целями сугубо эстетическими, и он, кажется, единственный из всех упоминаемых нами путешественников, не был озабочен никакими революциями (в 1859 году-то!). Он собирался изучить Эрмитаж и другие русские музеи и собрать материал для предполагавшейся большой работы «Сокровища русского искусства».

Заметим попутно, что за Готье в пока еще не созданной типологии путешественников следовало бы застолбить место оптимиста-эстета, а вот его соотечественника маркиза де Кюстина, который проехал по тем же местам за два десятилетия до того и с которым Готье находился в непрерывной полемике, можно назвать пессимистом-демагогом, ибо ему в России все не нравилось.

Другой, не менее знаменитый кавказский путешественник – Кнут Гамсун, мысли о кавказской реальности которого оказались важнее, чем сама реальность. Вымысел — хорошее укрытие, что убедительно продемонстрировал Гамсун в своем путешествии по Кавказу в 1899 году. Его результатом стала книга «В сказочном царстве», которая есть, прежде всего, «свидетельство о впечатлениях, вызванных в его душе российско-кавказскими дорогами, такой вот своеобразный дорожный импрессионизм, возникающий благодаря игре автора в «путевые заметки», как это делал за полтора века до него Л. Стерн. Временами игра его необычайно точна, и читатель, несомненно, отличит эту точность, не вполне, правда, понимая, в чем, собственно, смысл игры. Вот, к примеру, в глухом кавказском городишке Гамсун поит умирающего барана коньяком (из стакана!), надеясь, что у животного появится спасительная испарина. В другом месте вдруг заявляет, что ему вполне по силам взвалить на себя роль этнографа Кавказа. Или в конце такой пассаж: мельком увидев одну из жен «убого горца», он уже представляет ее невероятно влюбленной в него, ведомую отныне им к свету Разума, Справедливости, Прогресса, предназначая ей роль освободительницы Кавказа» (Шульженко 2001: 313). Гамсун выступает в этих записках как истинный европейский миссионер, он ничуть не тяготится своей ролью, а его упорство и дотошность в некоторых «воспитательных» мастер-классах заслуживает восхищения и подражания.

В своем знаменитом манифесте «О бессознательной духовной жизни» он рекомендует больше внимания уделять состоянию души человека, что позволит узнать о тех таинственных процессах, которые незаметно происходят в периферийных областях сознания, о безграничном хаосе ощущений, причудливой фантазии, высвеченной нашими чувствами. Это поможет, особо оговаривал Гамсун, гораздо лучше узнать «о слепых порывах мыслей и чувств, немых и бесследных коллизиях между ними, о загадочности нервных явлений, шепоте крови, мольбе суставов» (Гамсун 1993: 301), то есть всего того, что принято называть жизнью подсознания.

Следует особо оговорить, что кавказское путешествие Гамсуна вернуло русской литературе, казавшиеся, утраченные после «Поездки на Кавказ» нашего великого драматурга А.Н. Островского очарование и мистику, тем более тот завораживающий «гамсуновский» дорожный импрессионизм, оказавшийся собственно самим русским писателям того времени абсолютно чуждым. Например, мизантропу-символисту В.Я. Брюсову, постигшему при посещении Кавказа в 1896 году огромное разочарование и даже обидевшемуся «за природу».

На Кавказе до сих пор помнят о великом

норвежском модернисте. Чтобы точнее передать образ современного Баку, талантливый писатель А. Мамедов одному из своих недавних произведений предпослал абсолютно релевантный последующему тексту эпиграф, взятый из знаменитых путевых заметок: «Баку окутан облаком пыли. Здесь все белое, известковая пыль лежит на людях и животных, она покрывает дома, окна, редкие цветы и невысокие деревья в парке. Это какой-то безумный мир, в котором все только белое. Я написал несколько букв на запыленном столе у нас в гостинице, и тут же новая пыль легла на них, и они исчезли под ней» (Гамсун 2005: 122).

Да и в самой Норвегии в связи со столетием поездки Гамсуна двое предприимчивых молодых людей Бьёрн Рюдборг и Уле Петтер Фёрланд осенью 1999 года повторили его маршрут, еще раз показав уникальность этой книги. Признанная сразу после своей публикации жанрово совершенно необычной, представляющая синтез классических путевых заметок и высокохудожественного поэтического произведения, с блестяще созданным, крайне субъективным автопортретом, она и сегодня признается многими авторами травелогов недосягаемым образцом.

Кстати, интересный след в уже упоминавшемся Тифлисе приблизительно в то же самое время оставила опять-таки европейка (!) - соотечественница Гамсуна, писательница и пианистка Дагни Юэль. Данный факт примечателен еще и тем, что благодаря европейскому путешествию меняется и гендерная составляющая в русском травелоге. Тот же А.И. Куприн, путешествуя по Кавказу и переводя при этом один из рассказов А. Франса, переживает взрыв романтических настроений, мечтает проехать на лошадях по пушкинскому маршруту с молодой женой в мужском костюме, наподобие того, в который одета на известном портрете Зинаида Гиппиус. Тем самым Куприн инициирует когда-то невозможную для классической эпохи поездку по Кавказу с любимой женщиной, одновременно предвосхищая таким образом массовые туристические променады по Военно-грузинской дороге в советское время, с непременным, по Куприну, «барашкой-марашкой», «вином-мином» и т.д.

Только упомянем здесь еще об одной легендарной личности - немецком ученом Ф. Боденштедте, который, отправляясь на Кавказ, искренне воскликнул: «Начинается мое паломничество в землю обетованную!» В результате его четырехлетнего пребывания здесь стали не только многочисленные стихи и поэмы, но и весьма популярный в Европе 60-х годов XIX века двухтомный труд «Народы Кавказа и их борьба за независимость против России», к которому сегодня столь нередко апеллируют апологеты постколониальной теории в американских университетах.

Символично, почти то же самое, что сказал Боденштедт, в самом конце XIX века произнесет его соотечественник – путешествующий по нашей стране великий поэт Райнер Мария Рильке. «Все страны граничат друг с другом, и только Россия граничит с Богом». «Все видишь в новом измерении. И понимаешь: земля велика, вода есть ещё нечто более великое, но особенно велико небо. Все, что я видел до этого, было лишь представлением о стране, реке, мире. Здесь же все в натуральную величину. У меня такое ощущение, как будто я увидел работу Творца», - говорит Рильке. Он обратил внимание и на наличие русофобии в русском обществе: «Дорогая Елена, все так прекрасно у Вас в России. Даже это само по себе отталкивающее обстоятельство, что многие русские чуждаются нынче своей родины, мечтают о заграница и подражают её по-

верхностному или недолговечному своеобразию!..» (Слепынин, 2017)

Здесь никак нельзя хотя бы вскользь не упомянуть о последнем – классическом – путешествии европейского писателя на Кавказ. Его практически молниеносно совершила уже всемирно известная Агата Кристи со своим мужем археологом Максом Маллоуном. Всегда боготворившие Восток и оказавшиеся в 1931 году в Персии, они никак не могли хотя бы краешком не задеть Советский Союз, отношения с которым их родной Британии, надо напомнить, тогда отличались крайней враждебностью. Агате Кристи тогда потрясший Баку напомнит Шотландию, но почему-то в «воскресный день».

Нам представляется, уточним уже отмеченное выше, что европейское путешествие на Кавказ стало мощным просветительским импульсом для самих горцев, о чем свидетельствует издававшийся в Париже в 1908 – 1911 гг. на русском языке «группой интеллигентных черкесов» журнал «Мусульманин», и подчеркивание интеллигентности здесь имеет особую значимость, отмечая не только образовательный статус издателей, но и их преобладающий интерес к проблематике, которая в тогдашней России воспринималась «как интеллигентская, т.е. прежде всего, просветительская» (Бессмертная 1966: 268). Уточним, что деятельность журнала была связана «с идеей реформы мусульманского образования, которая рассматривалась ими в контексте «ожидания встречи» с европейской культурой, охватившего на рубеже веков чуть ли не весь восточный, да и не только восточный, мир. Об этом абсолютно недвусмысленно говорилось в программе журнала, ставившего целью приобщить мусульман России и кавказских горцев к цивилизованным народам. Неважно, что здесь, учитывая тогдашнюю полемику вокруг «Вех», не совсем корректно употреблено слово «интеллигентные». Точнее следовало бы говорить – «просвещенные», что, естественно, не лишает сути проявившуюся в то время в мусульманском мире России тенденцию на усвоение европейской, и русской в частности, культуры. <…> Вот почему обращение к журналу «Мусульманин» актуально именно сегодня, когда такие крайние, а порой экстремистские формы принимает борьба за сохранение национальной культуры, обостряется чувство опасности из-за угрозы исчезновения родного языка. Однако, на наш взгляд, эта проблема связана не с глубинными процессами развития национальных культур, а с политической и идеологической ситуацией. Не случайно собственно культурологический аспект проблемы так мало интересует новоиспеченных национальных пророков, которые в таком разнообразии «заселили» многие произведения» (Шульженко 2001: 260-261).

Для нас бесспорно одно: большинству из путешествующих по Кавказу с середины девятнадцатого века и вплоть до 1917 года европейцев присуща руссоистская направленность мировоззрения, сформированная предшествующей эпохой Просвещения, лучшие традиции которого диктовали приоритет общественного служения над каким-либо другим. Прорыв на Кавказ предоставлял их любознательному и проницательному взору возможность наблюдать ту, еще не деформированную сформировавшей их цивилизацией, естественную человеческую сущность, о которой столь страстно писал Руссо. И вот что еще: эта была грандиозная по своим масштабам возможность, отъехав не так далеко от родины, бесконечно приумножать личные знания о сути человеческой природы, рационалистическими учениями века уже довольно сильно отягощенные.

ЛИТЕРАТУРА

Бессмертная, О.Ю. Русская культура в свете мусульманства: мусульманский журнал на русском языке, 1910-1911 / О. Ю. Бессмертная // Одиссей. – 1996. – М.: Coda. – С. 268 – 288.

Нижарадзе, Г. Мы – грузины / Г. Нижирадзе // Дружба народов. – 1999. – №10. – С. 185–227.

Слепынин, О. Только Россия граничит с Богом... [Электронный ресурс] // Русская народная линия: [сайт]. [Москва, 2017].– URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2017/01/20170105/tolko_rossiya_granichit_s_bogom/ (дата обращения: 15.12.2018).

Соснина, Е.Л. Французы на Кавказе. Исторические и живописные путешествия XIII – XIX вв. – Ессентуки: «Творческая мастерская БЛГ», 2015. – 336 с.

Боглачев, С.В. Иноземцы у Бештовых гор / Сергей Боглачев. - Ессентуки: Творческая мастерская БЛГ, 2016. – 464 с.

Гамсун, К. В Сказочном царстве: Мечты и впечатления о Кавказе / К. Гамсун. – М.: МИК, 2005. – 216 с.

Гамсун Кнут. В сказочном царстве: Путевые заметки, статьи, письма: Сборник. Пер. с норв. / Составл. Э. Панкратовой. – М.: Радуга, 1993. – С. 293-302.

Толстой, Л.Н. Собр. соч. в 12 т. Том XII С.281-397,

Казбекова, З.Г. Дагестанско-европейские литературные связи / З.Г. Казбекова. – Махачкала: ГУ «Дагестанское книжное издательство», 2008. – 476 с.

Шульженко, В.И. Кавказский феномен русской прозы / В.И. Шульженко. – Пятигорск: Изд. ПятГФА, 2001. – 366 с.

Сумская, М.Ю. Российская эмиграция в Европе: проблемы правовой, социально-экономической и культурной адаптации в 20-30-х гг. XX века: автореферат дис. ... кандидата исторических наук / Пятигор. гос. технол. ун-т. Пятигорск, 2007.

SHULZHENKO V. I.
Pyatigorsk state university, Russia
slawick.shulzhenko@yandex.ru

SUMSKAYA M. Y.
Branch of the Russian state university of G.V. Plekhanov in Pyatigorsk, Russia
sumskaya-m@yandex.ru

European Travel to the Caucasus as an Educational Project

Summary. This article is devoted to one of the most interesting phenomenon of geo-poetics – the travels to the Caucasus by the representatives of European science, culture, and art which began with Ya. Pototsky's travels and ended with a brief visit to Baku and the end of Agatha Christies travel to Tiflis. Thanks to their travelogues, Europe began to envisage a better and remote mainland, the East. The European Cultural consciousness of the European was enriched by a new idea of Beauty, the formation of which was merged with an amazing landscape. Their stay in this Caucasian became an important educational mission for Georgians themselves, affecting not only local daily labor and practices, but also the Russian literature on travel in this period, as wells as the activity of the Muslim educators who had emigrated at this time.

Keywords: Caucasus, geopoetics, literature of travel, educational project, Musulmanin magazine

SVEUČILIŠTE JURJA DOBRILE U PULI

HAPRYAL
ХАПРЯЛ
HRVATSKO DRUŠTVO NASTAVNIKA RUSKOGA JEZIKA I KNJIŽEVNOSTI
RUSKOGA JEZIKA I KNJIŽEVNOSTI
ХОРВАТСКАЯ АССОЦИАЦИЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РУССКОГО
ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

INSTITUT
PUŠKIN
PULA